

A close-up photograph of a man in a grey suit and white shirt, holding a glass of whiskey. The lighting is dramatic, highlighting his face and the glass. The background is dark and out of focus.

#1 NEW YORK TIMES AND
USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

*Are you ready
to play?*

THE GAME MAKER SERIES

THE PROFESSIONAL
KRESLEY
COLE

Новое произведение от Кресли Коул — автора бестселлеров № 1 по версии Нью Йорк Таймс — «Профессионал» — первая книга серии «Постановщик игры», эротической коллекции с главным вопросом «Как далеко ты сможешь пойти?»

Коул Кресли Профессионал

Если побежишь — я тебя поймаю. Это моя работа.

— *Александр Севастьян по прозвищу "Сибиряк" — вышибала Братвы, бывший профессиональный боксёр.*

Еду в бандитскую Россию. Вместе с извращённым вышибалой, который выглядит горячее солнца. Что может пойти не так?

— *Натали Мэри Портер, студентка-выпускница.*

Пролог

От кого: NataliePorter@huskers.unl.edu

Отправлено: Суббота, 14:51

Кому: caseworker03@russian-ancestry-DNA.com

Тема: Не держите меня в неизвестности...

Уважаемый г-н Зионов,

Извините, что снова вам пишу, но мне ужасно хочется узнать результат сравнения ДНК, которое вы обнаружили в прошлом месяце. После полугода поисков моих биологических родителей я была бы рада услышать хоть какие-то новости, даже если эта ниточка никуда не ведёт.

Я пыталась до вас дозвониться, но ваша голосовая почта переполнена. У меня недостаточно средств, чтобы начать всё сначала с новым сыщиком, так что ответьте, пожалуйста.

С уважением,

Натали Портер.

От кого: NataliePorter@huskers.unl.edu

Отправлено: Четверг, 13:14

Кому: caseworker03@russian-ancestry-DNA.com

Тема: Требуется ответ!

Уважаемый г-н Зионов,

Я начинаю беспокоиться, поэтому, пожалуйста, ответьте. Вы подарили мне надежду, что я вскоре найду моих папу и маму. Я отправлю вам всё, что у меня осталось. Всё, что угодно.

Но мне нужен ответ.

С уважением,

Натали.

Отправлено: Четверг, 13:15

Кому: NataliePorter@huskers.unl.edu

Тема: Письмо доставить не удалось

Не удалось доставить письмо по следующему адресу(ам):

caseworker03@russian-ancestry-DNA.com

Почтовый ящик переполнен

Глава 1

— Маменькин сынок. Неисправимый пикапер. Без чувства юмора. Скорострел. — Каждого входящего в студенческий бар парня я мгновенно награждала характеристикой, сообщая об этом своим подвыпившим подругам.

Я обладала сверхъестественным даром мгновенной оценки парней и была постоянным "мужчинологом" нашей компании. В чём секрет?

Я всегда сосредотачивалась только на недостатках, а парни, ну, они всегда этому соответствовали.

Девушки за столиком — несколько подруг моей соседки по комнате и парочка моих собственных — смотрели на меня словно на выступающего перед публикой артиста, местную клоунессу. Зато напитки всегда были бесплатны...

После такой недели, как у меня, соль, текила и лайм на ужин — как раз то, что доктор прописал.

Моя лучшая подруга Джессика прошептала мне на ухо:

— Аккуратней, разборчивая ты наша, не то унесёшь свою девственную плеву с собой в могилу. Как бородавку.

Только она одна знала, что я её так никому и не подарила — и почему.

— Удар ниже пояса, Джесс, — беззлобно ответила я. Меня, равно как и её, было непросто разозлить, именно поэтому мы так здорово уживались в качестве соседок.

Во всём остальном мы были совершенными противоположностями. Она была длинноногой загорелой коротковолосой брюнеткой с яркими голубыми глазами, я — невысокой, полногрудой, с длинными рыжими волосами и кожей цвета фарфоровой раковины.

Я всегда была зубрилой-трудоголиком, изо всех сил добиваясь учёной степени по истории. Накопив «хвосты» за несколько лет, Джесс, наконец-то, попыталась ознакомиться с основными курсами по своей специальности — в свободном режиме — и решила, что колледж — это "вымогательство" для "жалких уёбков". Несмотря на середину семестра, завтра она отправлялась в поездку по греческим островам со своей состоятельной семьёй.

Парни из общаги, сидящие за одним из соседних столиков, прислали нам новую порцию текилы. Мы дружно чокнулись, затем привычно лизнули-опрокинули-куснули. Текилу, не парней.

Там, где другие женщины при взгляде на этих невероятно привлекательных парней могли увидеть потенциальных кавалеров или же просто забавных партнеров на одну ночь, я видела лишь усиливающуюся мигрень. Остальные девчонки разгорячились и принялись поправлять одежду и косметику; я же просто скучала.

Но так было не всегда.

— Расскажи-ка про ребят из общаги, Нэт! — воскликнула наша подруга Полли — крепко сбитая, вскормленная кукурузой девушка из Омахи. Ферма её родителей была всего лишь в нескольких километрах от нашей. То есть, больше не нашей, поскольку в прошлом году мама её продала.

— Слишком просто, — ответила я, уже успев оценить троицу. Первый постоянно высматривал результаты спортивных состязаний по телевизору, одновременно подёргивая ногой. Второй представлял собой неопределённое пьяное недоразумение, над которым

посмеивались его собственные друзья. Причёска и одежда третьего выглядели идеально, но он регулярно проверял их состояние в зеркале за барной стойкой.

— Слева направо, а? — начала я. — Закостенелый игроман, запойный алкоголик и — как бы это сказать? — третий *недостаточно экипирован*.

Я вздохнула. Да уж, прочесть эти парней — легче лёгкого. Где же волнение? Вот она я — в том же баре "Линкольн", который посещаю всегда, в окружении тех же подруг, с которыми всегда провожу время. Завтра у меня первая смена в одном ресторане, вторая — в другом, а в понедельник — семинары, часть из которых надо посетить, а часть — провести. Всю прошлую неделю я спала в среднем по четыре часа в сутки. Что я вообще здесь делаю?

Полагаю, отосплюсь на том свете.

— Я выбрала себе жертву на вечер, — сообщила прекрасная Джесс. — Мой — плохо экипированный. — Как обычно, она одержит очередную победу и уведёт паренька к нему домой, чтобы уйти сразу, как только она с ним закончит. — Такие парни, — небрежно продолжала она, — компенсируют все недостатки своим ртом. Точно вам говорю.

— Лучше уж *тебе* быть поосторожней, Джессибел, — сказала я, — а не то заполучишь очередного прилипчивого поклонника.

— Ничего не могу поделаться со своим Бермудским треугольником, — она указала на промежность, — едва попав сюда, парни остаются надолго.

Я постучала пальцем по подбородку:

— О, а я думала, ты так называешь это место потому, что оно засасывает толпы моряков.

Между взрывами хохота она кивнула:

— Что ж, это совершенно справедливое замечание!

Это сейчас мы могли смеяться на эту тему, но мне уже приходилось сталкиваться со всеми последствиями её романов: отчаянными подарками, полуночными звонками, преследованиями.

В чём смысл всех этих страхов? Переживаний? Свидания, любовь и секс были слишком переоценены — это я постоянно пыталась объяснить Джесс. В ответ она таинственно улыбалась: "Однажды тебя огреет мешком по голове. Надеюсь оказаться поблизости, чтобы на это посмотреть..."

Когда смех стих, Полли предложила:

— Расскажи про *него*, — и махнула на дверь.

— Прекрасно. — Со скукой выдохнув — *зарабатывай выпивку, клоунесса*, — я развернулась к выходу. И обнаружила там мужчину с самой крутой внешностью, какую когда-либо видела.

Его ярко-золотые глаза выделялись на фоне густых чёрных волос длиной до плеч. Римский нос был, видимо, когда-то сломан, а обе губы рассекал тонкий, как лезвие, шрам. Боксёр?

Это не сочеталось с его дорогой одеждой: сшитым на заказ чёрным пальто и строгой рубашкой, тёмно-серыми брюками, чёрными кожаными туфлями и ремнём. Благодаря Джесс я почерпнула немало сведений о моде и научилась видеть дорогой материал. Его костюм стоил, наверное, больше, чем весь мой гардероб.

Когда он встал у стойки и заказал выпить, я увидела на одной его руке три перстня и ещё один — на большом пальце другой руки, а также крутую татуировку, краешек которой выглядывал из-под стоячего воротничка.

Высокий, стройный, мускулистого телосложения, он выглядел где-то на двадцать девять или тридцать лет, однако его лицо было уставшим, как у пожилого. Эти грубовато высеченные черты придавали ему некую суровую привлекательность, хоть и не в классическом понимании красоты.

Его окружала аура какой-то апатии, но, в то же время, он явно держался настороже. Что за чёрт? Мой внутренний анализатор мужчин дал сбой. *Исчислению не подлежит!*

Я чувствовала на себе взгляды подруг, но совершенно растерялась.

— Я... я ничего не могу сказать. — Любитель подраться или богатый плейбой или всё сразу? Кроме того, в верхних нотах ощущалось что-то европейское с явно выраженным ощущением *опасности!*

Он был словно учебник истории, написанный на неизвестном мне языке. Завораживающе.

Джесс пихнула меня в бок, и я увидела на её лице нахальную ухмылку.

— Можешь уже закрыть свой рот, шлюшка. — Потом добавила покровительственно, - Добро пожаловать в мой мир, где первые встречи всегда воспроизводятся в замедленном темпе, а песня "Наконец-то" играет без остановки.

Нет-нет, её мир был слишком беспокойным и напряжённым. Так почему мой взгляд вновь вернулся к этому мужчине?

— Экземпляр то, что надо — типа, смесь бойца без правил и модели из журнала GQ. - Джесс менять тему не собиралась. — Думаю, тёлки на него так и вешаются. Но он дважды удостоился твоего взгляда, что возводит его в ранг редких и загадочных существ и делает личным единорогом этого бара. Здесь требуется более близкое исследование, тебе так не кажется?

Я могу его расспросить, классифицировать, а потом полностью выкинуть из головы. Для этой идеи я уже достаточно опьянела.

— Так мне пойти и самой ему представиться?

Она кивнула:

— Если, конечно, ты не зассала. Так что ступай и не сомневайся ни в чём — сегодня ты выглядишь отпадно.

Стиль Джесс назывался "сексуальный гламур"! А мой? *Принимайте меня такой, какая я есть, придурки.* Но сегодня я была в узкой замшевой мини-юбке, облегающем красном топе — из коллекции топов с глубоким вырезом Джесс — и, в кои-то веки, мой лифчик не был уменьшающим.

Этот наряд возник по причине того, что вся моя обычная одежда — джинсы и водолазки — в настоящий момент находилась в переполненной корзине для белья. Сапоги-ботфорты, которые купила мне Джесс, я надела сегодня специально для неё в знак признательности.

Я встала, пригладила на плече копну вьющихся волос, потом одёрнула юбку, заработав от Джесс громкий шлепок для храбрости. Когда я проходила мимо столика парней, Плохо экипированный и Запойный алкоголик поприветствовали меня поднятием рюмок, но моей уверенности это не поколебало.

Когда я была на полпути к Крутому парню, его глаза вдруг остановились на мне. Взгляд потеплел, и в этот момент всё пространство вокруг как-то уменьшилось, согрелось. Я подавила желание подуть на себя. Впервые в жизни я чувствовала себя чуточку... *легкомысленно.*

Когда я присоединилась к нему у стойки, он полностью ко мне развернулся. С близкого

расстояния его внешность пугала и одновременно привлекала куда сильнее. Он оказался выше, чем я думала.

Его завораживающие глаза были янтарными с чёрной каймой вокруг радужки.

Обращая внимание на другие детали — ссадины на костяшках; татуировки под перстнями; гладко выбритый подбородок — я ощутила жар, исходящий от этого огромного тела. А затем впервые вдохнула его сводящий с ума запах.

Свежий, мужской, пьянящий.

Как мешком по голове.

Говори, Нэт. Мне пришлось поднять голову вверх, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Ээ, привет, я — Натали. — Я протянула ему руку. Он её не пожал. *Окей...* я сглотнула. — Могу я угостить тебя выпивкой? — Это водка со льдом? Он явно не походил на любителей "текилы-бум".

Наклонив голову, он изучал моё лицо — так же, как я изучала выражения лиц парней. И по-прежнему молчал. Может, он не говорит по-английски. В университете "небраска-линкольн" училось много иностранцев.

— Выпивка? — Я указала на его нетронутый стакан и изобразила жестом глоток.

Выражение его лица почти не изменилось, у меня создалось ощущение, что я разговариваю со стеной.

Вспыхнув, я пробормотала:

— Таааак, ладненько. Мило поболтали, приятель. — С вымученной улыбкой я повернулась к нему спиной...

На мой локоть легла мозолистая ладонь, и по сравнению с температурой его тела металл перстней на пальцах казался прохладным. От этого контакта по мне будто электричество пробежало, и я вздрогнула.

— Стой, — сказал он. Кажется, я расслышала его акцент?

— Ты из России? — Я тут же добавила, — *Zdraw-svoi-tee.*

Он всё ещё держал меня за локоть. Разве рука может быть такой горячей? Я прогнала мысли о том, как он трогает и другие части моего тела, распространяя по ним тепло...

— Значит, ты говоришь на моём языке?

В точку, он русский!

— Немножко, — довольно призналась я. Можно расспросить его о стране, чтобы узнать побольше о том месте, где я родилась! — Я посетила один-два семинара. — Или четыре. Мой руководитель требовал хорошего знания второго языка, и я выбрала русский.

Его взгляд скользил по бару, в позе читалось напряжение, он словно ожидал удара в любой момент. Потом он вновь встретился со мной взглядом.

— Из всех мужчин в баре ты выбрала меня? — Он говорил на очень хорошем английском, хоть и с сильным акцентом. — Ищешь неприятностей?

С уверенностью, которой не чувствовала, я его поддразнила:

— Может быть. — Мой голос звучал хрипло, я всё ещё не отдышалась, впервые ощутив его прикосновение. — Я их нашла?

Он посмотрел вниз и, казалось, удивился, что всё ещё держит мою руку. Резко её отпустив, он в ту же секунду пришёл в ярость.

— Нет, малышка. Не нашла. — С отвращением на лице он развернулся и пошёл прочь.

Я уставилась на дверь, борясь с замешательством. *Что это сейчас было?* Я ведь видела в его глазах интерес, разве нет?

А он повёл себя, как вампир, обнаруживший вместо меня сияющий солнечный луч.

— *Какого чёрта, ты его что, укусила?*

— *Ты оскорбила его мужественность?*

— *Дай я понюхаю, как пахнет у тебя изо рта.*

В баре я пробыла достаточно долго, чтобы вытерпеть все насмешки подруг потому, что тут было малоллюдно, и потому, что я, чёрт побери, умела сохранять хорошую мину при плохой игре. В целом я старалась не относиться к себе слишком серьёзно — в конце концов, я ведь называла себя "мужчинологом". Мой девиз "если не трахнуть, то хоть посмеяться".

Несколько тостов спустя я попрощалась и нетвёрдой походкой отправилась домой — мы с Джесс делили жильё в пяти кварталах отсюда.

Улица была заполнена толпами студентов, выпускающими пар перед началом сессии. Стояла холодная осенняя ночь, над головой висела полная луна. Я поплотнее запахнула пальто. Накануне сбора урожая воздух наполнял аромат свежескошенной кукурузы — что всегда приводило меня в восторг, ведь в сердце я по-прежнему оставалась фермерской девушкой.

Мимо, взявшись за руки, прошла очередная парочка, я посмотрела им вслед с некоторой тоской. Несмотря на мою нетерпимость к мужчинам и их проблемам, я бы не отказалась от перспективы быть согретой кем-нибудь этой зимой.

Тем, кто, заметив, что мои руки замёрзли, обхватил бы их своими ладонями.

Не думай о русском, не думай...

Слишком поздно. Конечно, я не воображала, что буду разгуливать по кампусу под ручку с парнем вроде него. Но, всё-таки, было в нём *что-то такое...*

Внезапно я почувствовала, что за мной следят. Проведя ладонью по затылку, я быстро осмотрелась вокруг. Но улица была заполнена лишь студентами, которые толпились у входов в бары.

Наверное, это действие текилы. Или стресс после сумасшедшего расписания этой недели. Что до безопасности, то единственной пугающей штукой в кампусе была его смертельная скука.

Страхнув с себя это тревожное ощущение, я достала из кармана мобильник и проверила почту. От Зиронова — ничего. Я начинала подозревать, что этот сыщик меня надул. Не в первый раз меня грабили представители этой братии. Похоже, я зря спустила свои чаевые за целый год на этого ДНК-кретина.

Было письмо от мамы, которая волновалась и спрашивала, почему это я так много работаю. Если она прознает о моём расследовании, то воспримет это слишком близко к сердцу, а новых осложнений в наших отношениях нам как раз не нужно.

Дойдя, наконец, до дома, я прошла по длинной дорожке, проложенной через наш большой двор. Мы жили в милом бунгало середины прошлого века, которым владели родители Джесс. Она называла его "Дыргало", что являло собой идеальное свидетельство уровня её зрелости.

Войдя в дом и сбросив по пути пальто, я прошла на кухню, где меня ждал охлаждённый Гейторейд — моё секретное противопохмельное средство.

Услышав снаружи какой-то звук, я прокричала, не отрываясь от холодильника:

— Джесс, это ты? — Мой голос звучал *пьяно*. — Чё вернулась? — Может, её впервые

отфутболили? Мы могли бы вместе погрустить по этому поводу.

Ответа не было. Я пожала плечами — «Дыргало» производило шум и стоны похлеще любого порнофильма.

Я закрыла холодильник. Половина дверцы была увешена глянцевыми картинками из модных журналов Джесс. А на моей половине висели открытки. Она отправляла их из каждого места, которое посетила во время каникул. И хотя у меня всегда было открытое приглашение от её семьи и огромное желание путешествовать, я постоянно оказывалась загружена работой. И никогда не бывала дальше Среднего Запада.

Я никогда не видела морского побережья, не говоря уж об Эйфелевой башне.

Если бы я получала доллар всякий раз, когда смотрела на эти открытки с обещанием самой себе "Однажды...", то не работала бы сейчас на трёх работах.

Приняв дозу Гейторейда, я, покачиваясь, отправилась в свою комнату, завязывая волосы в узел, чтобы принять ванну. Когда, минуто спустя, я погрузилась в горячую воду, меня накрыло новой волной пьяного разочарования.

После того, как мой первый опыт съёма размазал меня по стенке, я задумалась, почему парни продолжают увиваться за девушками, несмотря на постоянный риск нарваться на отказ. Те мужчины, которых я отвергла — ударил ли мой ответ по их "моджо"?

Чего я не могла понять, так это почему русский так внезапно разозлился. Что, чёрт возьми, во мне было такого отталкивающего? Конечно, я не была такой красоткой, как Джесс, но мужчины всегда обращали на меня внимание с тех пор, как я отрастила грудь.

Я с любопытством скользнула ладонями вдоль ног. Они были подтянутыми от беготни во время обслуживания столиков, а руки — стройными от постоянного таскания подносов.

Ладони обвели контур бёдер. Которые, признаться, были широки, зато талия — стройной. А груди? Довольно большие, они покачивались в воде, и коралловые соски как раз чуть выступали над поверхностью. Всё моё оборудование сегодня было выставлено на обозрение, а этот русский даже не удосужился дважды на него взглянуть.

Что, если бы я *не вызвала* у него отторжение? Что бы я чувствовала, если бы его грубые ладони массировали мою грудь? Я опешила оттого, какой вспышкой возбуждения пронзила меня эта мысль. Мои соски напряглись. От накатившей на них воды у меня перехватило дыхание.

Я говорила с ним менее пары минут, смотрела на него всего минут десять, но за это время он успел так сильно на меня подействовать?

Да к чёрту — он может меня презирать сколько угодно, это не остановит моих фантазий о нём. С мысленным "пошёл ты, русский" я потянулась к промежности, представляя себе его широкие плечи, квадратную челюсть, его рот. Эти полуприкрытые золотые глаза.

Даже сквозь воду я чувствовала, насколько скользкой стала моя киска, мой палец скользнул вдоль складочек, раскрывая их. Дотронувшись до клитора, я обнаружила, что он набух и стал супер-чувствителен.

Вздыхая от желания, я стала поглаживать его круговыми движениями. Мои веки закрылись, а колени раскинули по обе стороны ванны. Свободной рукой я гладила грудь, потирая соски большим пальцем...

Я размышляла, не достать ли мне один из моих верных вибраторов. Но потом, представив, как русский целует моё тело, опускаясь всё ниже с этим обжигающим выражением на лице, я поняла, что не дотяну.

И хотя ни с одним парнем я не доходила до такого положения, я ясно увидела темноволосую голову русского у себя между бёдер в тот момент, когда он начал меня лизать. Новое движение пальцев — и я дёрнулась в воде, задыхаясь. Я буду ощущать его твёрдые губы на своей влажной плоти, когда он станет ласкать меня языком. Он захочет, чтобы влага из меня просто стала сочиться, и я уступлю.

В этих фантазиях мой клитор пульсировал не от собственного пальца, а от движений его жадного языка.

Когда я напряглась перед оргазмом, каждый сантиметр моего тела, казалось, вжался сам в себя, словно звезда, готовая взорваться. Ладонь, скользнувшая по набухшим соскам, вызвала новый залп ощущений. Уже близко, всего лишь пара движений... Я приоткрыла глаза, чтобы посмотреть, как моё тело забьётся в оргазме. Краешком глаза, что-то странное... сквозь пар, мне показалось, что я вижу русского.

Стоящего в дверном проёме и наблюдающего за мной своим воспламеняющим взглядом.

Широкая грудь вздымалась, зубы были стиснуты.

Мышцы напряжены так, словно он собирался броситься на меня.

Я попыталась прищуриться сквозь облако пара. Конечно же, это игры моего затуманенного разума. Я что, *настолько* пьяна? Я была на грани оргазма, пальцы на ногах уже подгибались. Когда я встретилась с его завораживающим воображаемым взглядом, мой коварный пальчик решил ещё раз скользнуть по клитору движением, бросающим в дрожь.

Он резко выдохнул, сжимая и разжимая огромные кулаки. Желание схватить и сожрать меня по кусочку было написано на его лице.

Уже близко... Потом я осознала, что он действительно стоит в дверях моей ванной.

Русский вломился в мой дом и следил за мной, словно какой-то маньяк!

Я резко дёрнулась, набирая в лёгкие воздух, чтобы заорать, но он оборвал меня:

— Прикройся, Натали. — Грубый голос, нахмуренные брови. — Нам надо поговорить. — Выругавшись по-русски, он вышел вон.

Прикрыться? Поговорить?

Преследователи-маньяки не говорят подобную хрень!

Я была так сбита с толку, что даже не могла завизжать. Рот открывался, но наружу не выходило ни звука. Выбравшись из ванны, я обернула вокруг себя полотенце. Несмотря на всю неразбериху, когда махровая ткань коснулась напряжённых сосков, мне пришлось резко вдохнуть.

Поискав вокруг что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие, я схватила крышку туалетного бачка, установив её на плече, как бейсбольную битку. Из безопасного пространства ванной я крикнула:

— Не знаю, что ты забыл у меня дома. Но ты должен уйти немедленно. Или я позвоню в полицию!

— Меня послал твой отец, — ответил он из моей комнаты.

Я покачнулась, а моё импровизированное оружие дёрнулось. Учитывая его русский акцент — и период времени — я знала, что он говорит о моём биологическом отце. И всё же ответила:

— Мой отец умер шесть лет назад.

— Ты знаешь, что я говорю не о нём.

Тогда я затараторила:

— Что тебе о нём известно? Кто ты такой? Почему ты вломился в мой дом?

— Вломился? — Фыркающий звук. — Ключ лежит под пластмассовым камнем. Заходи кто хочет, — ворчливо добавил он. — Твой отец — важный и состоятельный человек. Он поручил мне быть твоим новым телохранителем.

— Телохранителем! *Зачем* мне телохранитель?

— Любой член семьи с десятизначным доходом, — тут я ахнула, — нуждается в защите.

— Говоришь, он — миллиардер? — Это что, розыгрыш? Может, это в рублях.

— Верно. Его имя — Павел Ковалёв. Он лишь недавно узнал о твоём существовании от сыщика, которого ты наняла.

Вот я и узнала имя своего отца.

Только чрезмерное любопытство побудило меня выяснить имена моих биологических родителей. Потом мне пришло на ум, что это любопытство я унаследовала *от* них.

Потом я представила себе мужчину и женщину в возрасте примерно сорока лет, погружённых в постоянные размышления о ребёнке, которого двадцать четыре года назад они оставили в русском приюте. Эта мысль побудила меня устроиться на ещё одну работу и начать бесконечные поиски. Я это делала не только ради себя, но и ради *них*.

Но он не знал о моём существовании? Я нахмурилась.

— Мой сыщик? Зионов? Он не отвечал ни на мои письма, ни на звонки.

— Его предупредили, что теперь мы сами будем всем заниматься.

— О. — *Спасибо за информацию, кретин*. По крайней мере, меня не надули в очередной раз. Наоборот, мне... повезло.

После шести лет поисков.

Меня закачало от шока — и выпитой текилы.

Я вернула крышку бачка на место, пока она не обрушилась на меня, словно мультяшная наковальня.

— Если ты — мой телохранитель, то зачем смотрел на меня в ванной? — Я натянула розовый халат, поспешно заменив им полотенце. — А?

Молчание. Когда я не слышала *ничего*, то ощутила всплеск паники, неужели этот мужчина — новый источник ответов, униматель моего любопытства — исчез так же быстро, как появился?

— Ты тут? — Пытаясь не думать о том, насколько короток мой шёлковый халат — и за каким занятием он меня только что застал — я высунула из ванной голову; никаких признаков его присутствия. Поэтому я медленно прокралась в свою комнату. — Ты не ответил на вопрос. Эй, что ты делаешь в моём шкафу?

Он вышел из встроенного гардероба.

— Где твой чемодан?

— При чём тут это? — У меня не было настоящего чемодана. Для университета я паковала вещи в корзины для белья и коробки.

Он окинул меня взглядом, задержавшись на определённых частях тела. Потом, словно очнувшись, он схватил мою вместительную сумку для книг, вытряхивая все библиотечные экземпляры на пол. «История сексуальности», «Границы Эроса», «Жало во плоти».

— Какого чёрта, русский? — Если он и заметил названия — моим основным объектом изучения была история женщин и пола — то они его не заинтересовали.

Когда он кинул опустевшую сумку в мою сторону, я едва смогла её поймать.

— Собери только самое необходимое. Всё остальное будет тебе предоставлено.

С открытым ртом я уставилась на сумку, потом вновь подняла взгляд.

— Я ничего не стану делать, пока ты не скажешь, куда, по твоему мнению, мне предстоит отправиться. И почему всё это не может подождать до завтра. Кто знает, может, ты торговец людьми!

— И, стало быть, *так* я работаю? — Он нетерпеливо и удивлённо вздохнул, словно никто никогда прежде с ним не спорил — словно он проделывал то же самое с сотней других девушек, и каждая из них начинала собираться со словами «Да, сэр».

— Меня зовут Александр Севастьян. Зови меня Севастьян. — Будто русское произношение имени Себастьян. — Уже несколько десятков лет я работаю на твоего отца. Ковалёв очень хочет с тобой встретиться. — И добавил, будто про себя, — никогда не видел у него такого страстного желания.

— Как он может быть уверен в том, что я — его дочь? Зиронов мог ошибаться.

— *Нет*. — «Нет» — было жёстким «нет», «нет» — мягким. — Ты переслала ему образец твоей ДНК. У Ковалёва уже был приготовлен собственный. Ошибки нет.

— Если он так хотел со мной встретиться, то почему не приехал сам? Почему просто не позвонил?

— Как я уже сказал, в России он — очень важный человек, и в настоящий момент занят рабочими вопросами, с которыми не справится никто, кроме него. Он мне всецело доверяет. — Севастьян переместился к окну в спальне и посмотрел на улицу между створок жалюзи с той же настороженностью, которую я заметила в нём ещё в баре. — Если ты соберёшь сумку и сядешь со мной в самолёт, то он встретит тебя в своей резиденции в Подмосковье менее чем через четырнадцать часов. Это желание твоего отца — и я *собираюсь* его исполнить.

Может, мой анализатор мужчин и молчал, как рыба, но детектор уровня чуши по-прежнему показывал, что всё в порядке; вопреки всякой логике, я начинала этому парню верить.

Однако реальность напомнила о себе.

— Но у меня завтра рабочая смена. — Которая мне уже не понадобится, если мои поиски *окончены*. — И занятия! — Как только слова слетели с моих губ, я почувствовала себя глупо. Что этот высокий татуированный русский знает о высшем образовании в Небраске? Не всё ли ему равно?

Тем удивительнее был его ответ:

— Мы понимаем, как важна для тебя учёба. Но твой отец хочет, чтобы ты поехала в Россию сейчас. Не в следующем месяце и не на следующей неделе. Мы уезжаем сегодня.

— Он всегда получает всё, что хочет?

— Непременно. — Севастьян взглянул на свои дорогие с виду часы. — Наш самолёт взлетает через час. По дороге в аэропорт я расскажу тебе больше.

Аэропорт? Самолёт? Я никогда не была в самолёте. А сейчас получается, что я могу оказаться в России меньше чем через день. *Не думай об открытках, не думай...*

Даже Джесс никогда не была в России!

Потом я выпрямилась.

— И всё-таки, что за спешка? А главное — у меня нет паспорта! Как я попаду без него в Москву?

— Я разберусь с этим. Не проблема. — Севастьян выключил лампу на прикроватном столике, и комната погрузилась в полумрак.

— Как это не проблема? — Тагуировки на его повреждённых пальцах зародили во мне смутное сомнение, но я попыталась его отогнать. *Нет, это невозможно...*

— Я понимаю, что это непросто принять. Но сейчас всё для тебя изменилось, Натали. Некоторые правила... больше не действуют.

Я расправила плечи.

— Не пойдёт...

— Давай, я упрощу ситуацию, — прервал меня он. — Я выйду из этого дома через пять минут. И либо ты выйдешь со мной, собранная и одетая, либо покинешь дом в этом халате... - его пронзительные глаза пробежались по мне и соскам, проступающим под шёлком, — ... либо переброшенная через моё плечо. Выбор за тобой.

Мой рот открылся. Его тон и поведение не оставляли сомнений в том, что он совершенно серьёзно собирался меня похитить. Этот телохранитель рублёвого миллиардера собирался выполнить свою работу — точка. И всё же я решилась на ещё один вопрос.

— Почему ты ничего не сказал о моей матери?

Он прищурился, и я снова почувствовала, что немногие осмеливались давать ему отпор.

— *Четыре* минуты.

Я скрестила руки на груди.

— Я не могу под это так просто подписаться, Севастьян. Не могу, не получив ответы.

— Я пообещал, что эти ответы ты получишь в дороге.

Худший вариант: если мне не понравится то, что он скажет, то я сбегу от него в аэропорту, прямо в руки сотрудников безопасности.

Севастьян подошёл ко мне. Мягкий свет сглаживал его жёсткие черты. Они были почти слишком мужественными. Вдобавок к сильной широкой челюсти чуть искривлённая носовая перегородка придавала ему жуликоватый вид. Но в целом, окутанный этой аурой опасности, он выглядел невероятно привлекательно.

— Ты должна мне довериться, зверек, — сказал он и протянул руку, чтобы нежно ущипнуть меня за подбородок. От этого прикосновения моё тело вновь наполнилось ошеломляющим теплом. Это всего лишь действие алкоголя, уверяла я себя, либо моральное истощение. Или неудачное принятие ванны.

— Знаешь, я не собираюсь причинять тебе вред, — пробормотал он. — В противном случае я бы ещё раньше увёл тебя из бара, чтобы где-нибудь уединиться. — От этих слов моё дыхание стало прерывистым. — Разве ты не пошла бы со мной?

В — мгновенье — ока.

Он наклонился, чтобы прошептать мне на ухо:

— Правильно, *Наталья*. Ты бы пошла, куда бы я не повёл.

— Ээ... — Я всё ещё приходила в себя от этого хриплого голоса, произнёсшего моё имя, как вдруг ощутила его тёплое дыхание. Боже, его губы скользнули по моему уху? Если его запах и тепло волновали меня, то от этого лёгкого прикосновения у меня подкосились ноги.

Он отстранился с непроницаемым выражением лица.

— Так почему бы тебе не перестать вести себя так, словно ты уже не решила отправиться со мной?

— П-простите?

— Ты всё решила, как только услышала слова «Россия», «отец» и «ехать». — Его рот вытянулся в узкую линию, отчего этот тонкий, как лезвие, щрам побелел.

— Всё было совсем не так...

— Время вышло, зверек. — Он наклонился, обхватывая рукой мою задницу, и закинул меня на плечо.

— ОПУСТИ МЕНЯ ВНИЗ! — визжала я, извиваясь на плече этого неандертальца, пока он шёл через парадную дверь на улицу. Холодный воздух развивал мой халатик, касаясь кожи в непривыкших к этому местах. — Ты не можешь этого делать!

Хватка на заднице усилилась.

— Как раз делаю, — сообщил он будничным тоном; у него даже дыхание не сбилось.

Новый раунд бесплодных попыток вырваться.

— Пожалуйста, опусти меня. Мы вернёмся в дом, — я *сбегу*, — и я соберусь, как ты мне говорил.

По тротуару нам навстречу приближались трое парней — огромные амбалы в клубных куртках. Футболисты спортивного клуба Хаскер! Они остановились и вытаращились в нашу сторону.

Вися вверх тормашками, чувствуя, как к голове приливает кровь, я уже открыла было рот, чтобы заорать о помощи — но потом заколебалась. Поверила ли я всему тому, что рассказал мне Севастьян? Я оказалась под опекой властного засранца-телохранителя — или же меня похищали? Если я заору, то качки надерут Севастьяну задницу, а это не поможет мне очутиться в России...

Но это решение, впрочем, как и предыдущее, вырвали у меня из рук. Севастьян развернулся к ним лицом, медленно покачав головой. То, что эти трое огромных футболистов увидели в его взгляде, заставило их быстро ускориться и *зашагать в другом направлении*.

Когда они испарились, от разочарования я стукнула Севастьяна по спине, внезапно нащупав кобуру. У него был пистолет! Но времени, чтобы осознать этот факт, уже не было, потому что меня впихнули на пассажирское сиденье роскошного «Мерседеса».

Как только он захлопнул дверцу, я тут же потянула ручку изнутри, но он успел щёлкнуть замком, заперев его с помощью брелка.

У своей двери он сквозь окно бросил на меня предостерегающий взгляд. Он знал, что придётся отпустить кнопку запираания дверей, чтобы сесть за руль, таким образом, у меня появится шанс на побег. Игра «открой-закрой». Я прекрасно успею, у меня рефлекс как у хищника...

Блин! Он открыл свою дверь, затем заблокировал все замки до того, как я успела открыть свою!

Он поместил внутрь своё большое тело.

— Удачи в следующий раз.

— Это похищение!

— Я рассказал тебе о своих намерениях. Дал тебе время. — Он завёл двигатель и отъехал от тротуара. — Пойми, Натали, я делаю ровно то, о чём предупреждаю. Всегда. — Он плавно входил в один поворот за другим, словно знал этот город лучше меня. — И сейчас я предупреждаю, что доставлю тебя к отцу в Россию целой и невредимой.

— И как ты собираешься провести меня сквозь службу безопасности в аэропорту в таком виде? — Я махнула рукой на свой халатик. — У меня даже нет сумочки!

— Мы едем в частный аэропорт. И к тому времени, как мы приземлимся в Москве, новую одежду тебе привезут к самолёту.

Новая одежда? К самолёту? Он серьёзно?

Его взгляд задержался на моих ногах, на полуголых бёдрах. И под этим тёмным взглядом моя кожа вспыхнула. Я никак не могла забыть, как он смотрел на меня в ванной.

Словно голодный хищник на нежную лань.

Словно я была добычей для его удовольствия. Я вздрогнула.

— Ты замёрзла? — спросил он. — Ты выглядишь... озябшей.

Озябшей? О. Потому что мои соски по-прежнему торчали. Да, я замёрзла, но помим этого моё тело страдало от последствий неудавшейся мастурбации. Я была так близко, практически дошла до конца...

В каком-то роде я именно так себя сейчас и ощущала. Напряжённую, натянутую, мою кожу покалывало всякий раз, когда он на меня смотрел.

Когда я ничего не ответила, Севастьян включил обогрев, и мою грудь с гиперчувствительными сосками начало обдувать потоками тёплого воздуха. Я чуть не вскрикнула, ощутив под задницей подогрев сиденья. В тесноте машины я вновь почувствовала его крышесносящий запах.

Чересчур сильная стимуляция. Ему видно, что я дрожу?

Когда мы выехали на шоссе, ведущее к выезду из города, и машина разогналась до ста двадцати километров в час, он приказал:

— Пристегнись.

Его тон мне совсем не понравился, работая официанткой, я часто слышала что-то подобное.

— А то что? — я прищурилась. — И ты правда назвал меня тогда *зверьком*?

— Если я говорю тебе что-либо сделать, в твоих интересах подчиниться, зверек. — Без предупреждения он протянул руку и защёлкнул мой ремень, грубо задев мою грудь локтём и наполнив мой нос своим запахом. Я поёжилась на горячем сиденье, чувствуя, что этот самоуверенный мужчина меня ослепил.

Я вспомнила, как однажды меня задержали за пьянство в публичном месте после футбольной игры; мысленно я приказывала себе собраться и прийти в себя, чтобы отговорить полицейского от выписывания мне большого штрафа. *Перестань бубнить, Нэт, и отвечай славному офицеру! Не ОЦИФЕРУ, идиотка! Не смей хватать его блестящи значок, не смей... ЧЁРТ, НЭТ!*

Именно так я себя сейчас и ощущала: под воздействием.

Воздействие, которое оказывал на меня Севастьян, я стряхнуть не могла. Я испытывала к нему какое-то ошеломляющее притяжение, какую-то необъяснимую связь.

Какой бы дурацкой эта идея не была, я продолжала желать — метафорически — потрогать его значок.

Нет-нет-нет, надо сконцентрироваться на получении информации.

— Ты держишь свои обещания, Севастьян?

— Только тебе и твоему отцу.

— Ты обещал мне ответы.

Его руки сжались вокруг руля, в кожаную оплётку впились эти сексуальные перстни.

— Как только мы сядем в самолёт.

— Почему не сейчас? Я должна узнать про родителей.

Он не удостоил меня ответом, лишь продолжал с прежней настороженностью вглядываться в зеркало заднего вида.

Я вспомнила, как он всматривался в улицу сквозь жалюзи в моей спальне.

— Что за паранойя? Мы в Линкольне, штат Небраска; самое ужасное происшествие здесь — это когда русский засранец похитил ничего не подозревающую студентку — в халате.

Цифры на спидометре продолжали увеличиваться...

— За нами... за нами следят?

Новый взгляд в зеркало.

— Сейчас — нет.

— Отсюда следует, что следили раньше — или будут потом? — Это было слишком ненормально. — Мне грозит какая-то опасность? — Вопросы о родителях и моём прошлом померкли перед перспективой ближайшего будущего.

Он неохотно ответил:

— Всегда есть опасность похищения ради выкупа.

Я прищурилась.

— На это я не куплюсь. То, что ты сейчас назвал — прозвучало как *постоянная* опасность или теоретическая. Тем не менее, ты вломился в мой дом и потребовал, чтобы мы уехали через пять минут, значит, опасность была *реальной*. Так что случилось за время времени между нашей встречей в баре и твоим появлением у меня дома?

Косой взглядом.

— Думаю, интеллект ты унаследовала от отца.

— Отвечай. Что произошло?

— Позвонил Ковалёв и приказал посадить тебя на самолёт. Значит, считай, это уже сделано.

Меня поразила внезапная догадка.

— Как долго ты меня охраняешь, Севастьян?

— Недолго, — попытался увильнуть он.

— Как — долго?

Он дёрнул своими широкими плечами.

— Чуть дольше месяца.

А я ни о чём не подозревала.

— Ты следил за мной? Следил за мной всё это время?

На его челюсти дёрнулся мускул.

— Я *присматривал* за тобой.

Значит, он изучил меня лучше, чем я думала. Что мог подумать обо мне такой мужчина?

Когда с шоссе он свернул на слабо освещённую дорогу, я воскликнула:

— Стой! Куда мы едем! Там нет аэропортов! Даже запасных.

— Мне пришлось назначить альтернативное место взлёта.

Альтернативное? Себе я пообещала, что если ответы мне не понравятся, то я сбегу прямо в руки службы безопасности. Ответов я почти не получила, и насчёт побега к сотрудникам безопасности тоже были серьёзные сомнения.

Через несколько километров он свернул на грязную просёлочную дорогу, которая пролегла сквозь кукурузное поле. Мы ехали и ехали, пока впереди не показалось нечто, похожее на взлётно-посадочную полосу для сельскохозяйственных самолётов. На одном конце полосы ждал самолёт, мигая огнями и выпуская в ночное небо жар работающих двигателей.

Чтобы отвезти меня в Россию. Это всё... по-настоящему.

Севастьян припарковался рядом с самолётом, но свою дверь не открыл.

— Я понимаю, что у тебя есть вопросы, — мягко произнёс он. — Как только мы взлетим, я отвечу на все. Но поверь, Натали, ты не пожалеешь об этом шаге. Тебе очень понравится новая жизнь.

— Новая жизнь? — фыркнула я. — О чём ты говоришь? Так уж случилось, что мне нравится моя прежняя жизнь.

— Правда, зверек? Ты искала его, — сказал Севастьян. — Неотступно. Что-то тобой руководило. — Я отвела взгляд, не в силах с этим спорить. — А теперь тебе больше никогда не придётся работать, ты сможешь купить всё, что пожелаешь. Сможешь путешествовать по миру, увидеть все места с этих открыток на холодильнике.

Моя мечта.

— Это всё нужно хорошенько обдумать, а я не люблю принимать решения под давлением.

— Ты удовлетворишься, если я скажу, что Ковалёв — хороший человек, который хочет наверстать все те годы, которые вы провели в разлуке?

— Если бы мы поменялись ролями, ты бы сделал этот шаг?

Он с лёгкостью кивнул.

— Когда я только начал работать на организацию Ковалёва, я верил, что моя жизнь с его помощью улучшится. И ни разу не пожалел о своём решении. — Должно быть, он видел, что всё ещё не убедил меня. — Просто побудь здесь.

Он вышел из машины и широкими шагами направился к самолёту. Пилот — высокий мускулистый блондин в форме — встретил его на нижней ступеньке и принялся что-то быстро говорить, яростно жестикулируя.

Я услышала голос русского, но сквозь шум двигателей слов разобрать не могла.

Чисто по привычке я рассматривала мужчину, отмечая, что его поношенный ремень затянут ту же обычно. А туфли — тщательно отполированы. Последствия недавней болезни? Длительное бездействие? Потом я увидела его руки и такие же татуировки, которые покрывали пальцы Севастьяна.

Я больше не могла отмахнуться свои подозрения. Я очень долго изучала свою родину, чтобы достаточно узнать о Русской Мафии — и их пристрастия к таким татуировкам.

В самом деле, какова вероятность того, что русский миллиардер *не будет* хоть как-то связан с организованной преступностью? Уже не говоря о том, что Севастьян меня похитил, чтобы тайно вывезти — без паспорта — из страны?

Значит, я сэкономила, вкалывала и искала только ради того, чтобы оказаться связанной с бандитами?

Пилот по-прежнему говорил и жестикулировал. Мои мысли по-прежнему неслись галопом.

Потом Севастьян молча сделал один угрожающий шаг вперёд и пилот отступил, подняв руки.

Единственный шаг внушил страх этому большому пилоту. Может, Севастьян бы справился и с теми тремя футболистами. Потому что был опасен.

И хотел затянуть меня в свой мир.

Следи логической цепочке, Нэт. Если Ковалёв входит в мафию, значит, из этого ночного путешествия на родину ничего хорошего не выйдет.

Думала ли я, что нахожусь в опасности? Может быть. Могла ли доверить Севастьяну свою защиту? Не более чем могла доверить её себе.

В этот момент я решила *отклонить* эту «новую жизнь», которую мне предлагал какой-то незнакомец на другой стороне земного шара. Если Ковалёв хотел со мной поговорить, то мог бы снять трубку!

А Севастьян? Я по-прежнему чувствовала к нему ошеломляющую тягу и какую-то странную связь. Но заставила себя не обращать на это внимания.

Пока он был занят, я приоткрыла дверь и выскользнула наружу. Потуже затянув халат, я прокралась в направлении кукурузного поля. Естественно, в ту единственную ночь, когда мне нужно было сбежать от бандитов, в небе ярко светила полная луна. По крайней мере, поле обеспечит защиту. В это время года перед сбором урожая кукурузные стебли были высокими и густыми, с большими широкими листьями.

Почти добралась. Из рта шёл пар. Почти...

— Натали, — закричал Севастьян, — не убегай!

Я перешла на бег, устремляясь в заросли.

Кукурузные стебли хлестали меня по лицу, путаясь в моих волосах. Босые ступни вдавливались во влажную землю.

Смогла ли я получить фору? Он уже преследует меня?

— Прекрати, Натали!

Я вскрикнула. Боже, он очень быстрый. Если раньше я только чувствовала себя добычей, то сейчас я действительно в неё превратилась. Этот человек гнался за мной, намереваясь поймать! Я углублялась всё дальше в заросли, набирая скорость...

Секундой раньше я мчалась на полной скорости, секундой позже — взлетела в воздух. Он набросился на меня, схватив за талию. В последний момент он перевернулся в воздухе, приняв удар на себя, ломая стебли.

— Чёрт возьми,пусти! — я пыталась с ним бороться. Всё равно что вырваться из стальных тисков.

Не успела я и глазом моргнуть, как он перевернул меня на спину, уложив на подстилку из листьев.

— Отвали! — я колотила по его груди кулаками.

Огромный и яростный, он втиснулся у меня между бёдер, прижав оба моих запястья одной рукой.

— Никогда больше не убегай от меня. — Падающий сверху лунный свет подсвечивал его жёсткие черты. Он, казалось, укротил свою ярость, взяв эмоции под жёсткий контроль.

— Пусти!

Сквозь знакомый запах влажной земли, кукурузы и прохладной ночи я различала и его запах: агрессии и грубой мужественности. Рубашка на нём распахнулась, и на его теле я заметила краешек очередной татуировки.

— Севастьян, отпусти меня. *Пожалуйста.*

После этих слов хватка на моих запястьях самую малость ослабла.

— Я не хочу причинять тебе боль, — сказал он мёртвым голосом. — Только защищать. Под этой непроницаемой маской явно творилось многое, но я ничего не могла прочесть.

Выступающие скулы в лунном свете подчёркивали его изящные щёки. Доходящие до плеч волосы сверкали, слово вороново крыло. Развивающиеся на ветру пряди почти гипнотизировали.

— Ты должна оставаться со мной, — сказал он, не сводя взгляд с моих губ, нахмутив брови. Казалось, он изо всех сил пытался противостоять желанию меня поцеловать.

Поцеловать? Что тут происходит? Замешательство ослабило мою панику; я не могла во всём разобраться — потому что никогда не оказывалась раньше в такой ситуации.

В эротической ситуации, которую я не контролировала.

Я впуталась в опасную игру с таинственным незнакомцем, но страха я не испытывала. Я чувствовала... ожидание. И, судя по всему, отсутствие контроля, лишь усиливало это чувство.

Опасность меня завела? Напряжение между нами стало видоизменяться; мягко, словно при переключении передач, моё замешательство превратилось в жар. Я даже не подозревала, что способна на это! *Кто я такая?*

Опустив взгляд, я заметила у него в брюках тёмный бугор. Он не был ко мне

равнодушен! Может, он и оттолкнул меня в баре, но скрыть свою рвущуюся на волю эрекцию сейчас не мог.

Возбуждение от этой картины затуманило мой мозг. Я слышала выражение «отупела от страсти». Как раз мой случай.

— Севастьян? — Меня пронзило чувство единения. Желание, страсть и что-то ещё. — Что тебе от меня нужно?

Молчание. Я слышала только его дыхание.

В этой позе он мог в одно мгновение расстегнуть ширинку и оказаться у меня внутри, впечатывая в землю. Как животные в грязи.

Он. Внутри меня. Здесь.

Одна эта мысль вызвала в моём теле такую дрожь, что я могла позволить ему делать со мной всё, что ему вздумается. Уровень моего возбуждения начинал нервировать сильнее, чем вся эта ситуация в целом. С ним я теряла контроль, нужно убраться отсюда подальше!

Я резко покачала головой.

— Ты сейчас же отпустишь меня. — Извиваясь, я зарывалась босыми пятками в землю, чтобы вырваться из его хватки. Может, получилось отползти на двадцать-тридцать сантиметров.

Он смотрел на меня как на умалишённую, которая пыталась дать ему отпор. Так почему мне не было страшно? Нет, я была *в ярости* — на него и на своё неподконтрольное тело. Новая попытка оттолкнуться пятками.

Свободной рукой он обхватил мою талию и притянул назад к себе, шире разведя мои бёдра.

Его взгляд опустился вниз, глаза широко раскрылись перед тем, как прищуриться.

В промежности я ощущала прохладный воздух, одновременно обнаружив, что полы моего халата распахнулись. Всё ниже пояса было выставлено на обозрение. Моя бледная кожа сияла в лунном свете, и на этом фоне резко выделялись рыжие коротко подстриженные завитки.

Под его взглядом я была слишком ошарашена, чтобы реагировать. Его веки отяжелели, ноздри раздувались. Широкая грудь с трудом раздувалась с каждым вздохом. Голая ниже пояса я не имела никакой возможности прикрыться. Я переплетала руки, чтобы освободить запястья, пока не заметила его взгляд.

Тёмный, голодный, обжигающий. Опасный. Как и раньше, я почувствовала себя его добычей.

Мой гнев ослаб. Как только моё тело под ним расслабилось, он коротко кивнул, словно я доставила ему удовольствие, а его свободная рука опустилась на моё обнажённое бедро. Кожа на коже. Этот контакт заставил его застонать, а я задрожала от электрического ощущения тепла этой грубой ладони. Разве я не мечтала, чтобы эти руки меня всюду массировали?

Охваченная дрожью, я смотрела, как он передвинул свой большой палец от бедра к моей промежности. Кончиком пальца он провёл по краешку завитков. Это было так медленно и неожиданно, так нежно, что я не смогла сдержать стон.

Он прикасался ко мне будто бы... с благоговением.

Следов железного самоконтроля на его лице больше не было видно, вместо этого он выглядел... потерянным.

Наверное, и я в тот момент выглядела так же.

Его член в брюках дёрнулся, привлекая моё внимание. Эта длина и тяжесть заставили мою киску сжаться.

Я проворковала:

— Севастьян? — одновременно качнув бёдрами. — Что ты со мной делаешь? — Каким-то образом он меня зачаровал, заставляя внутри ощущать пустоту и отчаянье.

Второй раз за ночь я приближалась к оргазму.

По-прежнему сосредоточившись на моей промежности, он заговорил по-русски, что-то вроде того, что нельзя ожидать, что он сдержится в такой ситуации. Что *никто* не может этого от него ожидать.

Никогда в жизни я не была так сбита с толку.

— Ты... ты собираешься меня поцеловать?

Он прохрипел:

— Ты хочешь, чтобы твоим ртом обладал такой как я? — Перстень на его большом пальце сверкал во время этих медленных движений.

Хороший вопрос. Я ответила на него, когда с губ слетел мой ответ:

— Попробуй и узнаешь.

— Думаешь, я остановлюсь на поцелуе?

— Полагаешь, я хочу, чтобы ты останавливался?

Этот ответ, казалось, вывел его из оцепенения. Будто обжегшись, он отдёрнул руку, а потерянное выражение на лице трансформировалось в отвращение. И вновь он приказал:

— Прикройся.

Сейчас он был также разъярён, как и я несколькими минутами ранее, но я совершенно не понимала, в чём тут дело.

Я одёрнула полы халатика, пока русский поднимался на ноги.

Когда он схватил меня за руку, поднимая с земли, здравомыслие ко мне вернулось — та Натали, которую я знала всю свою жизнь, решила снова к нам присоединиться.

Что за сумасшествие меня только что одолело? Дрожащими руками я стиснула свой халатик. Я позволила прикасаться к себе этому мужчине, этому *незнакомцу*, да ещё и поощрительно качала бёдрами.

Если бы он попытался трахнуть меня прямо на земле, то думаю... думаю, я бы ему позволила.

Стиснув моё плечо в кулаке, он потянул меня вперёд.

— Если побежишь — я тебя поймаю. Это моя работа. — Глазами он поймал мой взгляд. — А потом я опрокину тебя через колено и как следует отшлёпаю твою шикарную задницу, чтобы ты поняла, что к чему.

В этот момент я споткнулась, но он вовремя меня подхватил. Выпрямившись, он скривился, уставившись на мою подпрыгивающую грудь.

Без лифчика в шёлке. Никакой пищи для воображения.

— Я не убегу, если ты перестанешь меня тянуть! Я не хочу с тобой ехать. Я знаю, кто ты такой. Ты — *мафия*. А значит, мой отец — тоже. — *Отрицай, отрицай! Рассмейся мне в лицо.*

Севастьян стиснул зубы и потащил меня за собой быстрее.

Не отрицает. Мой отец, этот человек и пилот — были членами *мафии*.

— Ты не заставишь меня к нему отправиться — ой! — Мою ногу пронзила внезапная боль — я наступила на колючку.

Не сбавляя темпа Севастьян подхватил меня на руки, словно пушинку.

Мне ничего не оставалось, кроме как обнять его за шею.

— Ну, подожди, я не хочу в это вляпываться! — Мой рот находился в каких-то сантиметрах от его горла, от его вздрагивающего адамова яблока. Я впитывала его тепло, могла чувствовать биение его сердца, которое усилилось, хоть он больше и не бежал, когда я проворковала:

— Севастьян, *пожалуйста*.

— Тебя уже поймали, — он словно вынес приговор.

Мы миновали поле. В отчаяньи я прошептала:

— *Pozhaluista, net.*

— Наталья, — прохрипел он. — Я тебя не отпущу. *Я не могу*. Смирись.

Когда мы добрались до самолёта, пилот при виде меня задрал брови. Я могла лишь догадываться, о чём он думает. Я, на руках у Севастьяна, волосы растрёпаны, соски торчат.

Когда блондинчик плотоядно оскалился, Севастьян буркнул по-русски:

— Ты скалишься на *его* дочь? За это мне придётся принести ему твои глаза.

Пилот сглотнул; я — ахнула. Я совершенно точно понимала, что Севастьян был способен на такое зверство.

А потом он понёс меня вверх по ступенькам. Чёрт, чёрт, чёрт! Господи, это взаправду!

Пилот последовал за нами, заперев внешнюю дверь. К тому времени, как он заперся в кабине, дверь с шипеньем захлопнулась.

В ловушке.

Севастьян усадил меня на одно из сидений, и я попыталась что-то сказать, но закипающий внутри гнев полностью лишил меня слов. Он притащил меня в самолёт против воли. Он *похитил* меня.

Мне хотелось сказать «Тебе это так просто с рук не сойдёт» или даже «ты за это заплатишь». Но я подозревала, что обе фразы окажутся ложью.

— Мы взлетаем немедленно, — произнес он ровным голосом. — Пристегни ремень.

Я не стала с ним спорить, несмотря на крайнюю степень раздражения. Мне всегда казалось, что *частный самолёт* — это лишь другое название для *игрушечного самолёта*. И разве эта пыльно-кукурузная взлётная полоса не была коротковата? Мои знания о полётах стремились к нулю, но ведь это явно было не нормально?

Пристегнув трясущимися руками ремень, я осмотрела роскошный интерьер салона. Двенадцать мест, мягкий диван, телевизор с большим экраном, встроенный медиа-плеер и длинный обеденный стол. Отполированное дерево подчёркивало изысканность мебелировки.

Конечно, всё самое лучшее.

Севастьян не сел. По-прежнему напряжённый, он смотрел в иллюминатор.

Какой он, когда расслабляется?

— Я в непосредственной опасности, ведь так?

Глядя в ночь, он неопределённо пожал плечами. Видимо, это означало "да". Прежде, чем я успела задать очередной вопрос, двигатели самолёта взревели. Я вцепилась в подлокотники, ногти погрузились в гладкую мягкую кожу. Самолёт тронулся, и я обнаружила, что сообщаю Севастьяну:

— Я никогда раньше не летала.

Скорость быстро нарастала, и меня буквально вжало в сиденье. Самолёт с грохотом катился по взлётной полосе. В иллюминаторе быстро приближалось кукурузное поле. Даже Севастьян занял место на диванчике напротив.

— Я... я путешествовала на поезде.

Он закинул руки на спинку дивана.

— Это одно и то же.

— Шутишь?

С мрачным лицом он произнес:

— Вряд ли, зверек.

— Ты действительно должен перестать называть меня та...

Нос самолета поднимался! Я зажмурилась. Но взлет прошёл на удивление гладко. Когда давление уменьшилось, и я поняла, что мы в воздухе, я открыла глаза и устранила заложенность в ушах. Постепенно я ослабила свою мёртвую хватку.

За моё внимание боролись сразу несколько вещей. Я не могла решить, наблюдать ли за тающими огнями Линкольна, любоваться ли полной луной, мерцающей у правого крыла, или же следить за Севастьяном, который пытался расслабиться.

Мой таинственный спутник победил. Вытянув ноги перед собой, он начал разминать шею, наклоняя голову из стороны в сторону. Он уже успел застегнуть пуговицы своей рубашки. Очевидно, что временное безумие, овладевшее им на поле, уже прошло.

Когда самолёт выровнялся в воздухе, освещение салона померкло, напомнив мне, что я

наедине с экстраординарным мужчиной — мужчиной, который лапал меня, прижимая к земле, всего несколько минут назад.

Как только я открыла рот, чтобы расспросить его о том, что вообще происходит, он сказал:

— Я отвечу на все вопросы, как обещал, но сначала тебе нужно помыться.

Дотронувшись туда, куда был устремлён его пристальный взгляд, я обнаружила листья в волосах. Посмотрела на свои грязные и босые ноги. Меня нелегко смутить, но в тот момент щёки просто запылали.

— В обеих комнатах есть душ.

Вздёрнув подбородок, я отстегнула ремень и с независимым видом прошествовала в хвост самолёта.

— Когда вернусь, приготовься к допросу, — бросила я через плечо.

— Я никуда не уйду, Натали, — сухо ответил он.

Пятнадцать минут спустя я вернулась в салон — чистая, трезвая и одетая в одну из рубашек Севастьяна.

Приняв душ в просторной мраморной кабинке, полной люксовых туалетных принадлежностей, я вернулась в спальню и осмотрела то, что осталось от моего халата. Со спины он был похож на творение художника-модерниста — в зелёных, жёлтых и чёрных разводах. От него сильно несло приторно-сладким запахом кукурузы. Определённо, к дальнейшей носке халат был непригоден.

Я осмотрела спальню, задержавшись на дорогом чемодане. Принадлежит Севастьяну. Он меня похитил, поэтому я справедливо позаимствовала его рубашку. Облачаясь в эту накрахмаленную ткань, я вздрогнула, когда вновь оказалась в облаке его свежего запаха, которым теперь была покрыта от шеи почти до колен.

Под рубашкой на мне не было ничего, и я совершенно не удивилась, когда меня вновь захлестнула волна возбуждения; кожа после душа была гиперчувствительна.

Во взгляде Севастьяна, которым он оглядел меня с ног до головы, читалось *ты-меня-блядь-разыгрываешь?*

В ответ я нахмурилась. Всё было прикрыто.

— Я позаимствую её, пока не получу обещанную одежду, лады?

Когда я устроилась на противоположной стороне дивана, он сжал пальцами переносицу.

— Мигрень от перенапряжения?

Не глядя на меня, он ответил:

— Можно и так сказать.

— Даже и представить не могу, какой на твоих плечах груз, — с чувством заметила я. — Ты часто похищаешь людей?

Русский слегка скривился.

— Нормальный вопрос, учитывая, что ты и мой отец связаны с организованной преступностью.

— Почему ты так в этом уверена? — отреагировал он мгновенно.

— Твои татуировки. Татуировки пилота. Про твою страну я узнала достаточно, чтобы понимать, что такое Русская Мафия и их любовь к чернилам. К тому же, это будет наихудшим окончанием моих многолетних поисков. — Размышляя, я постукивала по подбородку. — Хотя закономерным, учитывая события последних четырёх недель...

— Разве было бы лучше никогда не узнать Ковалева? — раздраженно спросил Севастьян. — Ты говоришь о вещах, которых не понимаешь, малышка. Но вскоре поймёшь...

— И что же это за вещи? Преступления?

Каменный взгляд.

— О, господи, так он из *мафи*. — От этой мысли меня затошнило. Зачем я вообще наняла того детектива? Мой биологический отец — мафиози. — Во что ты меня втянул?

— Ты его искала, — повторил Севастьян.

— Ты ведь не телохранитель, правда? Ты, скорее всего, как там...? Его боевик? Вышибала? — я нервно хихикнула. — Вот откуда у тебя шрамы на костяшках — избивал людей до полусмерти? И на каких именно делах Ковалев "поднялся"? — Моя истерика нарастала, — криминальные разборки с конкурирующими бандами? — Да, вывести меня из себя было непросто, но если уж это происходило, остановить меня было уже невозможно.

Севастьян молчал, а значит... *день-день-день*. Криминальные разборки. И как раз туда я и направлялась.

В конце концов он произнес:

— Ты закончила?

— Го-во-ри.

— Твой отец входит в *Bratvu* — это такое братство. Наподобие криминальной аристократии. Он — *vor в законе*, глава нашей организации, не отвечающий ни перед кем. — От неприкрытой гордости в голосе Севастьяна меня затошнило сильнее.

— Значит я — гребанная *бандитская* принцесса, да? Поэтому я в опасности, не так ли?

— Твой отец сейчас в непростом положении. Враги с удовольствием понаблюдадут за его падением. Другой *vor* может навредить тебе, чтобы достать Ковалева. Или использовать тебя, чтобы надавить на него.

— Опять-таки. Это звучит как *хроническая* проблема.

Севастьян внимательно изучал моё лицо, словно решая, сколько он может рассказать.

— Когда я ушёл из бара, то выяснил, что из Москвы в Америку несколько часов назад вылетели два очень опасных человека — их послал злейший враг Ковалева. Велики шансы, что они направлялись сюда.

Черт. У *бандитской* принцессы неприятности.

— Ты тащишь меня в самое сердце конфликта! Разверни самолёт и позволь мне исчезнуть! Я могу уехать на запад, затеряться.

Он взглянул на меня, должно быть, почувствовав, что я близка к панике.

— Меня прислали, чтобы тебя охранять. Бояться нечего, если будешь меня слушать. Уехать сегодня было необходимо еще по одной причине — когда ты прибудешь в Россию, те двое последуют за тобой и не причинят зла твоим близким.

— Они будут угрожать маме? Джесс? — меня резануло тревогой за них.

— Без колебаний. Если только мы не дадим им понять, что ты покинула Линкольн — что и сделаем в Москве.

— Их надо предупредить! На всякий случай, — разрешит ли Севастьян им позвонить?

— Телефон в шкафчике рядом с тобой.

— Сколько я могу им рассказать?

— Зависит от того, насколько ты им доверяешь, и не разболтают ли они другим. У тебя пять минут.

Вспомнив, как он произнёс эти слова в прошлый раз, я не стала тратить время на споры. Сжав влажной ладонью трубку, я набрала мамин номер. Что ей сказать? Между нами и так не всё гладко.

Последние несколько лет во время болезни отца были непростыми для нее, для нас обеих, и после его смерти мы отдалились друг от друга. Потом, прошлым летом, она снова вышла замуж, переехав с новым мужем на север штата. Но я была счастлива за нее. Они с мужем купили трейлер. Поездки стали их образом жизни. Они часто отправлялись «в туры» вместе с другими путешественниками.

Я наткнулась на автоответчик. К счастью, мама на неделю уехала. Я надиктовала сообщение, стараясь сохранять естественный тон:

— Привет, мам, просто звоню узнать, как дела. Удачно отдохнуть в твоём... туре, — перед Севастьяном я чувствовала себя деревенщиной. — Люблю тебя.

Джесс подняла трубку после четвертого гудка, нетерпеливо буркнув:

— Мою киску сейчас ласкают, так что если это не...

— Джесс! У меня лишь пара минут!

— Нэт, это ты?

— Да, послушай меня. Тебе нельзя домой сегодня вечером.

— Чего это мне нельзя в Дыргало... — Джесс вдруг замолчала, потом ахнула. — О, господи! Ты зависаешь с тем ЧУВАКОМ ИЗ БАРА? С единорогом!

Севастьян задрал бровь. Конечно, он слышал.

— Можно и так сказать. — Да, на мне сейчас нет ничего, кроме его рубашки, а тело до сих пор дрожит от его прикосновений — но не по своей воле!

Сладким голосом Джесс пропела:

— Уууу, наша маленькая Нэт сегодня лишится своей бородавки.

Мои глаза расширились, метнувшись к Севастьяну.

— Заткнись, Джесс! Слушай, дело в том, что этого парня прислали, чтобы он забрал меня в Россию, потому что мой биологический отец — что-то типа главы *мафии*.

— Ха. — Её голос звучал совершенно спокойно, — на самом деле, это многое объясняет. — Потом обратилась к своему парню, — Не помню, чтобы приказывала тебе останавливаться.

— Ты можешь меня выслушать? Я лечу в Москву...

— Ну и вали в задницу!

— ...и головорезы из конкурирующей банды могут вломиться в дом. Ты можешь туда не заходить до отъезда?

— То есть, я буду вынуждена купить новую одежду и чемоданы перед поездкой в Грецию? Для моих родителей такое объяснение ничем не хуже любого другого. — Внезапно став серьёзной, она спросила, — ты в безопасности?

Я испытующе смотрела в лицо Севастьяна.

— Если я не перезвоню через неделю... — я замолчала. Что тогда? Известить посольство? Что они противопоставят "Красной мафии"? — Я *позвоню* через неделю.

— Будь осторожна, дорогая, — сказала Джесс. — Да, и передай единорогу, что если с тобой что-нибудь случится, я оттрахаю его череп, лады? Как будет по-русски "надругаться над трупом"?

Севастьян постучал по часам.

— Мне пора, намек понят, и — береги себя. — Разъединяясь, я повернулась к нему. —

В России уже утро. Почему бы тебе не дать мне номер твоего босса, чтобы я могла ему кое-что объяснить? — *Обслуживание клиентов в Вашей организации требует серьезного пересмотра.* — Поделиться некоторыми мыслями?

— Ковалев на съезде. — В ответ на мой непонимающий взгляд Севастьян пояснил, — встреча *vorov* на высшем уровне.

— Тебе не кажется, что мой прилет в Россию лишь усугубит проблему?

— У нас там есть люди и безопасное место. Дом твоего отца — настоящая крепость.

Дом *мафиози*? Я так и видела этот серый мрачный монолит советских времен.

Обстановка внутри — буйство безвкусных вещей, выбор которых был продиктован лишь их стоимостью. А Ковалев... я представила себе огромного бугая в спортивном костюме, увешанного таким количеством золотых цепей, что они придавали его шее сходство с кольшком для метания колец. Наверняка в его имении содержатся белые тигры, а унитазы инкрустированы бриллиантами.

Тьфу. Я нахмурилась, глядя на Севастьяна.

— То, что ты заставил меня сесть в самолет — изначально входило в план?

Он покачал головой.

— Значит, если бы эти плохие парни не направились в Штаты, ты бы так и продолжал следить за мной издалека?

— Я бы оставался на месте — *охраняя* тебя — пока твой отец не приехал бы сюда с тобой познакомиться.

— Если ты был моим единственным телохранителем, то когда же ты спал?

— Когда у тебя были занятия в университете или смены на работе. Когда я знал, что вокруг тебя какое-то время будут находиться люди.

Это означало, что спал он ещё меньше, чем я.

Он наклонил голову.

— Отосплюсь на том свете, не так ли?

Будто мои мысли.

— Ковалев слишком много на тебя взвалил. — Я не могла представить, каково это — держать в руках жизнь другого человека.

— Я сделаю все, что он мне прикажет.

— Такая преданность распространена в вашей... организации?

— Он был мне как отец практически с самого детства. Я обязан ему жизнью, — и по тону Севастьяна я поняла, что больше *никаких* комментариев не последует.

— Тогда ты в каком-то смысле мой брат, правда, значительно старше.

Русский вновь скривился. Это замечание ему *совсем* не понравилось.

— Я старше тебя всего на семь лет.

От этой информации я отмахнулась.

— А моя мать...?

— Эту историю должен рассказать Ковалев.

— По крайней мере, скажи, жива ли она?

В глазах Севастьяна я заметила проблеск сожаления. Предположив худшее, я почувствовала резкую боль утраты. После стольких лет догадок... Теперь было ясно, что я никогда не встречу её, никогда не смогу заговорить.

Сдерживая слезы, я спросила:

— У меня есть братья или сестры?

— Нет.

— Бабушки и дедушки? — Родители были уже в возрасте, когда удочерили меня, и мои бабушка и дедушка скончались, когда я была ещё ребенком.

Он покачал головой:

— Только твой отец и дальний родственник, с которым ты тоже познакомишься.

Он поднялся и подошел к мраморной барной стойке в центре салона. С нажатием кнопки сдвинувшаяся панель открыла уставленный разными бутылками бар с полным комплектом стаканов и фужеров. Он наполнил два хрустальных бокала разными напитками. Водку со льдом себе и — холодный Спрайт мне?

— А теплого молока нет? — я приняла бокал и угрюмо выпила содержимое, потому что было действительно вкусно.

Вернувшись на место, он провел пальцами по краю бокала, но так и не сделал ни глотка. Напиток, как и тогда, в баре, остался нетронутым.

— У меня нет твоей любимой текилы.

— Любимой? Я пью всё, чем меня угощают. Сама я вынуждена экономить.

Мои слова его позабавили?

— Больше тебе не придется *экономить*, уверяю тебя.

Он считал, что я начну тратить семейные грязные деньги. Вспомнив, в каком положении нахожусь, я сказала:

— Едва ли двое незнакомых мужчин смогут причинить мне вред.

— Их цель — родственники. Когда Ковалев только вступил в Братву, их кодексом запрещалось иметь семью, иметь хоть кого-то близкого, за исключением членов братства, поскольку семья — это слабость, которую могут использовать враги.

Пока я пыталась представить себе этот жестокий мир, Севастьян продолжал:

— Вот почему Ковалев отослал прочь твою мать. Он не знал, что она была беременна. Не знал, пока ты не начала свои поиски.

— Ты сказал, что наши ДНК совпали. Но почему его ДНК была в открытом доступе?

— Раньше уже появлялись девушки, заявляющие, что Ковалев — их отец. Изначально я приехал в Небраску как раз выяснить, не является ли всё это мошенничеством, — уставившись в свой бокал, Севастьян произнес, — до тебя Ковалев никогда не хотел, чтобы информация подтвердилась.

— Почему?

Севастьян вновь посмотрел на меня.

— Все предыдущие были лживыми охотницами за наживой, хладнокровными и вечно безработными. А ты пахала на трех работах, одновременно с отличием оканчивая магистратуру. Ты даже учила русский. Ты *хотела* его найти, но не для какой-то *конкретной* цели. По крайней мере, не ради денег. — В голосе Севастьяна сквозило... восхищение?

Эта мысль меня согрела. Пока я не вспомнила, что эта ДНК связывала меня с бандитом.

— Анализ мог быть ошибочным. Какая-то опечатка или что-то в таком духе.

Севастьян поднес бокал к губам лишь затем, чтобы вновь опустить.

— Налицо твое сходство с его матерью.

Я была похожа на бабушку. Я обнаружила, что смягчаюсь, но не настолько, чтобы позабыть обо всех сомнениях.

— Так чем же занимается мой отец? В преступном смысле. Доставка девочек? Оружие и наркотики?

Взгляд Севастьяна говорил о том, что мои вопросы — просто верх нелепости.

— Большая часть его бизнеса связана с недвижимостью и строительством. Также он выступает посредником между бандами и за деньги обеспечивает защиту бизнеса. Стимулирует торговлю, шантажируя политиков. Ни девочек, ни оружия, ни наркотиков. Частично в этом и есть причина текущего конфликта — он не приемлет ничего подобного на своей территории.

— Потому что это снизит стоимость его недвижимости?

Севастьян явно пытался сохранять терпение.

— Потому что это понизит уровень жизни тех, кто находится под его защитой.

Удивительно.

— Ладно, может, он и правда не дьявольский усатый злодей. Но я всё равно не хочу в это ввязываться. Я всего лишь хочу закончить обучение и начать карьеру.

С дипломом по истории на руках. Хотя я не особенно стремилась становиться профессором или писателем. Может, я собиралась закончить образование лишь потому, что это было путем наименьшего сопротивления?

— Ты думаешь, отец стремился вырвать тебя из привычной жизни? Это все по вине Зиринова. Если бы не он, ты бы сейчас мирно дремала в своей кроватке.

— Мой детектив? Что он сделал?

Стакан снова приблизился к губам, но Севастьян вновь опустил руку.

— Это жадное ничтожество требовал с Ковалева денег за сохранение тайны. Но мы узнали, что он уже сообщил нашим врагам о твоём существовании, собираясь продать им информацию о твоём местонахождении. Он умышленно подверг тебя риску.

Я сглотнула.

— Что ты сделал с Зириновым?

Взгляд Севастьяна стал холодным.

— Он заполучил твоё доверие — и твои с таким трудом заработанные деньги — а потом твоей кровью шантажировал *vora*. Он поставил под угрозу жизнь, которую я поклялся защищать. Скажи, Натали, разве его не стоило наказать за причиненный ущерб — и избежать проблем от него в дальнейшем?

Намек я поняла. Севастьян устранил Зиринова. Настоящий боевик. Профессиональный киллер.

Встретившись со мной взглядом, Севастьян сказал:

— Пойми, девочка, всё, что будет тебе угрожать, будет мной уничтожено. Безжалостно.

Я спросила себя, сколько ещё людей убил Севастьян. И почему я до сих пор не могу заставить себя его бояться. Вместо этого я обнаружила, что чувствую себя... защищенной.

— Зиринов повинен в том, что твоя жизнь в опасности, но тебе этого недостаточно, — он устало выдохнул. Жду — не дождусь услышать твою американскую моральную отповедь.

И я пыталась что-то такое придумать. Но Зиринов связался с бандой головорезов, собираясь заработать на моей мечте найти родных. Я доверила ему конфиденциальную информацию, которую тот выдал, зная, что это поставит под угрозу мою жизнь.

Так что я пожала плечами.

— *Do svidaniya*, Зиринов.

Взгляд Севастьяна скользнул по моему лицу. Наблюдательный, сосредоточенный. Уголок его сексуального рта изогнулся.

От этой полуулыбки мое сердце пустилось вскачь. Если он когда-нибудь улыбнется по-

настоящему, то у меня, наверное, будет инфаркт. Подавив желание обмахнуть лицо руками, я спросила:

— А прозвище у тебя есть? Типа, Алекс-Мясник или Эл-Акула?

— Я из Сибири; меня называют Сибиряк. Всё.

— Простенько, но со вкусом. Ты с рождения вступил в "такую жизнь" или просто следовал за призванием?

Каменный взгляд.

— Ладно, какое прозвище у Ковалева?

— Старшие *vory* называют его Часовщик.

— Потому что он способен любому начистить будильник? Кулаками?

— У твоего отца такое же извращенное чувство юмора. У вас с ним много общего.

— Да неужели? — я наклонила голову, — ты много выяснил обо мне, да?

— О тебе я знаю всё, что касается учебы, финансов, круга общения. Знаю, что в детстве о тебе заботилась любящая пара, и это очень обрадовало Ковалева. Знаю, что ты целеустремленная и умная. Даже чересчур, что не всегда хорошо.

Я вспомнила, как сегодня вечером ощутила, что за мной наблюдают.

— Ты следил за мной, когда я покинула бар. — Несколько часов назад.

— Да.

— Ты уже был в моем доме раньше? — Что, если он нашел под кроватью коллекцию вибраторов, или обнаружил, что большинство закладок в браузере ведут на порно-сайты?

— Конечно. Я ничего не упустил. — Он был само спокойствие, как будто не сидел сейчас передо мной, открыто признаваясь, что регулярно нарушал мое уединение.

Этот человек знал все мои секреты. Стиснув зубы, я спросила:

— Может, поделишься, что такого интересного обнаружил?

— Не переживай — Ковалев кое о чем не узнает. — Ухмылка. — Например, об арсенале под кроватью.

Об арсенале? *Чтоб я сдохла.*

— Или о том, за каким занятием я застал тебя в ванной.

Страх за свою жизнь пошёл на убыль, и меня захлестнуло волной стыда. Севастьян застал меня за "играми с киской", "обширной спелеологией", "звонком по розовому телефону".

— Зачем ты вообще открыл дверь ванной?

— Я услышал звук. — Он поднял бровь. — *Всхлипывание.* Предположил худшее.

— У тебя, кажется, талант ставить меня в неловкое положение. Может, когда мы доберемся до Москвы, я смогу исследовать твою квартиру? Пошарить под кроватью? Как насчет того, чтобы посмотреть, как *ты* мастурбируешь?

Он напрягся, словно его ударили под дых.

— Следи за языком, зверек. — Его пальцы стиснули бокал с такой силой, что, казалось, хрусталь сейчас треснет.

— А то что? Опрокинешь меня на кукурузном поле и начнешь тискать?

Сжав челюсти, он явно пытался сохранить над собой контроль.

— Этого не должно было случиться.

Не спорь с ним, Нэт. Иди-в-кровать. Разве этот парень настолько меня интригует/возбуждает, что я готова делать с ним всё, что угодно, даже ссориться?

— Если бы ты не побежала...

— Вот только не надо перекладывать вину на меня!

— Полуголая рыжая девица лежала подо мной, приглашающе качая бёдрами. Я не железный.

Я приподняла бровь.

— Да ладно?

— Не в этой области, — признал он. — Хоть ты и не в моем вкусе, я был впечатлен. — Указательным пальцем правой руки он покрутил кольцо на большом пальце. Я заметила, что он и раньше так делал, чувствуя неловкость. Подсказка? Это может пригодиться.

— Любой был бы впечатлен на моём месте, так что не придавай этому слишком большое значение.

— Значит, не в твоём вкусе. — Почему это меня задело? — Ты тоже не в моём, *Сибиряк*. — Наверное, дразнить убийцу — не самая лучшая идея. — Определенно, ты решил меня унижать и оскорблять. Мне не интересно ни то, ни другое. — Я развернулась и пошла прочь. — Разбуди меня, когда будем на месте.

Он произнес мне вслед:

— Единственное, что я расскажу Ковалеву о твоей личной жизни, так это то, что у тебя не было любовника, с которым пришлось бы расстаться. Я не скажу, насколько явно тебе хотелось сегодня исправить такое положение дел.

Я замерла, обернувшись, у входа в одну из комнат.

— Почему сегодня в баре ты так разозлился?

В конце концов, он выпил эту водку, от чего у меня по всему телу прошёл озноб.

— Мне не понравилось, что дочь великого человека вешалась на меня в поисках *приключений*.

— Вешалась на тебя? Да ты в своем уме? Я представилась и предложила купить тебе выпить. — Мой гнев нарастал. — Я надеюсь, ты не собираешься меня воспитывать, иначе я просто взорвусь! — Это был один из тех случаев, когда я стыдилась своей девственности.

Он встал, затем подошел ко мне. С каждым его шагом мое дыхание учащалось. Что он будет делать? Я не имела ни малейшего понятия — возбуждение смешалось с беспокойством.

Он возвышался рядом, и мне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с его взглядом из-под полуопущенных век. Когда он был рассержен, его взгляд становился твердым и мерцающим, словно холодный янтарь. Но иногда этот взгляд был расплавленным золотом, как сейчас...

— Из всех мужчин в баре меня ты выбрала не просто так, малышка. — Его голос стал хриплым, акцент усилился; я отреагировала так, будто он до меня дотронулся. — И выбрала не для того, чтобы поговорить об уроках.

Я внутренне встряхнулась.

— Я выбрала тебя, потому что ты был загадкой. Я с легкостью читаю мужчин, всех, кроме тебя. Это пробудило мое любопытство.

Он оперся одной рукой о стену над моей головой, окружая своим теплом.

— Когда женщина меня выбирает, — он наклонился, чтобы пробормотать мне на ухо, — значит, она хочет, чтобы ее оттрахали. Она видит шрамы и татуировки и понимает, что ее *оттрахают как следует*.

Я ахнула, медленно плаваясь.

— Ты этого хотела от меня, Наталья? — Его теплое дыхание коснулось моего уха,

отчего соски лишь сильнее набухли. Я переступила с одной ноги на другую, крепко сжав бедра.

— Н-не поэтому я подошла к тебе. — *Возможно*, я подошла к нему именно поэтому.

— Врунишка. Думаешь, я не знаю, когда женщина хочет, чтобы я оказался у нее глубоко внутри? — Он чуть отклонился, чтобы взглянуть мне в лицо. — А когда ты не получила, чего хотела, ты организовала милую... горячую... ванну.

Я сглотнула, начиная задыхаться.

Он спросил хрипло:

— Ты думала обо мне, когда трогала себя?

Между вдохами я произнесла:

— Этого я тебе не скажу.

— Ты только что это сделала, зверек. — Он выпрямился, словно гипнотический транс между нами мгновенно исчез. Грязно выругавшись, он отвернулся. — Ложись спать.

Я смотрела ему в спину, когда он шел налить себе еще водки. Тоже выругавшись, я захлопнула за собой дверь.

Это человек сведет меня с ума прежде, чем мы доберемся до родины!

Кипя от злости, я сдернула покрывала и вскарабкалась на роскошную кровать. Потом я лежала, уставившись в потолок, чувствуя себя выбитой из колеи, *ненавидя* себя за то, что пришлось надеть одежду этого мужчины.

Ненавидя и за то, что это так на меня подействовало.

Почему он? Почему я, такая сильная по жизни, рядом с ним чувствовала себя такой слабой? После стольких лет ожидания правильного парня я была готова отдаться Севастьяну прямо в грязи.

В школе я и представить не могла, что окажусь двадцатичетырехлетней девственницей, потому что всё это действие меня крайне занимало. И, черт возьми, я была *азартна*.

Но пьяные парни, с которыми я зависала, обычно оказывались неуклюжими и слишком слюнявыми, что не вдохновляло меня на продолжение. Секс, похоже, был не для меня. По крайней мере, с теми, кого я знала.

Чем плохо расти в маленьком городке и посещать крошечную школу? Выбор парней невелик.

Когда я поступила в колледж, то ощутила, что выиграла в лотерею — так на меня подействовало разнообразие мужчин вокруг. Мое любопытство не ослабло, и я была уверена, что расстанусь с девственностью еще до каникул.

Для предварительной подготовки я изучила о сексе всё с помощью жадного поглощения литературы, общения с Джесс и моих собственных исследований. Да, и с помощью растущего интереса к высококачественному женскому порно.

Я регулярно знакомилась с новыми парнями, но, неизбежно, каждый из них делал что-то, что мешало мне "скрепить сделку".

Один из них лапал меня так, словно пытался прорыть тоннель в Китай.

Другой раньше времени кончил в презерватив, который как раз надевал, и был так смущен этим фактом, что больше мне не звонил.

Третий хотел, чтобы я была сверху и доминировала, хотя я была уверена, что вкусы у меня совершенно противоположные. (Что подтверждалось последними событиями на кукурузном поле).

Я что, многого прошу? Всего лишь привлекательного мужчину-лидера с опытом в сексе,

не являющегося "скорострелом".

Когда мне стукнуло двадцать, я подумала, что *слишком долго жду*... и решила, что могу потерпеть ещё немного, пока не почувствую жаркую ослепляющую страсть к мужчине, подходящему под мои стандарты. В эту категорию не попал ни один.

До сегодняшнего вечера.

Севастьян отвечал всем моим требованиям — однако заявил, что я не в его вкусе.

Ладно, а пожелать парня, который бы отвечал моим стандартам, любил бы меня — и при этом не был бы козлом — тоже слишком много?

Вздыхнув, я посмотрела в иллюминатор — луна и звезды еще никогда не были так близко. Потому что я находилась в самолете, который направлялся в полную неизвестность. В мою "новую жизнь".

Черт возьми, надо выкинуть Севастьяна из головы и подумать о том, что будет завтра. Ещё несколько часов назад я уже почти отчаялась найти своих биологических родителей. А сейчас я была на полпути к своему отцу. Понравлюсь ли я ему? Понравится ли он мне, несмотря на род его занятий?

Может, стоит рассматривать эту поездку в Россию, как небольшой отпуск от жизни — как тайм-аут в большой игре? Завтра я могу позвонить в университет и отпроситься с занятий, а также договориться, чтобы меня на время заменил другой преподаватель. Работа же официантки была настолько изматывающей и дерьмовой, что я даже и не подумаю потратиться на международный звонок.

Да, все мы время от времени нуждаемся в передышке.

Гул двигателей убаюкивал, и мое отчаянье стало понемногу ослабевать. На этом мягком матрасе я словно плыла по шелку простыней, невесомых, словно воздух. Я думала, что слишком взбудоражена, чтобы уснуть, но вскоре отрубилась.

И мне приснился Севастьян.

В жарких грезах он поднял меня из ванны, обнимая мое обнаженное мокрое тело, и отнес в постель. Там он проследил путь каждой капельки на коже своим языком, прежде чем устроиться у меня между ног...

— Наталья, — простонал он прямо в мою плоть, обдавая ее жарким дыханием и лаская языком. — *Наталья*. — Он приподнял голову, облизнул свои сексуальные губы и спросил, — ты что, видишь меня во сне?

А? Во сне? Я открыла глаза и обнаружила, что на меня уставился Сибиряк.

Лунный свет освещал его красивое суровое лицо, отчего мое сердце билось неровно.

— Севастьян?

Он лежал рядом, подперев голову рукой — поза, не соответствующая исходящему от него напряжению.

Он был без рубашки. От вида его голой мускулистой груди я почти застонала. Гладкая кожа была покрыта зловещими татуировками. В верхней части груди находились большие восьмиконечные звезды, раскрашенные странным образом. Два русских купола украшали одну загорелую руку, на бицепс другой была нанесена круговая татуировка.

Эти отметки и скрытая сила его тела меня завораживали.

— Что ты делаешь в моей кровати? — *И почему я по-прежнему тебя не боюсь?*

Его дыхание участилось. Он напоминал натянутую до предела струну, готовую разорваться.

— Я услышал твои стоны, — прохрипел он. — Зашёл, увидел, как ты вращаешь бедрами под одеялом.

Я вспыхнула, отводя взгляд, который упал на его плоский живот и темную полосу волос, начинающуюся ниже пупка. Меня охватило безумное желание уткнуться туда носом.

— Только я подумал, какая ты бесстыжая, как твои щеки покраснели.

Я заставила себя поднять к нему лицо.

— Ты рассказал, что делала я. А какого черта тут делал ты?

— Смотрел на тебя, и член у меня встал в мгновение ока. — Он прижал бедра к моему боку, давая ощутить напряженную эрекцию.

Я ахнула, а мое тело, ощутив этот жар, сразу стало податливым.

Нет-нет, этот человек тот еще мудака! Я вспомнила его перепады настроения.

— Ты уже можешь уйти. — Я была горда тем, как решительно это прозвучало. — Я постараюсь более тебя не беспокоить.

Словно не слыша меня, он произнес:

— Ты издавала... ты издавала такие звуки. Твои всхлипывания, стоны. Когда я их слышу, мысли из моей головы улечиваются.

— Ты пил.

— *Shut.* Я вспоминал, как увидел тебя в ванне, как ты ласкала себя этими пальчиками. — Он отцепил мою правую руку от одеяла, за которое я держалась, как за поручень на американских горках, затем прижал кончики пальцев к своему лицу. — Хотел бы я, чтобы ты в тот момент довела себя до конца.

Я бы тоже этого хотела! Ведь тогда я не была бы переполнена вожделием, всё сильнее подпадая под его чары.

Его взгляд под отяжелевшими веками скользнул по моему лицу, затем опустился ниже.

— Что же тебе приснилось такого, отчего они так затвердели?

Я проследила за его взглядом. Мои набухшие соски торчали сквозь ткань рубашки.

— Скажи, зверек, почему ты была готова кончить во сне?

Я не могла сопротивляться ему раньше; сейчас же, на этой постели, слыша его хриплый соблазнительный голос, я была беззащитна. *Нет! Держись, Нэт!*

— Почему ты продолжаешь звать меня "зверек"?

— Может, потому, что при виде тебя любой мужчина захочет надеть на тебя ошейник и держать на привязи.

— Точно. — Я знала, что он острит, но сама мысль об этом заставила меня вздрогнуть.

— Расскажи мне про твой сон.

— С чего бы? В ответ ты обольешь меня презрением и вновь превратишься в ледяную статую.

— В ледяную статую? Сейчас я чувствую нечто совершенно противоположное.

Я сглотнула, когда он принялся расстегивать пуговицы на рубашке, растягивая половинки, чтобы слегка обнажить мою грудь.

— Что ты делаешь? — возмутилась я. Но мне хотелось, чтобы грудь обнажилась, хотелось, чтобы он увидел её и захотел меня.

Я ведь в отпуске от привычной жизни, так? Почему бы этому мужчине не стать моим "курортным романом"?

Жестким краем рубашки он потер мой левый сосок. *О, Господи, мама дорогая...*

— Я едва успел увидеть твои соски, когда ты сидела в ванне. Знаешь, как мне хочется их пососать? — Он хотел прикоснуться к ним ртом. Эта картина спугала мои мысли.

Рубашка снова потерлась о сосок.

— Т-ты должен прекратить это. — Я не подозревала, что эти вершинки могут стать тверже. Они сжались почти до боли.

— Да, прикажи мне остановиться и оставить тебя в покое. — *Поглаживание.* — Скажи, что я пугаю тебя, и что я не должен тебя касаться. — *И снова...*

Я подавила стон.

— Ты не пугаешь меня. И единственная причина, по которой я не хочу, чтобы ты ко мне прикасался, это то, что ты не пойдешь до конца, а меня сегодня и так достаточно сексуально мучили.

Считая этот раз, я уже трижды была практически на вершине — и все из-за этого мужчины.

Его смех был низким, сексуальным.

— Ты думаешь, я тебя мучил? Может, показать тебе, что такое настоящая мука? — Его тон предостерегал; так почему же моя киска сжалась в предвкушении? — Тогда, возможно, тебе бы не обрадовалась, увидев меня в своей постели.

— Ты этого хочешь?

— Я этого ждал от тебя. Скажи мне уйти, и я уйду.

— Отвечай, Севастьян. *Ты этого хочешь?*

Он не произнес ни слова; *новое прикосновение.*

— Аххх! — я облизнула нижнюю губу, с трудом выговаривая слова. — Ты меня выбиваешь из колеи! Раз ты отказываешься со мной говорить, я сама тебе *все* расскажу. Ты меня крайне привлекаешь. Когда твои глаза, как сейчас — золотые и обжигающие — я просто не могу тебе сопротивляться. Думаю, ты был прав, я подошла к тебе в баре, потому что хотела заняться с тобой сексом.

Его губы приоткрылись. Затем он тяжело покачал головой, словно выбрасывая пришедшую в голову мысль.

— Ты не сделала бы этого, если бы знала меня лучше. Я боевик, наемный убийца, и мне жаль, что тебя влечет к такому, как я.

Мягким голосом я сказала:

— Но ты тоже чувствуешь ко мне влечение. Что же нам теперь делать?

— Если бы ты могла читать мои мысли, то не была бы так податлива. В моей постели тебе не понравится. У меня есть определенные вкусы, и я требую послушания.

— Послушания. — Неужели этот игривый тон — *мой*? — Типа, делать всё, что ты прикажешь?

Он кивнул, его глаза загорелись.

Почему это звучало так невыносимо эротично? Я терпеть не могла приказы на работе. Но в таком контексте — в постели с властным мужчиной — эта мысль возбуждала.

— Зачем тебе это нужно?

— Не люблю сюрпризы. Когда ты делаешь всё, что я говорю — их не бывает.

Я закусила губу, обдумывая его слова.

— И что у тебя за вкусы?

— С твоим телом я хочу делать грязные вещи, Наталья. И я знаю, что никогда этого сделать не смогу. — Его голос был почти... несчастным.

Грязные? Это дико заводило.

— Почему не сможешь?

— Ты для меня — табу. Больше, чем кто-либо.

Потому что я была дочерью босса? Поэтому его настроение постоянно менялось?

— Мы здесь одни. Никто никогда не узнает о том, что между нами произошло. Может, стоит попробовать изменить систему прежде, чем мы приземлимся?

Казалось, он действительно обдумывает мое предложение.

— Ты когда-нибудь передавала мужчине контроль над своим телом?

Задержав дыхание, я покачала головой. Каково это — когда над тобой доминируют? Этот мужчина мог бы удовлетворить мое любопытство. В этом основное преимущество курортных романов: можно нырнуть в омут с головой, но совершенно без каких-либо последствий.

Верно?

Хватит ли у меня смелости попробовать? Когда мне было двенадцать, я поспорила с соседским мальчишкой, что смогу прыгнуть с железнодорожной эстакады в озеро. Там, наверху, я была просто в ужасе, меня трясло, как птенца. Но я заставила себя сделать шаг с опоры в пустоту.

В свободное падение.

Я вспомнила, что падая, вопила от страха. Затем помню, как, ликуя, вынырнула на поверхность и усмехнулась тому мальчишке: «*отсоси!*»!

Первоначальный ужас того стоил. Будет ли сегодняшняя ночь такой же?

— Сможешь ли ты полностью мне подчиниться, Натали?

"Проверка на вшивость". Смогу ли я снова шагнуть с опоры? Мой честный ответ: "Пока мы не попробуем — я не узнаю". Потянувшись к его груди, я провела рукой по татуировке. От моего прикосновения его мышцы напряглись.

Когда я провела большим пальцем по его плоскому соску, он резко выдохнул.

— Я предупреждал, чего жду, предупреждал, что я за человек. И ты всё равно настаиваешь? Придется дать намек на последствия, после чего ты сбежишь. Это будет *вне* твоей системы — потому что ты станешь меня бояться...

Бояться его? Я громко сглотнула. Смогу ли я на это согласиться?

— Раздвинь ноги, — приказал он, поднимаясь надо мной.

Похоже, я всё еще находилась под его влиянием — поэтому послушно раздвинула ноги.

Он расположился между ними. Сжав полы рубашки в кулаках, он резко оторвал оставшиеся пуговицы и сдернул её с меня, так что моя голая грудь оказалась прямо под его хищным взглядом.

Мое тело было полностью обнажено и незащищено, а его поведение должно было заставить меня нервничать. Вместо этого я пыталась сосредоточиться, чтобы удержать свои бедра от движений.

— Если хочешь большего, то закинь руки за голову.

Я моргнула.

— Что? — принять еще более незащищенную позицию?

— Сделай это и не убирай их оттуда. *Sdavaisya*.

— Я-я не знаю.

— *Это не просьба.*

Я колебалась, но любопытство и моя нарастающая сексуальная озабоченность заставили меня выполнить это требование.

— Умница, — сказал он, когда я переплела пальцы рук на затылке. Несколько долгих мгновений Севастьян смотрел на меня таким собственническим взглядом, что он казался почти осязаемым. Наконец, его руки опустились, обхватив мою талию. Его пальцы почти соприкасались, и меня поразило, насколько он был больше меня, и вообще больше, чем любой из моих знакомых парней. Не покажусь ли я ему слишком маленькой?

Его грубые ладони скользнули вверх, и он пробормотал:

— *Ideal'niy*.

Я удовлетворенно вздохнула.

— Я думала, тебе не нравится, как я выгляжу.

Он в страхе поднял голову.

— Разве я *когда-нибудь* давал тебе повод так думать, зверек?

— Не твой типаж? Помнишь?

— Это я и имел в виду — буквально. Ты отличаешься от тех женщин, что у меня были. — Больше обращаясь к себе, он пробормотал, — Как день и ночь.

Я представила его с холодными величавыми северными красавицами и почувствовала себя недомерком. Но это чувство быстро исчезло — потому что он переключился на мою грудь.

Обхватив снизу, он практически полностью накрыл ее своими огромными ладонями. Не касаясь сосков, он сжал ее привычным движением, почти грубо. Но мне это понравилось, и я выгнулась ему навстречу.

Его ладони, не останавливаясь, сжимали грудь, пока все мое тело не взмолилось о более тесном контакте — чего он, казалось, намеренно избегал.

— Что ты со мной делаешь?

— Сексуально мучаю тебя. — Он крепче сжал грудь.

Она начала набухать, кожа нагрелась и покраснела. Соски напряглись и увеличились, их

пылающий вид заводил меня ещё больше. Я подняла глаза и встретила его неподвижный взгляд. Его руки продолжали массировать; плоть продолжала набухать.

Ощувив на чувствительных вершинках сосков его тяжелое дыхание, я поежилась в великолепной смеси радости и страдания. Простыня подо мной промокла, и я поняла, что кончу прямо вот так. Мои глаза округлились. Я могу получить оргазм без единого прикосновения к моей отвергнутой киске.

Я думала, что знаю, на что способно мое тело, но теперь оно вело себя по-новому. Казалось, Севастьян знает его лучше меня самой.

Не ослабляя хватки, он опустился ниже, позволяя дыханию мучить мои соски. Избегая контакта с ними, он легонько лизнул кожу с обеих сторон, прямо вокруг вершинок.

Если он коснется моих сосков, я закричу. Если он их не коснется, я закричу.

— Севастьян, поцелуй их! — Я задыхалась, корчась в этом мучительном возбуждении. Мои сцепленные пальцы по-прежнему находились за головой, но я не знала, сколько ещё смогу продержаться, не начав себя ласкать. — *Сделай что-нибудь.*

— Например, это? — Бросив на меня зловещий взгляд, он подул сначала на один сосок, потом на другой.

С моих губ сорвался крик, спина выгнулась навстречу такой недостаточной ласке.

— Тихо, — он прижал меня, сдавливая грудь сильнее. — Подчинись мне.

Одно слово "*подчинись*" вызвало во мне дрожь, клитор начал пульсировать. Я не могла до него не дотронуться. Расцепив пальцы, я опустила руку вниз.

— Нет-нет. — Стиснув бедро, он толкнул меня на бок, разворачивая голой задницей к себе.

— Что ты...

Одной мозолистой рукой он обхватил мою шею, удерживая, таким образом, меня на месте, другой отвесил с размаху шлепок. Достаточно сильно, чтобы меня поразить.

— Не будешь слушаться — будешь наказана. Понятно? — Еще один резкий шлепок.

Он сказал, что я стану его бояться; с каждым ударом во мне нарастала тревога. Я с трудом сглотнула, несмотря на удерживающую меня руку.

— Понятно? — Ладонь снова треснула меня по заду.

— Ой! — Этот удар тоже не походил на игривый шлепок. — Да!

— Скажи "я поняла, Севастьян".

— Я-я поняла, Севастьян. — Но это было не так. Его глаза сверкали от возбуждения, грудь тяжело вздымалась; кончик его набухшего члена увлажнил ткань штанов. Он возбудился от того, что высек меня?

А я? Послушание послушанием, но это уже телесное наказание. И все равно я была мокрее некуда, мой зад так восхитительно покалывало, что нового шлепка я жаждала.

Это явно неправильно. Разве могу я *жаждать* того, чего должна *бояться*?

— Не нравится, когда мужчина тебя воспитывает? — произнес он между вздохами.

Мое тело кричало "*Да!*" Но мой разум сопротивлялся. Правда?

— Я еще не решила.

Это заставило его вновь скривиться.

— Руки, Наталья.

Когда я сцепила их сзади, он снова уложил меня на спину. Опять обхватив мою грудь, Севастьян опустил голову, ртом почти касаясь соска.

Пососи его. Заставь меня кончить.

— Пожалуйста, ртом. — Я едва могла сформулировать фразы. — Языком.

— Будь ты моей, я бы их проколол. Заставил бы тебя носить мое золото.

Проколол. Моей. Заставил. *Его* золото.

Каждое слово сочилось доминированием. Он говорил о том, чтобы *проколоть* мне соски — и, нарисовав эту картину в своем воображении, мне оставалось лишь толкнуть бедра к его промежности в поисках разрядки. Но он не позволил коснуться этой восхитительной выпуклости.

Его горячие руки продолжали меня сжимать. И когда я подумала, что мои сиськи уже не станут больше, розовее и чувствительнее, когда я в отчаянии качала бедрами, он потерялся о мой сосок щетинистым подбородком.

— Севастьян! — от удовольствия я почти левитировала, бормоча, — *Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста*.

— Что ты сделаешь за то, чтобы я их пососал?

Это просто.

— *Всё*.

Его голос был хриплым от желания:

— Станешь моей рабыней? Я захочу тебя связать, сделать беспомощной. То, что я с тобой сделаю, не выразить словами.

Пока он давал мне эти ощущения — горячей попки и набухшей груди, я не могла думать ни о чём, кроме собственной разгорающейся плоти.

— Да, да!

— На груди ты почувствуешь укус кожаной плети, ее жало коснется тебя между ног.

Я выгнулась к нему.

— Ладно!

Его хватка еще больше усилилась.

— Это должно было стать наказанием для тебя и наказанием для меня. Но тебе, блядь, это нравится. Ты *нуждаешься* в этом, сама не зная, насколько сильно.

Моя голова металась из стороны в сторону, я снова и снова повторяла:

— Мне нравится, я нуждаюсь.

— Закрой руками рот. Чтобы заглушить крик.

Заглушить что? Но я сделала, как он сказал.

Он пробормотал по-русски:

— Помоги, Господи, нам обоим. — А потом втянул мой распухший сосок твердыми губами в жаркую глубину своего рта.

Скользнув по вершинке влажным языком, он слегка куснул зубами...

Меня охватил оргазм. Дикий, обжигающий, ошеломляющий. Он плавил меня, пока волны наслаждения сокращали мою нетронутую киску — сжимая изнутри, сжимая так сильно. Вращая бедрами, я крепко зажимала свой рот, чтобы заглушить восторженные крики.

Разрядка была такой мощной, что к моим вискам скатились две слезинки.

Он начал сосать второй сосок, и волны вернулись, все нутро сотрясалось в конвульсиях.

Восторг...

Когда я успокоилась, он отпустил меня и отодвинулся, встав на колени. Я пыталась перевести дух и выстроить мысли — не преуспела ни в том, ни в другом — поэтому неуверенно улыбнулась.

Его взгляд скользнул по моему телу, переместился к изогнутым губам, Севастьян выглядел так, будто едва сдерживал гнев — настоящий гнев. Что было неправильно.

Я приподнялась перед ним на колени, моя грудь ощущалась роскошно. Влажные соски пульсировали перед его торсом, твердым, словно камень.

— Еще.

Я чувствовала, как он дрожит. Почему Севастьян не бросился на меня, пронзая изнутри?

Моя рука путешествовала вниз по его телу. Когда ладонь обхватила огромный горячий член, Севастьян издал рык. Проведя пальцами по всей длине, я обнаружила влажный островок его выделившейся смазки и вздрогнула от желания.

— Еще.

Стиснув зубы, он произнес:

— Иди на хуй.

— Я не понимаю. Что я сделала?

Схватив мои волосы, он намотал их на кулак.

— *Ty ne dolzhna byla byt' takoy.*

Потянув мою голову на бок, он обрушился на меня своим ртом. Целовался он так же дико, как делал все остальное, поглаживая мой язык чувственными движениями своего.

Его кожа будто горела в лихорадке, этот жар ошеломлял. Два наших соска скользнули друг по другу, и он зарычал, не отрываясь от моего рта, углубляя поцелуй.

Языки сплетались, дыхание смешивалось. Медленно, порочно, сокрушительно. В конце концов, сдавшись, я стала тереться о его тело.

Но тут он вдруг отстранился.

— Ты не знала ничего лучше, но я тебя научу.

Я услышала, как он растянул на брюках молнию. Потянув за волосы, Севастьян заставил меня опуститься на четвереньки; другой рукой он вытащил свой член. Огромнее, чем я могла представить. Совершенство.

Эта обвитая венами длина дернулась под моим пораженным взором. Пульсация усиливалась прямо на глазах. Головку венчала капелька влаги, переливаясь в лунном свете, вызывая аппетит.

Он просто ждал, пока я смотрела, его рука дрожала в моих волосах. Если ему хотелось меня напугать, то почему он не притянул мой рот ниже? Не вошел по самое горло?

Он бормотал по-русски, но голос был таким хриплым, что я едва ли его понимала. Улавливала что-то про *необходимость* меня оттолкнуть и *невозможность* это сделать.

Мне хотелось вникнуть в происходящее, попросить его объяснить, но эта капля завораживала. Не в силах удержаться, я наклонилась вперед и провела языком по кончику, пробуя его возбуждение на вкус, доводя собственное до предела.

Из его груди вырвался гортанный звук. Я подняла взгляд: его голова откинулась, грудные мускулы свело от напряжения. Взбугрились мышцы на руках.

Раньше я уже делала минет, но явно не была в этом экспертом. И всё же, мне всегда казалось, что энтузиазм восполняет недостаток таланта. Ободренная его реакцией, я вобрала член в рот, языком обводя эти выступающие вены.

Его бедра двигались в чувственном ритме, отчего член проник глубже. Удерживая меня за волосы, он неспешно трахал меня в рот.

Костяшками свободной руки он провел по моей щеке, потом по кончику уха. Будто не в силах удержаться.

Одна рука сжимала копну моих волос, требуя повиновения; другая — гладила лицо в знак благодарности.

Такой контраст сводил с ума. Этот мужчина сводил с ума. А его вкус был таким утонченным, что мое обращение с ним сделалось... нежным.

— Прекрасная маленькая Наталья, — прохрипел он, — с жадным ротиком. — Он вновь ласково погладил меня по щеке. — Я представлял, как ты будешь это делать.

Я чуть отпрянула, чтобы провести губами вдоль члена.

— Когда ты следил за мной?

Он что-то проворчал в ответ. Значит, я спокойно занималась своими делами, а этот красавчик-русский представлял, как я буду делать ему минет! Это меня дико завело!

Вернувшись к своему занятию с удвоенной силой, я ощутила вкус новой капли пресемени, но мне нужно было больше. Я напрягла язык и толкнулась кончиком прямо в центр набухшей головки.

— *Aaa!* — закричал он, резко толкнув бедра, заполняя членом мой рот.

Головка уперлась в заднюю стенку глотки. Так можно было подавиться, но я была слишком голодна и лишь ждала этого. Он желал моего подчинения; рот и горло *уже* подчинялись, послушно расслабляясь.

— Прими меня глубже. — Новый резкий толчок. Когда мои губы соприкоснулись с молнией на штанах, я взмолилась о большем, а он повторил, — Иди на хуй.

Я его не понимала, но сейчас меня это не заботило. Работая ртом, я опустила руку вдоль тела в поисках влаги, начав ласкать клитор основанием ладони.

— Нет-нет, Наталья. — Он оттянул меня от члена, потом сдернул ремень и штаны, стаскивая их с ног. Я глядела на открывшийся вид во все глаза.

Сплетенные мускулы мощных бедер. Смуглое совершенство тяжелой мошонки.

Я потянулась приласкать это сокровище, отчего Севастьян невольно дернулся.

Потом, одним молниеносным движением он оказался на спине, а я оседлала его голову; его член, словно жезл, возвышался прямо передо мной.

Он собирался лизать... в такой позиции... пока я...

По-русски он пробормотал:

— Только попробовать на вкус. Чтобы исцелиться.

На своих влажных складках я ощущала его дыхание. Пальцы раздвинули мои губки. Он раскрыл меня, и на самой интимной части своего тела я почувствовала его взгляд...

— Такая красивая.

А потом на меня обрушился его свирепый язык.

Блаженство.

— О, Боже, — выдохнула я. Ещё никто и никогда не ласкал меня там языком. Я застонала, удивляясь, *как вообще могла жить без этого?*

Зажав член в кулаке, он наклонил его в мою сторону. Между движениями языка он сказал:

— Соси.

Когда мои губы вновь вернулись к работе, он, ухватив обе половинки моей попки, притянул меня ближе ко рту.

Будто лакомясь, он жадно работал языком, оторвавшись только, чтобы приказать:

— Сильнее.

На попку опустилась его ладонь, отчего я выгнулась, словно кошка.

Я втянула щёки, и в ответ ощутила легкое прикосновение зубов к клитору — как раз тогда, когда его палец начал проникать вовнутрь. *О, мой Бог...* Я раздвинула бедра шире и замерла в предвкушении, чем заработала очередной шлепок, напоминающий, чтобы я не останавливалась.

Он меня полностью контролировал, а я не могла этим насытиться.

Его палец скользнул на пару сантиметров вглубь, и я дернулась назад, развратно потирая клитором его рот, извиваясь в ожидании большего. Палец проник глубже, заполняя мою внутреннюю тесноту, его член запульсировал ещё сильнее.

Язык извивался, палец двигался, а Севастьян издавал рычащие звуки, словно был на седьмом небе.

— *Блядь*, женщина. Ты не могла быть более тесной. Влажной. — Потом он втянул клитор между губ и принялся его посасывать.

Это столкнуло меня в пропасть. Вопли восторга от оргазма были заглушены вновь, на этот раз — его толстым членом. Моя плоть сокращалась вокруг его пальца, отчего Севастьян будто сошел с ума, он сосал так, словно задался целью мне отомстить, от его рева мой клитор вибрировал.

Меня трясло от накатывающих волн удовольствия, слишком обжигающего, чтобы быть правдой. Такого сильного, что моё зрение помутилось...

Когда моя плоть стала чувствительной настолько, что была не в силах выдержать даже прикосновение языка, я выпустила член изо рта, чтобы сдвинуться подальше.

В ответ он шлепнул меня по заднице.

— Нет, это слишком!

— Ты примешь от меня все.

Он вновь начал меня лизать, а я на его языке тряслась и извивалась. Когда он убрал палец, я посчитала это избавлением — но он тут же принялся похлопывать меня по самой сердцевинке.

— Севастьян!

Он прижал мой рот к своему члену.

— Прими мою сперму. Ею я собираюсь тебя наполнить.

От этих слов я в предвкушении застонала. Зафиксировав рот вокруг головки, я рукой скользила по члену от основания до уровня губ и обратно.

Он толкался бедрами в мой кулак, вонзаясь пятками в матрас, все его огромное тело напряглось в ожидании разрядки.

— Я хочу, чтобы ты все проглотила. — Из-за сильного акцента я едва разбирала его слова. — Ты, Наталья.

— *Угумм*, — это всё, что я смогла произнести, на сей раз радуясь его языку, понимая, что он подарит мне сейчас новый оргазм.

Впившись в мою киску бешеным поцелуем, он прорычал:

— Всё до последней капли, зверек.

От мысли о проглатывании его спермы я уже была на грани оргазма, что вызвало прилив влаги в его жаждущий рот. Он смаковал эту влагу, подавляя свой рык. Он лизнул меня снова, его член у меня между губ сделался толще, поднимая к головке потоки семени.

Какое же он, должно быть, чувствовал давление! Давление, готовое прорваться в любой момент...

— Представь, что я наполняю тебя прямо здесь... — он пронзил меня языком,

одновременно начав выплескивать кремовую горячую жидкость.

С первой струёй спермы он начал трахать меня языком, выкрикивая что-то прямо в мою плоть. Я вновь сорвалась в пропасть, глаза закатились. Помешавшись от наслаждения, я глотала горячие струи семени.

Всё до последней капли...

Грязно выругавшись, Севастьян спихнул меня в сторону и соскочил с кровати так, словно она горела, пока я отползала к изголовью.

Что случилось?

Он натягивал брюки, а я набросила на себя простыню. Если мне не приснилось, я только что насаживалась промежностью на его лицо, одновременно глубоко заглатывая его член.

Кем я была сегодня ночью, черт побери? Когда Севастьян зашипел, заталкивая в брюки этот прекрасный ещё наполовину твердый член, мой рассеянный мозг подумал: "*кем бы я не была, жду — не дождусь, чтобы стать ею снова*"

Я ожидала, что почувствую тревогу. Вместо этого моё тело готово было мурлыкать от удовлетворения.

— Этого не должно было случиться. — На его лице вновь было написано отвращение — на этот раз к самому себе.

Он должен бы чувствовать мириады эмоций. Смущение, удивление, восхищение. Но *не* отвращение.

Я была ошеломлена, но в хорошем смысле, словно только что выздоровела от болезни, став сильнее. Я стала другой. О сексе я знала всё, но никогда не *осознавала* его силы, которую даёт понимание того, что мужчина, более всего ценящий контроль, был не в состоянии справиться со своей реакцией на меня. Так же как и я не смогла справиться со своей.

Он пристально изучал выражение моего лица. Что он ожидал увидеть? Отвращение, похожее на его собственное? Сожаление?

Страх, которого он так добивался?

Чем мрачнее становился он, тем больше успокаивалась я. Наверное, мы были в противофазе. Не потрахаться, так поржать.

— Так значит, мы перешли к той части, в которой ты злишься и требуешь, чтобы я прикрылась? — Рассчитанным движением я закинула руки за голову и позволила простынке соскользнуть. Чтобы напомнить ему о груди, которую он целовал, и о сосках, которые хотел проколоть.

Он провел ладонью по лицу.

— Это было ошибкой.

— Конечно, нет. То, что мы делали — было великолепно.

В этой кровати мужчина моей мечты пошатнул весь мой мир, заставив кончить сильнее, чем когда-либо — *трижды* — и мой минет был не таким уж плохим. Я начинала ощущать себя прирожденной минетчицей.

В иллюминаторе открывался великолепный вид. Луна ярко светила над океаном. Океан! Начало моих каникул было многообещающим.

Он присел на краешек кровати, упершись локтями в колени.

— Ты счастлива от того, что я тобой воспользовался?

Ну, может, не настолько многообещающим. Я изумленно подняла брови.

— Я кончила три раза, ты — *один*. Кто кем воспользовался, Сибиряк?

От удивления у него отвисла челюсть. Круто. Он заткнулся.

Этой ночью мне стала понятна одна вещь. Я всегда думала, что, потеряв девственность, поступлюсь чем-то. Сейчас же осознала, что с мужчиной, подобным Севастьяну, я лишь приобрету.

Удовольствие, путающее мысли, и воспоминания на всю оставшуюся жизнь.

Моё отношение к произошедшему претерпело кардинальное изменение. Меня озарило: если парень, переспав со мной, сделает на спинке кровати зарубку, я скажу, чтобы он вырезал ещё одну для меня, а потом шёл готовить мне бутерброд.

— Такое непотребство больше не должно повториться, — сказал Севастьян.

— Потому что я табу? — Я нахмурилась, когда эта мысль пришла мне в голову. — Ковалев тебя не убьёт из-за случившегося сегодня? Ведь так?

— Конечно, нет. Он не тиран-убийца.

— Так в чем же дело?

— Я воспользовался его дочерью. С трудом верю, что прикоснулся к тебе. — В лунном свете я видела, как румянец окрасил его скулы. — Ударил тебя.

— В итоге мне понравилось всё, что мы делали. — Я, Натали Портер, пришла в восторг от того, что меня отшлёпали. И собиралась с этим смириться.

Я чувствовала себя телефоном, на который установили новую операционную систему, но перезагрузить забыли. Кончая сегодня, я плакала и мигала, а теперь почувствовала апгрейд.

Он перезагрузил меня, показав, каким я буду видеть секс до конца своей жизни.

— Севастьян, не превращай плюсы в минусы. — *Так, шути, отвлекай его...*

— Ты очень тугая. Очень. Ты ведь, конечно, не девственница?

Я пожалала плечами с вызывающим видом.

— Видимо, ты *не всё* про меня узнал.

Он выдавил обескураженное:

— Блядь!

На русском это слово означало «шлюха», но употреблялось и просто как крепкое восклицание.

— Подумаешь, большое дело. — Девственной плевры у меня не было. Об этом позаботился мой арсенал.

— Так какого черта ты на противозачаточных?

Значит, он увидел пластырь на бедре?

— По разным причинам. — В основном для регуляции цикла.

Но он меня не слушал.

— Поступить так с опытной женщиной — уже плохо. — Он вскочил на ноги, заметавшись по комнате от стены к стене. — Но осквернить девушку, к которой никто не прикасался — хуже нельзя и придумать!

— Осквернить? Неужели ты действительно произнёс это древнее слово? Что ж, это было ожидаемо, раз уж с нами не было дуэньи, а твоя мужественность достигла таких размеров.

Он окинул меня мрачным взглядом.

— Я могу не относиться к случившемуся в таком "древнем" понимании, но не знаю, как на это отреагируют другие.

— Другие? Мой отец?

Угрюмый кивок.

— Я думала, ты хорошо его знаешь. Достаточно хорошо, чтобы расписать, какой прекрасной будет моя новая жизнь.

— Я действительно хорошо его знаю. Но у него никогда раньше не было дочери. Понятия не имею, как он к этому отнесётся.

— А если бы я не была его дочерью?

— Но ты — *его дочь*. — Он провёл пятернёй по волосам.

— Ответ на вопрос.

Обернувшись, он кинул на меня такой дикий первобытный взгляд, что я ахнула.

— А если нет, то я был бы уже внутри тебя. *Devstvennitsa ili net*. То, что должно было усмирить мой аппетит, его лишь распалило.

Факты таковы: весь прошедший месяц он про меня фантазировал. Он хотел заняться со мной сексом, даже зная, что я девственница. Некоторые мои индивидуальные особенности пришлись ему по нраву. Ему хотелось пойти со мной дальше; и мне, чёрт побери, тоже...

— Но этого больше не повторится, — добавил он звенящим от решимости голосом.

Меня собираются подвергнуть целибату по причине извращенной *бандитской* логики? Я поднялась, на коленях подползая к краю кровати, с удовольствием наблюдая, как нахмуренный взгляд Севастьяна следит за качающимся движением моей груди.

— Я хочу, чтобы это повторилось. Обычно я получаю то, чего хочу. Все зависит только от тебя, если ты не в силах мне сопротивляться.

Услышав такой вызов, он прищурил глаза и, сам того не осознавая, шагнул ко мне ближе. И ближе.

— Если станешь меня искушать, я уже не буду с тобой таким нежным.

Так это было нежно?

Когда я затрепетала, он не сдержал восклицания.

— Ты сказала, что я тебя смущаю? Это *ты* сбиваешь меня с толку. Тебе нужен я или всего лишь удовольствие?

— Мне нужна возможность это выяснить.

— Я думал, у тебя есть голова на плечах, думал, что твои инстинкты с мужчинами работают.

Мои глаза широко распахнулись.

— Не смей так говорить. Мои инстинкты неприкосновенны!

— Ты не понимаешь? Твой отец собирается подарить тебе чертов мир; даже если бы я этого желал, в твоём будущем нет места для такого мужчины, как я. — Он развернулся к выходу из комнаты.

Глядя ему вслед, я пробормотала:

— Как странно.

Не оборачиваясь, он замер на пороге. И, словно против воли, спросил:

— Что странно?

Я наклонила голову на бок.

— Что ты полагаешь, будто я сама не буду решать, чему есть место в моём будущем.

Сдвинув напряженные плечи, он захлопнул за собой дверь.

— Будильник! — Я подскочила в кровати, понимая, что опоздала на работу, и гадая, какого черта мои часы не сломались. — Опоздала!

Протерев глаза, я постепенно осознала, что нахожусь в самолёте и что события прошлой ночи мне не приснились.

То, что произошло на этой кровати — не приснилось.

Обернувшись к двери, я обнаружила Севастьяна, развешивающего чехлы с одеждой, и чемодан у его ног.

— Расслабься, Натали. Больше тебе не придётся об этом волноваться.

Тогда как я была полностью голой, не считая простыни вокруг бедер и каскада буйных локонов, спускающихся на грудь, Севастьян был облачен в безукоризненный серый костюм-тройку и длинное пальто. Одежда идеально облегла его широкие плечи.

— Ты выглядишь потрясающе, — ляпнула я. Как миллион долларов, как мужчина моих грез, пошатнувший мой мир. Нет, он столкнул этот мир с привычной оси. Это всё равно, как если бы я всю жизнь думала, что степень удовольствия измеряется по шкале от единицы до десяти, а этот парень бы вдруг соблазнительно прошептал "Разве ты не знала? Верхняя планка уходит в бесконечность".

А потом этот парень, для удобства назовем его Севастьяном, доказал слова наглядной демонстрацией. Что, конечно же, заслужило возгласов "бис!"

На мой комплимент он отреагировал легким румянцем на скулах, но ничего не сказал.

Смирись с этим, Нэт.

— Эй, мы приземлились? Не могу поверить, что я проспала. — Закрытые иллюминаторы заставили меня нахмуриться.

Когда я уснула, он вернулся, чтобы опустить шторы? Гррр.

— Что я пропустила? — Я спала, как убитая — сколько именно времени, кстати? — и сейчас чувствовала себя отдохнувшей впервые за много недель. Быстрая инспекция тела дала мне понять, что мышцы ныли, но всё было на своих местах.

— Погода пасмурная, так что ты бы всё равно почти ничего не увидела.

Когда я потянулась, чтобы выглянуть в иллюминатор, он резко отвел взгляд.

Снаружи, под серым небом, аэропорт не выделялся ничем примечательным. У трапа был припаркован лимузин, крутой и равнодушный. На подобной машине могли бы разъезжать представители британской монархии.

— Здесь одежда для тебя, — сказал Севастьян. — Всё должно подойти.

Я одарила его сладкой улыбкой.

— Потому что ты вломился в мой дом и переписал размеры?

Он сузил глаза:

— А потом я лично вручную их перепроверил. — С этими словами он вышел.

О, ну ещё бы, думала я по пути в душ. Вернувшись спустя несколько минут, я обнаружила дымящийся кофе и теплую выпечку. Я отхлебнула кофе... с сахаром и соевым молоком. Как я люблю, и это было ему известно, поскольку он следил за мной.

Не обращая внимания на собственное раздражение, я расстегнула чехлы с одеждой и чемодан. У Джесс бы случился шмотгазм от такого выбора. Даже я оценила дизайнерские свитеры, брюки и обувь из мягчайшей кожи.

А нижнее белье? Стильные бюстгалтеры и трусики не были нарочито сексуальными — несмотря на прозрачное кружево и игривые ленточки — но девушка с фермы в Небраске попросту не носила ничего подобного.

Я находилась не в Небраске.

Так что я пробежалась по белью, выудив шелковый комплект персикового цвета. Натянула облегающий нефритово-зеленый кашемировый свитер и черные узкие брюки. Обычно я не носила обтягивающую одежду, но свитер доходил мне почти до середины бедер, так что всё будет прикрыто. Игривые короткие ботильоны сели как влитые, довершив наряд.

Взглянув на себя в зеркало, я с удивлением обнаружила на щеках румянец. Глаза были ясными, зеленый цвет проявлялся ярче. Я выглядела... любимой.

Почти романтично-наивной.

Если на меня так повлияла одна лишь ночь с Севастьяном, то, что будет, если мы займёмся сексом. *Есть лишь один способ выяснить.*

Я упаковала оставшуюся одежду, потом неловко покатила чемодан к выходу. Если я ждала, что Севастьян сделает моему внешнему виду комплимент, то ошибалась.

— *Не поднимай сумки,* — отрезал он. Я выронила чемодан, словно тот был раскален, и Севастьян проводил меня к выходу.

На верхней площадке трапа я остановилась, чтобы глубоко вдохнуть в себя ароматы этой страны; всё, что я почувствовала — запах авиационного топлива и *ледяной* воздух.

Предвосхищая мои нужды, Севастьян сказал:

— Вот, твое пальто.

Мех. Декадентский соболь.

— О, мех я не ношу, — твердо сказала я, хоть мои пальцы сами собой погладили шелковистую поверхность.

— В России — носишь. — Только я открыла рот, чтобы возразить, как он добавил, — это принадлежало твоей бабушке. Пальто подогнали под тебя.

Это носила моя бабушка? Возражения отклоняются. Я скользнула внутрь, даже не удивившись, как идеально оно село. Спускаясь по трапу, я чувствовала, как меня окутывает тепло.

— Почему Ковалев сделал мне такой подарок? — Он меня даже не знает.

— Кому ещё может принадлежать пальто, если не внучке хозяйки?

Ну, если так к этому подходить...

Когда мы очутились на земле, ничем не примечательный водитель открыл для меня дверцу лимузина, но сесть на заднее сиденье мне помог Севастьян.

В салоне пассажирская часть была отделена от водителя звуконепроницаемым экраном. Тонированные окна, судя по толщине, наверняка были пуленепробиваемыми. Севастьян уселся напротив — на максимально возможном от меня расстоянии.

— Так где резиденция Ковалева?

— За городом, на берегу Москва-реки. Ехать туда примерно час.

Нам придётся час провести внутри этой машины вдвоём? Когда он одет в костюм с обложки GQ, от которого у меня усиливается слюноотделение?

Когда мы выехали на широкую дорогу, я оторвала от него свой взгляд, с нетерпением пытаюсь рассмотреть эту новую страну. Я прилипла лбом к оконному стеклу, чтобы ничего не пропустить, но мы всё время проезжали мимо каких-то складов, которые ничем не

отличались от таких же в Америке, кроме надписей кириллицей.

— Мы проедем через Москву?

— Не сегодня.

— Я не увижу город?

— *Нует*, Натали. — Твёрдое нет.

— И ни одного купола? — поверженно спросила я. Мне всегда нравилось рассматривать фотографии традиционных русских зданий с куполами, таких ярких и смелых — даже раньше, чем я увидела те татуировки на бицепсе.

— Может, и увидишь, — загадочно ответил он.

Воцарилась тишина; за окном в основном мелькали индустриальные парки.

Поездка представляла собой специальную разновидность ада.

— Здесь тепло. Можно приоткрыть окно?

— Не обсуждается, — буркнул он.

Я скрестила руки на груди. Будь у меня ромашка, я бы приступила к гаданию: *он меня хочет; он меня не хочет*. Прошлой ночью я была убеждена, что он готов со мной к большему. Сегодня уже не очень.

— Я хочу обсудить то, что случилось в самолете.

Бросив взгляд на звуконепроницаемый экран, он понизил голос:

— Мы договорились забыть об этом. — Казалось, он убеждает сам себя.

— Нет, *не договорились*. Ты предложил — я отказалась. Кроме того, ты тоже об этом думаешь.

— С чего ты взяла? — хрипло спросил он.

— Потому что ты ерзаешь на сиденье и не расстегиваешь пальто в тёплой машине.

Держу пари, что под этой тканью у тебя стояк.

Он не отрицал.

— Ты думаешь об этом, потому что и я перестать *не могу*.

— Попытайся, — пренебрежительно предложил он, вновь отворачиваясь.

— Это сложно, если каждое движение напоминает мне о том, что между нами было. —

Из-за этой новой сладкой *секретной* боли.

Я призналась:

— Зад горит так, словно последние два дня я провела в седле. — И этот опыт, как и эту боль, я бы не променяла ни на что на свете.

Уставившись в окно, он медленно изогнул губы, а выражение его лица представляло собой квинтэссенцию мужского удовлетворения.

О, эта захватывающая дух улыбка. *Сердце. Пропустило. Удар*. Он чувствовал гордость, потому что я до сих пор ощущала на себе последствия его *воспитания*? Понять выражение его лица всегда было трудно; похоже, ему действительно понравилось то, что он со мной сделал.

Если он чувствовал хоть сотую долю того, что ощущала к нему я, то как мог удерживать себя от повтора? Может, он так постоянно развлекался с другими? Мысль об этом заставила меня вскипеть.

— Полагаю, ты так обращаешься с сотнями разных женщин? Наверное, я одна из многих.

— Ты не похожа на тех, с кем я был раньше.

Это он уже рассказал вчера ночью. *Как день и ночь*.

— Чего так?

Молчание.

— Скажи.

Он пожал плечами. Конец разговора.

Прекрасно.

— Тогда обсудим логистику. Теперь, когда мы разобрались с моей одеждой...

— Не разобрались. Эта одежда только на сегодняшний день. Тебе предоставят обширный новый гардероб.

Когда он говорил такие вещи, я страстно желала испытывать больший интерес к моде. И, ну, к деньгам.

— А телефон я получу? Мне нужно позвонить своим преподавателям.

— Я отправил им всем электронные письма, объяснив, что семейные обстоятельства вынуждают тебя отправиться в поездку. Срок неизвестен.

— Не может быть!

Он поднял свои черные брови. *Не может?*

Он практически исключил меня из университета. И хотя я всё равно собиралась взять академ, такой произвол раздражал.

— Ты всегда была очень ответственной по вопросам учебы, — заметил он. — Было бы странно, если бы ты исчезла, никому не сказав ни слова.

— Они не поверят.

— Поверят, если письма придут с твоего ящика.

— Так вот что ты делал, когда я была в ванной! Я слышала, как ты вошёл той ночью.

Он не отрицал.

Значит, он был за моим компьютером, вмешиваясь в мою жизнь, как вдруг услышал мои *стоны*, решив заодно проверить, что происходит? У него вообще есть границы?

Господи, сколько всего произошло с того момента. Казалось, что в баре с подругами я сидела уже несколько недель назад — наверное, потому, что за прошедшие двадцать четыре часа моя жизнь изменилась круче, чем за последние шесть лет — с того момента, как умер отец, и я осознала, насколько коротка и драгоценна жизнь. С того момента, как я начала свои поиски.

Моя нервозность относительно всей ситуации вернулась в полной мере.

— Ладно, а что насчет условий проживания? Где я остановлюсь? О каком сроке идет речь?

Севастьян озадаченно на меня посмотрел.

— Ты будешь жить с Ковалевым в его доме. Как только это будет безопасно, ты сможешь отправиться куда пожелаешь.

— Я должна буду жить с тем, кого не знаю? — У меня ещё не было возможности погуглить Ковалёва.

— Ну, ходить по головам вам не придется, — сказал Севастьян. — В его особняке ты будешь жить отдельно, пока угроза не будет устранена. Если только ты не решишь остаться навсегда.

Добровольно поселиться с незнакомцем? В мрачном доме советских времен?

— Но *сколько* ждать устранения угрозы? Пару недель? Месяцев?

— Это твоя жизнь на обозримое будущее.

У меня рот открылся. Осенние каникулы только что продлились и всё из-за отца,

которого я никогда не видела.

— Расскажи, какой Ковалёв в жизни.

Губы Севастьяна с одного краешка вроде как приподнялись.

— Он не похож на того, кого ты себе напридумывала. — Сибиряк начал оттаивать?

— Ты искренне его любишь. Это ведь больше, чем просто, эээ, преданность боссу?

Он кивнул.

— Ковалёв — лучший человек из всех, кого я знаю. Ни к кому больше я не испытываю такого уважения.

— Как вы встретились?

— В Санкт-Петербурге. Случайно, — ответил Севастьян, вращая на большом пальце кольцо.

— Да, это всё объясняет. — Скрытный русский.

— Попроси Ковалёва, чтобы он сам рассказал, если хочешь.

Может, и попрошу.

— И чем же мне заниматься целый день, раз ты исключил меня из универа и уволил с работы? — Во мне и так энергии было куда больше, чем обычно. — Слишком сложно перейти от тяжёлого труда к праздной лени.

— Ты поближе узнаешь своего отца. Познакомишься с красотами "Берёзки".

— Маленькая берёза? Это название имения?

— Да.

Мы замолчали. В пейзаже за окном появилось больше деревьев, потянулись обширные площади частных владений. Мы пересекали один КПП за другим, проверки становились всё тщательнее.

Мои нервы явно испытывали на прочность. Я выразила недовольство новым пальто. меховым. Принадлежавшим моей бабушке.

Что, если я сказала какую-нибудь глупость или рассердила Ковалева? Обычно я следила за языком, но если уж что-то брякала, то по полной.

Вдруг этот человек не был уверен, что я его дочь, и это был своего рода тест? Всё, что я знала — это слова Севастьяна. Чёрт. Могу ли я ему вообще доверять...

— Натали, расслабься. — Он наклонился вперёд и взял мою руку. — Он хороший человек. Как только я решила, что Севастьян — козёл, как он тут же стал таким понимающим.

Случайная вспышка неуверенности у меня. Случайная вспышка сочувствия у него.

Потом он нахмурился.

— У тебя руки холодные.

Я посмотрела вниз, а он взял обе мои ладони в свои. Чтобы согреть.

Как и должен был делать в моём воображении мой будущий неизвестный парень.

Я моргнула. Неужели это было всего день назад?

— Разве среди вещей не было перчаток?

— Я не успела всё просмотреть.

— Не нервничай. — В его голосе звучала абсолютная уверенность, — ты играючи со всем справишься.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что обычно ты так и делаешь. — Лимузин снизил скорость, Севастьян выпустил мои ладони и, прочистив горло, сообщил, — мы приехали.

Сторожевые собаки и автоматы. Чему я удивляюсь?

В начале подъездной дорожки возвышались две двухэтажные башенки, образующие арку над коваными железными воротами. Перед ними стояли вооруженные люди в форме с рычащими собаками.

Наш водитель опустил окно и заговорил с охранником, который, казалось, всё старался меня рассмотреть. Полагаю, им всем было интересно, как выглядит потерянная дочь Ковалёва.

Ворота распахнулись, и мотор заурчал. Когда створки за нами закрылись, Севастьян немного расслабился, как тогда, в самолёте, едва мы взлетели. Выражение его лица стало чуточку менее угрюмым.

— Что ж. — Я удивленно выдохнула. — Совсем другое дело.

— Охрану к твоему приезду усилили. Ковалёв не допустит никаких случайностей. Но бояться не стоит. Мы не позволим ничему с тобой случиться.

— Я не боюсь, я просто никогда раньше не покидала Корн Белт. А теперь это...

— Я знаю, зверек. — Я заметила, как он посмотрел на мои сплетенные на коленях пальцы и подумала, что ему вновь хочется взять меня за руку. Но он сдержался.

Водитель ехал по извилистой дороге через парк с чередующимися лужайками полей для гольфа. Сквозь низко висящие облака начали пробиваться солнечные лучи.

Я хотела уделить внимание каждой детали, чтобы запомнить свой первый приезд сюда, но снова и снова отвлекалась на Севастьяна.

Пока мы ехали по милому деревянному мостику, я заметила, что он меня изучает. Наблюдает за моей реакцией на окружающую обстановку?

Растительности вокруг стало больше, густой лес приобретал осенние краски. Листва берёз и других деревьев являла собой буйство оранжевого, красного и золотого — золотого, как цвет глаз Севастьяна.

Когда мы подъехали к огромной постройке на берегу озера, я воскликнула:

— Это оно? — Стены и колонны были цвета слоновой кости, черепичная крыша венчалась тремя медными куполами, зелёными от патины. — Купола! О, это великолепно! — Никаких мрачных советских монолитов. Отражение этого строения в зеркальной глади озера придавало всей картине оттенок нереальности. Я влюбилась и готова была признать, что чувствую себя как дома...

— Это озёрный павильон. — В ответ на мои поднятые брови Севастьян пояснил, — место, где гости могут выпить чаю.

— О. — Мы поехали дальше.

По пути располагалась конюшня с не менее чем полусотней денников.

— Сколько здесь всего лошадей?

— Десятки. Ковалев любит животных.

Белые тигры, ау? Может, он держит в клетках медведей?

Когда мы повернули, впереди показался особняк. Нет, не особняк — дворец.

У меня челюсть отвисла.

— *Вот он,* — сказал Севастьян.

От основного трёхэтажного здания в обе стороны далеко раскинулись два крыла. По

размеру они походили на городские дома, но обладали куда большим очарованием. Я поняла, что озёрный павильон был миниатюрной копией особняка. Лучи клонящегося к закату солнца отражались от куполов.

— Я... это...

— Это бывшая царская резиденция, — сказал Севастьян. — Двадцать лет назад она находилась в плачевном состоянии и ожидала реставрации, как историческая ценность. Ковалев купил её и кропотливо восстановил.

— Так это историческое здание. — Моё сердце заколотилось. — Ты не сказал, что я буду жить в... в *истории*.

Лимузин припарковался рядом с цепочкой высококлассных автомобилей всех видов и моделей. Прежде чем водитель смог дотянуться до моей двери, я уже выбралась наружу, Севастьян — за мной. Я задрала голову вверх.

— Впечатляюще, — в конце концов смогла произнести я.

Севастьян удовлетворенно кивнул.

— *Horosho*. Я рад.

— Это, должно быть, Наталья Ковалева! — Из огромных медных дверей появился молодой человек примерно моего возраста. Когда солнце осветило его лицо, мой рот открылся. Он был... сногсшибательным. Его русые волосы были модно подстрижены, черты лица — почти идеально симметричны. Его дьявольские яркие серые глаза светились интеллектом.

Я едва обрела дар речи после вида особняка, как мой несчастный мозг снова переполнился.

— Это Филипп Люкин, — представил его Севастьян тоном, полным осуждения.

Если Севастьян обладал суровым обаянием и сексуальностью, то Филипп был ослепляюще красив. Пока я пыталась вспомнить, как разговаривать, Севастьян добавил:

— Он твой *кузен*.

Как некстати.

Филипп поспешно заметил:

— Дальний, из совсем другой линии и всё такое. — У него был британский акцент. Он одарил меня милой улыбкой с ямочками и идеальными зубами.

Филипп протянул руку вперёд, чтобы хлопнуть Севастьяна по спине:

— С возвращением, *bratan!*

Выражение лица Севастьяна остановило Филиппа от прикосновений.

— *Никогда* не называй меня братом.

Ух ты. Севастьян вёл себя так, будто Филипп только что перерезал обнаженный нерв.

— Как скажешь, — невозмутимо сказал Филипп. — С возвращением, всё по-прежнему. Я знаю, что ты рад окончанию этого длительного задания.

Неужели все думали, что для Севастьяна я была лишь работой? Тягостным заданием, оторвавшим его от дома на месяц? Ведь это было не так, правда? Может, я плохо помню его реакцию на меня. Хотя, после его ледяного ухода сегодня, я могла бы и задуматься...

Филипп раскрыл объятья:

— Ну, кузина, давай обнимемся.

Получив неприятный укол от того, что меня посчитали *заданием*, я позволила Филиппу себя обнять. Отстранившись, бросила взгляд на Севастьяна, который стоял, стиснув зубы. Происходящее ему явно не нравилось, неужели *ревнует*?

Переведя всё своё внимание на Филиппа — с удовольствием — я спросила:

— Ты живёшь здесь?

— Могу, — ответил он, игриво добавив, — теперь, когда в Берёзке появилась ты, я буду бывать здесь чаще. Мне не рассказывали, какая ты потрясающая.

Мой анализатор мужчин начал подавать сигналы, но понять, хорошие они или плохие, я не могла. Если я чувствовала какую-то неловкость, то это, скорее всего, из-за реакции Севастьяна. Я решила сменить тему.

— Твой английский идеален. — Севастьян тоже говорил безупречно, но, в отличие от Филиппа, с сильным акцентом. — Ты воспитывался за границей?

— Я учился в Оксфорде и там же получил MBA. Сейчас вернулся. — И чуть мягче он добавил, — пытаюсь осовременить бизнес твоего старика, переведя его в новый век. — У главной двери он предложил мне свою руку, — Пройдём?

Меня что, вот так просто сдали из рук в руки? От Севастьяна к Филиппу? Сначала я была взбудоражена. А теперь чувствовала себя не в своей тарелке. И всё же умудрилась улыбнуться.

— Полагаю, да.

— Я проведу её в дом. — Ладонь Севастьяна собственнически сжала моё плечо, посылая сквозь тело волну удовольствия. Мне захотелось на нём повиснуть.

Улыбка Филиппа чуть поблекла.

— Я справлюсь. Уверен, ты устал от наблюдения.

Севастьян не произнёс ни слова, ему и не нужно было. Один мрачный взгляд, и Филипп отступил.

— Полегче, Сибиряк. — Он добродушно рассмеялся. — В любом случае у меня есть кое-какие дела. Увидимся вечером, кухня. — Он пошёл к веренице припаркованных автомобилей.

— А где твоя машина? — окликнул его Севастьян.

Не замедляя шаг, Филипп отозвался:

— В сервисе.

Я уставилась ему вслед, потому что от Филиппа невозможно было оторвать глаз. Как от удаляющейся кометы.

Когда я вновь обернулась к Севастьяну, тот выглядел так, словно готов был заскрежетать зубами.

— Остерегайся его. Внешность обманчива.

— Если бы я тебя не знала, то подумала, что ты ревнуешь.

— Дело не в этом, — произнёс он, проворачивая на большом пальце кольцо. — Идём, — махнул он мне, перешагнув через порог.

Войдя внутрь, я ахнула от окружающей роскоши. Массивная лестница грациозно поднималась вверх, начинаясь в просторном фойе. Под нашими ногами сверкал мрамор. В нишах были расставлены изящные статуэтки, а стены украшали картины, написанные маслом. Вопреки моим опасениям, в обстановке чувствовалось море вкуса.

Когда одетый в униформу слуга принял наши пальто, мне показалось, что меня лишили слоя комфорта. Из фойе Севастьян повёл меня по длинной галерее, в конце которой располагались массивные деревянные двери. Мы остановились прямо перед ними.

— Здесь его офис.

Я смотрела на двери, полная мрачных предчувствий. До этой секунды мысль о встрече с

биологическим отцом была отдалённой мечтой, неправдоподобной надеждой. Я пригладила волосы, поправила свитер.

— Пойдём. Он тебе понравится, Натали. — Казалось, сила Севастьяна проникает и в меня.

Слабым голосом я спросила:

— А я ему?

Он взялся за ручки дверей. Уставившись прямо перед собой, он пробормотал:

— *On tebya polyubit.*

Все мои ожидания в духе "*крестного отца*" о мрачной обстановке, деревянных панелях и сигарном дыме испарились: кабинет Ковалева был светлым и просторным. Солнце свободно проникало сквозь множество окон.

Почти все стены были увешаны радостно тикающими старинными часами. Некоторые из них в различных стадиях починки покрывали рабочий стол.

Ковалёв в самом деле часовщик? За свой комментарий в самолёте я почувствовала себя глупо, надеясь, что Севастьян его не запомнил.

Посмотрев направо, я увидела хозяина кабинета, говорившего по телефону. Павел Ковалёв совершенно не соответствовал моим ожиданиям. У него были чёрные волосы с сединой на висках, румяные щёки и худощавое телосложение. Вместо спортивного костюма он носил блейзер с синей рубашкой, подчёркивающей его сверкающие глаза. Ни одной золотой цепи.

Ковалёв — русский мафиози — не был похож на "крестного отца", а выглядел, скорее, как... худой, щеголеватый Санта Клаус. Полная противоположность образу, созданному в моём воображении.

— Натали! — Он мгновенно выключил телефон. Его глаза осветились, когда он поднялся и поспешно подошёл ко мне. Его рост был примерно метр семьдесят пять, на вид ему можно было дать примерно шестьдесят лет. Он широко раскинул руки — одновременно заразительно улыбаясь.

Несмотря на общую ДНК, он был для меня незнакомцем. Как мне его называть? Мистер Ковалев? Отец? Пап? Я неуверенно переступила, быстро глянув на Севастьяна, который коротко кивнул. Это он так ободряет? В итоге, я тупо пробормотала:

— Привет. — Жалкое зрелище.

Ковалёв, стиснув мои плечи, наклонился вперёд и запечатлел на каждой щеке поцелуй.

— Ты просто копия моей матери. — Он махнул в сторону гордо висящего на стене портрета улыбающейся женщины.

Я и правда была на неё похожа. На свою бабушку.

— Поездка была приятной?

Изумительной, открывающей глаза, местами порочной.

— Неожиданной.

— Я, правда, приношу извинения, дорогая. — Он говорил на превосходном английском — с таким же, как у Севастьяна, акцентом. — Полагаю, Алексей^[1] посвятил тебя в наши обстоятельства. — Бросив на Севастьяна гордый взгляд, Ковалёв добавил, — Алексей говорил от моего имени.

Я запомнила эту фразу. Это был простой способ сказать, что Ковалёв полностью доверял ему и всегда знал, что Севастьян мог сказать в той или иной ситуации.

— Это правда? — На лице Севастьяна мелькнул румянец? К вопросу о "непотребстве".

— На сто процентов. Он мне как сын, лишь ему я мог доверить свою... дочь. Не думаю, что когда-нибудь мне надоеет так говорить. — Когда его глаза чуть увлажнились, я испугалась, что доведу до ручки этого *бандитского* Санту.

— Севастьян охранял меня, — уверила я Ковалёва. — Полёт прошёл спокойно, без происшествий. — *Гори, Сибиряк.*

— Хорошо, хорошо. Ты голодна? Выпьем чаю?

— Прекрасная мысль.

— Я вас оставлю, — Севастьян был напряжён и официален. — Рахан, потом нам надо поговорить.

Они обменялись взглядом, который ни о чём мне не сказал, но брови Ковалёва сошлись на переносице.

— Конечно, сынок.

Севастьян повернулся и вышел в двери, через которые мы сюда попали.

— Он о вас очень высокого мнения, — сказала я. — Он рассказал, что встретил вас ещё в детстве.

— Да, я нашёл его, когда ему только исполнилось тринадцать.

— Нашли? — Севастьян *потерялся*?

Ковалёв издал подтверждающий звук, но не стал вдаваться в подробности.

— Такой способный мальчик, и преданный, несмотря ни на что.

— Как он назвал вас, уходя?

— Пахан? Это слэнг, наполовину "*крёстный отец*", наполовину "*старик*". Можешь не верить, но это ласковое обращение. Наверное, ты тоже могла бы так меня называть, пока мы не узнаем друг друга поближе. Временно?

Пока я не начну звать его *Batja*? Прозвучавшая в его голосе надежда тронула моё сердце. Я улыбнулась.

— Лады, Пахан, но только временно.

Жестом он предложил мне пройти к паре элегантных кушеток, а сам устроился напротив. По сигналу слуги внесли чайный сервиз и многоуровневое серебряное блюдо. Верхний уровень занимали бутерброды с лососем и огурцом. На втором расположились блины с икрой; сыр, груши и виноград занимали третий уровень. Булочки и прочая выпечка были красиво разложены в самом низу.

Пока он разливал дымящийся крепко заваренный чай, я наполнила свою тарелку. Вместо сахара в свою чашку он добавил апельсинового джема, так что я последовала его примеру. Такое сочетание оказалось восхитительным.

Мы болтали о погоде в Небраске и в России, о его прошлых поездках в Штаты (деловые командировки в Брайтон Бич и Лас-Вегас). Удивительно, но болтать с ним было очень легко.

Потом разговор стал более серьёзным.

— Тебе, наверное, хотелось бы узнать о своей матери.

Я кивнула.

— Севастьян мало что рассказал, предпочитая, чтобы это сделали вы.

— Её звали Елена Андропова. — Поведение Ковалёва изменилось. Он словно стал старше под грузом воспоминаний. — Я узнал, что она скончалась вскоре после твоего рождения.

— Осложнения после родов? — Она из-за меня умерла?

— Ты не должна себя винить, — быстро ответил Ковалёв. В то время уровень медицины был недостаточным. По всей стране царила неразбериха.

Удалось ли ей хоть раз меня поддержать?

— Я всегда думала, что она от меня отказалась.

— Никогда. И я бы так никогда не поступил. Я просто не знал. Нас... разлучили.

— Из-за кодекса Братвы?

— *Да.* Я и понятия не имел. Я бы наплевал на кодекс, перевернул бы землю и небо в поисках такой дочки, как ты.

Конечно, я считала себя самым очарованием, но разве он может испытывать настолько сильные чувства? Только лишь на основании нашей биологической связи? Или на основании полевых отчётов своего боевика?

— Вы говорите с такой... уверенностью. Я знаю, что для многих очень значимы кровные узы, но вы должны понять, почему я считаю, что и другие виды связи также важны.

— Конечно! Хотя мне кажется, будто я давно тебя знаю, раз уж Алексей такого высокого о тебя мнения. Редко кто получает его одобрение, да ещё и такое искреннее.

Высокого мнения? Искренне?

— Что вам рассказал Севастьян?

— Он сказал, что ты отлично учишься, получила много академических наград и стипендий. Он прислал мне копии статей, которые ты писала для научных журналов; мы их все прочли.

Мне вдруг захотелось, чтобы в своё время я приложила больше усилий к работе над ними. Интересно, что бы эти два гангстера сказали про мои дискуссионные темы: представление о женщине, разности полов и гомосексуализме в истории. Думаю, ещё будет случай спросить.

— А также я видел твои фотографии с городских ярмарок, и недавние видео, где ты пела в караоке с друзьями.

Я и забыла, что Джесс выложила в инет то видео из моего периода "энтузиазм восполняет недостаток таланта". *Ты вчера говорила себе то же самое, шлюшка.* Мои щёки вспыхнули, и, чтобы скрыть смущение, я хлебнула чаю.

Ковалёв сдержанно произнёс:

— У тебя прирожденный талант к пению.

Тонкое замечание заставило меня усмехнуться в чашку. Я поняла, что у него хорошее чувство юмора, и мне это нравилось.

— Севастьян говорил, что ты училась на дневном отделении, одновременно трудясь на трёх работах. — Ковалёв помрачнел, — Я знаю, что от такого количества работы ты часто возвращалась домой в полном изнеможении.

От неловкости я вновь вспыхнула. Он говорил так, словно я Золушка. Но у меня была цель, так что я рвала задницу, чтобы её достичь. Всего-то.

— По правде говоря, я тогда была, скорее всего, пьяна. Очень может быть и так.

Ковалёв умолк. Слышно было лишь тиканье тысяч часов. Затем он откинул голову и расхохотался.

У него был прекрасный смех, которому он целиком отдавался. Я обнаружила, что тоже начинаю смеяться.

Когда мы успокоились, он вытер глаза и сказал:

— Ну что ты за сокровище, Натали.

В ответ я ухмыльнулась:

— Насчёт тех работ, Пахан, не хочу, чтобы вы считали, будто родители меня не обеспечивали. Они всегда обо мне заботились, но я не хотела, чтобы моя мама узнала о моей нагрузке.

— Значит, чтобы не волновать своих приёмных родителей и доставить огромное

удовольствие мне, ты работала на пределе своих сил. И преподала мне важный урок.

Я подняла брови.

— Сильным можно быть по-разному, не так ли? Синдикат наподобие моего обладает силой. Но также сильна и двадцатичетырёхлетняя девушка со стальным стержнем и огнём в груди. *Ты* нашла *меня*, — добавил он, повторяя слова Севастьяна, которые он произнёс прошлой ночью.

Может, мои усилия и могли рассматриваться как нечто экстраординарное, но я считала последние шесть лет... обычной жизнью.

— Кстати, о вашем синдикате, — я глубоко вдохнула, — с чего всё, эээ, началось? — Нам надо раз и навсегда прояснить этот вопрос.

— Точно не по своей воле! Я хотел стать часовщиком. — Он махнул в сторону своей коллекции. — Как и мой отец до меня, как и его отец до него.

Я происхожу из династии часовщиков? Круто!

— Когда я был мальчишкой, наша семья владела магазином в Москве, что обеспечивало нам комфортную жизнь. Но потом явились головорезы, занимавшиеся рэкетом, они требовали денег за защиту от размножившихся банд. Цена оказалась непомерной. У нас не было другого выхода, кроме как ответить отказом, так что нас заставили заплатить по-другому.

— Что произошло?

Его взгляд стал отрешённым.

— Той ночью умер отец. Мать прожила ещё несколько лет, скончавшись в конечном итоге от... того, что с ней сделали.

Меня замутило, и я чуть не выплюнула свой чай. Меня охватило незнакомое чувство — желание защитить этих людей — и тихая ярость к тем, кто это с ними сделал. Я знала окончание истории Ковалева — он, очевидно, дал отпор *ворам* и победил — но я хотела услышать *как* он это сделал. Мне нужны были подробности. Чтобы насладиться его возмездием. Поразительная мысль. Может, я оказалась именно там, где мне и было место — в центре бандитской разборки?

— Что вы сделали?

— Я был всего лишь подростком, когда они напали, — ответил Ковалев. — Но под руководством матери, свирепой и гордой женщины, мы отомстили за отца и, обманув, уничтожили банду.

Да, но..

— Как?

Он выдохнул, невесело улыбнувшись.

— Не будем о грустном. Просто знай, что тогда мы победили. Однако, некоторое время спустя, явилась новая банда, требующая денег с нас, с наших соседей и друзей. Стало ясно, что мне нужно делать. Я мог либо позволить стайке шакалов постоянно нами кормиться, либо нанять собственных людей для защиты себя и друзей. Местные фирмы платили мне то, что могли, а я развивался дальше.

Самым спокойным тоном, каким только могла, я сказала:

— Я рада, что вы их победили, Пахан. Рада, что отомстили за своих родителей.

Он будто проснулся:

— Я беспокоился, что ты не сможешь принять меня таким, какой я есть.

— Знаете, что странно? Меня больше расстраивает, что я так и не узнала, как вы с ними

справились, чем то, как именно вы зарабатываете на жизнь.

Он посмотрел на меня и мягко произнес:

— Какое сокровище... — затем, оживившись, выпрямился. — Давай поговорим о менее тревожных вещах, о будущем. Сегодня вечером я запланировал банкет в твою честь. Ты встретишься со всеми членами нашей организации, со всеми нашими бригадами. И так же со своим кузеном Филиппом.

— Я столкнулась с ним по пути.

Казалось, Ковалев удивился.

— Большинство девушек первая встреча с ним просто поражает.

Возможно, не положи я глаз на Севастьяна.

— Филипп — сын моего дальнего родственника и лучшего друга, который недавно скончался. Бедняга тяжело это воспринял. Твой приезд — как раз то, что ему нужно...

Остаток дня прошёл в дружеской беседе. Мы с Ковалёвым обнаружили, что одинаково не любим комедии с шутками "ниже пояса", обожаем животных и фильмы про ограбления.

— Правда, обычно в них мало правды, — заметил он, тем самым напомнив, что я разговариваю с криминальным авторитетом.

Он рассказывал мне о моей матери — ей нравилось заниматься садоводством, сажать растения, она была бы рада узнать, что я выросла на ферме. Он предложил мне утром сразиться с ним в шахматы и пообещал научить обращаться с часовыми механизмами.

Когда все они пробили пять, Ковалёв сказал:

— Как бы я не наслаждался беседой, придётся тебя отпустить, чтобы ты успела расположиться до банкета.

— О. — Банкет-шманкет, я жажду провести с отцом больше времени.

Ковалёв доверительно сообщил:

— Уже жалею о том, что его запланировал, мы могли бы тихо поужинать, не прерывая разговора. — Ему также не хотелось со мной расставаться. — К нам мог бы присоединиться Алексей.

В дверь постучали. Помяни чёрта.

— Как раз вовремя, сынок, — сказал Ковалёв. — Ты не проводишь Натали в её комнаты?

— Я думал, ты захочешь это сделать.

— Нет-нет, вы идите. Увидимся вечером, дорогая. — Он поцеловал меня в макушку, так естественно.

Когда мы с Севастьяном вышли из кабинета, я не могла перестать улыбаться. Сибиряк оказался прав — я не знала, о чём говорю; Ковалёв оказался потрясным.

По пути к главной лестнице, Севастьян, наконец, заговорил.

— Ты в хорошем настроении.

— Как ты и говорил, Пахан — классный. — Моё предубеждение относительно Ковалева оказалось до смешного неправильным, и я также ошибалась насчет Севастьяна. Пора поставить свой анализатор мужчин на паузу — *должно быть*, он имеет географические ограничения.

Севастьян поднял брови.

— Ты зовёшь Ковалёва Паханом?

— Он сам меня попросил, — попыталась оправдаться я.

— А ты согласилась, несмотря на его занятие?

Я вздохнула.

— Подкальываешь? Придумай что-нибудь поинтереснее. Кроме того, как ты и говорил, теперь я многое понимаю. — Я выдержала его взгляд. — И очень рада, что ты впихнул меня в этот самолёт. — *По нескольким причинам...*

Казалось, его взгляд потеплел, но он быстро отвёл глаза, и мы пошли дальше по длинной галерее. Наверное, мы направлялись в другое крыло.

Когда мы остановились перед белыми дверьми, он сказал:

— Это твои комнаты.

За ними оказалась огромная гостиная, не уступающая обстановкой кабинету Пахана, но больше соответствующая женскому вкусу.

Декор определённо подбирался для девушки. Очень богатой русской девушки.

— Это так чудесно. Но, эээ, где я буду спать?

Вздохнув, он пересёк комнату, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Мы прошли в смежный кабинет с шикарным новеньким "маком", затем кинотеатр с экраном во всю стену, и, наконец, достигли спальни.

Войдя внутрь, я пробормотала:

— О-фи-геть.

— Извини?

— Ты, наверное, издеваешься. — Я крутанулась на месте, оглядывая массивную кровать, ручной росписи комод размеров с лифт, портьеры, шелковые кисточки на которых были с моё предплечье. Под ногами сверкающий мрамор пола устлала восточные ковры. На потолке затейливо выполненные лепнины были покрыты золотом. Основным цветом был мой любимый — нефритово-зеленый.

— Пахан ведь не сделал это специально для меня?

— Конечно, сделал. Ведь ты его дочь. Он получал огромное удовольствие, пытаясь

представить, какой ты окажешься.

— И ты знал, что зеленый — мой любимый цвет.

Он наклонил голову.

Это напоминание о его вмешательстве в мою жизнь почему то уже не вызывало такое раздражение, как раньше.

— Ну, хоть какой-то толк от этой слезки, а?

Проигнорировав последнее замечание, он сказал:

— Наряды для тебя в гардеробах.

— В гардеробах — во множественном числе?

— Естественно.

— О. И кто выбирал эту одежду?

— Стилист. Если тебе что-то понадобится, она будет ждать твоего звонка.

Рядом с экстравагантной приветственной цветочной композицией я заметила кожаную папку и несколько подарочных коробочек. Папка содержала набор кредиток и список телефонов Ковалева, управляющего именем, конюшни, моего стилиста, горничной, кухни.

— Мне дождаться Пахана, чтобы открыть подарки?

Севастьян поднял брови:

— Что-то мне подсказывает, что скоро придут новые.

В первой коробке лежал смартфон, который словно был прислан из будущего. Я на неделю раньше могу позвонить Джесс, чтобы уверить в том, что я жива, и, в конце концов, смогу связаться с мамой. Правда я понятия не имела, что ей сказать.

Другие коробки — из таких магазинов, как Картье, Гарри Винстон, Микимото и Бучелатти — были полны сверкающих драгоценностей: короткое ожерелье из трёх нитей жемчуга, сапфировые серьги, цепочка с изумрудным кулоном и браслетом в комплекте. Этот браслет был таким массивным и крепким, что с его помощью я могла отбивать даже пули, как какая-нибудь Супер-женщина.

Повернувшись к Севастьяну, я пошутила:

— Должно быть, драгоценностей здесь на миллион долларов.

Когда он поднял ладони в жесте *"ну что тут поделаешь?"*, я вскричала:

— О, Боже. Так и есть! — и судорожно вздохнула. Эта ситуация была слишком дикой — переполняющей. Я живу во дворце. Я действительно не пойду завтра в университет, вместо этого стану играть в шахматы со своим отцом-миллиардером.

Это была моя "новая жизнь" на "обозримое будущее".

Я подошла к балконным дверям и распахнула их, чтобы впустить немного свежего воздуха. Стоя там, я любовалась, как туман опускался на ухоженные сады, и по всему поместью начали зажигаться фонари.

Севастьян присоединился ко мне, подойдя к балконным перилам. И меня вновь захлестнуло ощущением близости. Но он оставался совершенно холоден.

— Что это за строение? — спросила я, указывая на двухэтажный особняк, расположенный по диагонали от нашего крыла. Как и в случае с озерным павильоном, архитектура и цвета, использованные в оформлении, сочетались с главным зданием. Рядом был припаркован блестящий черный мерседес, похожий на тот, который Севастьян арендовал в Линкольне.

— Мой дом, — ответил он.

— Ты живёшь здесь?

— Да. Хотя у меня есть квартира и в Москве, — тон его ответа без сомнения намекал на мой комментарий об обыске его комнаты — и других вещах. Например, о наблюдении за тем, как он будет мастурбировать.

Я сглотнула, вглядываясь в его лицо, этот мужчина вызывал столько вопросов. О чём он сейчас думает? Как он получил этот сексуальный шрам на губах? Кто сломал ему нос?

Целовал ли хоть кто-нибудь эту слегка неровную переносицу?

— Наверное, ты скучал по этому месту, когда околачивался в Линкольне.

Он пожал плечами.

— Сейчас я возвращаюсь вниз.

Я прошла за ним в комнату.

— О чём тебе так срочно нужно поговорить с Паханом?

— Надо обсудить личные вопросы, Натали, — бросил он через плечо.

Я прищурилась.

— Ты расскажешь ему о нас, да?

Он резко повернул голову в мою сторону.

— Нет никаких нас, — произнес он с такой горячностью, что я чуть не отпрянула.

— Ты знаешь, о чём я.

— Я собираюсь признать, что вёл себя с тобой недостойно. Я обязан это сделать.

Ковалёв мне очень нравился, но, по правде говоря, знала я его недостаточно. Какое наказание может повлечь за собой подобный проступок?

— Он очень рассердится? — Представить, как Ковалев выходит из себя, я не могла, но, с другой стороны, я не могла представить и то, как он шантажирует политиков.

— На тебя? Не рассердится совсем. Что касается меня, то явно не сильнее, чем я сам на себя зол.

Севастьян начинал меня бесить. Я бросилась за ним:

— Слушай, я только что приехала и с Паханом сейчас всё складывается хорошо. Зачем раскачивать лодку, если мы с тобой едва ли вообще *что-то* делали? Я удержалась и не осквернила тебя. От моих когтей ты был в относительной безопасности.

Каменный взгляд.

— Пожалуйста, прошу, не делай из тривиальной ситуации проблему.

— Тривиальной? — Он преодолел расстояние, остававшееся между нами, и мы оказались нос к носу. — Может быть, для опытных взрослых. Но тебя едва ли можно назвать опытной, не так ли? — Его дыхание участилось одновременно с моим. В воздухе разливалось напряжение. О, Боже, его опьяняющий запах обрушился на меня как раз в тот момент, когда я вспомнила о его обещании "девственница или нет" и признании "*то, что должно было приглушить мой аппетит, только его распалило*".

Вздёрнув подбородок, я выгнулась к нему, пока между нами нельзя бы было просунуть и листка бумаги.

— То, что у меня не было секса ещё не говорит об отсутствии у меня всякого опыта.

Он наклонил голову на бок, скользя взглядом по моему лицу, словно пытаясь что-то понять, но тщетно. Это ощущение было мне знакомо.

— И если тебя так беспокоит моя девственность, — сказала я, — то это легко исправить.

Он сжал кулаки.

— Ты имеешь в виду, с другим мужчиной?

От такого проявления ревности я опешила, так что поспешила напомнить:

— Ты сам можешь это сделать. — Когда я буду влажной и готовой. Меня снедало любопытство — как именно он избавит меня от девственности; можно лишь догадываться, какие у этого мужчины ещё трюки в запасе. С моих губ сорвался длинный выдох, и я обнаружила, что шепчу, — ты всё ещё можешь.

Он отпрянул так, словно я была заразной.

— Может, я хочу рассказать всё Пахану, чтобы этого больше не повторилось.

— Ты уверен, что больше не захочешь?

— Да, — ответил он и начал крутить кольцо на большом пальце. Возможно, этот жест выдает его, когда он лжет?

— Я была для тебя лишь работой, Севастьян?

Он смотрел мимо меня куда-то вправо.

— Это всё, что ты из себя представляла.

— Ты бы хотел, чтобы тебя никогда не посылали в Америку?

Он посмотрел мне в глаза:

— Каждый миг каждого дня, — и кольцо он больше не крутил.

Дззззинь.

В моих комнатах есть звонок? Торопясь к дверям, которые были расположены довольно далеко от спальни, я гадала, стоит ли там Севастьян, который явился за мной. Хотя вначале его прощальные слова меня задели, я убедила себя, что он пытается быть хорошим солдатом, который не должен касаться запретной женщины.

Воспрянув духом, я обследовала комнату, собираясь к банкету. Приняв ванну, превышающую размером большинство семейных бассейнов, я храбро перерыла всю одежду, обувь, сумочки и косметику.

Хотя бельё в самолёте не было чересчур сексуальным, гардероб представлял куда более широкий выбор. Я осмелилась на чулки, чёрные шелковые стринги и соответствующий открытый бюстгальтер — на случай, если Севастьян извинится за своё отвратительное поведение и признает, что его заводят всякого рода табу (*ну может же девушка помечтать!*)

Для банкета я решила склониться в сторону платьев, выбрав облегающее платьефутляр тёмно-синего шёлка. Этот цвет делал мои глаза больше голубыми, нежели зелёными.

Волосы я собрала наверх, чтобы продемонстрировать золотое кольцо-ошейник и висячие серьги. И хоть я никогда не была фанаткой косметики, тем не менее, решила на тушь и блеск для губ.

Пригладив платье, я распахнула дверь.

— Филипп?

— Подумал, что смогу сопроводить тебя на пир. — Он был одет по последней моде: узкие брюки и приталенный пиджак. Галстук был слегка ослаблен, и весь вид в целом как бы говорил: *студент Лиги Плюща, рано начавший веселиться.* — Выглядишь восхитительно, кузина. — Он поцеловал мою руку.

Если бы Севастьян проделал то же самое, я бы, наверное, подпрыгнула, как от удара током. Но с Филиппом я не ощущала ничего подобного.

— Спасибо, Филипп.

В коридоре он предложил свою руку.

— Ты разочаровалась, увидев в дверях меня?

— Что? Нет, — солгала я.

— Боюсь, что наш угрюмый друг Севастьян отказался зайти за тобой.

— Правда? — Гори.

Хотя логика тут была. Этот мужчина хотел, чтобы мы никогда не встречались; так почему бы *не начать* меня избегать? Он не замедлил сообщить мне, что нет никаких *нас*.

Филипп, хмурясь, смотрел на меня:

— Никогда не видел, чтобы его так пугала симпатичная девчонка. Но, с учётом обстоятельств, нам не стоит его винить.

— С учётом обстоятельств? Что ты имеешь в виду? — Мои чёрные шпильки утопали в ковровом ворсе, пока мы шли по коридору к лестнице.

— Пока ты не появилась, он был первым наследником босса.

Я равнодушно пожала плечами, понимая, что не это было причиной Севастьяновой холодности. *Вновь анализируешь мужчин, Нэт?*

Правда была в том, что я ничего о нём *не знала*.

Филипп продолжал:

— Сейчас Ковалёв так к тебе расположен, что позвонил адвокатам, чтобы изменить завещание. Уже час как ты официально стала наследницей миллиардного состояния.

— Откуда ты знаешь? — Мы дошли до лестницы и начали спускаться.

Он ухмыльнулся:

— У меня есть свои способы, кухня.

Что за спешка с изменением завещания?

— Я его об этом не просила. Мне не нужны деньги Ковалёва. При мысли о таком богатстве и сопутствующей *ответственности* я сразу почувствовала, как кольцо на шее стало короче.

Я любила простую жизнь, а люди с такими деньгами не живут простыми жизнями.

— Я не собираюсь вмешиваться в наследство Севастьяна.

— Натали, я даже не думал на такое намекать. — Он был в таком ужасе, словно я сдёрнула с него штаны. — Прошу прощения, что обидел тебя.

— О, Филипп, я просто слишком эмоционально это восприняла. Деньги действительно меня до смерти пугают.

— Не самая неприятная проблема, а? Не переживай, с Ковалёвым вы всё уладите. Он разумный человек с мягким сердцем. Он пойдёт на всё, лишь бы тебе было здесь комфортно.

— Не сомневаюсь, что ты прав. — Желая сменить тему, я сказала, — вы с Севастьяном не слишком-то ладите.

Выражение лица Филиппа говорило "*ты даже не подозреваешь, на сколько*".

— Он как злобная сторожевая собака рядом с дядей Ковом, что неудивительно, раз старик подобрал Севастьяна на улице.

Так вот где его нашёл Ковалёв? Мысль о том, что мальчишкой Севастьян жил на улице, растревожило мое сердце. Неудивительно, что я не могла его разгадать. Его характер наполовину сформировали улицы, а вторую половину — нынешние привилегии.

— Он не любит, когда рядом с Ковалёвым есть кто-то, кроме него. — Филипп очаровательно задрал бровь, — я бы приветствовал такую привычку, если б она и меня не касалась. — Когда мы спустились на первый этаж, Филипп повёл меня по просторному фойе.

— И почему Севастьян тебя не любит?

— Его бесит моё образование. Он никогда не ходил в школу, знаешь ли. И ненавидит, когда ему об этом напоминают. Это повод для обиды размером с Сибирь.

Что же Севастьян подумал про моё высшее образование? Испытывал ли он хоть мельчайшие сомнения, когда исключал меня?

— Просто будь с ним осторожна, кухня.

Тот же совет Севастьян дал мне в отношении Филиппа.

— Почему?

Он отвёл взгляд.

— У мужика некоторые... серьёзные проблемы.

— Рассказывай.

Филипп понизил голос:

— Он сидел в тюрьме и, кажется, гордится этим. На руке у него два купола, что в *бандитской* среде означает две ходки. Один срок у него был в кровавом сибирском лагере.

Такие места меняют людей.

У меня дар речи пропал. Я видела на нём эти рисунки, но и понятия не имела, что они значат.

И хотя теперь я узнала больше о пёстром прошлом Севастьяна, моей тяги к нему это не уменьшило. По правде говоря, слова Филиппа только добавили Севастьяну загадочности, заставив меня желать счистить один ее слой за другим. Как только вернусь в свою комнату — включу Мак и разузнаю всё о татуировках. Чёрт, да обо всём этом новом мире.

— И даже не заставляй меня рассказывать о его странных взаимоотношениях с алкоголем.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, хотя понимала, о чём он говорит. Прошлой ночью Севастьян выпил, но только после того, как сначала несколько раз отказался пить.

— Просто понаблюдай за ним сегодня. Увидишь. Ну, хватит о нём. Слушай, если тебе хоть что-нибудь понадобится, обращайся. — Филипп похлопал меня по руке, лежащей на сгибе его локтя. — Ты дочь Ковалёва, а этому человеку я обязан жизнью.

— Правда?

Он кивнул.

— Полгода назад я был в очень неприятном месте, когда внезапно умер мой отец. Дядя Ков меня оттуда вызволил.

— Соболезную твоей потере и действительно ценю твоё предложение.

Из-за дальней двери в конце коридора доносились голоса и смех. Мне не терпелось к ним присоединиться, но перед самой дверью Филипп меня остановил.

— Я так рад, что ты приехала, Натали. Приятно, что рядом есть ещё кто-то "западный". И кто не станет мне пенять за то, что я не сидел в тюрьме! — Он положил ладони на мои плечи и улыбнулся, большинству женщин этого было бы достаточно для того, чтобы скинуть трусики. — Завтра вечером Ковалёву нужно в город. Я покажу тебе окрестности...

Прежде чем я смогла отступить, дверь отворилась, и на пороге возник Севастьян. Моё сердце подпрыгнуло — он что, шёл за мной?

Он остановился со смертельным выражением лица. *Что я опять натворила?* А потом поняла, что всё выглядело так, будто мы с Филиппом собирались... поцеловаться. Я повернула голову и увидела огромную столовую, полную гостей. Около тридцати бригадиров.

Они все смотрели на нас с Филиппом, все разговоры смолкли.

Наверное, плохо, если русские бандиты шокированы чьим-нибудь поведением. Но я ничего *не сделала*.

По крайней мере, с Филиппом.

Когда Севастьян сжал кулаки, я быстро отошла от обоих мужчин. Расправив плечи и вздёрнув подбородок, я направилась к Ковалёву, в наступившей тишине мои каблуки стучали неестественно громко.

Ковалёв стоял во главе длинного стола, уставленного свечами, фарфором и приборами. Он неуверенно переводил взгляд с меня на Филиппа и обратно, и я улыбнулась ему заготовленной улыбкой. — Это невероятно, Пахан. Спасибо. — Моё уверенное поведение, казалось, разрядило обстановку, и разговоры возобновились.

Когда Ковалёв отодвигал для меня стул справа от себя, то тихо спросил:

— Что-то случилось?

— Все нет, — пробормотала я в ответ.

Подожёл Филипп и занял место рядом со мной. Усмехнувшись, он заметил:

— Это было неловко, да?

Когда Севастьян вернулся за стол и уселся напротив, его лицо снова превратилось в обычную непроницаемую маску, лишь желваки ходили туда-сюда.

Ковалёв представил меня остальным гостям, мужчинам, которых было более десятка в возрасте от двадцати до сорока лет — Юрию, Борису, Кириллу, Глебу — потом я начала путаться. Большинство из них обладали суровой внешностью, но все они, казалось, преклонялись перед Ковалёвым. За столом находились также всего две женщины — Ольга и Иня^[2], которые находились в длительных отношениях с двумя бригадирами.

После церемонии представления армия слуг принялась подавать блюда, тогда как другие разливали по хрустальным рюмкам водку. Я не привыкла к такому обслуживанию, но заставила себя расслабиться.

— Тост, — объявил Ковалёв, поднимая рюмку. — За мою прекрасную дочь, которая нашла меня вопреки преградам, трудилась и боролась, чтобы дойти до цели.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — добавил Филипп.

Когда гости подняли свои стопки, я тоже ее подняла, затем поднесла к губам, чтобы сделать глоток...

Все выпили до дна и повернулись в мою сторону. Я вспомнила, что невежливо ставить недопитую рюмку на стол. Пожав плечами, я смело осушила свою, в ответ раздались аплодисменты. Я не смогла сдержать смехок, глядя на Севастьяна, который резко уставился на меня.

Могу поклясться, он приревновал меня к Филиппу, но если ему было не всё равно, так чего же он сам не пришёл за мной?

Как бы то ни было, испортить этот вечер я ему не позволю. Я уже тут, на традиционном русском застолье, пью водку с обширным отцовским... кланом. Я нахожусь на родине, в бывшей царской резиденции.

Я посмотрела вверх, любуясь фресками на потолке. Комната совершенно соответствовала представлению о царской столовой. Я поняла, что никогда раньше *настолько* не ощущала дух истории. И это немного умерило моё раздражение после исключения из универа.

Сегодня моё хорошее настроение было непробиваемым.

Последовал новый тост:

— *Za vas, Natalya Kovaleva!* — На этот раз моя рюмка опустилась на стол одновременно с другими. Я наслаждалась огнем, приятно согреваясь.

Когда подали *zakusku*, Филипп наклонился ко мне:

— Это называется *za-kus-ka*.

Вмешался Севастьян:

— Натали учила русский — уверен, она знает, что это.

Я бросила на него благодарный взгляд. Если мне станут объяснять каждое блюдо — это будет чрезвычайно утомительно.

Дружелюбное выражение лица не изменило Филиппу, даже когда он произнёс:

— Это всего лишь дань этикету, Севастьян. Быть вежливым с гостьей — проводить её от комнаты и всё такое.

Спасибо за напоминание.

Эти двое сверлили друг друга взглядами. Установившееся напряжение было прервано

подачей очередного блюда: устриц, украшенных щедрой порцией чёрной икры с дельты Волги. Следом подали рыбу.

Я попробовала восхитительно запечённого палтуса, издав восторженный звук; Севастьян не сводил с меня глаз.

Я опрокинула очередную рюмку; он опять пялится.

Я прислушивалась к истории, которую Филипп, похоже, намеревался мне исключительно шептать; около своей тарелки Севастьян сжал руку в кулак.

Поступки кричат громче слов, Сибиряк. И его сконцентрированное на мне внимание согревало лучше водки.

Когда официанты подали очередное блюдо, Ковалёв объявил:

— В честь родной для Натали Небраски.

Это было кукурузное суфле! Я улыбнулась:

— Обожаю его! — язык у меня начал заплетаться.

Я снова почувствовала на себе тёмный взгляд Севастьяна. Вспомнил ли он о кукурузном поле? Как прижимал меня там, в грязи? Встретившись с ним глазами, я осушила очередную рюмку.

Ковалёв повернулся к Севастьяну.

— Ты ничего не ешь, Алексей?

Он выпрямился.

— Наверное, сказывается разница во времени.

— Или возраст, — сострил Филипп.

Со спокойной уверенностью Севастьян парировал:

— Я справляюсь.

Ковалёв весело произнёс:

— Ну, будет, ребята. — Потом повернулся ко мне. — Думаю, наш остроумный Филипп порой забывает, что Алексей много лет подряд принимал участие в боях без правил.

Я подняла брови. Увидев Севастьяна впервые, я подумала, что он боксёр. Это объясняло шрамы на пальцах и сломанный нос. Я вспомнила, сколько раз я видела, как он сжимал кулаки. Для боксёра это было, наверное, привычкой.

Я размышляла о тех, кто бил по этой благородной морде, и мне хотелось дотронуться до него, провести пальцами по коже. Пока я пыталась представить его на ринге, преодолевающего боль, успели подать очередное блюдо.

Десерт. Печеные яблоки, фруктовая пастила — русская разновидность турецких сладостей — и *sirniki*, творожные блинчики с медом в качестве сиропа. Едва первый кусочек пастилы попал на язык, мои глаза закатились от удовольствия.

После десерта преобладали напитки и громогласный смех. Считалось невежливым оставлять початую бутылку водки, так что все почтительно наполняли рюмку за рюмкой — ну, все, кроме Севастьяна. После тостов его рюмка оставалась сухой.

Пахан рассказывал смешные истории о своих попытках ничего не сделать. Мореплавание? Промах. Яхта теперь представляет собой изысканный риф. Разведение лошадей? Не успел, обнаружил, что осеменитель сбежал из конюшни.

Я смеялась до слёз, признавшись, что думала найти здесь белых тигров и медведя — и инкрустированный бриллиантами унитаз, отчего Ковалёва пополам согнуло.

Парень по имени Глеб научил меня русской поговорке. Все смеялись над моими неловкими попытками, но я умела держать лицо, так что изобразила быстрый реверанс. Я

заметила, что даже обычная гримаса Севастьяна сменилась на что-то, напоминающее любование, словно я была существом, которое он никогда раньше не встречал в живой природе.

Каждый раз, как я почти убеждалась, что не смогу вновь пробиться сквозь его ледяную сдержанность, он демонстрировал человечность, скрытую за внешним фасадом боевика...

Я бы хотела уметь останавливать время — не помню, когда у меня последний раз был такой веселый вечер — но прежде чем я это поняла, дедушкины часы пробили полночь.

Пахан поднялся.

— Что ж, мои друзья и моя семья... — он улыбнулся мне и Севастьяну, — ...вам придётся меня извинить.

Раздался хор голосов "ещё один тост".

Он покачал головой.

— Сжальтесь над стариком! И продолжайте без меня — это приказ. — Мы с Севастьяном встали одновременно, оба намереваясь проводить Пахана.

— Сидите-сидите, вы двое. Веселитесь. Увидимся завтра.

Наблюдая, как Пахан уходит, я боялась потерять его из виду. У меня было такое чувство, что он мог исчезнуть. Но Севастьян ободряюще на меня посмотрел, словно знал, что я чувствую. Это помогло.

После этого все продолжили пить. Было уже очень поздно, но это меня не заботило, ведь завтра мне не нужно будет на работу, и не нужно будет разбираться с первокурсниками, сочиняющими сказки о том, почему их работы сданы с опозданием.

Единственный недостаток? Я хотела, чтобы Севастьян говорил со мной, флиртовал со мной. Касался меня. Я жаждала большего из того, что он показал прошлой ночью.

Я мечтала о сексе с ним.

Просто с ума сходила.

Мне напомнили, какой я могла быть настойчивой, может, стоит настойчивее *его* преследовать?

Справа от меня Филипп с кем-то горячо обсуждал самые быстрые спорткары — что дало мне возможность пошалить. Я уже достаточно опьянела, так что идея подразнить Севастьяна казалась *блестящей*.

Хоть он и предупредил, что не любит сюрпризы, я скинула туфлю и вытянула затянутую в чулок ногу в его направлении. Я дотронулась до внутренней стороны его бедра, прямо над коленом. Он напрягся, но не оттолкнул, кинув на меня угрожающий взгляд.

Играть с боевиком было хорошей идеей? Водка подбадривала "*чёрт возьми, да! потрогай его значок!*" Я потянулась выше. Чем ближе я подбиралась к члену, тем сильнее учащалось его дыхание. Он резко покачал головой.

С ленивой усмешкой я окунула палец в бочонок с медом и облизнула его языком, выражение моего лица говорило "*ну и что будешь делать, Сибиряк?*"

Его рот открылся. Вспомнил, как я ему сосала вчера?

Выше, ещё выше...

Контакт.

Боже, твёрдый, словно камень, он просто горел. Севастьян резко наклонил голову, его ноздри раздувались. Какое-то время его грудь не двигалась вовсе.

Мои веки отяжелели, носком ноги я потёрла его мошонку и продвинулась вдоль члена, который дернулся в ответ, и меня это обрадовало. Я тут же стала влажной, намочив чёрные

шёлковые стринги, которые надела для него. Соски торчали сквозь открытые чашки моего бюстгалтера.

Я погладила его от основания до головки, он бросил на меня очередной угрожающий взгляд — несмотря на то, что его глаза сверкали от возбуждения. Это была битва воли, игра на слабо. Я сделала очередное движение ножкой. Он отказывался реагировать; я не собиралась сдаваться. *Новое движение*. Кто первым моргнёт?

Гадая, получится ли таким образом заставить его кончить, я чуть больше надавила. Его мускулы на плечах и руках начали вздуваться. Боевик, должно быть, сжимал под столом кулаки.

Его взгляд обещал горячую месть.

Мой взгляд, наверное, молил об этом.

Если я пойду в свою комнату, последует ли он за мной? Очевидно, первой моргнула я. Убрав ногу, я надела туфлю. Как только разговоры о спортсменах начали утихать, я притворно зевнула и встала.

— Я тоже устала от длительного путешествия. — Избегая смотреть Севастьяну в глаза, я сказала, — Всем спокойной ночи. Была рада со всеми познакомиться.

— Но надо допить остальные бутылки, — подмигнул мне неутомный Филипп. Господи, а что, если за мной пойдёт он?

Я постаралась его разубедить:

— Оставайся и веселись, увидимся завтра.

Он просиял.

— Значит, завтра вечером. Это свидание.

Свидание? На это я не рассчитывала и не собиралась давать ему надежду. Но на нас все смотрели, так что я решила пока оставить этот вопрос.

Помахав всем на прощание, я покинула столовую. Я неторопливо возвращалась в свои комнаты, по пути любясь картинами в коридоре второго этажа и надеясь, что за мной пойдёт Севастьян.

Так он и сделал. Он мчался по коридору, настоящий *мафиозный элемент*. Выражение лица обещало смерть.

И в его случае это обещание могло стать буквальным.

Севастьян медленно приближался, я отступила на шаг, затем на два. Стиснув моё плечо, он потащил меня дальше по коридору. Его голос был обманчиво мягок::

— Понравилось играть со мной?

Открыв боковую дверь, он впихнул меня внутрь, затем закрыл дверь за собой. Пахло свежестыраным бельём и полиролью.

Кладовка горничной?

В царской резиденции? Можно только догадываться, сколько тайных свиданий произошло в этих четырёх стенах за прошедшие годы.

От щелчка выключателя зажегся приглушённый свет, Севастьян теснил меня дальше.

— Ты оставила меня страдать от стояка, а потом, прямо у меня под носом, назначила грёбанное свидание с Филиппом? — Когда мой зад уперся в полку для белья, он установил руки по обе стороны от меня, поймав в ловушку и окутав своим соблазняющим запахом. — Мы что, взаимозаменяемы? Я и Филипп?

— Он не нравится мне в этом смысле.

— Неужели? — К голосу Севастьяна примешивался гнев. — Перед ужином всё выглядело так, будто он нравится тебе именно в этом смысле. Когда он собирался тебя поцеловать.

— А почему тебя это волнует? Ты же меня отфутболил, забыл?

— Стало волновать, когда ты решила поласкать мой член под столом, пока я чуть не начал задыхаться от желания. Стало волновать, когда ты чуть не споила меня меньше суток назад. — Он без предупреждения задрал подол моего платья.

Я резко вздохнула.

Он уставился на мои стринги, потом на чулки, проведя пальцем по кружевной резинке.

— Для кого ты так оделась?

Я вздёрнула подбородок.

— Для тебя.

— Значит, думала, что мы будем вместе? После того, как я ответил "нет"? Тебе понравилось играть сегодня с огнём. Но понравится ли тебе ожог, который ты заслужила?

— Извини...

Не договорив, я ахнула, когда он, приподняв меня, усадил на полку.

— Я покажу тебе, что я чувствовал. — Он втиснулся между моих бёдер.

— Что это значит?

Он не ответил, лишь расстегнул брюки и вытащил тяжелый член. Головка была влажной от возбуждения. Моё тело словно наэлектризовали, когда его член, будто по собственной воле, вытянулся в сторону моей киски.

Мне понравилось ласкать его ртом, понравилось ощущение его семени на языке, мне хотелось повторить это снова.

— Дай мне поцеловать его, как вчера. — Я попыталась соскользнуть с полки, но он придавил меня, прижавшись членом к шёлку моих трусиков. Прямо напротив набухшего клитора. Я застонала, ощутив его жар даже сквозь влажную ткань.

— Почувствуй это, — прохрипел он. — Пока дразнила меня, сама стала мокрой? Тебе нравится мучить меня, пока я не потеряю контроль?

— Да, — всхлипнула я.

Его мозолистые ладони поднимались по моим бёдрам всё выше и выше. Большими пальцами он подцепил края моих трусиков и сдвинул их к центру.

— Вот что я чувствую. — Он толкнулся, и между его членом и моим клитором оказался лишь слой шёлка.

Я низко застонала, запрокинув голову назад.

— Ну уж нет, — рявкнул он, обращая на себя мой взгляд. — Ты будешь смотреть на меня, как смотрела, когда дразнила, Наталья. Как будто умрёшь, если я тебя сейчас не трахну. — Он толкнулся второй раз, отчего моё тело задрожало. — Твои глаза умоляли перегнуть тебя через стол и вонзиться прямо в твою киску. — Новый толчок. — Ты это хотела мне сказать?

— Да! — Я уже была на грани, намереваясь кончить прямо вот так. — Я и сейчас хочу этого.

— Господи, женщина. — Он вновь качнул бёдрами, скользя по мне членом. На головке выступило больше влаги, которую он вытер шёлком, затем вновь расположился в прежней позиции.

Эти толчки и жар сводили меня с ума.

— Пожалуйста, не останавливайся!

— Мне *стоило* бы остановиться, оставив тебя в том же положении, в котором ты бросила меня. — Он наклонился, чтобы прогрохотать мне на ухо, — готовым взорваться, кончить прямо в штаны. Я был так близко, что уже желал этого — и наплевать на последствия; я желал, чтобы ты довела мой член до разрядки в комнате, полной людей.

Я вздрогнула, и его большие пальцы впились глубже.

— Расстегни платье.

Я распустила завязки, затем откинула половинки лифа в сторону, обнажив бюстгальтер.

— Очень мило, — произнёс он с новым толчком. — А теперь сними и это.

Я стянула его наверх, желая, чтобы Севастьян увидел мои тяжёлые груди.

Когда с новым толчком они подпрыгнули, он приказал:

— Поиграй с ними.

Мои руки взметнулись вверх, обхватывая груди.

— Милая Наталья. — Он ещё раз качнул бёдрами. Шёлк уже промок насквозь. — Ты собираешься намочить меня сквозь трусики? — Двумя пальцами он провёл вдоль нижней стороны члена, прежде чем вернуть его на место.

Я застонала.

— Почему ты не займёшься со мной сексом?

— Не забывай, что это наказание. — Более жёсткий, сильный толчок. — И ты — не для меня. А теперь покажи мне, какими твёрдыми могут быть эти сосочки.

Я потянула их.

— Сильнее.

Я подчинилась, застонав, когда ощутила, как его большие пальцы меня раскрывают, практически готовясь пронзить. — Внутрь, Севастьян. Засунь пальцы в меня.

— Ты когда-нибудь засовывала в себя один из тех вибраторов?

Моё лицо вспыхнуло — удивительная реакция, учитывая обстоятельства. Но я честно ответила:

— Да. Мне это нравится.

Он зарычал, увеличивая темп.

— Так почему ты до сих пор девственна?

— Не встретила... подходящего парня, — ответила я, задыхаясь.

— И думаешь, что встретила теперь? — Пришла очередь скользких движений, во время которых его член двигался вдоль моего влажного клитора.

— Севастьян! — Я могла практически представить, как он меня трахает, а его напряжённый жезл вонзается в мою сердцевину. Он будет меня трахать и трахать, пока не заставит кончить на своём члене. Пока не заставит выдоить эту толстую шпуку... — Боже, я сейчас...

Он накрыл ладонью мой рот, заглушая крики. Потом просунул два пальца между губ, угощая моим собственным соком.

— Соси, — приказал он.

Моя голова откинулась, и я восторженно принялась сосать, представляя вместо пальцев его член. От этих резких толчков я начала кончать. Я кричала, сосала и не желала, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Спазмы внутри с каждой волной несли невыносимое наслаждение — и безумный голод, нуждающийся в утолении.

Я не могла этого больше выносить, и тогда Севастьян отодвинулся и поднял мои колени к голой груди. Я прижалась спиной к стене, мои лодыжки оказались у него на плечах, а трусики он сдёрнул к бёдрам, полностью меня обнажая. Не отрывая взгляд от моей набухшей плоти, он обхватил свой большой член кулаком, принимаясь мастурбировать.

Мышцы на его шее вздулись от напряжения, он приказал:

— Смотри, как я кончу на тебя. — Он целился мне между ног. От мысли о том, что он будет на меня кончать, я снова растаяла; моя киска под его взглядом дрожала и сжималась...

— Блядь, женщина, я вижу тебя! — Подавив вопль, он начал изливаться струи спермы.

Когда на мои чувствительные губки попало обжигающее семя, я застонала, приглашая разводить ноги.

Он прошипел сквозь зубы:

— Моя жадная девочка хочет большего? — Он сжал член, и очередная струя упала на мой лобок. Снова и снова он дрожил, пока его пульсирующий член не оказался совершенно опустошён...

В потрясении я потянулась к нему, желая поцеловать.

Но он оттолкнул мои руки.

— Нет-нет. — Обхватив ладонями мои бёдра, он принялся втирать своё семя в плоть.

Почему? Зачем? Разве это может быть так сексуально? Как обычно, я и понятия не имела, что он будет делать дальше. Моё возбуждение вновь достигло пика, но я послушно сидела, позволив себя одеть.

Вернув мои трусики на место, он всей ладонью шлепнул по моей влажной промежности — от чего я дернулась за новой порцией. С тем же выражением мужской удовлетворённости на лице он произнёс:

— Завтра ты все еще будешь меня ощущать.

Порочный, сексуальный, властный мужчина. Я не могла представить, чтобы кто-то ещё мог восхищать меня так, как он. Я хотела заключить его в объятия и прошептать, что он сводит меня с ума.

Но он застегнул ширинку и собрался уходить, оставляя меня в этом положении.

— Лучше обрати внимание на того, кем на самом деле сможешь манипулировать. Так что, желаю завтра повеселиться с Филиппом.

Когда он был у двери, я встряхнула головой, чтобы прийти в себя.

— Это всё, что ты можешь мне сказать?

Не оборачиваясь, он произнёс:

— Не смей больше меня дразнить. Я играю лишь в те игры, в которых сам устанавливаю правила.

— Правила, Сибиряк? — Сейчас, когда я уже не была ослеплена страстью, эта его властная натура мне не нравилась. — Можешь устанавливать свои правила, чтобы потом посмотреть, как я буду их нарушать.

— Будешь дразнить меня снова, зверёк, и последствия тебя не обрадуют. — Он вышел, хлопнув дверью.

Памятка на будущее: раздражить Севастьяна при первой же возможности, чтобы узнать о "последствиях".

В этой кладовке, всё ещё разгоряченная — и мокрая — после его манипуляций, я приняла два решения:

Александр Севастьян будет моим первым любовником.

И я позволю ему думать, что правила устанавливает он.

— Ты ведь Севастьян, да? — Когда неделю спустя я наткнулась на него внизу, в моём вопросе звучал неприкрытый сарказм. — Разве мы не встречались как-то в кладовке?

С того момента прогресс в деле лишения меня девственности Севастьяном оставался нулевым. Что неудивительно, учитывая, что он отказывался со мной общаться, не считая "привет-пока".

На этот комментарий он задрал бровь, двинувшись за мной следом, пока я направлялась в кабинет Пахана.

Я нахмурилась. За последние семь дней мы ни разу не оставались наедине. Он всегда был поблизости — и одновременно на расстоянии.

Утром после кладовки горничной, я вновь проснулась с улыбкой на лице, надеясь снова его увидеть. Я позвонила Джесс и рассказала о нём и обо всём вообще. Она уточнила лишь одно:

— Нэт, ты всё ещё со своей бородавкой?

Я уверила, что уже *ненадолго*.

На завтрак я шла подпрыгивающей походкой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Но обнаружила, что Севастьян вернулся к своему отчуждённому состоянию, едва обратив на меня внимание. Пока моё тело всё ещё испытывало последствия наших вчерашних занятий, его разум уже был занят другим.

Я решила, что если он считал то, что было в самолёте, недостойным, значит затаскивание меня в ту кладовку было, по его мнению, вообще ужасным. Я старалась остаться с ним наедине, чтобы попробовать поговорить. Безрезультатно.

Меня охватило разочарование. Со временем разочарование стало больше походить на гнев.

Я прожила без Севастьяна семь дней. Я признала поражение. Моя одержимость померкла.

Нет, правда!

— Тебе что-то нужно? — мой голос был холоден. Ага, *теперь* он меня, значит, замечает?

Одет он был, как картинка — тёмно-серые брюки и облегающий кашемировый свитер, но выглядел так, словно не спал несколько дней.

— Вы с Ковалёвым неплохо ладите, — нейтрально заметил он.

— С ним легко ладить. — Мы с Паханом были словно две горошинки из одного стручка, смеялись над одними и теми же шутками, радовались одинаковым книгам и блюдам.

Каждый день становились ближе друг к другу.

Иногда мы говорили по-английски, иногда — по-русски. Он был остроумен и на том, и на другом языке, и мы часто смеялись до слёз. Наше общение являлось почти полной противоположностью моим отношениям с отцом. Я никогда не сомневалась, что он любил нас с мамой, но Билл Портер был тихим мужчиной. Мы вместе работали на сельскохозяйственной технике, проводя время в удобном молчании.

С Ковалёвым было так же комфортно, но по-другому.

Каждое утро мы играли в шахматы в открытом павильоне на берегу Москва-реки. На

заднем плане всегда маячил Севастьян, обычно решая вопросы по телефону. Его тело всегда было напряжено, взгляд высматривал угрозу.

Которая, хотя со мной никто этого не обсуждал, очевидно, не уменьшалась.

И сейчас Севастьян сказал:

— С тобой тоже ладить легко.

Это он серьёзно?

— Ты-то откуда знаешь?

Он дёрнул плечами.

— Вижу вас вместе.

Иногда, если мы с Паханом смеялись над чем-то, я видела, что Севастьян за нами наблюдает. Сначала он выглядел удивлённым. Потом в его взгляде появилось удовлетворение.

Но иногда я ловила на себе его взгляд, который был далёк от удовлетворённого — и эта неудовлетворённость росла с каждым днём. Я чувствовала, что он ждал чего-то. От меня.

Как охотник, готовясь нанести удар.

Даже Филипп это заметил.

— Когда ты не видишь, он смотрит на тебя, как маньяк.

Я усмехнулась.

— Маньяк хотя бы ответит, который час, спроси я у него.

Но что-то внутри Севастьяна происходило. Он был словно бомба с часовым механизмом, отсчитывающим время. Вот только время для чего?

— Ты хорошо обустроилась? — спросил он.

А дальше он заговорит о погоде? Я остановила его прикосновением руки.

— К чему эта беседа, Сибиряк? — Мне почти показалось, что он пытается, в своей манере, меня разговорить. Он уставился на мою руку, и я его отпустила.

— Тебе здесь нравится? — его голос чуть дрогнул. — Чтобы остаться?

Мы остановились перед залитым дождём окном. Снаружи шумел ливень. С момента моего приезда в Берёзку улучшений в погоде не было. Тени от падающих капель воды скользили по лицу Севастьяна, наполняя меня сводящим с ума желанием поцеловать каждую из них.

Я внутренне встряхнулась.

— Почему ты, Пахан или Филипп можете выезжать, а я — нет?

Он потёр ладонью подбородок.

— Потому что если с тобой что-нибудь случится... Мы просто не можем рисковать. А ты так хочешь уехать?

— Ну, должна признать, что начинаю изнывать от скуки в моменты, когда Пахан работает — я не привыкла к такому количеству свободного времени. — И к такому количеству внутренней энергии. Я отчаянно искала, как дать ей выход, когда Филипп предложил плавать в закрытом бассейне олимпийского размера. Каждый день мы плавали вместе. — Но Филипп старается меня занимать.

На щеке Севастьяна дёрнулся мускул. Он приблизился на шаг. Как обычно, между нами возникло напряжение. Я смотрела в его глаза, но обнаружила, что его взгляд устремлён на мои губы.

— Я предупреждал, чтобы ты была с ним осторожна.

— Но не сказал, почему. — Как только я выключила свой "анализатор мужчин", сразу

же почувствовала себя с Филиппом комфортно. К несчастью, ничего более дружеских чувств я к нему не испытывала.

Почему я не могла влюбиться в такого парня? Он говорил то, что думал, был лёгок на подъём и вел себя так, словно я могла достать луну с неба.

Он был совершенной противоположностью Севастьяна.

Будь я с Филиппом, я бы не стала "на всякий случай" освежать знания по различным аспектам БДСМ, изучая всё от телесных наказаний до лишения оргазма и сценариев типа Е ерхний/Нижний.

Севастьян говорил о послушании и дисциплине, интересуется ли его такой стиль жизни, все атрибуты и принадлежности?

Розги и плетки, наручники и трости, зажимы для сосков и кляпы.

Вспомнив, как Севастьян отшлёпал мою задницу, я просмотрела онлайн-видео, в которых взрослых женщин, расprostёртых на коленях у мужчин, шлёпали так, будто это были упрямыцы, нуждающиеся в воспитании.

Я была возмущена и рассержена!

Я представила, как Севастьян уложит меня к себе на колени и отшлёпает, как однажды уже угрожал. Как только я закончила мастурбировать, я вновь была возмущена и рассержена!

Пока не занялась мастурбацией во второй раз. Но это было *до того*, как я признала поражение.

— О чём ты думаешь? — его взгляд метался по моему лицу.

Я поняла, что моё дыхание стало прерывистым, а щёки загорелись.

Он коснулся моего запястья своей бьющей током хваткой. Его брови сошлись на переносице, и я почти представила, что он собирается меня поцеловать.

Как бы там ни было, я его хотела...

Из кабинета Пахана вышел Юрий.

Я резко отступила, заправляя волосы за уши, с трудом подавив желание засвистеть. Когда Юрий проходил мимо, я постаралась не замечать АК-47, болтающийся у него за спиной. Даже спустя неделю я всё ещё ощущала неловкость, видя автоматы повсюду. Когда бригадиры в перерывах приходили пить чай, то небрежно бросали оружие прямо рядом с чашками.

Я продолжала про себя повторять «Забей».

Дёрнув подбородком, Севастьян поприветствовал Юрия. *Проходи*. Бригадиры преклонялись перед Паханом, но, в то же время, похоже, опасались Севастьяна. Я слышала, как они тихо переговаривались о "Сибиряке".

Как только мы с Севастьяном вновь оказались наедине, ко мне вернулся рассудок. Я не хотела целоваться с человеком, безжалостно вычеркнувшим меня из своей жизни. Не собиралась вознаграждать его отвратительное обхождение.

У Джесс был свой способ обращения с такими парнями, она называла это 2Б: *Будь Безумнее*. Наверное, мой стиль поведения можно было назвать "убей их своей добротой".

Когда Севастьян открыл рот, чтобы что-то сказать, я быстро похлопала его по руке.

— Отлично поговорили, приятель! Надо бы повторить это через неделю или две. — Когда я уходила, он выглядел сбитым с толку.

Пятнадцать минут спустя, мы с Паханом сидели в павильоне за столом с чайными принадлежностями, деликатесами и шахматной доской. В камине потрескивал огонь. Севастьян, как обычно, работал в отдалении, отвечая на телефонные звонки, выискивая

глазами угрозу.

Мы пили чай и угощались закусками, всё глубже погружаясь в игру.

— Знаешь, кто мастер в этой игре? — Пахан разглядывал фигурки. — Алексей.

— Правда? — Я постаралась сказать это как можно более незаинтересованно, хоть мой взгляд и метнулся к Севастьяну.

Тот был занят каким-то жарким спором, направляясь на улицу под морозящий дождь. Он шёл к расположенному рядом лодочному домику, который на самом деле стоило бы назвать "яхт-станцией", учитывая стоящую внутри шестифутовую красавицу.

О лодках я не знала абсолютно ничего, но была уверена, что именно такая яхта принадлежала злодею в "*Казино Рояль*". Пахан пообещал покатать меня, когда погода — и уровень угрозы — поменяются, сказал, что мы сможем дойти на моторе до Финского залива.

— Тебе нужно будет как-нибудь сыграть с Алексеем.

Я пожалала плечами. Пас. Я пыталась преодолеть его очарование, а не поддерживать.

И всё-таки, когда из лодочного домика донеслись обрывки слов, я нахмурилась.

— Он говорит... на итальянском?

— А, да, — гордо ответил Пахан. — Он свободно говорит на четырёх языках. Он — как вы это называете? — самоучка?

Я кивнула. Боксёр-профессионал, вышибала, боевик оказался талантливым самоучкой. Очарование вернулось с новой силой. Чёрт.

— Если бы я только мог заинтересовать его работой часового механизма. — Пахан начал меня обучать, и я втянулась в этот процесс с головой. — Думала ли ты о том, чтобы поселиться здесь насовсем? — Он никак на меня не давил, хотя я видела, как сильно ему хотелось, чтобы я осталась.

Я сухо ответила:

— Так-так. Может, если ты подаришь мне больше подарков, это, ну, знаешь, поможет делу? — Я получала бесчисленные коробочки с драгоценностями, новые горы одежды, красный Астон Мартин Ванквиш, отчего Филипп истёк слюной, и даже собственную чистокровную изящную серую кобылку по имени Элиза. Я лишь ждала наступления солнечного денька, чтобы на ней покататься.

Он поддержал мой тон:

— А потом ты скажешь, что яйцо Фаберже — это уже слишком.

Засмеявшись, я прижала вместе большой и указательный пальцы:

— Самую малость.

Он тоже рассмеялся.

— Ничего не могу поделать. У меня есть деньги и годы, которые нужно компенсировать. Одни лишь подарки на дни рождения... — Он опустил голову. — Иногда мне хочется, чтобы богатство тебя сильнее интересовало.

Мой самый обожаемый подарок был и самым недорогим: портрет моей матери, Елены. Как бы мне хотелось её узнать!

У неё были светло-рыжие волосы, сверкающие зелёные глаза и хитрая улыбка. Может, я и была похожа на бабушку, но и с Еленой у меня, несомненно, было сходство.

Когда я восхищалась продуманностью такого подарка, Пахан сказал, что идея принадлежала Севастьяну, и это меня очень удивило.

— Не то чтобы я всё это не ценила, но в глубине души я ведь девушка с фермы. Мне нравится простая жизнь. Кроме того, для меня важен ты, а не подарки. — Я ещё не

придумала, как попросить его снова изменить завещание. Тема была болезненной, и я чувствовала, что могу его сильно обидеть.

— Но Берёзка тебе нравится, разве нет?

Я окинула взглядом сюрреалистичный пейзаж. Зелёный луг простирался до самой реки. Тихой музыкой стучали по нему капли дождя. В воде проказничали выдры. Каждый день Пахан показывал мне разновидности местных животных.

— Смотри, вон горностаи! — говорил он. Или землеройка, или енотовидная собака, или чонга.

— Здесь волшебно, — признала я.

— Что мне сделать, чтобы убедить тебя остаться?

Учитывая, как часто я виделась с мамой, я могла бы навещать её дважды в год. Сейчас она была в кругосветном круизе, который якобы "выиграла". Это была лишь предосторожность, предложенная синдикатом Ковалёва.

Когда я до неё дозвонилась, то не рассказала ни о чём, полагая, что такие новости должны быть переданы лично.

В конце концов, с мамой всё будет хорошо, где бы я ни жила, но разве я могу бросить Джесс... и университет?

— Поселиться здесь будет непросто, учитывая мою учёбу и всё такое. — Я могла бы остановиться на магистре и не претендовать на докторскую степень. Но это всё равно казалось поражением.

— Сравнительно недалеко отсюда есть несколько известных университетов.

Господи, эта надежда в его голосе меня просто убивала. Я знала, что он привык поступать по-своему, точно так же, как и Севастьян, но Пахан не оставлял попыток убедить меня остаться, отчего я лишь сильнее его уважала.

— Начать учёбу в другом университете — это, по крайней мере, стоит обдумать, — сказала я ни к чему не обязывающей фразой.

Я начинала подозревать, что страдаю фобией принятия решений. Я всегда считала себя решительной, но теперь мне было очевидно, что дерево вариантов у меня всегда было без веток.

Если ты получаешь степень магистра и не знаешь, что делать дальше... что ж, подавай на докторскую степень! Не сходи с накатанной колеи. Возвращайся к занятиям через неделю после окончания предыдущих.

Может, именно поэтому деньги меня так беспокоили, ведь в каком-то смысле они представляли собой бесконечное число вариантов.

Чёрт, я ведь даже *не выбирала*, приезжать ли мне в Россию.

— Твой ход, *dorogaya toya*.

Я сделала неуверенный ход.

— А что насчет опасности, Пахан? Что случилось с той, другой группировкой?

— Мы живём в непростое время. Раньше воры жили по понятиям. А сейчас на подконтрольных мне территориях обосновались личности, пугающие моих людей.

— То есть?

— Приведу пример. Мой противник, Иван Травкин, построил парковку на моей территории. Никто ей не пользовался — не было необходимости — так люди Травкина начали крушить ветровые стёкла у всех автомобилей, припаркованных рядом с площадкой, заставляя автовладельцев платить за стоянку каждый день. Они пришли ко мне, чтобы

прекратить беспредел, и я послал Севастьяна, который положил этому конец. С применением силы.

Я могла только догадываться, как легендарный Сибиряк это сделал.

— На протяжении многих лет Травкин искал различные способы задавить мой синдикат с помощью тысяч мелких ударов. Но когда он узнал о твоём существовании и отправил двух своих самых беспощадных головорезов в Америку... — взгляд моего ясноглазого папа-Санты мгновенно сделался ледяным, — ...это было равносильно объявлению войны.

Война. Разве удивительно, что я всё время беспокоилась о Пахане? И о Севастьяне — его первом генерале?

— Когда мы победим, для тебя всё изменится. Мы сможем свободно выезжать. — Лицо Пахана вновь смягчилось. — Я покажу тебе твою родину, город, в котором выросла твоя мать. Мы сможем найти твоих родственников!

— С удовольствием. Не считая этой поездки, я никогда не путешествовала.

Он виновато на меня посмотрел, словно это был *его* собственный промах. — Этот факт должен быть устранён, и чем скорее, тем лучше. Но ведь пока в Берёзке не так уж плохо?

Словно примагниченный, мой взгляд переместился к Севастьяну. Он уже не говорил по телефону, но оставался на пристани, сканируя периметр. Я поднесла чашку чая к губам, чтобы сделать глоток и собраться с мыслями.

— Так значит, интерес взаимный? — лукаво спросил Пахан.

Я чуть не поперхнулась.

— Алексей рассказал мне о вас двоих.

Я поставила чашку назад, потому что она тряслась в моей руке.

— И что он сказал?

— Когда вы приехали, он пришёл ко мне и признался, что между вами всё зашло дальше... положенного.

Я навлекла на Севастьяна неприятности?

— Это я виновата, — быстро сказала я. — Ещё не зная, кто он такой, я пыталась склеить его в баре — раньше я так никогда не поступала. А потом, я вынудила его. Он отказался, потому что я твоя дочь, но я настояла.

— Я не сержусь, дорогая! Я люблю Алексея, словно сына, и желаю ему только лучшего. Ему тридцать один, и я уже отчаялся увидеть, что он когда-нибудь остепенится. Он даже ни разу не встретился с одной и той же женщиной дважды.

— О-остепенится? Э-э, почему ты об этом говоришь? — Это Севастьян ему сказал, что хочет остепениться? Со мной? Я не могла понять, нахожусь ли я в шоке — или готова выскочить из павильона. — Что он сказал?

Ковалёв сложил пальцы домиком.

— Когда мы только начали подозревать, что ты можешь оказаться моей дочерью, Алексей очень обрадовался перспективе обрести сестру. Но потом... — Он замолчал с растерянным выражением на лице.

— Но потом?

— Он увидел тебя вживую. Не пробыв в Америке и недели, он позвонил мне. В своей лаконичной манере он попросил, чтобы я прислал ему замену, поскольку его отношение к тебе оказалось не таким, каким должно быть.

— Что это значит? — спросила я максимально спокойно, хотя моё сердце споткнулось.

Одновременно с удивлением, которое вызвала эта новость, я вдруг почувствовала внутри себя странное ощущение силы. Севастьян рядом со мной едва себя контролировал! Он собирался отказаться от задания, зная, что разочарует человека, перед которым, очевидно, преклонялся.

— Алексей признался, что интерес, который он к тебе испытывает... *tiomniy*.

— Тёмный? — Севастьян следил за мной и желал меня.

Пахан нахмурился.

— И, ну, *glubokiy*.

Эта новость была ещё удивительнее. Глубокий?

Тёмный и глубокий... — это звучало, как мания. Возможно, потому, что Севастьян преследовал меня в то время (хотя ему приказали). И всё-таки, это заставило меня притормозить. — Значит, у него нет из-за меня неприятностей?

— Честно говоря, ситуация не идеальна. Если бы вы с Алексеем вошли в мой кабинет, взявшись за руки, собираясь пожениться, я бы закатил свадьбу, какой ещё не знала Россия. Но если станет известно, что мой самый доверенный солдат... как бы это сказать?... *развлекается* с тобой — ничего хорошего из этого не выйдет.

Я нервно сглотнула, понимая, что Пахан полагал, будто мы с Севастьяном уже развлекались.

— Ты бы рассердился?

— Только из-за того, что это поставит тебя под угрозу. Если так будет продолжаться, все об этом узнают. Я потеряю уважение из-за неспособности держать своих людей в узде, а Алексей лишится уважения за предательство. С агрессией со стороны Травкина мы уже уязвимы. Он использует этот повод, чтобы подорвать мой авторитет в группировке.

— Не думаю, что для нас с Севастьяном по-прежнему существует угроза, э-э, развлечений. — Несмотря на необъяснимую связь, которую я с ним ощущала, любой интерес ко мне с его стороны померк. Я не знала, почему. Изменилось лишь одно — он узнал меня получше, так что, *уис*.

— Я бы никогда не коснулся с тобой этой темы, если б не обнаружил твой взаимный интерес. — Пахан выглядел обеспокоенным, — так же как я желаю для него только лучшего, я должен позаботиться об этом же и для тебя. И я не уверен, что он — то, что тебе нужно.

— Почему?

— Алексей живёт экстремальной жизнью. — Он устало выдохнул и посмотрел на Севастьяна гордым, но при этом озадаченным взглядом. — Экстремальная лояльность, жестокость, бдительность. Я знаю его уже почти двадцать лет и видел его с десятками прекрасных женщин... — *ревность показала свою уродливую физиономию!* — но я ни разу не видел, чтобы он реагировал на кого-то так, как он реагирует на тебя. Его интерес тёмный, а это необязательно хорошо.

Пахан не ответил на мой вопрос.

— Ты хочешь, чтобы я держалась от него подальше?

— Я в неловком положении. Должен ли я помешать его счастью, чтобы обезопасить твоё? Или посмею ли надеяться, что вы двое сделаете друг друга счастливыми? Такие совпадения редко случаются в наше время. Логично, правда? Доверенный босса и драгоценная дочка? Союзы? Обезопасить счастье? Это звучало так угрожающе — и долговечно. У меня резко обострилась фобия по поводу принятия решений.

— Это всё очень серьёзно. Я едва его знаю.

— Алексей рассказывал, как мы познакомились?

— Он сказал, мне стоит спросить тебя.

Пахан поднял брови.

— Интересно. Он очень скрытный.

— Он сказал, что ты принял его к себе ещё мальчишкой. Расскажешь, как ты его нашёл?

Пахан кивнул.

— Я ездил по питерским трущобам в поисках места для опорного пункта в городе. И на задворках увидел мужика, который избивал мальчика не старше тринадцати лет, жестоко избивал. Это не было чем-то из ряда вон выходящим. Коммунизма больше не было. Улицы были заполнены тысячами мальчишек, и многие терпели жестокое обращение.

Севастьяна били? Эта мысль оставила в груди ноющую боль. Я взглянула на него, теперь взрослого мужчину, такого высокого и статного.

— Но этот мальчик, — продолжал Пахан, — все вставал и вставал на ноги, расправляя плечи. Почему он не остался лежать? Почему постоянно поднимался? Я никогда не видел, чтобы кто-то мог вынести столько ударов. В конце концов, тот мужик себя вымотал! Когда мальчик нанёс свой единственный удар, здоровяк вырубился, а мальчишка испарился. Я должен был узнать, зачем он вставал вновь и вновь. Так что я последовал за ним по кровавому следу. И знаешь, что мне ответил Алексей? — Завороженная, я покачала головой. — Онемевшими губами он ответил "*Styd bolnee udarov*".

Я сглотнула. Он уже был таким — в тринадцать?

— Экстремально, правда? Предполагалось, что каждый вор найдёт себе протезе, приведёт в группировку подающего надежды воспитанника. Сам я никогда о таком не задумывался, пока не встретил Алексея.

— Откуда он родом? Он был сиротой? — как и я была сиротой какое-то время.

Пахан открыл рот, чтобы что-то сказать, затем, похоже, передумал.

— Может быть, он расскажет тебе всё, когда вы пообщаетесь подольше и узнаете друг друга лучше.

А в этом-то и была проблема. Едва мы оказывались наедине, возникала опасность, что мы начнём дурачиться. Что, видимо, и объясняло, почему Севастьян меня избегал.

— Пахан, я хочу, чтобы ты был со мной откровенен, — я снова вспыхнула. — Что случится, если мы и дальше будем... развлекаться?

Элегантный пожилой часовщик поправил свой воротник, чувствуя себя крайне неловко, и это напомнило мне, что он ещё не свыкся с тем, что у него теперь есть дочь.

— Не возражаешь, если я перейду на свой родной язык? — спросил он, и я махнула ему в знак согласия.

На русском, используя огромное количество эвфемизмов, Пахан объяснил мне, что если мы с Севастьяном начнём *встречаться*, то этот мужчина окажется *связан* со мной, практически навсегда — даже без вступления в брак.

Всё вдруг стало ясно. Неудивительно, что Севастьян от меня дистанцировался — его пугали возможные последствия. Влечение ко мне было одним делом, но связь навсегда — совсем другим.

Не то чтобы я жаждала с ним подобных отношений, но меня всё равно задевало, что он ни в коей мере не желал обременять себя мной.

Первые пару дней после приключения в кладовке я оправдывала его отдаление. Он был слишком занят, ему нужно было много всего обдумать. *Как глупо, Натали.*

Он явно не тот, кто будет согревать мои замёрзшие руки.

— По-моему, я всё испортил. — Пахан потёр виски. — Ты так молода. Слишком молода, чтобы выдать тебя за кого-то.

— Выдать? — Мой голос стал на октаву выше. Мир здесь был устроен именно так, и в этот мир я теперь погрузилась.

Взгляд Пахана сделался отрешённым.

— Тем не менее, учитывая теперешнюю угрозу, возможно, тебе нужен мужчина, готовый отдать за тебя жизнь.

— Может, больше расскажешь о Травкине и о грозящей нам опасности? — Пахан, так сказать, умалчивал о подробностях, не желая меня обременять. — У каждого из нас теперь на спине мишень?

Казалось, Пахан меня не услышал.

— Ситуация непростая, и, возможно, она не должна касаться тебя и Алексея. На нём есть тень.

— Тень?

Пахан вновь обратил на меня внимание.

— Я знаю, что Филипп тоже интересуется тобой. Вы ближе по возрасту, и между вами много общего.

— Он не привлекает меня в этом смысле. Я почти жалею об этом, но это так.

— Не привлекает совсем? *Филипп?*

Я покачала головой.

— Ага.

— Это... неожиданно. Может быть, стоит дать ему немного времени. Пусть всё идёт своим чередом?

В этот момент по ступенькам, ведущим к павильону, поднялся Севастьян, чьи плечи были сведены от напряжения. Двое мужчин обменялись взглядами, и Пахан сразу встал.

— Ну, моя дорогая, похоже, у меня неотложные дела.

Выражение моего лица было нейтральным.

— Что-то, о чём я должна знать? — Когда Севастьян сканировал окрестности в поисках возможной угрозы, означало ли это его *чрезмерную бдительность* или то, что опасность была неминуемой?

Пахан рассеянно поцеловал мою макушку.

— Ничего такого, с чем бы мы не справились...

То, как тревожно держался стоящий за ним Севастьян, напомнило мне о той тикающей бомбе. Его золотые глаза потемнели, когда взгляд остановился на моём лице — словно неясное предостережение, предназначенное мне одной.

Рано или поздно часы, отсчитывающие обратный ход времени, обнулятся.

И что случится тогда?

— Мне нужны ответы, Филипп, — мы стояли в конюшне, ожидая конюха. После целой недели дождей небо, наконец, прояснилось, и я пригласила Филиппа прогуляться верхом. — Мне необходимо больше узнать об опасности, грозящей Ковалеву.

Обстановка в Берёзке продолжала накаляться, и никто толком не мог объяснить, что вообще происходит. Даже вчера, когда приезжал фотограф, чтобы сделать мой снимок на поддельный русский паспорт.

— Это лишь предосторожность, — заверил меня Пахан. — Никогда не знаешь, когда понадобится выехать за пределы страны.

Просто выехать? Или бежать?

После того разговора с Паханом я перешла на Севастьяно-диету, изо всех сил стараясь с нём не думать. Порой я ощущала на себе его пронизывающий взгляд — часы продолжали тикать — но ничего, кроме "доброго утра" он мне не говорил.

Тем не менее, наши натянутые отношения лишь отражали общую напряжённость в имени. В обоих случаях ситуация накалялась, и конца этому не было видно.

— Не беспокойся об этом, Нэт. — Филипп был образцом элегантности в своих коричневых брюках для верховой езды, сапогах и клетчатой куртке. Этот костюм, представляющий собой нечто среднее между стилем и пафосом, мог позволить себе лишь такой физически совершенный человек, как Филипп. Однако он выглядел вымотанным. — Твой отец — умный человек. Он всегда на шаг впереди плохих парней, даже таких безжалостных ублюдков, как Травкин.

Я поправила сшитое на заказ пальто руками в тёплых перчатках. Несмотря на яркое солнце, воздух был прохладным. Осень в России определённо кусалась.

— Я бы хотела хоть как-то помочь. — Я отредактировала в Википедии немногочисленные статьи о Ковалеве, вставив везде «якобы», а также добавив раздел "благотворительность".

И как синдикат жил без меня всё это время?

Странно, но никакого упоминания об Александре Севастьяне в интернете не было. Там были сведения об известных в России семействах с такой же фамилией, но их члены вполне легально занимались коммерцией или даже политикой.

— Ты уже помогаешь. — Филипп потрепал меня по подбородку. — Ты делаешь старика счастливым. Каждый день вы становитесь ближе. Это для каждого очевидно. Пусть мужчины занимаются остальным.

Я застыла, а потом поняла, что он шутит. Он был здесь самым продвинутым парнем и любил меня поддразнивать.

— Когда ты вся такая женственная и уязвлённая, то от тебя просто глаз не оторвать. — Он наклонил голову. — Знаешь, а ты была бы удивительной приманкой для шантажа. Вот тебе и способ присоединиться к нашему семейному бизнесу, сестрёнка.

— Ты что, пытаешься отвлечь меня?

Он ангельски улыбнулся:

— Получается? — Он протянул руку, чтобы ухватить мои собранные в хвост волосы, накручивая кончик на указательный палец. Но как только я уже собиралась отпрянуть, он резко опустил руку. Он всегда чувствовал, как далеко можно было зайти в заигрывании.

Ему приходилось отступать снова и снова, потому что заигрывал он *всегда*. Порой поведение Филиппа заставляло меня гадать, а волнуют ли его вообще эти правила про постоянную связь. Я могла поклясться, что в его внимании было какое-то отчаянное чувство — что никак с ним не сочеталось.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?

— Эй, я просто работаю над книгами. Севастьян не допускает меня во внутренний круг.

— Меня тоже.

Мы были только внешними наблюдателями.

Когда Филипп провёл рукой по своему усталому лицу, я заметила, что его часов нет. Как и Пахан с Севастьяном, он носил дорогие часы, которых не было видно уже пару дней. Я прищурилась.

— Что-то с тобой происходит. — Я смотрела в его невинные серые глаза. Слишком невинные?

— Сестрёнка, ничего не происходит.

— Тогда где же твои часы? — выпалила я прежде, чем смогла прикусить свой язык. Не я ли решила применить к своему чрезмерному анализу "правило 86"^[3] Перестать относиться к людям с предубеждением? Да, но, чёрт побери, я прямо-таки чувствовала, как от него исходят вибрации *игромана*. Две недели прошло, а его машина по-прежнему в сервисе?

— Я плавал позавчера, забыв их снять, — говоря это, он отвёл свой взгляд.

— Дай, догадаюсь. Они тоже в сервисе? — Отсутствующие часы — проиграны? Отсутствующая машина — заложена?

Был ли в глубине души мой кузен игроком?

— В сервисе. Угадала.

Я смотрела на него. Он не выглядел обеспокоенным, так что я подумала, что у меня и без него есть поводы для волнения.

— Ты ведь скажешь, если я смогу тебе чем-то помочь?

— Конечно. Ты просто ангел, сестрёнка. Ты ведь знаешь об этом, а?

В этот момент конюх привёл наших лошадей. Я просто по уши влюбилась в свою кобылку. С этой глянцево-шерсткой и чёрными носочками Элиза была сногшибательна. Роскошная упряжь лишь подчёркивала её стать. И хотя в Небраске была распространена манера езды "вестерн", я посещала уроки английского стиля езды, чему была сейчас очень рада.

Я посмотрела в её блестящие глаза, увидев в них собственное отражение. Ладно, может, я и люблю деньги, если на них можно купить таких лошадей.

Когда конюх вывел третью лошадь, я спросила Филиппа:

— Ты кого-то ждёшь? — Ружьё в седельной кобуре заставило меня нахмуриться.

Филипп скривился:

— *Чёртов Сибиряк*.

И словно услышав, что разговор идёт о нём, в конюшню вошёл Севастьян. На нём были современного кроя чёрные брюки для верховой езды и стильная всепогодная спортивная куртка, которую он с лёгкостью мог бы надеть на матч по регби.

Стиль Филиппа: высокая мода от Барни. Стиль Севастьяна? Сшито на заказ — и дорого.

Его перчатки и одежда скрывали все татуировки, но тонкий шрам на губах и жёсткость черт лица сразу давали понять, что приличествующих джентльмену манер тут ждать не приходится.

Приближаясь, он двигался, как спортсмен; я видела, как с каждым шагом на его ногах изгибаются мощные мускулы, что напомнило мне момент, когда его бёдра сотрясались у моих ушей, пока я глотала его сперму...

Сфокусируйся, Натали.

— Ты едешь с нами? — хрипотца в собственном голосе заставила меня покраснеть.

Севастьян обратился к Филиппу:

— Ковалёв хочет тебя видеть.

— Я лишь прокачусь с Натали, — спокойно ответил тот. — Пересекусь с ним попозже вече...

— Сейчас.

Рот Филиппа превратился в тонкую линию.

— Нэт, ступай в дом. Мы поедем, когда я освобожусь.

Но что если погода испортится? Я даже не старалась скрыть разочарование.

— Я с ней поеду, — сказал Севастьян.

Почему он предлагает поездку, во время которой мы будем наедине? Наверное, он справился со своим влечением ко мне, так что никакой опасности постоянной связи нет. Но почему он оставил работу? Все трудности решены?

Любопытство — мой криптонит — заставляло меня добиваться ответа.

Напряжение между мужчинами нарастало.

— Ты? Поедешь с сестрёнкой? Очень по-братски. Но её это не интересует. — И уже мне, — Пойдём, Натали.

Его тон заставил меня напрячься. Что было тем более странным, ведь мне нравилось, когда Севастьян приказывал мне в постели. Или в кладовке.

Даже после всего случившегося я... скучала по нему. Что плохого может случиться во время одной-единственной поездки?

Я ответила Филиппу:

— Я ждала этого две недели.

Он перевёл взгляд с меня на Севастьяна и обратно. Потом спросил недоверчиво:

— Ты хочешь поехать — с ним?

— *Она so tnoi*, — бросил Севастьян.

Казалось, до Филиппа, наконец, дошло. Потом его лицо исказила вспышка гнева, щёки порозовели. Он повернулся ко мне с выражением ярости на лице.

— Это правда? Ты с ним?

В его словах звучал скрытый подтекст, с которым я не могла согласиться. Потому что сейчас всё выглядело так, будто парень, который игнорировал меня неделями, и парень, чья внешность была способна заставить рыдать ангелов, участвовали в конкурсе "у кого длиннее".

Через меня.

— Я просто хочу покататься, Филипп.

Казалось, что от усилия, с которым он стискивал челюсти, его зубы раскрошатся в пыль. Наконец, он сказал:

— Буду ждать тебя в доме. — Кинув на Севастьяна мрачный взгляд, он удалился.

Я беспокойно взглянула на Севастьяна, но он, не отрываясь, смотрел Филиппу в спину.

— Не хочешь рассказать, что между вами происходит?

— *Нует*. — Это слово, произносимое им и адресованное мне, означало также "*Тупик*,

Натали".

— Что это ты решил взять отгул? Проблемы с Травкиным решены?

Он покачал головой, повторив:

— Нует.

Тупик. Больше он мне ничего не скажет, потому что я не вхожу в узкий круг.

Рукой в перчатке он погладил лошадь по шее.

— Ты хотела покататься, так я буду тебя сопровождать.

Жеребец выглядел нервным, а Севастьян не производил впечатления прирождённого наездника.

— Ты часто едешь верхом?

— К сожалению, моя работа этого не позволяет.

— Нам необязательно ехать.

Вместо ответа он отступил, чтобы помочь мне сесть на спину Элизы.

— О. Ладно. — Он позволил руке задержаться на моей талии?

Затем я зачарованно наблюдала, как в седло взлетело мускулистое тело Севастьяна, и он тронул вперёд.

Мои страхи развеялись. Рос он на улице, но ехал так, будто рождён был в седле. Его надменная манера езды могла происходить только от непревзойдённого мастерства.

И опять меня поразила противоречивость его натуры. Когда мы отъезжали, я так на него пялилась, что едва заметила, насколько плавным был у Элизы ход.

Да и как тут было не пялиться? Яркое осеннее солнце подсвечивало его черные как смоль волосы, он был неотразим. На то, как он держался в седле — стоило посмотреть.

Такое тело предназначалось для двух занятий, которые начинались с буквы "с". И вторым была "схватка".

Оторвав взгляд от Севастьяна, я окинула взглядом великолепные окрестности. Прохладный ветерок срывал листья с берёз, растущих вокруг конюшни.

Мы ехали в уютном безмолвии и, по мере удаления от ухоженных садов, теннисных кортов, домиков для гостей и гаража, замечали новых представителей дикой природы. Лису, парочку куниц и бесчисленное множество разнообразных белок.

Когда мы пересекли журчащий ручей, Элиза беспокойно фыркнула. Хотя я ни разу не каталась на такой породистой лошади, было ясно, что этой спокойной прогулкой животное не удовлетворено. Я хлопала её по шее.

— Тут кто-то жаждет большего. — И сразу прикусила свою щёку: весьма двусмысленно прозвучало. С таким же успехом я могла при этих словах указать на свою промежность.

— Так давай дадим её большего. — Севастьян легко шлёпнул Элизу по крупу, вынуждая ту устремиться вперёд.

Он меня быстро догнал, и мы понеслись, покрывая, казалось, километры; бодрящий воздух наполнял мои лёгкие, подстёгивая. Я была не в силах сдержать смех, и даже у Севастьяна губы изогнулись в почти улыбке. О, да, награди он меня настоящей улыбкой, я бы свалилась с лошади в тот же миг.

Я поймала себя на мысли, что было бы, стань Севастьян моим. В какие-то сумасшедшие моменты я могла представить нас вместе. Скучно бы не было никогда.

Нет, была бы тьма. И глубина. Я сглотнула. В любом случае, я больше ничего не решала. Яснее выразить свои чувства к нему я не могла, а он не предпринял никаких шагов.

До сегодняшнего дня? Или это исключительно платоническая прогулка? Филиппу он

сказал, что я с ним. На продолжительность поездки? На более длительный срок?

Наши лошади скакали бок о бок, направляемые к дальней берёзовой роще. Въехав в неё, мы замедлили шаг. Мне нравилось наблюдать, как вокруг нас опадают листья, подхватываемые ветром, как маленькие воздушные змеи.

— Здесь восхитительно.

— Мальчишкой я часто тут бывал.

— Для ребёнка это было, наверное, прекрасное место. — Особенно по сравнению с тем, где он жил раньше. Здесь ли он восстанавливался от побоев? Попав из крайней нищеты в это благодатное место?

После стольких лет одиночества найдя в Ковалёве отца?

— Пахан хотел, чтобы я воспринимал это место своим домом, поэтому заставлял меня читать о нём. — Луч света, пробивавшийся сквозь кроны деревьев, озарил лицо Севастьяна, его глаза. Золото в них было таким ярким, словно само солнце подсвечивало их изнутри. Завораживающе...

Когда я снова обрела способность говорить, то попросила:

— Расскажи, о чём ты узнал.

В своей отрывистой манере Севастьян начал описывать процесс строительства и реконструкции Берёзки. Но, перейдя к описанию людей и земель, заметно оживился, его любовь к этому месту была очевидной.

Он заметил, как я снова на него уставилась.

— Что? — Его скулы чуть порозовели.

Узнав, что он был профессиональным боксёром, я изнывала от желания потрогать его лицо. Услышав, что в детстве его избивали, я отчаянно хотела расцеловать этого бойца от лба до подбородка.

— Ты влюблён в это место.

Он пожал плечами, но я чувствовала его гордость.

— А ты нет? — Когда я легко кивнула, он сказал, — Так почему не решишь остаться?

— Это большой шаг. Жить в другой стране, сменить университет. — Я знала, что ничто не сделает Пахана счастливее, и мне хотелось, чтобы так и было. Но не ценой собственного счастья. — Может тебе и кажется, что мне не нравилась моя старая жизнь, но это не так. Мне даже нравилось работать, как, очевидно, и тебе нравится. Не хочу сказать, что причисляю себя к рабочему классу, но я люблю простую жизнь. — Мы остановились. — Довольно обо мне. Расскажи, как ты сюда попал? — Пахан говорил, что Севастьян может мне открыться.

Он изучал моё лицо.

— Твой отец всё обо мне рассказал.

— Только лишь о вашей первой встрече. Ты бы мог рассказать больше. — Если мы с Севастьяном и дальше будем вот так разговаривать, больше узнавать друг о друге, смогу ли я в него влюбиться?

А он в меня?

— Я хороший слушатель, — добавила я.

Наши взгляды встретились. Он открыл рот, чтобы что-то сказать. Затем его лицо перекошилось от гнева.

— Почему ты пригласила на прогулку Филиппа?

Я отпрянула.

— А почему бы и нет?

— Ты могла позвать меня. — Он смотрел в сторону, — если только ты нарочно не собиралась с ним уединиться.

Я закатила глаза.

— Даже если и так, это не твоё дело. Ты сказал, что нет никаких "нас", помнишь? Может, я приняла твои слова близко к сердцу.

— Моё предупреждение ты тоже приняла близко к сердцу? Я сказал, чтобы ты его остерегалась.

Гнев Севастьяна воспламенил и мой.

— И он мне сказал то же самое — о тебе.

— Филипп пользуется большим успехом у женщин. Что не означает, что он его достоин.

— Мы с ним ладим. Он меня не игнорирует и веселит, — заметила я. — И меня не смущает его лицо, способное заставить рыдать даже ангелов.

Севастьян стиснул на поводьях затянутые в перчатки руки. Его жеребец нервно заржал.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась с ним наедине.

Эта ревность была такой вкусной, что я решила его поддеть.

— С чего бы? Боишься, что я ему отдамся?

На лице Севастьяна мелькнуло что-то первобытное.

— Этого никогда не случится.

— Ты поэтому поехал со мной? Чтобы его отвадить?

Он просто ответил:

— Да.

Пальцы моих ног в сапогах подвернулись.

— Почему?

— Я знаю, что сегодня Филипп для тебя задумал. — В ответ на мои поднятые брови он сказал, — он собирался тебя соблазнить.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что любой мужчина в здравом уме задумал бы то же самое. — Он поймал и удержал мой взгляд. Он говорил и про себя тоже?

Он вновь начинает сводить меня с ума?

Я убрала прядь волос, упавшую на моё вспыхнувшее лицо.

— А ты в здравом уме? — Скажи да, скажи да...

Прогремел гром.

Словно очнувшись, мы оба задрали головы вверх. Здесь, в лесу, заметить приближающуюся грозу мы не могли.

— Едем назад.

Нет-нет, я не хотела, чтобы эта прогулка заканчивалась! Севастьян ревновал, вёл себя так собственнически и действительно со мной флиртовал — в своей немногословной манере. Мне всего было мало. Что изменят ещё несколько минут?

— Не сахарные, не растаем.

И как только слова сорвались с моих губ, небеса разверзлись. На моё лицо упала капля, затем ещё. Небо продолжало темнеть.

Когда поднятые порывом ветра листья понеслись прямо нам в лицо, Севастьян приказал:

— Держись ближе. — Он поехал назад, набирая скорость, лавируя среди деревьев, я

следовала за ним.

Над нами вспыхнула молния, лицо щипал холодный морозящий дождь. Но эта скачка меня возбуждала, я чувствовала себя такой живой. Не помню, когда в последний раз моё сердце так колотилось.

Ах, да. В кладовке горничной четырнадцать дней назад.

Когда молния ударила в дерево по соседству, Элиза дернула поводья, отпрянув вбок.

— Эй, девочка, тише... — Возбуждение сменилось беспокойством.

Ветки деревьев растрепали мои собранные в хвост волосы. Я почти ничего не видела сквозь листву и собственные пряди волос. Каждый новый раскат грома звучал всё ближе. И звук был куда громче, чем у нас в Небраске.

Севастьян развернулся и приблизился ко мне. Он потянул мои поводья, заставляя Элизу бежать рядом.

В небе продолжали сверкать молнии, одна ударила совсем близко. Морозящий дождик превратился в ледяной ливень с каплями такой величины, что они больно ударяли меня по голове. Казалось, температура с каждой минутой понижается. Вскоре сквозь пелену дождя изо рта у меня начал вырываться пар.

Севастьян прищурил глаза, глядя в сторону конюшни. Затем, словно приняв какое-то решение, развернулся в противоположную сторону.

Я крикнула сквозь шум дождя:

— Конюшни в другой стороне!

— Я увожу тебя из-под молний, — прокричал он в ответ, подстёгивая лошадь.

Мы продвигались вперёд. В фильмах, когда героиня оказывается под дождём с горячим мачо, это всегда выглядит сексуально. Я же замерзала, была уверена, что выгляжу, как драная кошка, и до смерти боялась, что в меня ударит молния. В довершение всего брюки для верховой езды сползли с моей задницы до угрожающего уровня.

Когда мы выехали из леса, дождь сделался таким сильным, что я едва могла различить стоящий впереди дом. Подъехав ближе, я увидела, что он был почти таким же большим, как и бунгало, в котором мы жили с Джесс. Дом был построен в нарочито-грубом стиле — бревенчатые стены и деревянная крыша — и совершенно отличался от всех построек, которые я видела в Берёзке до этого.

Сбоку располагался навес для лошадей. К тому времени, как мы решили там спешиться, ноги у меня свело до такой степени, что Севастьяну пришлось меня подхватить. Поставив меня на землю, он буркнул:

— Внутрь.

Оставив его заниматься лошадьми, я вошла в помещение без окон. Снимая промокшие перчатки и растирая озябшие руки, я осматривалась по сторонам. Слабый свет из дверного проёма освещал странную комнату, отделанную деревом.

До меня дошло. Это была *banua*. Помещение с сауной. Я об этом читала!

Русские к сауне относились крайне серьезно. Процесс мытья был полон ритуалов и разнообразных правил. Создание идеального пара — с самыми крошечными водными капельками — считалось искусством.

Первое помещение — предбанник — было оборудовано вешалкой для одежды и набором полотенец, простыней и кремов. Следом располагалась парная. Вдоль её стен помещались скамьи полированного дерева. В конце находился маленький голубой бассейн. С противоположной стороны пристроились печка и каменка.

Рядом стоял тазик с ковшиком. *Veniki* — связанные охапки высушенных веток и листьев — свисали с крючков и напоминали маленькие мётлы. В намоченном виде их использовали, чтобы похлопывать себя по коже для усиления циркуляции крови.

Печка почему-то была уже растоплена и теперь слабо освещала комнату. Камни испускали жар, нагревая и увлажняя воздух. Пахло кедром и берёзовыми вениками — словно вместе перемешали хвою, запахи леса и кожи.

Меня вновь осенило. Я буду находиться в бане с самым желанным мужчиной на земле. С которым я не смогу заняться сексом, не рискуя заполучить постоянные отношения. С которым я даже не могу просто подурочиться.

Несмотря на озноб, я повернулась к выходу, собираясь броситься под дождь.

С ружьём в руке в дверь вошёл Севастьян.

— И куда это ты собралась? — Как только он закрыл за собой дверь, раскаты грома стали едва различимы, несмотря на то, что земля и стены по-прежнему содрогались.

Мы словно оказались во влажном, освещённом огнём коконе, отрезанные от внешнего мира.

Встряхнув волосами, он прислонил ружьё к стене, затем закрыл дверь на засов.

Почему он нас запер? Стуча зубами, я смогла произнести:

— Н-нам надо назад. Или позвонить кому-нибудь, чтобы нас п-подобрали.

Отбросив перчатки, он направился к стенному шкафчику. Я услышала звон стекла, а потом он повернулся ко мне с рюмкой водки в руке.

— Пей.

Я взяла рюмку, но колебалась. Мне очень хотелось согреться, но я понимала, что оставаться в сауне с этим мужчиной, распивая водку — не стоило.

— Натали, пей. Ты даже не понимаешь, как замёрзла.

В тот же момент мои зубы предательски застучали. Бросив на него упрямый взгляд, я опрокинула в себя обжигающую жидкость. Когда я поставила рюмку на полку вверх дном, он удовлетворённо кивнул и, взяв за руку, повёл к огню. Я наблюдала, как он разжёт печку сильнее, а потом плеснул на камни воды.

Зашипел пар, клубами поднимаясь к потолку. Он окутывал нас, лаская моё лицо.

— Если мы тут останемся, то что-нибудь может случиться. — Что-то порочное.

Например, мы оба разденемся догола и будем слизывать друг у друга с кожи капельки влаги.

— Случиться? — Он направился ко мне, одновременно снимая куртку.

Я отступила на шаг.

— Ну, между нами. — Он так долго продержался, зачем ему портить всё сейчас?

Он приподнял брови, глаза в тумане и отблесках печки горели дьявольским огнём.

— Не можешь себя контролировать рядом со мной? — Его голос звучал низко и хрипло.

Сопrotивляйся, Нэт.

— Может и могу. Но не обязательно буду это доказывать, зависая с тобой в чёртовой сауне. — Когда он подошёл ближе, я требовательно спросила, — что ты делаешь, Севастьян?

— Снимаю с тебя мокрую одежду, — его тон не допускал возражений.

Какого чёрта? Тикающие часы, наконец, обнулились? Мое дыхание участилось, когда я припомнила его беспокойность, его пронзительные взгляды и нарастающее напряжение, словно он готовился к атаке.

Или, может, и правда готовился?

Но почему сейчас? И... таким образом?

Я вспомнила эти неопределённые предупреждения, которые он посылал в мою сторону.

Достанет ли мне смелости, чтобы встретить то, о чём он меня предупреждал?

— А если я откажусь раздеваться, что тогда?

— Зверёк... — Когда он так меня называл, я вспоминала его слова про *ошейник*. Он потянулся к моему жакету, взгляд плавил всё вокруг. — Ты должна узнать одну вещь.

Почему от одного жаркого взгляда по всему моему телу затанцевали мурашки?

— Какую?

— *Я не прошу.*

— Пстой! — Я отступала от Севастьяна, пока он продолжал приближаться ко мне в клубах пара. Казалось, он был решительно настроен избавить меня от мокрой одежды.

Тусоваться в сауне, голышом, с неприкасаемым вышибалой, от которого у меня текли слюнки: что же такого могло случиться?

А Севастьян отлично подготовился к этой грозе. Огонь в печке уже пылал. Он намекал о планах меня соблазнить, отчего я малость призадумалась...

— Что на тебя нашло, Сибиряк? Я знаю правила — мы не должны развлекаться друг с другом.

Слова, произнесённые низким голосом, звучали как обещание:

— Я не намерен с тобой развлекаться.

Я нахмурилась.

— Но разве не поэтому ты меня избегал, а? Не потому ли, что не хотел вляпаться в помолвку. Так в чём же дело?

— Всё просто. — Он почти надо мной нависал. — Ты замёрзла, а я могу тебя согреть.

Когда я вывернулась, он поднял ладони вверх, давая понять, что принуждать меня не собирается. Я закатила глаза. Типа, *придётся*.

— Значит, надо подбавить жару. — Он вернулся к огню. Растопив печку сильнее и подбавив пар, он сел на скамью и принялся спокойно раздеваться.

Это зрелище меня полностью поглотило: он расстёгивал рубашку пальцами в перстнях. Я не знала, в водке ли было дело или в растущем возбуждении, но внезапно я совершенно согрелась.

Когда он снимал с себя мокрую ткань, на его руках и плечах перекачивались мускулы, на груди блестели татуировки.

Об этих отметках я тоже прочитала. Две звезды означали его принадлежность к криминальной аристократии, к высшим эшелонам Братвы. Те, что на пальцах, означали, что он был вором и убийцей. Также я разглядела шрамы, которых не заметила в самолёте — один, похоже, остался на боку после пулевого ранения, а другой тянулся по внутренней стороне руки, оставленный, видимо, ножом.

Новые доказательства боли, которую вынесло это тело. И всё же эти шрамы вовсе не лишали его привлекательности, как раз наоборот.

Он гордо вздёрнул подбородок. Ублюдок знал, как потрясающе выглядит его тело. Как мужественно.

Как сексуально.

Я обнаружила, что ноги сами несут меня к нему, руки чесались от желания прикоснуться к влажной коже. Какая женщина могла бы ему противиться?

Явно не я.

Прежде чем осознать, что я делаю, я уже уселась на скамейку в метре от него. Я чувствовала, что обязана сказать:

— Я этого не хочу.

Он задрал брови. *Да ладно?*

— Снимай жакет.

Сглотнув, я подчинилась. Моя шёлковая блузка цвета слоновой кости была прозрачной,

напряжённые соски с коралловыми ореолами просвечивали сквозь белый кружевной бюстгальтер.

Он издал низкий одобрительный звук, а я призналась:

— Я боюсь.

— Меня?

Ни в коем случае. Я покачала головой.

— Боюсь того, что всё это значит. Как я поняла, если мы продолжим наши игры, ты окажешься связан со мной навсегда. Всё равно, что наденешь мне кольцо на палец.

Особенно, если у нас будет секс.

— Позволь мне самому об этом беспокоиться.

Может быть, угроза постоянной связи была преувеличена? Как, например, когда родители говорят детям: "Выйдешь на улицу с мокрой головой, и подхватишь простуду".

Свяжешься с вышибалой и подхватишь вечность.

Севастьян бы не рискнул нашим совместным будущим, так? А если я останусь девственницей, то, определённо, смогу обойти эти правила *бандитской* логики.

Но, может, мой мозг просто искал оправданий? Комната наполнялась паром, создавая вокруг иллюзию сна. Разве не проще быть безрассудной во сне?

— Чего ты от меня хочешь, Севастьян?

Потянувшись, он схватил меня за лодыжки и переместил их себе на колени, отчего я крутанулась на заднице, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Ты мне доверяешь, *milaya toya*?

С меня слетел сапог вместе с носком.

— Почему-то доверяю.

Следом отправился и второй.

Потом он протянул руки, чтобы расстегнуть своими татуированными пальцами мою блузку. Я всё ещё обдумывала пути к отступлению, пока не ощутила его мужской запах.

Всё кончено. Меня одурманили.

С его помощью я освободилась от липнувшей блузки, оставшись в бюстгальтере, который скорее выставлял грудь напоказ, нежели скрывал ее.

Его взгляд опустился ниже, он провел ладонью по своему рту.

— Ситуацию контролируешь ты, Наталья, — его голос меня убаюкивал, я уставилась на его губы. — Скажи, чего ты хочешь.

Не успев хорошенько подумать, я сказала правду:

— Большого.

Обхватив моё лицо ладонями, он провёл большими пальцами по скулам.

— Тогда я доставлю тебе удовольствие так, как сам этого хочу. Так, как ты ждёшь от меня.

Я не понимала значения этих слов, но чувствовала, что они необходимы и крайне важны. Словно воздух.

— Но я не могу спать с тобой.

Он уронил руки, гневно сузив глаза.

— Тебя заботит лишь путь к отступлению? Тогда не волнуйся, я не трахну тебя, пока ты не будешь меня об этом умолять. Но если не сможешь устоять — значит, пеняй на себя, — он повторил мои собственные слова, сказанные ему в самолёте.

Нет мольбы — нет секса? Я смогу удержаться. Значит, всё будет под контролем.

— Что ты задумал, если не секс?

— Я буду тебе приказывать, и хочу, чтобы ты выполняла приказы буквально. — Эти грубоватые слова сопровождались вспышкой чистой похоти.

Как же сильно он в этом нуждался! Мысль о том, что я реализую его "особые нужды" лишила мой разум сопротивления, сделала тело податливым, а волю — слабой.

Он хотел мне приказывать, я тоже этого хотела.

Он притянул меня ближе, усадив себе на колени, теперь наши лица разделяло лишь несколько сантиметров, дыхание смешивалось. Он прикусил мою нижнюю губу, но тут же сгладил боль языком. Когда он накрыл мои губы ртом, я вздохнула, признавая поражение, с благодарностью принимая этот чувственный поцелуй.

Наши языки переплетались, и я смутно осознала, что мои брюки исчезли. Внезапный шок от контакта голой груди с его горячей кожей лишь сильнее меня возбудил. Севастьян по-прежнему был в брюках, на мне же оставались только трусики.

Он прервал поцелуй, сняв меня с колен.

— Ляг на спину.

Мой первый приказ. Ширина скамьи с полированной поверхностью составляла примерно полметра. Я могла достаточно комфортно на ней лежать, но подозревала, что как раз комфорт Севастьяна не слишком беспокоил. Нервно сглотнув, я откинулась назад.

Протянув руки, он стянул с меня нижнее бельё. Его взгляд замер.

Животная энергия, вспыхнувшая в этих золотых глазах, заставила моё сердце пуститься вскачь.

Я проследила за его взглядом, которым он окидывал моё голое тело, пытаюсь понять, что могло его так сильно впечатлить. Моя обычно бледная кожа, пылала от предвкушения, капельки влаги на ней создавали мерцающий эффект. Бёдра не могли лежать неподвижно.

Его желание, тёмное и глубокое, продолжал шептать мой разум. То, что раньше беспокоило меня, теперь бешено заводило.

— Закрой глаза, Натали. Не открывай их. И оставайся на месте.

— Севастьян...

— Я отдаю приказы. Ты им повинешься. *Sdavaisya*.

Меня охватила тревога, которая, правда, не могла соперничать с возбуждением. Как только я закрыла глаза, он вышел из комнаты. Я слышала, как он что-то делал в предбаннике. Отправился за водкой?

Гадая, что он задумал, я ощутила в себе какую-то перемену. Под силой желания исчезли все остатки неловкости. Я чувствовала, как на коже оседает пар, собираясь капельками, которые стекали в лужицу на пупке. Соски стягивались сильнее. Нос наполнялся запахом костра.

Мои волосы тяжёлым каскадом свешивались с края скамьи. Я закусила губу, ощутив в теле вибрацию громового раската от макушки до кончиков пальцев.

Все мои органы чувств, казалось, были перевозбуждены.

Я стала совсем влажной, губки между ног набухли. Мне хотелось раскинуть бёдра, раскрыться для него. Он говорил, что там я прекрасна, он жадно вылизывал каждую мою складочку.

Я хотела, чтобы он вернулся! Что он делал? Меня обуяло любопытство...

Звук рвущейся ткани.

Я напряглась.

Звук повторился...

Какого чёрта? Ещё мне показалось, что он наливал куда-то воду.

Слыша звук его шагов, я знала, что он остановился рядом, и изо всех сил старалась не подглядывать.

— Ты выполнила то, что я сказал?

— Да. — Мой голос дрожал.

— Умница. — Костяшками пальцев он провёл по моей щеке. Всё моё тело было в его полном распоряжении, а он гладил меня по лицу.

— Эээ, что ты делал? — Я представляла, как его взгляд следит за движением пальцев.

— Готовился. Закинь руки за голову.

Я нерешительно вытянула руки над головой, и он схватил меня за запястья. Когда он связывал их полоской ткани, меня затрясло.

— Севастьян, я не знаю. — Он говорил, что я буду беспомощна. Говорил, что хочет творить со мной непристойные вещи.

Неужели я собиралась отступить? Или окунуться в этот омут?

— Ты сможешь остановить меня в любой момент, Натали.

Нельзя остановить водопад, нельзя...

— Но если подчинишься, я обещаю, что заставлю тебя кончить так, как ты никогда ещё не кончала.

Как это возможно, я не знала, но пока что Севастьян свои обещания выполнял. И это значило, что он собирался заставить меня кончить сильнее, чем в самолёте и в кладовке.

Теперь у меня был очень весомый повод ему подчиниться.

Пока дрожала от предвкушения, Севастьян связал мои запястья вместе и привязал их к ножке скамьи.

Я слышала, как он начал двигаться. Когда он наклонился надо мной, я ощутила, как по моей коже скользит головка члена, легко касаясь мышц живота. Он разделся? Мне жутко хотелось увидеть его обнажённым! И всё равно я крепко жмурилась, сопротивляясь желанию подглядеть.

Он обхватил мои ноги под коленями, заставляя их согнуть и поставить стопы на скамейку.

— Раскинь колени в стороны.

Сделав это, я почувствовала на своей набухшей киске танцующие облачка пара.

Севастьян со свистом втянул воздух, и я поняла, что он смотрит туда. Мне хотелось свести колени, но он прохрипел:

— *Я смотрю на то, что принадлежит мне.*

В тот момент я вся принадлежала ему.

Он собирался привязать меня за ноги? Сейчас я этого хотела. Хотела, чтобы он творил со мной непристойные вещи.

Я ожидала, что полоска ткани обовьётся вокруг лодыжек, но вместо этого он обвязал одно колено. Я не понимала, что он делает. Протягивает ткань за изголовьем скамьи?

Как только он обвязал и второе колено, я поняла, что теперь мои ноги оказались широко раскинуты и связаны одной длинной лентой. Если я пыталась сдвинуть правое колено, то левое тем самым подтягивалось выше, раскрывая меня ещё шире. Это работало, как чаши весов.

Как сказать, чтобы он остановился? Что это было уже слишком?

— Только посмотри на себя. Рыжие завитки и сочные розовые губки — на фоне белых бёдер. Красота. — Моя киска под его взглядом затрепетала, и он резко втянул воздух. — Знаешь, как долго я этого ждал? Прекрасная Наталья связана и ждёт меня. — Его голос сделался на октаву ниже. — Что я с тобой сделаю.

Вместе со всхлипом умерло и моё сопротивление.

— Открой глаза.

— Ладно. — Они округлились при виде совершенно обнажённого Севастьяна.

Блики огня освещали его тело, танцуя на буграх и впадинах мускулов. Капельки влаги спускались по груди вдоль мышц извилистыми дорожками. У меня отвисла челюсть, а губы

были просто обязаны пройтись по каждому сантиметру этой блестящей кожи.

Мышцы на плечах и груди переходили в крепкие мышцы пресса. Между узких бёдер нетерпеливо выступал член.

Такой вид породил во мне ответную пульсацию.

— О, Боже, о, Боже. — Я никогда ничего не хотела так, как этот член, входящий в меня до основания.

Мне отчаянно нужно было сжать бёдра или потереть клитор, чтобы унять эту боль. Дёрнувшись в оковах, я поняла, почему он связал мои ноги именно таким образом. Он хотел, чтобы я могла немного двигаться, а он бы при этом смотрел, возбуждаясь сильнее, как я мучаюсь в этих путах. Его рот приоткрылся, глаза лихорадочно блестели.

Как только я смогла разорвать наш зрительный контакт, я заметила на его теле и другие татуировки. На каждом колене была нарисована большая звезда, похожая на те, что на плечах. Я знала их значение: он не преклонит колен ни перед кем.

Смотреть на тело Севастьяна было всё равно, что смотреть на солнце.

— Хочу, чтобы ты увидела жажду, с которой я буду бороться. — Он сжал свой член в кулаке, проведя по головке большим пальцем, покрывая её влагой. — Хочу, чтобы увидела, как сильно я тебя хочу.

В другой руке он держал последнюю полоску ткани. Даже мой затуманенный похотью разум понимал, что он собирался с ней делать. Действительно, он приподнял мой затылок, чтобы завязать мне глаза.

— И ещё я хочу, чтобы ты *ничего* не видела.

— Стой! — быть связанной и ничего не видеть?

Он завязал последний узел.

— Так ты лучше всё почувствуешь. Доверься мне, и я обо всём позабочусь. Скажи, что согласишься.

Поколебавшись, я произнесла:

— Ладно.

— Хорошо. А теперь выгни спину и останься в этом положении.

Выполнив приказ, я услышала всплеск. Потом будто бы из таза подняли ковш.

На мою грудь полилась вода. Очень горячая, она стекала между грудей прямо к моей киске.

Я чувствовала, как ручеек бежит по клитору. Чувствовала тонкую струйку прямо на входе. Интимная, водяная ласка. Я застонала, с трудом удерживая выгнутую спину.

Новый ручей затанцевал на горле.словно ошейник. Меня бросило в жар. Так горячо...

— А-а! — Мою грудь обожгло *холодом*. Горячая вода сменилась ледяной. Я едва была способна держать спину дугой, пока он выливал холодную дорожку от одного моего соска к другому.

Целый водопад пролился на мои разведённые бёдра. Гусиная кожа. Испарина. Мурашки. Сбивающееся дыхание. Тело просто не знало, как реагировать.

И, наконец, холод — прямо между ног.

— Севастьян! — Я извивалась от бессилия.

— Ляг снова на спину. Открой рот.

Я безмолвно повиновалась, меня трясло. Языка коснулась холодная вода. Я быстро глотала, до этого момента даже не догадываясь, насколько мне хотелось пить.

— Ещё?

Я никогда не пробовала такой вкусной воды.

— Д-да..

Поток вернулся, а с ним и кончик его пальца, ласкающий мои губы. Я сосала этот палец, глотая воду, текущую по нему, пока он его не убрал.

Потом я слышала лишь звуки. Треск огня. Дыхание, моё — прерывистое, его — тяжелое. Неслись секунды...

Губами я ощутила кончик его члена. Он двигался по моему рту, и вдоль него продолжала бежать вода. Образ Севастьяна, льющего в мой рот воду вдоль члена... *О, Боже, о, Боже.*

Я вытянула шею, чтобы начать сосать, но он удерживал эту роскошную головку подальше от моего языка. Я пыталась освободить руки, чтобы вылизать его... а он мучил меня, то прижимая к губам кончик, то убирая прочь.

Очередной лёгкий контакт, очередная порция холодной воды. Мир вокруг меня начал растворяться, оставался только Севастьян.

Потом — пустота. Никакого контакта. Я уже была готова закричать, когда вернулся палец. Я сильно втянула его в себя, вращая языком, давая ему понять, что я сделаю с его членом. Должно быть, он меня понял, поскольку из его груди вырвался стон.

Он снова убрал палец, и я ахнула:

— Зачем ты меня дразнишь?

— Моя жадная девочка хочет большего?

— Ты знаешь, что хочу!

Давление на рот. Его губы?

Севастьян целовал меня легкими прикосновениями своего языка к моему, стремительному. Я стонала в его рот, но он сохранял медленный неспешный темп, заключив моё лицо в ладони. Он прервал поцелуй, чтобы легко-легко прикоснуться губами к щеке, подбородку, скулам, а затем вновь вернулся к моему ждущему рту.

Это был мой самый нежный и романтичный поцелуй. Словно меня холили и лелеяли.

Он связал меня, чтобы воспользоваться телом, а затем подарил *любовный* поцелуй.

Этот мужчина сводил с ума! Пока его рот и язык продолжали неторопливые движения, я пыталась вырваться из пут, чтобы обхватить его голову руками, зарыться пальцами в волосы, впиться в его рот.

Я боялась, что ещё до конца дня потеряю рассудок. Вместе с девственностью. Могу ли я верить его словам о том, что он не трахнет меня, пока я не начну умолять? Да. Но могу ли я быть уверена, что действительно не начну умолять?

Возможно, я была *не настолько* сильна, чтобы противостоять ему.

Он отступил, убирая с моего лба прядь волос, поправляя повязку.

— Прекрасная маленькая Наталья.

— Как ты можешь так себя контролировать? — вырвалось у меня.

— Я пообещал тебе, что заставлю кончить так, как ты не кончала никогда прежде. Обещания я выполняю. А теперь снова открой рот.

Я быстро открыла, облизнув губы...

Его член. Без воды. Чтобы я могла лучше его распробовать. Я страстно обхватила сочную головку, лаская языком влажную щель в центре.

Когда он отстранился, я снова затрепыхалась.

— Нееет!

Одной рукой он прижал мое горло, другой провёл по соску.

— Не двигайся.

Я умудрилась успокоиться. А потом — новое прикосновение ко рту. Чуть сморщенная плоть. Когда я поняла, что он даёт мне на этот раз, я дёрнулась вперёд, застонав, уткнувшись в мошонку, вылизывая каждую складочку. Я лихорадочно втянула между губ один мешочек, пытаюсь дотянуться и до второго.

— *Ммм!* — Его стон был низким и продолжительным. — Жадная девчонка, — повторил он.

Он вновь отстранился, опять оставляя меня без всего. Без его кожи, плоти, рта и члена. Он лишал меня созданного им мира — где он был всем. Как он поступит дальше? Каким станет его следующее прикосновение?

Я почувствовала его рот; коснувшись груди, поцелуями он начал спускаться к соску. Станет ли он мучить меня так, как в самолёте, избегая вершинок...?

Лизнув полушария груди, он ущипнул оба соска. Сильно. Потом сильнее. Усиливая сжатие книзу. Было больно — блаженно больно.

— Тебе нравится, — прохрипел он.

— О, Боже, — стонала я, когда он их потянул... Чтобы потом внезапно отпустить.

Наклонившись, он сомкнул губы вокруг соска, мягко посасывая, будто желая сгладить боль. Я изогнулась, подставляя ему вторую грудь, когда он закончил с первой.

Кожей я ощутила его порочную усмешку, но он уступил. Ведя губами дорожку вниз к животу, он оставил мои соски ноющими и влажными, а меня саму — уже на грани оргазма.

Он добрался до пупка, обведя его языком, целуя так, словно пил из него. Рот опустился ниже, ладони легли на мои бёдра, пальцы вытянулись в сторону лобка. Так же, как он это сделал на кукурузном поле.

Словно прочитав мои мысли, он сказал:

— Я представлял, что та ночь закончилась по-другому. Фантазировал, будто ты хотела, чтобы я трахнул тебя там, под полной луной. — Уверенным движением он развёл мои губки. Я чувствовала, что истекаю влагой, мои складки трепетали.

Пальцем он провёл по влажной ложбинке, заставив меня вздрогнуть.

— *Tu takaya nezhnaya.* Такая красивая. — Мои бёдра жадно дёрнулись, чтобы помочь раскрытой пустой киске. — Разве я могу удержаться и не попробовать тебя? — Он подсунул под меня ладони. Потом приподнял мою попку, словно кубок, и поднёс ко рту, проведя языком от центра к клитору.

— О, Боже, да!

Продолжая лизать, он проник в меня одним пальцем. Затем к нему добавился и второй. Но они быстро меня покинули, слишком быстро...

— Знаешь, что такое рай для меня? — Его пальцы на секунду скользнули в мой рот.

Мой вкус! Раем для него был мой вкус. Почему это меня так заводит? И вновь пальцы он убрал слишком быстро.

Полностью сконцентрировавшись на моей киске, он ткнулся в меня носом, а потом зажал клитор между губ, мягко посасывая. Меня всю трясло. Он сковал меня верёвками и губами, подводя к оргазму с профессиональной жестокостью.

Он сосал, увеличивая темп, и мой бугорок набух так, что начал пульсировать прямо на его языке. Очень близко... близко...

С влажным звуком он меня отпустил.

— Нет, не останавливайся! — Центр невыносимой чувственности — вот во что превратился мой клитор, я могла чувствовать, как туда опускается пар. А Севастьян, словно это была его игрушка, дул на него. Играл с ним. Мучил, сжимая зубами.

— Такой маленький, такой сладкий, — его голос скрипел. — Он заставит тебя сделать для меня то, что тебе и не снилось.

Мои пальчики на ногах подвернулись, кулаки сжались. Сколько ещё он будет издеваться надо мной? Часы прошли или минуты — я не знала.

— Это слишком! — Разве безмерное наслаждение может быть таким мучительным?

Севастьян удвоил усилия. Ну, наконец-то! Сказать ли ему, что я уже на грани? Но он лишит меня оргазма, как и всего остального раньше. *Не выдавай, насколько ты близко. Не показывай...*

— Если кончишь без разрешения — будешь наказана.

Я изогнулась в отчаянии. Лишение оргазма, именно так, как я об этом читала.

— Мне н-нужно кончить. Пожалуйста.

— Скажи это по-русски. Мне нравится, как ты произносишь это слово.

— *Pozhaluista!*

— Наслаждайся моим поцелуем. — Раскрытой дырочкой я чувствовала его тяжёлое дыхание. — Но не кончай. — От яростных движений его языка я издала отчаянный вопль. Слишком поздно. Этого я не могла выдержать.

На меня обрушилось цунами...

— Ты кончаешь? — Недовольно зарывчав, он впился в меня, ещё сильнее работая языком. Моё тело извивалось в этих путях, ноги были широко разведены, бёдра похотливо толкались в его рот. *Черт. Черт.* Он довёл меня до самого невообразимого оргазма в жизни.

Как и обещал.

И, как и раньше, мой мозг... перезагрузился.

Я лежала, приходя в себя после ошеломляющего наслаждения — но не удовлетворённая. Вместо того, чтобы потушить огонь, эта разрядка лишь слегка его приглушила — достаточно, чтобы мои мысли ненадолго прояснились. Чтобы я могла оценить, что он только что со мной сделал.

Оценить свою подчинённую позицию. Свою беспомощность. Его власть.

Пока я всё ещё содрогалась, он продолжал меня смаковать.

— Вкус твоего сока... мог бы слизывать его вечно. — В голосе сквозило напряжение. — Но ты кончила раньше, чем мне хотелось, *moya plohay devchonka*. — Плохая. Или дрянная. Или развратница.

А я такой и была. Для него.

Он отстранился.

— Мне придётся начать всё сначала, снова тебя раззадорить. Ты готова к наказанию? Где-то в голове зародилась туманная мысль, что он специально подстроил всё так, чтобы потом меня наказать — потому что любил играть в игры.

Он играл по высоким ставкам — позволю ли я себе проиграть?

— Готова. — *Наверное.* Свой голос я не узнала. Я охрипла от собственных криков?

Я слышала шуршание, и мои глаза под повязкой мгновенно округлились. Это *venik*? Одна из тех маленьких листовых метёлок? Что он собрался с ним делать...? Вопрос испарился, когда он провёл этой штукой по моей груди.

Влажные листья скользили по округлому контуру, по сравнению с моими напряжёнными сосками их текстура казалась почти грубой. С криком я выгнулась...

Шлёп. Он ударил по одной груди!

— Севастьян! — Потом, по второй. — Что ты...

И снова! Удары становились сильнее, но мои соски делались лишь твёрже, будто приманивая новый шлепок — который не замедлил последовать.

Ещё. И ещё.

Я уже было решила просить его остановиться — но всё, что он раньше со мной делал, было слишком прекрасно, чтобы чего-то упустить. Так что я стиснула зубы и принимала всю боль.

Пока мой разум пытался свыкнуться с этой... с этой *поркой*, Севастьян продолжал своё занятие, и свистящий звук громко отдавался в замкнутом пространстве сауны.

Пока я резко вздыхала и дрожала, боль постепенно стала превращаться в какой-то странный вид удовольствия. Я ведь не могла *этого*... хотеть? В конце концов, мне понравилось, когда в самолёте он меня отшлёпал, но если мои сиськи секут с помощью другого предмета — это серьёзно поднимает ставки.

Так почему я принялась изгибаться навстречу новым ударам?

Он продолжал хлестать, пока моя налитая грудь не заболела, а соски не запульсировали так же сильно, как и клитор.

Но так я пика достичь не могла. Он избегал любого контакта со всем, что находилось ниже талии — очередное наказание — я знала это так же верно, как если бы он сам мне об этом сказал.

— Прикоснись ко мне, Севастьян! — мои внутренние стеночки сжимали лишь пустоту.

— Мне нужно кончить ещё раз.

— Хочешь, чтобы я был внутри?

Я застонала, едва вспоминая, почему так важно не заняться сексом.

— О, Боже... Я не... Я не могу... — Колёсики едва вращались в моём затуманенном желанием разуме.

— Станешь моей — и я тебя не отпущу. — Резко, едва сдерживая бешенство, ответил он. — Запомни, если я буду твоим первым — то стану и последним. — Звенящая необратимость этих слов меня отрезвила. — И убью любого, кто осмелится прикоснуться к тому, что принадлежит мне.

Постоянство.

— Умоляй, чтобы я тебя трахнул. — Он хлестал мою правую грудь.

Ловушка!

В мыслях я видела, что он уже готов схватить меня, приковать навечно. Охотник готовился нанести удар. Вот чего он ждал.

Этого. Почему теперь? Почему я?

— Умоляй, Наталья.

Не могу думать!

— Н-нет?

Тишина. Наконец-то.

— Что ты сказала?

— Не могу. Пока ты не скажешь, что это будет только секс. Без последствий.

— Я сказал, что ситуацию контролируешь *ты*. — Его тон сделался зловещим. — Но тебя контролирую я. Я *могу* заставить тебя умолять.

— Знаю, — прошептала я.

Моё признание вроде бы немного умерило его гнев.

— Тогда зачем отвергать нас, *milaya*?

— Это всё уже чересчур. Я просто... не могу.

— Что ж, я не трахну тебя, пока ты не станешь меня умолять — за пределами этой пытки. Потому что в этой игре я собираюсь победить. — *Он устанавливает правила.* — Это больше, чем просто наслаждение. — Новый шлепок веником.

— Севастьян, я не знаю... Не знаю, сколько ещё смогу выдержать. — Когда я уже собиралась молить о пощаде — или лишиться чувств — я почувствовала у своей дырочки давление. Туда тыкался тёплый бугристый предмет. Несмотря на обещание, он намеревался меня трахнуть?

Нет... это не его... о, Господи Боже, это полированная ручка ковшика? Я вскрикнула:

— Т-ты не можешь. — Я не могла думать — потому что он начал медленно в меня проникать. — Ты... ты делаешь это назло? — Что за дьявол!

— Я обещал тебе ни с чем не сравнимое удовольствие, но ты наложила вето на самые эффективные способы. Давай же, зверёк, ты сказала, что тебе нужно что-то внутри.

Так оно и было. И мне нужно было это глубже, но Севастьян лишь совершал неглубокие толчки, пока моя голова не откинулась. Он полностью избегал мой клитор — очередное наказание. И, тем не менее, я готова была кончить.

Шлёп. Даже трахая мою киску ручкой ковшика, он продолжал пороть мою нежную грудь. В тот момент я не могла решить, ради какой стимуляции смогу убить.

Я хотела отпечаток боли, который оставлял на мне этот мужчина.

— Подчини свою волю моей. — От напряжения в его голосе, пальцы моих ног подвернулись. Он порол меня; он входил в моё сжимающееся лоно. Он сводил меня с ума.

— Когда я прикажу тебе кончить — *подчинись.*

Внутрь-наружу, внутрь-наружу, в унисон стаккато из шлепков.

Я всхлипывала от такой интенсивности. В голове не осталось мыслей. Эйфория.

— Севастьян, о, Боже, пожалуйста. — С моих губ сорвался умоляющий крик.

— Женщина, твои *крики!* Кончи для меня. Сейчас же.

И я сорвалась вниз. Не помня себя, я кричала от глубинных внутренних спазмов, дёргаясь в верёвках, пока моё тело сотрясилось.

В полузабытии я слышала, как произношу вслух разные вещи: как я мечтала, что он будет меня трахать. Как сильно мне хочется ласкать его ртом. Как я мастурбировала, фантазируя о нём.

И каждое признание подчёркивалось его резкими стонами.

Когда удовольствие, наконец, пошло на убыль — гораздо более крышесносное, чем предыдущий оргазм — я осталась неподвижно лежать, пытаюсь перевести дух. Осознать, что

он только что заставил меня почувствовать.

Мягко поцеловав моё бедро, он осторожно вынул ручку ковшика, вновь оставив меня пустой. И всё равно я понимала, что ещё не насытилась, что моя жажда только усилилась. Когда же кончится это безумие? Как он смог превратить меня в такое неразумное существо?

Пока он демонстрировал чудеса самоконтроля, я оказалась рабыней чувственности. *Его* рабыней. А не говорил ли он, что хочет сделать меня именно ею?

Я чувствовала, что он разматывает мою повязку.

— Посмотри на себя, — приказал он.

Я моргнула, опустив взгляд вниз. Себя я не узнавала. Это было тело незнакомой девушки. Её бледная кожа была ярко-розовой и скользкой от пота. Рыжие локоны рассыпались по тяжёлым грудям, извиваясь вокруг похотливо торчащих сосков. Её маленький клитор настолько разбух, что теперь гордо выступал между губок.

Эта незнакомка была воплощением порочной жажды. И выглядела так, словно ею только что воспользовались. Как и говорил Севастьян.

Не незнакомка.

Я.

Открытие. Повязка спала — и миру явилась новая я, о которой никто раньше не подозревал. Словно в трансе смотрела я на свои измученные сосочки.

И вдруг, услышав стон, резко повернула голову на звук.

Он тоже казался другим. Его тело изменилось так же, как и моё. Мускулы невозможно раздулись, переплетаясь под влажной кожей тугими канатами.

Но ничто не могло соперничать с видом его великолепного члена. Налитый кровью, он словно бы умолял о том, чтобы глубоко зарыться в горячую плоть. Капельки влаги на сливово-красной головке, переливаясь в свете огня, лишь усиливали мой аппетит.

Он был... богом, с кожей, отполированной огнём.

Умудрившись оторвать взгляд от его тела, я упивалась его лицом. Губы вытянулись в тонкую линию, превратив шрам в белую чёрточку. Влажные пряди волос обрамляли тонкие порозовевшие скулы. Благородное лицо было переполнено болью.

Болью, которую он получил, доставляя мне удовольствие.

А в пылающих глазах сквозило собственное безумие. Пробирающее до мозга костей желание, взывающее ко мне. С сильным акцентом он произнёс лишь одно слово:

— *Одержимость.*

Я не знала, говорит ли он о себе или обо мне. Не знала, вопрос это или ответ. Решив, что сейчас это основа всех его мыслей, я ответила тем, что было основой моих:

— *Открытие.*

Брови сошлись у него на переносице:

— Да.

Он протянул руку, чтобы отвязать мои запястья, скользнув при этом кончиком члена по моему чувствительному животу, одновременно пролив струйку предсемени.

Словно насмешка, напоминание того, что я отвергла — это действие вновь разожгло во мне желание. Как и он, я всё ещё горела внутри.

— И мы не закончили, — пообещал он. Ослабив узел — как раз настолько, чтобы я могла освободиться сама — он отступил назад. Прислонившись спиной к стене, он принялся драть свой аппетитный член.

Я остолбенела от такой эротичной картины: бог, изнывающий от желания,

удовлетворяет сам себя.

Потом я поняла, что он вновь хочет меня обделить.

— Нет, стой! — Сходя с ума, я отчаянно пыталась освободиться от оставшихся лент — пока его золотые глаза следили за мной.

Они всегда следили за мной.

Он медленно трахал кулак, на головке выступила капля жидкости. Под моим пристальным взглядом она скатилась вниз к кулаку, а мне захотелось разрыдаться. В панике я удвоила усилия, чтобы освободиться неуклюжими от страха руками.

— Пожалуйста, стой! — я дико изголодалась по нему. Пытаясь успокоиться, я закусила губу.

Он не остановился, продолжая мучить меня тем, чего я не могла получить. Так близко — и всё равно не с ним? Ситуация меня *убивала*.

— Пожалуйста, дождись меня! — я не просто отупела от похоти, я была ею больна, меня лихорадило. — Ты мне нужен!

И он, наконец, ответил:

— То, что ты сейчас чувствуешь... я испытываю *всё время*. С того момента, как впервые тебя увидел.

То, что я сейчас чувствую?

Как он вообще тогда выжил?

Но больше нам не нужно страдать. Вцепившись ногтями в верёвки, я освободила запястья! Не сводя глаз с его двигающегося кулака и натянутых мышц, я начала распутывать узлы под коленями.

— Пожалуйста, дождись...

И вот я на свободе.

Сильно сведя брови, он застонал в ожидании, в... агонии.

Я могла помочь ему. *Утешить его. Осушить*. Не обращая внимания на затёкшие мышцы, я вскочила на ноги.

Мгновение спустя я уже стояла перед ним на коленях, вонзив ногти в его грудные мышцы, с членом глубоко во рту.

Его рёв разнёсся по домику, как раскат грома. Он продолжал кричать, запрокинув голову, в потолок, а я благоговейно ласкала его член. Пронзая свою глотку такой широкой головкой. Издавая стоны от каждой капельки смазки.

Мои ногти скользнули по его телу вниз, потом, стиснув одной рукой его задницу, второй я обхватила тяжёлую мошонку.

Его пальцы зарылись в мои волосы. Я едва могла распознать русские слова, которые он хрипло произносил.

Он приказывал мне продолжать доить его своим голодным ротиком. Сообщал, что с радостью убьёт, лишь бы обладать мной. Заявлял, что моё тело принадлежит лишь ему.

От этих опрометчивых слов я почувствовала, что вновь приближаюсь к пику, когда он приказал:

— Ты дождёшься меня... дождёшься семени на языке.

Смуглая мошонка в моей руке напряглась, когда его тело было готово к разрядке. Я и подумать не могла, что его член во рту может стать ещё больше в диаметре. Но он стал. Волна семени подступила прямо к головке.

— Посмотри на меня, *milaya*.

Я подняла взгляд, обнаружив, что Севастьян замер, на его лице — маска агонии, тело будто окаменело в идеальной форме. Я ласкала его языком, наши взгляды встретились. И замерли так на мгновения, которые казались вечностью.

Потом раздался мучительный вопль, а в горло мне ударила горячая струя.

Он начал яростно толкаться. Я вцепилась в его задницу двумя руками, чувствуя, как двигаются его мышцы, пока он старается влить в меня всё до последней капли.

— Ты, — толчок, — теперь, — толчок, — *моя*.

С его спермой на языке — мой пропуск — я устремила свои пальцы к клитору, чтобы скользнуть по нему одним чувственным движением.

Оргазм. Взрыв. Сжимающийся восторг. Его порождали мои пальцы, вызывая новые спазмы. *Пиздеу. Пиздеу!* По лицу текли слёзы, а я глотала и глотала, опустошая бьющегося в конвульсиях Севастьяна, одновременно натирая киску, пока она не стала чересчур чувствительной...

Всё ещё мягко его посасывая, я прижалась щекой к бедру. Он гладил моё лицо с бесконечной нежностью. *Теперь* я, наконец-то, насытилась.

Когда его расслабленный член выскользнул у меня изо рта, с уголка губ по подбородку сбежала струйка спермы. Он вытер её подушечкой большого пальца, с благоговением на лице вернув обратно в мой жадный рот.

Я, глядя на него, сосала этот палец, а его глаза собственнически потемнели. Глубина. Мужественность. Бесконечность.

Он относился ко мне, словно к добыче, принадлежащей ему для собственного удовольствия. Бесконечно. Бесконечно. *Бесконечно*.

Господи Боже, что я наделала?

Когда на меня вновь начала наваливаться реальность, я нетвёрдо встала.

Нужно уйти от этого мужчины, который контролировал мои эмоции и желания куда лучше меня самой. От мужчины, который изменил меня навсегда, показав вещи, которые я никогда не смогу забыть.

Никогда не смогу *расчувствовать*.

Это не я решила стать рабыней — он сделал меня такой.

Я почти занялась с ним сексом. Почти позволила себя окольцевать. Хотя по-прежнему его не знала. Не знала ничего о его прошлом, семье, даже о том, чем он любил заниматься в свободное время.

Я не знала, были ли мы совместимы хоть в чём то, кроме секса.

— Нет-нет, Натали. — Он потянулся ко мне. — Не просыпайся.

Какая-то тёмная часть меня не хотела пробуждаться. В растрёпанных чувствах я стиснула лоб. От жары и жизнеизменяющего наслаждения кружилась голова.

Когда он взял меня за руку и подвёл к маленькому бассейну, я не сопротивлялась. Обвив меня руками, он спрыгнул вниз.

От температуры воды меня бросило в дрожь, но я нуждалась в этом холоде, не осознавая, насколько перегрелась. Он поставил меня на ноги в бассейне глубиной по пояс, затем склонился, прижав свои губы к моим.

Я упёрлась ему в грудь, но он прижимал меня сильнее, смакуя мой рот, лаская языком, заставляя забыть саму себя...

Вновь затерявшись в блаженстве, я смутно осознавала, что он мыл меня, изучая. Большая рука прошлась у между ног. Другая растёрла одну грудь. Неспешно, словно обладая всем временем в мире.

Он вынес меня из воды как раз тогда, когда я снова начала замерзать. И прежде чем я смогла возразить, он уже вытирал моё тело. Я хотела попросить его остановиться, оставить меня в покое. Просто дать время, чтобы осознать то, что он только что со мной сделал.

Но меня отвлекли низкие раскатистые звуки, которые он издавал, ухаживая за мной: вытирая мою грудь, мягко промокая завитки между ног. Его член вновь отвердел и раскачивался при каждом движении.

Мы что, собираемся начать всё сначала? Неужели я ни чему не научилась? В отношениях с Севастьяном я не была Натали. Я была *Натальей*. А эта пустоголовая потаскушка явно не училась на ошибках.

Я отступила назад, повернувшись, чтобы найти одежду.

— Мне нужно одеться. *Нам* нужно.

— Не делай этого, — пробормотал он из-за спины.

— Новый приказ? — схватив для себя халат, ему я кинула полотенце.

Наверное, он почувствовал, что я близка к панике, поэтому прикрылся, обмотав полотенцем узкие бёдра.

— Ты *жалеешь*? — его голос был полон недоверия. — Ты не можешь. Я тебе *не позволю*.

— И будто недостаточно шокировав меня сегодня, он подхватил меня на руки.

— Что ты делаешь?

Он сел на скамью, усадив меня на колени, обхватив затылок в защитном жесте. Справедливо, учитывая, как он встряхнул меня сегодня.

В пелене пара я почти расклеилась.

— Как ты сумел меня настолько изменить? — прошептала я ему на ухо. — *Как?* — В какой-то момент я думала, что лишусь рассудка.

— Я не изменил. Лишь показал тебе твою другую грань.

Крепко вцепившись в него, словно в спасательный круг, я зарылась лицом в ямочку между плечом и шеей.

— *Зачем* ты это сделал?

Он ничего не ответил.

Я откинулась назад, чтобы взглянуть ему в глаза, обнаружив, что не могу противиться желанию его поцеловать. Губы коснулись неровной носовой перегородки, подбородка, затем прошлись по идеальной поверхности щёк. Он плотнее прижал меня к себе в ответ на такое проявление чувств.

Между поцелуями я спросила:

— Чего ты от меня хочешь?

Молчание.

— Когда ты говорил об одержимости, ты, правда, это имел в виду? — Он отвернулся в сторону.

— Грр! — Я выбралась из его объятий, поднявшись, принялась искать своё бельё. — Ты меня просто бесишь! — Трусики я нашла рядом с печкой, они почти высохли от жара. Я быстро их натянула.

Лифчик. Где, чёрт возьми, мой... а, нашла. Отвернувшись, я скинула халат, затем застегнула лифчик.

— Проклятье, Натали, я не знаю, что сказать, чтобы облегчить то, что ты чувствуешь.

— Конечно, не знаешь. — Я резко обернулась. — Потому что мы друг другу — чужие! Я тебя не знаю! — С трудом я смогла натянуть влажные брюки.

— О чём ты хочешь узнать?

У меня было столько вопросов. С чего начать?

— Татуировки на коленях — они означают, что ты не перед кем не склонишься, так? — Согласно моим исследованиям. — Значит, ты сам вор в законе.

— Это неважно. Я следую за Ковалёвым.

Севастьян, как и мой отец, был криминальным аристократом. Новая подробность, о которой я и понятия не имела.

— Это всё, что ты можешь об этом сказать? — обнаружив блузку, я мгновенно её схватила.

— Я не люблю говорить о себе.

Мои пальцы, застёгивающие блузку, медлили.

— Ну, мне тоже было непросто допустить, чтобы ты меня связал! Но я же тебе доверилась.

— Ты бы хотела всё отыграть? Отменить этот вечер, если бы могла? — Собрав свою одежду, он начал одеваться.

— Не знаю, — призналась я. — Я не понимаю этого, не понимаю тебя. — Влажные волосы я отбросила назад, скручивая в узел. — Неделями ты меня игнорировал, а сегодня продемонстрировал такой прессинг. Почему?

— Пахан решил, а я согласился, что мы на тебя слишком давим. — Такого давления я не ощущала ещё ни разу в жизни. Никогда.

— Когда я признался, что с тобой переступил черту, он попросил дать тебе передышку на пару недель. Сказал, что ты молода, и что я должен дать тебе время найти опору под ногами. Так что я пообещал, что так и сделаю.

— На пару недель. — Всё стало ясно. Отсчёт времени, который я ощущала. Сегодня был мой четырнадцатый день в Берёзке. Счётчик обнулится.

— Мне приказали не заговаривать с тобой в Небраске; тут же мне запретили искать с тобой встреч.

Я никогда не задумывалась, что больше месяца он провёл в слежке, не имея возможности приблизиться. И он уже признал, что всё это время фантазировал обо мне. Как досадно смотреть, но не иметь возможности дотронуться.

Нет-нет-нет, ты же на него злишься, забыла?

— Думаю, Пахан полагал, что тебя увлечёт Филипп. Возможно, так думал и я.

Неудивительно, что Севастьян разъярился, решив, что Филипп собирается меня поцеловать.

— Так что же произошло сейчас?

— Сейчас? — Он натянул брюки. — Сейчас время, которое я тебе дал, истекло.

Это что, шутка? Пока я изучала его лицо, снаружи раздался какой-то звук. Грузовик?

— Севастьян, кто там?

Он сел, чтобы натянуть ботинки.

— Я позвонил конюху, пока занимался лошадьми, и сказал, чтобы он забрал нас не раньше, чем через два часа.

— Два часа? Он же поймёт, чем мы занимались! Мы выйдем отсюда в облаке пара, и он всё поймёт. Или решит, что *всё понял*, а потом всем расскажет! И неважно, что мы не переспали. Все будут считать, что так и было.

— Верно.

У меня глаза округлились.

— Ты специально это сделал. Чтобы меня вынудить. Секса у нас не было, но это ничего не меняет.

— Ты *так* расстроена перспективой быть со мной?

— Я уже говорила, что не люблю принимать важные решения под давлением.

— Значит, нам повезло, что это решение за тебя уже принято. — Пока я хватала ртом воздух, он продолжал, — я разыграл комбинацию, чтобы получить то, что хочу. — На лице у него было написано *"твоя задница принадлежит мне — и мы оба об этом знаем"* — Я не скрываю, на что готов пойти, чтобы обладать тобой. Если это — единственный способ, то так тому и быть.

Я напряглась. Как по мне — не похоже на предложение руки и сердца. Он был так холоден, так не похож на себя самого пару минут назад. Это потому, что он выиграл. Или думал, что выиграл.

— А что случится, когда азарт погони пройдёт? И почему я? Из всех красоток, с которыми ты встречался? Я имею в виду, тебе тридцать, и раньше ты не задумывался о том, чтобы остепениться.

Вместо ответа он произнёс:

— Это дело решённое, Натали. Всё образуется, если ты мне доверишься.

Снаружи послышался голос конюха.

Севастьян набросил на себя мокрую рубашку, потом потянулся за пальто.

— Я скажу твоему отцу, что мы вместе. Когда он будет с тобой говорить, скажи ему то же самое.

Просто. Ясно. Навсегда.

Жить в новой стране, в новом мире, с мужчиной, которого я едва знаю. И я не была уверена, что эта новая жизнь будет лучше моей старой.

— Довериться тебе — и всё образуется? Это просто другой способ сказать: "я знаю, как для тебя лучше". Или, что ещё хуже, "я умнее тебя".

— В этом случае — так и есть. У тебя нет достаточного опыта, чтобы понять, что произошедшее здесь — или в кладовке, или на самолёте — редкое исключение, а не правило.

Я оцетинилась.

— И снова ты говоришь, что лучше знаешь.

— Ты умная девочка. Когда заново обдумаешь то, что мы сделали, то придёшь к тому же заключению, что и я. — Он наклонился, чтобы поцеловать меня в щёку и ниже.

— И к-какое же это заключение? — Когда он понял, насколько чувствительная у меня шея? Особенно в одной точке...

Его губы прижались точно там, где на шее пульсировала жилка, отчего колени у меня стали ватными.

— *Eto ne izbezhno dlya nas.*

Сфокусируйся, Натали! Почему, несмотря на это невыносимое своеволие, я всё равно его хочу?

— Астероид, летящий на землю — вот неизбежность! Или извержение действующего вулкана. Неизбежно только плохое.

Чуть отстранившись, он смотрел на меня сверху вниз.

— Нет, только *великое*, — произнёс он, взяв меня за руку — чтобы вывести в реальный мир.

У главного входа в Берёзку Севастьян проводил меня до дверей. Суэта вокруг нас внезапно меня насторожила. Мне показалось или все охранники замедлили шаг, чтобы поглазеть на нас?

Из дома вышли два бригадира. Они тут же остановились и уставились на мой растрёпанный внешний вид — пока угрожающий взгляд Севастьяна не заставил их исчезнуть.

Повернувшись снова ко мне, Севастьян произнёс:

— После ужина я собираюсь поговорить с Паханом. — Я по-прежнему была в полусне.

— Я не давала согласие на это. И на тебя.

— Доверься мне, зверёк. — Приподняв за подбородок, он демонстративно меня поцеловал.

В этом и заключался его план. Я думала, это будет короткий прощальный поцелуй, цена, которую я готова была нехотя заплатить, чтобы быстренько юркнуть в дом.

Вместо этого, Севастьян, кажется, готовился вновь разжечь во мне огонь. Он яростно завладел моим ртом, скользя внутри горячим, ищущим языком. Это был грязный поцелуй с одной целью: сломить моё сопротивление.

Что и случилось.

Его руки спустились к моим бёдрам, крепче прижимая к себе. Наши языки переплетались, пока я не схватила его плечи, пытаюсь подобраться как можно ближе к его всепоглощающему жару.

Как обычно, его поцелуй лишил меня мыслей, заполнив ощущением, что всё хорошо — хоть я и знала, что на самом деле всё хреново...

Когда, наконец, он отпустил меня, трясущуюся и задыхающуюся, то, усмехнувшись, добавил:

— Можешь обманывать себя сколько угодно, но ты точно меня приняла.

От него исходили волны мужского удовлетворения. Его поведение как раз подошло бы для олимпийского пьедестала.

Триумфатор. Победитель.

Может, поэтому я не могла избавиться от чувства проигрыша?

Когда я, открыв дверь, нетвёрдо шагнула внутрь, он уцепился за задницу. Обернувшись, я бросила на него изумлённый взгляд, удивившись и этому знаку внимания, и неожиданно игривой стороне Севастьяна.

— Иди внутрь и согрейся, Натали. И расслабься, всё будет хорошо.

И ушёл, оставив меня с опухшими губами и раздраем в мыслях. Я задумчиво побрела вверх...

И вздрогнула, когда на лестнице мне путь преградил Филипп. В его глазах пылал гнев.

— Развлеклась со сторожевой собакой?

— Я так за тебя волновалась! — воскликнула Джесс, когда я позвонила ей вечером.

— Правда? — Пару часов назад я сама за себя волновалась, когда Филипп при мне потерял самообладание. — А что такое?

— Господи, я не знаю, может, дело в том, что какие-то мафиози охотятся за моей лучшей подругой?

Ах, это...

— А почему ты не позвонила мне на новый номер, который я тебе дала?

— А как, блин, звонить в Россию из Греции? Всё равно, что выучить теорию ёбучей относительности. И всё равно я посвятила этому несколько раундов. Греческой водки. Нет, реально, ты даже не представляешь, как меня тревожит твоя судьба. Всё свободное время в Греции я заедала стресс.

Я нахмурилась.

— Обычно ты его не заедаешь.

— Членами, Натали. Я заедала стресс членами. Ну вот, ты заставила меня проболтаться, довольна?

— Опа! Шлюшка.

— Сучка.

Несмотря на мрачный настрой, я едва сдержала улыбку.

— Я так понимаю, путешествие удалось?

— Конечно, удалось. Но я не о себе хочу поговорить. Я хочу знать, что ты в безопасности.

А что такое "безопасность"?

— Я в полном порядке.

Она поверила на слово.

— Требую подробностей! Расскажи мне о своём гангстерском отпуске.

С чего же начать? Я сидела за туалетным столиком, глядя на своё отражение в зеркале.

Я снова была прежней Натали — ни намёка на Наталью — но если придраться, можно заметить, что глаза стали более... проницательными.

— Это может оказаться не просто отпуск. Ковалёв хочет, чтобы я осталась.

Любая женщина с радостью бы убила ради возможности жить в подобном месте, чтобы лучше узнать своего отца и продолжить учёбу в новом университете. И встречаться с таким великолепным и сексуальным мужчиной, каким был Севастьян.

На стороне Джесс установилось радиомолчание. И вот, наконец:

— Ты всерьёз обдумываешь эту идею?

— Я чувствую, что меня... ээ... склоняют к этой мысли. — Я рассказала ей о двух прошедших неделях, сумасшедшем количестве подарков, моей усиливающейся фобии относительно кучи денег и нависающей угрозе.

Она прокомментировала мой рассказ:

— Ты не упомянула сражающегося в клетке единорога.

— Ну, ты бы назвала это... связью. — Как объяснить эту неловкую ситуацию? Сложную натуру Севастьяна? — С ним всё экстремально. — Как и говорил Пахан. — Это невозможный сексуальный, сложный и выводящий из себя мужчина. Порой мне кажется, что я в него уже

влюблена, а иногда чувствую, что должна бежать от него куда подальше. Короче, я *совершенно* сбита с толку. — Я посвятила её в подробности нашей связи, рассказав и о перспективе связать себя узами постоянных отношений, а затем досконально описала всё, что произошло в *bane*.

— Это так круто! Я прям потекла. *Фан-фан-фан*.

— Ты можешь быть серьёзной? Разговоры о бондаже и порке даже не заставили тебя приподнять бровь?

— Ой, умоляю. Меня *совершенно* не волнует, чем по доброй воле занимаются двое взрослых людей. — И следом, как обычно, она села на любимого конька. — Ты ПО-ПРЕЖНЕМУ носишь свою бородавку? Да ладно, Нэт, это уже нелепо. Ты вагиной, что ли думаешь?

— Нет!

— В этом-то и проблема.

— Джесс, я рассчитывала получить реальный совет. Меня пугает то, что из-за этого вышибалы я изменилась, стала другой. Но вот в чём дело: мне кажется... мне кажется, что он тоже мог измениться.

— Ты действительно сдержалась?

— Как-то умудрилась. Этот парень сказал, что если станет моим первым любовником, то будет и последним.

Джесс кашлянула.

— Это действительно круто.

— В точности мои мысли. Я решила, что для курортного романа он идеален, но *мафиозные* правила гласят, что для Нэт это не вариант.

— Давай проясним — ты сказала, что секс будет только с одним мужчиной всю жизнь?

— Когда ты так говоришь — это звучит ужасно. С каким количеством парней ты переспала, Джесс? Серьёзно?

— Четырёхзначное число? Население небольшого городка? Орда?

— Но жалеешь ли ты хоть об одном?

— Не-а. Каждый ставил на стол что-то новое.

Стоило признать, что в случае с Севастьяном на столе был целый банкет. И всё же...

— Но ведь будет глупо, если я буду с ума сходить по тому, чем мы занимались. Он командовал и скрутил меня, как индейку на день благодарения.

— Я прямо это представила. Пища для моих *фан-фан-фан* иссякла. Как бы то ни было, я из школы феминисток, чей девиз "если мамочка хочет — значит, мамочка получит". Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты тоже оттуда.

Я вздохнула.

— Так и есть. — Я никогда не испытывала подобного удовольствия, разве можно плохо к этому относиться? Устранив, таким образом, меньшее сомнение, я перешла к более крупному. — Я понимаю, почему Севастьян не хочет рассказывать о себе — у него тёмное прошлое — но меня это не радует. Невеста по переписке — и та знает больше о партнёре, чем я о потенциальном... женихе или как его там. Мне нужно время, чтобы разобраться в своих чувствах. Джесс, завтра я должна поговорить с Паханом, вся эта ситуация меня просто убивает. Деньги, угроза, этот вышибала — от всего этого я готова волосы на себе рвать.

— Ни разу не слышала, чтобы ты была так расстроена.

Потому что я ни разу и не была!

— Я согласилась на эту жизнь, — так или иначе, — и, наверное, буду расплачиваться, если облажаюсь.

В каком-то роде этот преступный микрокосм был целым государством, с собственными границами и таможней, а я находилась внутри. Я попыталась объяснить:

— Я вошла в новый мир, где действуют свои законы. Как бы я к ним не относилась, мне придётся их соблюдать. Кроме того, меня *недвусмысленно* предупредили о последствиях. И всё равно я нарушила правила.

— Да-да, расскажи мне о том, как именно ты в этот мир вошла! Какой-то русский закинул тебя на плечо и свистнул из дома! Он лапал тебя на кукурузном поле, задурив голову, но ты всё равно сопротивлялась — после чего запихнул тебя в самолёт мафии. Так что не рассказывай мне, что согласилась соблюдать какие-то там грёбанные законы.

Задурив голову? Точнёхонько.

— Но потом я почувствовала себя на своём месте. — Очарованная Севастьяном и Берёзкой. Убаюканная смехом отца...

— Знаешь что? Забей большой моржовый, — объявила Джесс. — Тебе *двадцать четыре*,

Нэт. Пусть обязательства на всю жизнь принимают на себя те, кому недолго осталось. Пятидесятилетние и иже с ними. И если девушку твоего возраста заставляют принимать подобное решение, то, как бы, подразумевается, что твоя жизнь будет короткой. — Она перевела дыхание, затем добавила, — Извини. Забыла, что тебя могут накрыть в любой момент.

Я сглотнула.

— Наверное, мне стоит об этом помнить. И вести себя так, будто мне остался всего месяц жизни. Несмотря ни на что, я бы хотела провести с Севастьяном больше времени.

Что всё равно не означало вечность.

— Да ты послушай себя! Прими успокоительное и немного поразмысли, куколка. Попытайся улизнуть, а я встречу тебя в Европе. Мы будем отстреливаться и разбивать сердца.

— Мне бы этого очень хотелось.

Когда я думала, как отреагирует Севастьян, если я сбегу, в ушах у меня звучали его слова *«Сбежишь снова — я тебя поймаю. А потом перекину через колено и выпорю твою роскошную задницу, пока не поумнеешь»*.

Только теперь я знала, что он действительно мог это сделать. От этой мысли я вздрогнула.

— Я здесь застряла на какое-то время.

— Скажем, ты согласилась на здоровяка. Скажем, опасность миновала. Ты будешь там счастлива?

В этом-то и вопрос.

— Переехать в другую страну к мужчине, начать учёбу в новом университете — слишком много переменных сразу. Потребуется принять много решений, — подчеркнула я. — И есть ещё кое-что.

Я рассказала ей про Филиппа.

Этим вечером я даже не успела спросить его, о чём хотел поговорить Пахан, как он отрезал:

— Севастьян от тебя не отлипал у парадного входа. Ублюдок всё равно что объявил о

том, что теперь ты принадлежишь ему.

Филипп выглядел уязвлённым, словно всё произошедшее его явно задело. Но никаких глубоких чувств я в нём не замечала. Да, он со мной флиртовал, но, по-моему, он флиртовал бы и с любым надушенным камнем.

— Разве это тебя касается? — спросила я, думая, не пьян ли он.

— Но я беспокоюсь о тебе. *Действительно* беспокоюсь. — Он потёр своё бледное лицо, и я обратила внимание на его покрасневшие глаза, в которых скрывался затаившийся гнев. — Севастьян обвёл тебя вокруг пальца. Он всё подстроил. Сейчас он расхаживает, расправив плечи, и ухмыляется — потому что стал на миллиард долларов богаче. А ты такая наивная. Ты ведь даже не в его вкусе — знаешь?

Да. Да, я знала. И всё равно ответила:

— Это всё чушь, Филипп. Я не должна перед тобой оправдываться, но Севастьян хочет меня. — Только вот он не объяснял, почему именно я. Он просто сказал, что пойдёт на всё ради обладания мной.

— Тобой манипулирует жулик, бывший зэк. Молодцом, сестрёнка!

Дальше Филипп добавил выражение, которое заставило меня поморщиться и поскорее убраться в свою комнату. Я даже к ужину не вышла.

Верила ли я его словам о Севастьяне? Нет. Но обвинения Филиппа подтвердили то, что мне уже было известно. Я абсолютно *не знала* Севастьяна...

— Ну и мудака, — подытожила Джесс, с ходу охарактеризовав Филиппа. — Я хотела было сказать, что кто-то должен промыть тебе мозги. Но потом вспомнила, как ты себя ведёшь, когда тебя загоняют в угол.

— И как же?

— Выбираешься оттуда, расталкивая всех локтями, — ответила она. — Ты добрая, пока не приходит время стать злой.

— Ты цитируешь "*Дому дороги*"?

— Ну, либо его, либо мой последний любовный роман. — Это была не слишком тщательно скрываемая страсть Джесс. Она любила саму *идею* любви, так что её вкусы были очевидны. Время от времени она пыталась всучить очередной роман и мне. — Ты хотела мой честный совет, Нэт? Так вот — не совершай ничего безвозвратного. И, чёрт возьми, лучше вообще ничего не делай, пока мы не увидимся вновь.

Я не удивилась, когда на следующее утро от Пахана пришёл вызов. Я не выспалась и с трудом функционировала после двух чашек крепкого чая.

Большую часть ночи я провела, шагая из стороны в сторону, размышляя, как это я умудрилась вляпаться в эту неразбериху. Поочерёдно сваливая вину сначала на себя, потом — на Севастьяна, я остановилась на последнем.

Он был гораздо опытнее и явно куда беспощаднее. Но как он умудрялся с такой лёгкостью мною манипулировать? И к чему это могло привести?

Этим утром Пахан захочет услышать ответ. Он расскажет про закон.

В его кабинет я шла, как на казнь, каблуки громко стучали по мраморному полу. Поправила воротник нефритово-зелёной водолазки, потом тёплыми ладонями пригладила джинсы. Я точно знала лишь то, что дико вымоталась и устала от бесконечных недомолвок.

Я прошла мимо Глеба, одного из бригадиров, заметив у него пистолет в расстёгнутой кобуре. Как у Севастьяна. Мужчина кивнул мне, но от предыдущего приветливого отношения ничего не осталось.

Реакция Глеба напомнила мне прощальные слова Филиппа:

— Бригадиры поспорили, окрутит тебя Сибиряк или нет. Мне надо было тоже сделать ставку. Но ты сказала, что между вами ничего нет! И всё время давала понять, что хочешь меня.

Теперь на меня спорили. Пахан был прав; мои отношения с Севастьяном вредят моему пребыванию здесь. *Живя в криминальной стране нужно соблюдать законы...*

Войдя в кабинет, я поразилась добродушному выражению на лице Пахана. Он работал над часами и чудно выглядел в своих увеличительных очках.

— Доброе утро, *dorogaya toya!* Чаю? — Само радушие. — Выглядишь так, словно чай тебе не помешает. — Сняв очки, он отложил инструменты.

Когда я налила себе чашку, он подозвал меня к своему столу.

— Хочу тебе кое-что показать. — Он раскрыл большую гляцевую книгу на определённой странице. — Ты видела когда-нибудь такого зверя? — Он указал на фотографию чёрного волка с янтарными глазами, который готовился выпрыгнуть из-за сугроба. — Потрясающее существо, правда? Это Сибирский волк.

Я рассеянно кивнула.

— Эти волки чаще, чем другие виды, становятся одиночками. Некоторые скитаются и охотятся сами по себе. Но другие находят пару на всю жизнь. Эти хищные животные хранят нерушимую верность.

Я поставила чашку.

— Мы же не о волках говорим, не так ли?

Он покачал головой.

— Чем больше я думаю о вас с Севастьяном, тем сильнее мне это нравится. Вчера он сказал, что вы пришли к взаимопониманию? — Голос Пахана был полон надежды, и это меня убивало.

Господи, я так не хотела его разочаровывать.

— Э... ну, наверное, да? Правда я не уверена, что сегодня мои чувства не изменились.

— Вот как. Понимаю. — Он сразу погрузился, — но последствия всё равно остаются.

моя дорогая. Зато помолвка может затянуться на неопределённый срок.

Только разорвать её я никогда не смогу. Я уже почти начала задыхаться.

— Но... но... — Я потянула свой воротник, принимаясь шагать по комнате. — Я не знаю его — не знаю достаточно хорошо для помолвки. Я не отрицаю того, что в будущем мне захочется большего с Севастьяном, но подписаться на это вот так не могу. Не сейчас.

Джесс была права. *Не делай ничего безвозвратного.* Никаких обязательств на всю жизнь. Эти мужчины хотят от меня слишком много. Это слишком тяжело. Я не могу подчиняться извращённой бандитской логике.

— А мы можем просто встречаться? В штатах мы, блин, просто встречаемся!

— Здесь мы тоже так делаем, если только ты не дочь криминального авторитета, а он — не самый доверенный его боевик, и когда дело не происходит во время войны за территорию.

Когда он так это объяснил... Чёрт, я знала, что накосячила. Но это не остановило меня от попыток выкрутиться.

— Мы с Севастьяном... эээ... ничего не консумировали.

Заметив мою панику, Пахан тоже заволновался.

— Я не принуждаю тебя принимать явно неприятное решение. Алексей, видимо, неправильно тебя понял. Ты здесь не виновата. Но тогда мой единственный выход — вас разделить.

Он предложил альтернативу, и я, как утопающий, схватилась за соломинку.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне придётся отослать его подальше от тебя. По крайней мере, до тех пор, пока всё не образуется.

— Но здесь его дом. Он обожает Берёзку.

— У него есть и другая недвижимость, — ответил Пахан. — Сейчас трудные времена. И нам приходится сделать трудный выбор. — Трудный? Просто ужасный: связать свою жизнь с человеком-загадкой или выгнать его из дома.

Я почувствовала головокружение.

— Я не хочу, чтобы он уезжал. — Мои глаза увлажнились. — Это я здесь чужая. И я должна уехать.

— Нонсенс! — Пахан подошёл ко мне, обхватив за плечи. — Ты моя дочь! Это твой дом. И всегда им будет.

Я подняла на него глаза, удивившись такому проявлению эмоций со стороны своего сдержанного отца.

Будто смутившись своей реакцией, он опустил руки, отступив на шаг.

— Прими решение, Натали, — я ни разу не слышала, чтобы его голос звучал так твёрдо.

Меня начало мутить.

— Если выбирать прямо сейчас, в эту самую минуту... — Опять это давление, неловкость. Я торопливо ответила: — Мне не нужны постоянные отношения с Севастьяном. Отошли его, если надо, но больше я так не могу!

И сразу же пожалела о сказанном, даже раньше, чем увидела, что Севастьян переступил порог кабинета.

Он *улыбался*, пока не замер на полпути. Прекрасные губы обнажили ровные белые зубы, что сделало его лицо ещё более привлекательным. Что-то кололось, *шевелилось* в моей груди. Наверное, он обрадовался, услышав наши голоса, захотел присоединиться?

Я стёрла с его лица эту потрясающую улыбку. Я сделала это.

Когда он всё понял, то на его щеке дёрнулся мускул. Кулаки сжались так, что татуированные пальцы побелели.

Кровь отхлынула от моего лица, когда я увидела произошедшую в нём перемену; даже Пахан сделал в мою сторону шаг для защиты.

Потому что Александр Севастьян выглядел так, будто готов совершить убийство.

Сузив холодный взгляд, Севастьян повернулся, чтобы выйти из комнаты.

— Я поговорю с ним, и всё будет в порядке, — заверил меня Пахан, хотя лицо его выражало беспокойство.

Я кинулась следом, бросив через плечо:

— Нет, мне самой нужно с ним поговорить. — Я оказалась уже в галерее: — Подожди, Севастьян!

Его плечи были напряжены, шаг он не замедлил. Паника, которую я чувствовала раньше, сейчас удвоилась. Что, если я встретила мужчину, который поставил на карту *всё*? Что если я всё разрушила?

— Севастьян! — я вышла за ним на улицу.

Когда мы были здесь в последний раз, он целовал меня, заявляя права. Сейчас же он уходил от меня к своему мерседесу — чтобы уехать. Испариться.

Я собиралась его догнать. Он уже дошёл до машины, когда я схватила его за руку. Он резко её выдернул.

— Что тебе нужно?

— Ты услышал слова... вырванные из контекста.

— Так скажи, что ты не вышвырнула меня из моего собственного дома, где я прожил последние восемнадцать лет.

— Все не так плохо, как звучит. В конце концов, я бы этого не допустила.

Выражение его лица стало ещё холоднее.

— Ты бы этого не допустила? Живёшь здесь всего две недели, и уже чувствуешь себя охуенной принцессой?

Я замотала головой.

— Пахан предоставил мне выбор: либо я соглашаюсь на постоянные отношения с тобой, либо ты уезжаешь. Ты ничего мне о себе не рассказываешь и ждёшь, что я соглашусь на такие обязательства? Я *едва* тебя знаю.

— Ты знаешь достаточно. Знаешь, что между нами что-то есть. — *Было.*

— Чёрт, если ты остановишься и дашь мне всё объяснить...

Он резко обернулся.

— Я всё прекрасно понял. Ты хочешь, чтобы я доводил тебя до оргазма. Хочешь, чтобы я трахал тебя, и чтобы на этом всё заканчивалось. Отдельно от секса я тебя не интересую.

Я сжала ладонями лоб.

— Это нечестно! — Меня не загнали в угол, а бросили вниз головой. — Я не просила об этом, не просила о таком прессинге!

— Разговор окончен. Мне всё кристально ясно. — Открыв машину, он сел за руль и захлопнул дверцу прямо у меня перед носом.

Угол, познакомься с Натали.

— Ты засранец! — Он завёл двигатель, а я треснула кулаком по стеклу и засадила ногой по дверце. *2Б, детка! Будь Безумнее.* — Вытащил меня из моей жизни, и думаешь, что я должна подстраиваться под тебя? — Я ещё раз пнула. — Так иди на хуй! — Я наклонила голову, чтобы оказаться с ним на одном уровне. — Найди себе какую-нибудь шлюху-мазохистку, которая даст тебе то, чего я дать, очевидно, не могу.

Он оскалился.

— Как раз собираюсь, зверёк. — Двигатель взревел, и Мерседес сорвался с места.

Я выглядела как мешок с дерьмом.

Чувствовала себя точно так же. За окном завершался очередной дождливый день, и на Берёзку опускались сумерки. Я сидела перед зеркалом, пощипывая щёки и хмурясь.

Чтобы как-то освежить свой внешний вид, я надела ярко-синий топ с баской, который дерзко смотрелся в комплекте с юбкой из тончайшей шерсти и грубоватыми кожаными ботильонами.

Только вот мой внешний вид совсем не освежился. Ни в малейшей степени.

Решив, что *лучше уже не станет*, я отправилась к Пахану в кабинет, чтобы кое-что обсудить.

Меня не удивляла собственная бледность и круги под глазами, учитывая прошедшие тридцать часов без сна в растерянности и ярости. С момента отъезда Севастьяна прошлым утром, я ощутила весь спектр эмоций.

Вчерашний ужин представлял собой жалкое зрелище. Я и не подозревала, как мне будет не хватать его компании. Нет, за прошедшие две недели он не особенно много говорил со мной, но, по крайней мере, я чувствовала его присутствие, его осязаемую силу и защиту.

И я, и Пахан оба были выбиты из колеи. Хотя он по-прежнему вежливо выключал телефон во время, весь вчерашний вечер он проверял каждое сообщение, каждый звонок. Казалось, он не знал, что с собой делать, так как не привык к ссорам с человеком, которого считал своим сыном.

Сколько ещё Пахану придётся на себя взвалить? Помимо опасности и усталости теперь ему придётся жить с этой драмой между дочерью и вышибалой?

Это уж не говоря о напряжении, установившемся между мной и Филиппом. Он, похоже, прослышал, что мы с Севастьяном порвали отношения, поэтому явился на ужин. К сожалению, он был пьян и необщителен. И это, похоже, обескуражило Пахана.

После ужина легче не стало. Всю ночь я следила, не вернулся ли Севастьян. Домой он не приехал, и, наверное, провёл ночь в чужой постели.

В сумерках я стояла на балконе, яростно стиснув перила. Он ждал, что я всё время буду поступать правильно — но инструкций, как именно "правильно", он мне не оставил. Гнев прояснил мой разум. Я напортачила, но и он облажался, не оставив никаких надежд на примирение.

Я отсекала его ветвь от своего дерева решений. Что тоже было, в общем, решением.

Приняв одно, я сформулировала остальные. Значит, нужно поговорить с Паханом.

Спускаясь по лестнице, я гадала, увижу ли Севастьяна. Я решила, что он должен вернуться сегодня, как минимум по причине верности боссу.

Помяни чёрта — я вошла в галерею, ведущую к кабинету Пахана, одновременно с Севастьяном. Он что, тоже к нему шёл?

— Ты вернулся? — мой голос хрипел и звучал настолько же устало, насколько устало я выглядела.

— Я всё ещё работаю на него, — голос Севастьяна прозвучал низко, когда мы оба, словно по команде, медленно остановились. — Я не останусь в стороне, когда он во мне нуждается.

Наконец-то мы сошлись на одной теме.

— Надо поговорить.

Севастьян наклонил в мою сторону голову так же, как в тот первый вечер в баре. Его ноздри расширились, в глазах вспыхнуло нечто большее, чем простое любопытства.

Меня осенило.

— Ты думаешь, я хочу поговорить о... о нас? Этот поезд ушёл.

Он прищурил глаза:

— *Ты злишься на меня?*

Да я просто в ярости! Но надо закрыть эту тему, чтобы спокойно объяснить своё предложение.

— У тебя крепкие нервы, Натали.

— У меня... *у меня* крепкие? — Не получилось закрыть тему. — Слушай, ты, кретин, не смей больше со мной так разговаривать. Своим вчерашним поведением ты начисто утратил эту привилегию.

— Своим поведением? Тебе придётся меня просветить.

— Когда ты услышал некую часть моего разговора с отцом, слетел с катушек и решил засунуть разбитые чувства — по самые яйца — в другую тёлку.

Он подошёл ближе.

— Ты ревнуешь.

Я закатила глаза.

— Умоляю. С тягой к тебе покончено. Как говорят в фильмах: ты убил все чувства.

На его щеке опять пульсировала жилка.

— Тогда о чём ты собралась со мной говорить?

В вечернем полумраке по стеклу глухо стучал дождь, отбрасывая тень на его лицо. Которое я любовно целовала. *Не отвлекайся, Нэт.*

— Я беспокоюсь за Пахана. У него и так хватает проблем.

— Именно, — согласился Севастьян. — И что ты предлагаешь?

— Предлагаю войти и сообщить ему, что мы решили наши разногласия и можем вести себя, как цивилизованные люди. Скажем, что между нами всё кончено, и ты можешь снова здесь жить. Если мы выступим единым фронтом, то развеем его тревогу.

Севастьян открыл рот, но я его оборвала:

— Это не обсуждается. — Я развернулась и пошла к кабинету.

Он обошёл меня, чтобы открыть дверь, бросив через плечо:

— У меня никого больше не было.

Я споткнулась. Моё сердце — тоже.

— И я должна в это поверить? — уже второй раз за последние дни я мысленно умоляла *"скажи да, скажи да"*.

— Мне всё равно, веришь ты или нет. — Таким холодным Сибиряк ещё ни разу не был.

Но я верила. Блин, значит, он всё ещё *не срезан* с моего дерева решений? Может, ещё *не всё* кончено?

— Мне пришлось уехать по рабочим вопросам, — добавил он.

Другими словами, просто не было времени искать шлях. *Так, хватит!*

— Вот козёл, — пробормотала я. Но, входя в комнату, для Пахана я нацепила на лицо широкую улыбку.

— Доброго вечера вам обоим, — приветствовал он нас. — Алексей, рад тебя видеть. Вместе с Натали!

— Можешь уделить нам минутку? — спросила я, едва не поморщившись от того, что его

глаза вспыхнули ещё ярче. Наверное, он решил, что мы объявим о чём-то другом, нежели о желании *остаться друзьями*.

— Ну, конечно. Садитесь, садитесь.

Севастьян опустил на диванчик, уперев локоть в колено; я присела на противоположной стороне на самом краешке.

Не теряя времени, я начала:

— Пахан, мы хотели сказать, что между нами больше нет никаких разногласий.

Он недоверчиво приподнял бровь, посмотрев на Севастьяна. В ответ Сибиряк будничным жестом вытянул на спинке дивана руку в мою сторону. Но я чувствовала исходящее от него напряжение.

Я продолжала:

— Так что мы совершенно спокойно можем жить в Берёзке вдвоём. Я знаю, что если Севастьян будет поблизости, помогая обеспечивать безопасность, то тебе будет только легче — как и мне.

И пока не передумала, я выпалила главную новость.

— Есть ещё кое-что. Я бы хотела остаться тут насовсем. Когда опасность минует, я начну подыскивать университет для перевода.

Я заметила, как рядом напрягся Севастьян. Удивился, что ли? Разозлился? Что?

Пахан, разумеется, заулыбался.

— Ты правда так решила? — Он бросил в сторону Севастьяна взгляд, очень похожий на *"я же тебе говорил"*.

Я кивнула. Проведя прошлую ночь в размышлениях, я осознала, как сильно ограничивала свою жизнь колебаниями и неуверенностью. Проанализировав прошлое, я поняла, что в будущем должна стать решительнее. Да, я уже смирилась с тем, что мы проделывали вместе с Севастьяном, но держать удар было куда проще, чем бить первой.

Радость на лице Пахана меня просто сразила. Про него я поняла одну вещь: совсем немного требовалось, чтобы сделать его счастливым

— Это хорошо, — просто сказал он, а его глаза чуточку увлажнились.

Я покосилась на Севастьяна, чтобы оценить реакцию. Волны исходящего от него напряжения усилились. Но меня это не волновало.

— Это нужно обязательно отметить! — объявил Пахан. — И у нас тоже есть для тебя хорошие новости... — Он сбился на полуслове, повернув голову к двери.

Севастьян, уже поднявшись, смотрел в ту же сторону. Проследив за их взглядами, я увидела в дверном проёме Филиппа.

Его ангельское лицо было перекошено болью. Левая рука — забинтована промокнутой от крови повязкой. В другой руке он держал автомат — целясь в нашу сторону.

— Ну разве не трогательно?

— Филипп, что ты делаешь? — Пахан побледнел и поднялся на ноги одновременно со мной. — Это не то оружие, которым можно размахивать в замкнутом пространстве. — Автомат был слишком тяжёл для Филиппа, а держать его он мог лишь одной рукой. Которая уже дрожала. — Особенно со снятым предохранителем.

Филипп опустил взгляд на раскачивающийся в руке автомат. Сердце у меня сбилось с ритма, когда дуло переместилось от Севастьяна к Пахану.

— Я увожу тебя, — сообщил он Пахану. — Чтобы получить награду от Травкина.

Что? Филипп был с этим ублюдком заодно? Была назначена награда? Вот почему усилили охрану! Травкин объявил награду за жизнь моего отца!

— Опусти оружие и просто поговори со мной, — обманчиво мягко произнёс Пахан.

— На разговоры нет времени. — Филипп поднял забинтованную руку, его голос надломился, — в следующий раз мои кредиторы не остановятся на трёх пальцах.

Они... искалечили его? Я прикрыла рот рукой, боясь, что меня стошнит. Он заложил часы и машину, но этого оказалось недостаточно. Как глубоко он увяз? Я и представить этого не могла.

— Дай Натали уйти, — твёрдо сказал Севастьян.

— Это в любом случае не имеет к ней отношения, — добавил Пахан. Внешне он был совершенно холоден, но я чувствовала его страх.

— Имеет! — Филипп махнул автоматом в мою сторону, заставив Пахана со свистом втянуть воздух, и дико меня напугав. — Именно из-за Натали я оказался в этой ситуации. Я был наследником! Но прошёл слух, что ты оставишь ей *всё*. — По щекам у него потекли слёзы. — Но когда кредиторы прознали, что я за ней ухаживаю, они понимали, что я могу добиться любой женщины. Они осыпали меня деньгами. — Он нацелился на Севастьяна. — Пока не услышали, что наследница спуталась с *вышибалой*. Они отозвали все долги.

— Мы же говорили об этом два дня назад, — сказал Пахан. — Я спрашивал, не нужна ли тебе помощь.

Так вот зачем они встречались?

— А мне не была нужна, — он чуть не плюнул в Севастьяна, — пока он не заявил о себе в тот же день!

— Так давай всё устроим, — предложил Пахан, отвлекая внимание Филиппа на себя. — Деньги — не вопрос. В память о твоём отце я обещаю оплатить все твои долги.

— Ты не понимаешь. Мне нужно *больше*. — Слёзы по-прежнему текли, автомат лихорадочно раскачивался, а пальцы, казалось, свело судорогой. — Награда, объявленная Травкиным, больше, чем я мог даже вообразить.

— Возьми меня. — Лицо Севастьяна приобрело угрожающее выражение. — Для врага я буду ценным призом.

— Я здесь за стариком.

Пахан сглотнул.

— Убери палец со спускового крючка, Филипп, и я пойду с тобой.

— Приказы отдаю я! отошли бульдога, а затем мы поговорим о твоей блудной дочери.

— Этого не будет, — проревел Севастьян.

— На себя тебе плевать, правда? А что, если я возьмусь за твою драгоценную

Натали? — Филипп направил ствол прямо на меня.

Я смотрела в дуло автомата — слишком напуганная, чтобы держать глаза открытыми, и слишком напуганная, чтобы их закрыть.

Оружие подпрыгивало в его слабеющей руке... это лишь вопрос времени...

— Сделаешь что-нибудь с ней, и сегодня твоя жизнь оборвётся, — ледяным тоном пообещал Севастьян. — Даю тебе последний шанс уйти отсюда живым.

Напускная храбрость Филиппа стала потихоньку рассеиваться.

— У м-меня нет выбора. — Он поднёс свободную руку ко лбу и всхлипнул, вспомнив, что лишился пальцев. Умоляюще произнёс, — дай мне забрать его, Севастьян.

— Ни за что. — Севастьян приближался к Филиппу? — Всё закончится не так, как ты рассчитывал. Новости ещё не добрались до тебя, но никакой награды не будет.

— О чём ты? Конечно, будет! С чего бы ей не быть?

— Потому что несколько часов назад я застрелил Травкина.

Я не поверила своим ушам. Травкин убит? Вот о каких хороших новостях говорил Пахан.

— Ты лжёшь! — Глаза Филиппа забегали. — Лжёшь!

Я запаниковала:

— Филипп, не делай этого. Ещё не поздно всё исправить.

Боковым зрением я заметила, как Севастьян приближался к Филиппу, пока не оказался между мной и Паханом.

— Ни с места, Севастьян! — закричал Филипп. — Клянусь Богом, я выстрелю! — Автомат снова дёрнулся...

* * *

Севастьян бросился на меня как раз в тот момент, когда пули прошили комнату от стены до стены. Взрывались часы, билось стекло, куранты гремяли, как церковные колокола. Я завизжала, замолкнув лишь тогда, когда упала на пол; сверху на мне лежал Севастьян, рукой поддерживая мой затылок. В другой его руке дымился пистолет.

В воздухе висела цементная пыль, но я смогла разглядеть на другом конце комнаты Филиппа, лежащего на спине. Он был ранен в живот, и корчился от боли. В ушах звенело так, словно у меня в голове выла сирена, но я смогла уловить его крики. И что-то ещё...

Дыхание Пахана. Оно было *тяжёлым*. Нет-нет-нет! Я попыталась встать, но Севастьян продолжал меня удерживать.

— Ты цела? — рявкнул он.

Я закивала, и тогда он вскочил на ноги, бросившись к Филиппу.

Пока Севастьян его разоружал, я поползла к Пахану. Он лежал на полу, а из раны у него в груди текла кровь.

Забрав у Филиппа автомат, Севастьян обошёл комнату, проверяя периметр.

— Натали, зажми рану! — Он захлопнул и запер дверь в кабинет.

Опустившись на колени рядом с Паханом, я обеими руками надавила на рану.

— С тобой всё будет в порядке, с тобой всё будет в порядке. — Истерика — я начинала впадать в истерику. Но как я тогда помогу отцу?

Морщась от боли, Пахан растерянно произнёс:

— Не так... не так я всё планировал.

— Не разговаривай, пожалуйста, не разговаривай. — Сквозь мои пальцы сочилась кровь. Много крови. *Он не может потерять больше крови.*

— Ты должен побереечь силы!

Севастьян упал на колени с другой стороны от Пахана. Положив ладони на мои, он переплёл наши пальцы, чтобы сильнее надавить на рану. Лицо Севастьяна было жёстким, как гранит под давлением. Ещё чуть-чуть, и расколется.

Рана Пахана была не смертельной. *Не могла* быть такой. Но почему они оба вели себя так, словно он умирал? Что они знали о ранениях такого, чего не знала я?

Ответ: всё.

Пахан слабо улыбнулся Севастьяну.

— Ты ведь знаешь, что я бы не вынес этого, спаси ты меня вместо неё. Горжусь тобой, сынок.

Словно в тумане, я заново проигрывала перед глазами ту сцену. Когда засвистели пули, Севастьян находился прямо посередине между Паханом и мной. Он сделал выбор, повалив меня, вместо Пахана.

— Прекратите, вы оба! Пахан, тебе надо продержаться. Ты сможешь!

— Успокойся, *dorogaya toya*. — С усилием он потянулся ко мне, погладив по щеке, прежде чем его рука безвольно упала.

Тогда он перевёл взгляд на Севастьяна.

— Ты связан с ней, — по-русски сказал он ему. — Её жизнь под твоей опекой, сынок.

Только под твоей. — Он накрыл наши сплетённые руки своей. — Она принадлежит тебе.

Резкий кивок Севастьяна. Давление на гранит усилилось.

Пахан с трудом повернул голову в мою сторону.

— Алексей защитит тебя. Он теперь тоже твой. — Я смотрела вниз на наши окровавленные руки — будто клятва на крови. — Моя храбрая дочка.

Слёзы наполнили мои глаза и закапали вниз.

— Не делай этого! *Papa*, пожалуйста, держись!

— *Papa?* — Он улыбнулся сквозь боль, каким-то образом до сих пор показывая удовлетворение. — Я знал, что ты будешь звать меня так. — Но его ясные синие глаза угасали. Он ослеп? — Мне лишь хотелось побыть с вами подольше. Люблю вас обоих.

Севастьяну он сказал:

— Сделай её жизнь лучше... она мое продолжение. — Кровь запузырилась у него на губах. Глаза опустели, грудь... больше не двигалась.

— Нет, не уходи! — всхлипывала я. Но было поздно.

Павел Ковалёв, мой отец, умер.

— *Натали, вставай!*

В голове вновь звучала сирена. Севастьян стоял рядом, но его слова звучали словно бы издалека. Дёрнув за мою покрытую кровью руку, он резко поднял меня на ноги.

— Это не по-настоящему, — спотыкаясь, бормотала я, осколки часов скрипели под каблуками. — Это не по-настоящему. Мой отец не мог умереть.

Севастьян тащил меня туда, где корчился на полу Филипп, из раны на его животе текла кровь.

Слабым голосом Филипп залепетал:

— Я-я не хотел этого. Я пришёл сегодня... потому что остальные... уже были в пути. Это бы всё равно случилось. Неважно... что я сделал. Награда была... немислимой.

Ненависть вскипела во мне, осушив слёзы.

— Будь ты проклят! Как же ты мог?

— Клянусь тебе, я пришёл только за Паханом. — Он протянул ко мне изуродованную руку. Если я не знал про Травкина... то и другие тоже. Они... приедут.

— Что это значит?

— Травкин хотел... и твою голову тоже.

Издав бешеный вопль, Севастьян отпихнул меня за спину и всадил пулю Филиппу в лоб. Два мертвеца. Двое. Убиты на моих глазах.

Я не могла перевести дух, казалось, лёгкие были зажаты. Весь мир вокруг был как в огне, и его языки подбирались всё ближе. Буду кричать — никто не услышит. Я задыхалась, когда Севастьян мёртвой хваткой стиснул моё предплечье и потащил за собой.

— Пойдём, Натали! — С пистолетом в руке, он выводил меня из кабинета.

— Мы не можем вот так бросить Пахана. — Я обернулась, глядя на его неподвижное тело. На его безжизненные глаза. Почему мы их не закрыли? *Глупо, как глупо.* — Надо о нём позаботиться!

Севастьян лишь быстрее тащил меня за собой.

— Я выведу тебя из Берёзки. Неизвестно, кому мы можем тут доверять.

Я онемела. Сирена в голове взывала ещё громче, когда он втолкнул меня в гараж, который я раньше не замечала, а потом усадил в тёмный седан.

Туман.

Машина двигается по мокрой гравийной дорожке, ночное небо, проливной дождь. Окровавленные перстни Севастьяна впиваются в руль.

Ветровое стекло покрывается грязью, но дворники справляются. Зад машины заносит; я по-прежнему неподвижна.

Севастьян не сбрасывал скорость до самой реки, где резко затормозил перед лодочным домиком.

— Сиди здесь и заблокируй за мной двери, — приказал он, потянувшись через меня к отделению для перчаток. — Стекло пуленепробиваемое. Двери не открывай. Он достал пистолет, зарядил его, снял предохранитель и протянул мне. Когда я не сделала ни единого движения, чтобы взять оружие, он положил его на приборную панель. — Если хоть кто-нибудь полезет внутрь — стреляй. Целься в грудь и жми на спусковой крючок.

Севастьян направляется в центр опасности? Весь мой мир уже был в огне; если я и его

потеряю...

— Куда ты? Не уходи! Мы можем просто уехать на этой машине?

Он покачал головой.

— Я не знаю, кто контролирует ворота. Или кто ждёт нас за ними. Придётся уходить по воде. — В лодке из "Казино Рояль"? — Я зачищу лодочный домик и вернусь за тобой.

Когда он открыл дверцу с поднятым пистолетом, я вскричала:

— Пожалуйста, будь осторожен.

Он странно на меня посмотрел.

— Не волнуйся, твоя защита вернётся. — И выскользнул под дождь, быстро приближаясь к лодочному домику...

Боковым зрением я увидела вспышку. Услышала резкий хлопок, как после удара молнии.

Плечо Севастьяна откинулось назад, словно его сильно ударили. Не ударили. Прострелили.

Мой крик совпал с новой вспышкой молнии. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела, как Севастьян борется с другим мужчиной, пытаясь завладеть пистолетом.

В свете фар я смогла узнать Глеба — одного из бригадиров. Севастьян замахнулся своим кулаком, словно молотом, попав мужчине в лицо. Глеб, не устояв, зашатался.

Раз Севастьян мог так двигаться, значит, его рана неопасна, так? Он вырвал оружие из рук обездвиженного Глеба, затем ударил его рукоятью пистолета.

— Сколько их там? — прокричал Севастьян.

Лицо Глеба превратилось в жестокую ухмылку. От его ответа Севастьян рассвирепел, кинувшись на него с кулаками.

Я расчесывала свои руки, заляпанные пятнами крови, наблюдая, как Севастьян избивал человека до смерти. Небо вновь прорезала молния, осветив смертельную драку.

Никогда не видела, чтобы кто-нибудь бился так, как Севастьян. *До смерти.*

В тот момент Севастьян выглядел неукротимым — и настоящим. Боевик, чьей профессией было убивать. Когда Глеб потерял сознание, Севастьян упал рядом с ним на колени, продолжая избивать неподвижное тело. Им словно овладел неведомый демон. Лицо Глеба превратилось в кровавое месиво: с каждым новым ударом оттуда, как из губки, хлестала кровь.

Когда это кончится? Открыв дверцу, я поплелась к нему.

— Севастьян, нам надо ехать! — Сверху колотил ледяной дождь. — Ты должен это прекратить!

Он смотрел на меня, в его глазах сверкали отблески фар. Я видела безумие — и что-то ещё. Будто он *хотел*, чтобы я его остановила — потому что продолжал избивать врага.

В паузе между раскатами грома я услышала треск костей. И что-то гораздо более ужасное.

Далёкие выстрелы. Казалось, шла перестрелка. Война союзников и предателей? Севастьян тоже их слышал. И выглядел так, словно отчаянно желал к ним присоединиться.

Если с ним что-нибудь случится... если в одну ночь я потеряю и Пахана, и Севастьяна...?

Я вспомнила слова Пахана: экстремальная жестокость. Экстремальная *бдительность*.

— Ты сказал, что выполняешь обещания, Севастьян. Ты поклялся, что сохранишь меня целой и невредимой.

Он посмотрел на меня сквозь мокрые пряди волос, его глаза пылали. Я в них тонула. Мы вместе шли ко дну. Я протянула к нему дрожащую руку.

Он встал, словно в оцепенении, не в силах мне противиться.

— Можно мне осмотреть твою руку? — спрашивала я Севастьяна в десятый раз. Я решила, что буду спрашивать, пока он мне не ответит.

Его одежда сохла прямо на нём, но он отказывался отойти от штурвала. На протяжении многих часов беспрестанно работал двигатель, пока мы держали курс вверх по реке в непонятном для меня направлении.

Он сидел на капитанской скамье в роскошной рулевой рубке, тело окаменело от напряжения. Тусклый свет приборов подсвечивал усталое лицо, манящие черты, этот бездонный взгляд.

Этот человек ради меня бросился под пули. Он убивал, чтобы меня защитить. Он сказал в нашу первую ночь "я уничтожу любую грозящую тебе опасность, безжалостно".

Так он и сделал.

Лампы приборной панели отражались в пятнах крови на щеке, шее и разорванной ткани вокруг раненой руки.

Какая часть крови принадлежала ему? А Глебу? А Пахану?

— Всего лишь царапина, — наконец произнёс Севастьян. — Бывало и хуже.

Я знаю. Видела шрамы. Ободрённая тем, что он всё-таки заговорил, я спросила:

— Может, передохнёшь? Мы ведь далеко отошли?

Я обнаружила, что эта лодка предназначалась именно для побега. В одной из богато обставленных кают внизу я нашла новые паспорта — для супругов Натальи и Романа Севастьян — чемоданы с одеждой и кучу наличных. Приготовлено на всякий случай.

Случай только что произошёл.

В другой каюте я наткнулась на кое-какие вещи Пахана. После того, что случилось сегодня ночью, эта находка казалась... наивно-оптимистичной. Слезы иголками укололи мои глаза, но я пыталась их остановить, пыталась быть сильной.

Каким-то образом я сдержалась, решив умыться и переодеться в брюки и свитер. Но после, представив, насколько опустошён Севастьян, я почувствовала, как глаза вновь увлажнились. Не считая меня, только он один мог понять, чего лишился мир этой ночью.

— Надо промыть твои раны, а потом ты сможешь передохнуть.

— Позже. — Не сводя взгляд с курса, он добавил, — мы еще не в безопасности.

— С кем ты говорил тогда? — Сменив одежду, я вернулась в рубку и услышала, как Севастьян говорил по телефону на отрывистом русском "Я никогда ни о чём тебя не просил. Позаботься об этом." — Потом, понизив голос, добавил, — ты понимаешь важность того, что я тебе доверил? — Прежде чем разъединиться, он сказал, — "только не думай, что это шанс на что-то большее".

Что это значило? И почему даже его акцент изменился? Это был, вроде, даже другой диалект. Может, сибирский?

— Пожалуйста, поговори со мной, Севастьян! У меня много вопросов, я устала от неизвестности.

Он выдохнул.

— Спрашивай.

— Что будет с Паханом? — мой голос надломился.

Глядя на линию горизонта, он ответил:

— Если защитники Берёзки победят, то займутся... они позаботятся о нём. — Его голос хрипел. — Как только я пойму, что возвратиться будет безопасно, мы организуем... похороны.

Ещё ни разу я не видела, как человек умирает изнутри. Но разве я могла ожидать чего-то другого? Между моей жизнью и жизнью человека, которого он боготворил, Севастьян выбрал мою.

Он спас меня, предпочтя собственному спасителю.

Должно быть, его просто раздирали противоречия. Сама я погружалась в глубокую тоску. Но моя тоска была светлой. Севастьян же выглядел так, словно медленно саморазрушался.

Я потянулась к его здоровой руке.

— Пахана я знала только пару недель. И если я успела так его полюбить, то не представляю, что ты сейчас чувствуешь. Сожалею, что тебе пришлось выбирать.

— Не было выбора, — ответил он, но на его лице отчётливо читалась вина. — Ты слышала его последние слова.

О них я пыталась не думать. О том, что меня отдали. О последней воле, скрепленной кровью.

Я сменила тему.

— Ты хотя бы можешь сказать, куда мы направляемся?

— Не знаю. Не знаю, кому мы можем доверять. Всё изменилось, — сказал он. — И хотя Травкин мёртв, опасность всё равно будет существовать, пока все заинтересованные не поймут, что награды не будет. Даже с отрубленной головой змея продолжает извиваться.

Травкин. Одна лишь фамилия заставляла мою кровь кипеть. Я мечтала отомстить этому безымянному безликому ублюдку, которого винила во всём даже сильнее, чем Филиппа. Мой кузен был лишь лживым неблагодарным орудием; а Травкин спустил курок.

— Ты правда его убил?

Севастьян кивнул.

Даже из могилы Травкин приблизил смерть моего отца.

— Как ты к нему подобрался? Наверное, у него была куча охраны.

— Меня не ждали, — взгляд Севастьяна был угрожающим.

— Это всё, что ты можешь мне сказать? — недоверчиво спросила я. Ты знал, что Травкин объявил награду и за мою голову?

Наконец, Севастьян повернулся ко мне.

— Я узнал об этом за пять минут до того, как вошёл в его логово и пустил пулю ему между глаз.

Я сглотнула, пытаюсь представить, как именно этот человек проник в логово льва. Ради меня.

— Тебя могли убить.

Вновь уставившись на воду, он произнёс:

— Тебе надо отдохнуть, Натали. Сегодня ты испытала шок. Иди вниз.

— Мне не нравится внизу. Раньше я никогда не была на такой лодке. — Чем дальше отходили мы от Берёзки, тем больше усиливались волны. Плеск воды по бортам меня пугал. Наверняка наше крушение было лишь вопросом времени. — Я никогда не была посреди воды без всякой видимости берега. — Странно, хоть я и не видела земли — вдалеке не было ни одного огонька — я всё равно чувствовала, что мир вокруг был в огне. Близость Севастьяна

это ощущение ослабляла.

Когда мы врезались в гребень большой волны, он пробормотал:

— Это не лодка, а корабль. И ты здесь в полной безопасности.

— Это одно и то же. — Я забралась к нему на широкую капитанскую скамью, усевшись бок о бок. Может, я хотела побыть с ним рядом из-за того, через что мы прошли вместе. Может, мы были нужны друг другу, потому что оба оставили в Берёвке кусочек сердца.

Время шло. Битву со слезами я проиграла. Пока я тихо плакала, Севастьян продолжал смотреть во тьму.

Бум. Бум. Бум.

Я проснулась в одной из кают с подоткнутым вокруг одеялом. Я смутно помнила, как клевала носом, сидя рядом с Севастьяном, а потом провалилась в сон. Он перенёс меня? И передел? На мне была одна из его футболок.

Снаружи по-прежнему было темно, но я понятия не имела, сколько сейчас времени — осенью в России резко сокращался световой день.

Я догадалась, что мы стояли на якоре. Наверное, Севастьян спустился вниз, чтобы отдохнуть. Или погоревать.

Бум. Бум. Что это за звук? Я встала, чтобы разведать. Направляясь к источнику звука, я гадала, как сложатся сегодня наши дела. Захочет ли он, чтобы мы придерживались предсмертных желаний Пахана?

Буду ли я их придерживатья? Признав Севастьяна своим? Я вспомнила, что чувствовала при мысли, что могу его потерять.

Словно вокруг сердца сжалась колючая проволока.

Бум. Бум. Звук шёл из другой каюты. Когда Севастьян на стук не отозвался, я приоткрыла дверь. В ванной был включен душ — и оттуда доносился этот звук.

Когда мои смутные подозрения оформились, я быстро прошла к ванной. И резко втянула воздух от открывшейся передо мной сцены.

Под струями воды, с оскаленными зубами и сверкающими глазами Севастьян лупил разбитыми кулаками по плиточной облицовке душевой кабины. Обжигающий поток лился на его грудь, пока он снова и снова бил невидимого противника.

Сдавливаемый гранит, которым он был раньше, начал трескаться прямо на моих глазах — как эта плитка от ударов.

— Что ты делаешь? — вскричала я. Как он это выдерживает? Кулаки окровавлены, из-под полоски ткани, обвязанной вокруг бицепса, сочилась кровь — так он представлял себе повязку на огнестрельную рану. Она сильно врезалась в бугрящиеся мускулы. — Пожалуйста, перестань!

Он не перестал.

— Хватит! — Я распахнула дверь душевой кабины и залезла внутрь, обеими руками схватив его здоровую руку.

Он был убийцей, изменчивым и жестоким, но я не боялась. Не испугалась и тогда, когда он резко развернулся в мою сторону, чёрные пряди волос хлестнули его по щекам. От него нельзя было отвести взгляд. Настоящий. Живой.

Мой, прошептал мне разум.

Чувство единения вдруг вспыхнуло ослепляющим светом.

Он процедил сквозь сжатые зубы:

— Уходи. — Глаза были пустыми, благородное лицо перекошено невыразимой болью.

Я могла унять её.

— Я тебя так не оставляю.

— Почему? Тебе на меня плевать, если дело не касается того, что я могу тебе предложить.

Он имел в виду наслаждение? Или защиту? Я вспомнила его последние слова во время нашей ссоры: *"Отдельно от секса я тебя не интересую"*.

— Всё совсем не так, Севастьян.

Он просто на меня смотрел. Чего он ждал? Разрешения? Понимания? Наконец, он шевельнулся, уперев ладони по обеим сторонам от моей головы.

Эти татуировки звёзд находились в нескольких сантиметрах от моих глаз. Мне хотелось его обнять и прижаться губам к груди.

Целовать, целовать, целовать, пока его боль не исчезнет.

Я нерешительно наклонилась вперёд и коснулась губами татуировок. Он дёрнулся, словно от удара, но не остановил меня. Я решилась прикоснуться губами к шее. Он был недвижим — статуя снаружи, жестокий воин внутри.

Я ткнулась носом в твёрдый подбородок. Убрала с лица мокрые пряди волос, поцеловала точёные скулы.

Когда я коснулась его губ, он прерывисто выдохнул и отстранился. В его взгляде зывала ко мне глубокая тяга.

— Чего ты от меня хочешь, Натали?

Как подобрать слова? *Я хочу целовать тебя до тех пор, пока ты хоть на время не забудешь эту боль, хочу крепко к себе прижать, чтобы оказаться как можно ближе.* Иными словами...

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью.

Раньше я не хотела с ним спать, опасаясь будущего и последствий. Теперь же не была уверена, что проживу достаточно долго, чтобы насладиться первым, так что и второе меня уже не волновало.

Это признание заставило его нахмуриться; он выглядел так, словно пытался меня разгадать. Тогда я спросила:

— А чего ты от меня хочешь?

И ахнула, когда он стиснул в кулаке ворот моей промокшей футболки.

— Я хочу то, что принадлежит *мне*.

Одним рывком он сорвал с меня одежду.

Я стояла перед ним голая и дрожала.

Взгляд скользнул по моему обнажённому телу, и он не смог сдержать мучительный стон.

Севастьян смотрел на меня так, как человек, несущийся к смерти, посмотрел бы на пару крыльев. Словно я была его разницей между жизнью и смертью.

Я накрыла ладонями звёзды на его груди; он обхватил моё лицо. Наши лбы прижались друг к другу. Так мы и стояли несколько длинных мгновений.

Когда он, наконец, завладел моим ртом, я благодарно раскрыла губы, закрывая глаза, пока он мягко меня целовал. Г осподи, я обожала его вкус, хотела выпить весь жар его рта.

И, как всегда, я поразила противоречиям, живущим внутри этого мужчины. Он был нежен, но страстен. Его мысли были для меня загадкой, но его тело говорило, что он едва сдерживается: напряжённые мышцы, вздувающаяся грудь, дрожащие руки.

Со стоном он сильнее заскользил языком, сообщая мне, что собирается углубить поцелуй. Что собирается предъявить права на эту часть моего тела, как и на всё остальное.

Он собирался завоёвывать.

И когда я ему полностью отдалась, он поглотил меня, как задыхающийся хватает глоток свежего воздуха.

Севастьян не прерывал поцелуй, пока у меня не закружилась голова, а тело в сравнении с его упругими мускулами сделалось мягким. Он закинул моё колено себе на бедро.

Его пульсирующий член упирался мне в живот, словно пылающее тавро, и я в ответ потекла.

Свободной рукой он стиснул мою грудь, наклоняясь, чтобы лизнуть отвердевший сосок. Я всхлипнула, когда он втянул кончик, работая умелым языком, усиливая напряжение в моем животе. Затем он уделил внимание и второму соску, и обе ноющих вершинки после этих ласк лишь захотели большего.

Его рука опустилась вниз, обхватив промежность. Средний палец проскользнул между раскрытых губок, заставив меня простонать:

— Да, да...

Он почувствовал, какой я стала влажной внутри, из его груди вырвался поверженный стон, и к первому пальцу присоединился второй.

Потом он вынул пальцы, поднес их ко рту, его веки закрылись, пока он тщательно слизывал мой сок. Он вновь окунул пальцы внутрь, и снова их облизал. Он словно пил меня каплю за каплей.

Пытка была невыносима: сначала заполняющие меня сильные пальцы, потом — пустота.

— Внутри, Севастьян, пожалуйста...

Пальцы погрузились глубже.

— Вот что тебе нужно. — Он двигал ими до тех пор, пока я не вцепилась в его плечи.

Я чувствовала головокружение, чувствовала какое-то помутнение сознания. Он был мне необходим, чтобы потерять над собой контроль — потому что я как раз этого я и добивалась. Мои руки путешествовали по его мокрому телу, кончики пальцев любовно гладили заслуживающие внимания грудные мускулы.

Спускаясь вниз, подушечка большого пальца коснулась его плоского соска, отчего Севастьян резко вздохнул. Мои ногти прошли по курчавым завиткам внизу живота, его рука крепче сжала моё поднятое колено.

Как только я достигла тяжёлого члена, Севастьян прохрипел:

— Возьми его.

Я качнула бёдрами, притягивая член к себе. Едва головка коснулась моей киски, как он грязно выругался, а член у меня в руке дёрнулся.

— Уже влажная, — бормотал он. — Уже ждёшь меня.

Я тёрла клитор этой разбухшей головкой, а его огромное тело трясло от желания.

— Хватит дразнить. Я слишком долго этого ждал.

Накрыв мою руку ладонью, он установил головку прямо у входа и совсем немного надавил.

Как только я поняла, что на самом деле собираюсь потерять девственность, во мне зародилось беспокойство. Его член был куда больше любого предмета, побывавшего в моём теле. *Это будет больно.*

Он убрал наши руки, а потом начал погружаться глубже, проталкивая широкую головку внутрь. Его голодный и настойчивый рот оборвал мой обескураженный вздох. Он всё глубже

вводил член, и каждый новый сантиметр растягивал меня всё сильнее; до каких же пор?

Как только я почувствовала вспышку паники, он чуть вышел назад. Его взгляд сканировал моё лицо, не желая упускать ни единой реакции.

Горячая вода давно уже кончилась, но я ощутила испарину. Растягивающиеся мышцы горели — *слишком большой, слишком большой* — и я привстала на цыпочки, чтобы выиграть несколько секунд.

Он медленно покачал головой.

— Прими его. — Свободной рукой он стиснул моё бедро, чтобы удержать на месте.

Я вздохнула для храбрости. И как только расслабилась, он пробормотал:

— Моя славная девочка, — и продолжил неумолимо овладевать моим телом.

Мне было больно — неудивительно, учитывая его размер — но всё-таки терпимо. Когда я приняла в себя столько, сколько смогла, когда он оказался глубоко внутри, то снова замер. Я чувствовала в нем бешеную страсть — желание продолжать двигаться *захлёстывало* его — но, каким-то образом, он обуздал агрессию, борясь с основным инстинктом.

Хоть на его шее и вздулись вены, а мышцы била дрожь.

Хоть я и ощущала, как внутри меня с каждым ударом его сердца пульсирует член.

Хриплым скрежещущим голосом он просто произнёс:

— *Моуа.*

В тот момент я была полностью его. Была соединена с ним, пронзена им — и от этого не было спасения. Я словно танцевала у жерла вулкана, который вот-вот взорвётся — или стояла у подножья готовой обрушиться плотины.

— *Моуа.* — Он чуть отвёл бёдра, затем качнул ими вперёд. Боль утихла, и вместо неё появилось предчувствие чего-то необыкновенного...

Он повторил это движение.

Веки отяжелели, и меня охватило любопытство. Восторг. Наполненность. Связь. От следующего рассчитанного толчка я выдохнула:

— О, Боже.

— Тебе нравится, зверёк.

Ещё как.

— Я и не подозревала. — Руки разжали мёртвую хватку на плечах и заскользили по его скульптурной спине.

— Моя женщина стала такой влажной. — Очередное движение бёдер заставило меня вонзить ногти в его крепкую задницу.

Когда я начала двигаться с ним в унисон, он выдавил:

— Хочешь большего?

— Да, боже, да!

Он приподнял меня, обвив спину рукой.

— Держись за меня. Обхвати ногами.

Когда я подчинилась, властная рука подхватила меня под зад, помогая скользнуть вдоль гладкого члена. Он проник в меня под новым углом, и мои глаза округлились. Мимолётная боль; нарастающее наслаждение.

— *Сдавайся, Наталья.*

И, вскрикнув, я сдалась. Сегодня я принадлежала ему безоговорочно.

Он не сводил с меня взгляда золотых глаз, погружаясь внутрь, в моё тело, его член становился ещё толще. Мои соски скользнули по мускулистой груди, и я крепче обхватила

его руками.

Он был во мне; я хотела, чтобы он был повсюду.

Это порочное татуированное тело трудилось над моим, контролируя и одновременно наращивая моё наслаждение. Спиной я чувствовала гладкий мрамор уцелевшей стены. Я скользила вверх-вниз по ней и по его пульсирующему члену.

Я уже летела навстречу оргазму, когда услышала призрачный шёпот:

— Твоя горячая влажная хватка... вызовет мою сперму раньше, чем я буду готов.

Он тоже был близко? Даже в такой позе я стала подаваться ему навстречу, насаживаясь на член, потираясь о него разбухшим клитором.

Он стиснул зубы:

— Стой, *milaya*. Или я кончу.

Я зашла слишком далеко, чтобы остановиться; как и он. Ноги вокруг его талии сжались ещё крепче так, чтобы я могла двигаться быстрее и жёстче. Вода собиралась во впадинках между нашими телами, и тут же разбрызгивалась от лихорадочных толчков.

Он растопырил пальцы на моей попке, угрожающе прохрипев:

— Я сказал... *стой*. — Пальцы впились в мои округлости, чтобы удержать на месте, но эта хватка лишь сильнее меня завела.

Не помня себя, я стонала:

— О, Боже, Боже!

— Тогда моли меня, зверёк. Готов вечно слушать этот звук.

Я так и сделала, пока моя мольба не сменилась криками, когда я подобралась ещё ближе.

— Севастьян!

— Хочу увидеть, как сильно кончит моя женщина, — отозвался он. — Выдави из меня моё семя.

При этих словах я достигла пика, сжав внутренними мышцами всю его длину. Севастьян зарычал и прекратил движение; я знала, он чувствовал, как я выдаиваю его ритмичными сокращениями, требуя всё до последней капли.

Он был недвижим, а я продолжала его сжимать; спазмы оставляли мне возможность лишь выкрикивать его имя и мотать головой.

Намотав мои волосы на кулак, он заставил меня встретиться с ним взглядом.

Между вздохами он произнёс:

— *Tu toya*.

А потом откинул голову и взревел, одновременно начав извергаться. Я чувствовала мощную, словно приливная волна, струю его семени. И только тогда он вновь начал двигаться, яростно толкаясь бёдрами, чтобы выдавить себя досуха.

Потом прижал меня к себе крепко-накрепко, почти до боли. Но я нуждалась в этом, нуждалась, чтобы он сжал меня ещё крепче.

Не знаю, сколько мы так простояли; наши сердца стучали в унисон, его бёдра продолжали мягко покачиваться. Может, прошли часы. Когда в баках стала заканчиваться и холодная вода, он вынес меня из душа, поддерживая рукой под попку, внутри всё ещё оставался его полутвёрдый член.

Разве я не мечтала о том, чтобы он отнёс меня, мокрую, на кровать? Не разделяя наших тел, он присел на краешек кровати, удерживая меня на коленях. Он целовывал капли воды с моей шеи, лаская кожу над пульсирующей венкой, от чего я снова растаяла. Он прикусил

мою нижнюю губу, нежно посасывая.

Когда он наклонился слизать влагу с моих тугих сосочков, я с криком выгнулась, блаженствуя от его ощущения внутри.

Но потом он снял меня с члена, развернув спиной к себе.

— Хочу лучше тебя рассмотреть. — Зажав член в кулаке, он приготовился пронзить меня снова.

— Рассмотреть?

Коленями он широко развёл мои ноги.

— Посмотри на себя.

Я подняла взгляд. Мы сидели перед большим зеркалом, в котором отражались наши мокрые тела — словно в комнате находилось ещё двое людей.

— Любой за тебя убьёт.

Моё лицо пылало, глаза блестели от страсти. Он за моей спиной выглядел массивным и нестигаемым, я — бледной, миниатюрной и мягкой. Смуглая кожа его члена ярко контрастировала с розовой плотью, которая принимала его с такой готовностью.

Он обхватил мои груди, и я смотрела, как выделялись его грубые руки в татуировках на фоне моей молочно-белой кожи, смотрела на повязку вокруг загорелой руки. Севастьян выглядел, как тёмный бог, как воин, вернувшийся с битвы.

Потому что таким он и был.

Он приподнял меня ровно настолько, чтобы продемонстрировать его увитый венами член, блестящий после моего оргазма. Из моей дырочки упала жемчужная капля, и он произнёс:

— Видишь у себя внутри мою сперму?

— Боже, я вижу. — Его горячая густая эссенция. Свидетельство того, что мы сделали.

Я застонала, начиная дрожать. В зеркале было видно, как грудь подпрыгивает от моих вздохов.

Он прошептал прямо в ямку на шее:

— Я никогда ни в кого не кончал.

Я пыталась уловить нить разговора. Никогда не кончал? А, он же всегда надевал резинку.

— Ты чувствуешь это внутри?

Я кивнула.

— Такая горячая, обжигающая. Возбуждает во мне желание кончить снова.

Моё лицо он повернул так, чтобы в зеркале наши взгляды пересеклись, и я смогла увидеть, как он рассматривает меня, моё тело.

Словно добычу. Его взгляд был... зловещим.

— В каком-то роде я тебя пометил.

Эта мысль вновь вызвала дрожь в моём теле. Я ожидала, что он возьмёт меня грубо, яростно, там, в душе и даже сейчас. Этот человек хлестал мою грудь, шлёпал мою задницу так, что и на следующий день она болела. От воспоминаний о том, как он меня обработал, я вновь потекла.

То, как безжалостно он атаковал все мои органы чувств, лишь подтверждало его доминирующую натуру. Он контролировал и себя, и меня.

— Здесь твоё место.

— Место? — прошептала я. Многозначное слово.

— Рядом со мной... — он скользнул зубами вдоль шеи... — вокруг меня. Ты связана со мной.

Связана.

— Да, да.

Его пальцы поймали мою шею в капкан.

— Ты принадлежишь мне. — Вторую руку он опустил, чтобы поласкать клитор, отчего я застонала.

Ноги я развела ещё шире, понимая, что он опять собирается свести меня с ума.

— Я сказал, что если буду твоим первым, то стану и последним, — его пальцы совершали медленные движения по окружности. — Сказал, что убью любого, кто дотронется до того, что принадлежит мне. Ты понимаешь?

Я с трудом могла собраться с мыслями, но что-то во мне этому противилось. Я понимала его желание обладать мной. Порочно, грубо. Но как долго? В какой мере?

Что останется от меня, когда насытится такой мужчина? С ответом я колебалась, а он вдруг внезапно из меня вышел.

Покинутая, я замерзала.

— Что? Почему? — Я чувствовала ноющую пустоту.

Он вновь усадил меня к себе на колени, и в этот раз его великолепный член торчал прямо у меня перед лобком. Я не смогла удержаться и потёрлась о его влажное основание.

— Обхвати его.

Я послушалась.

— Погладь. Изучи его. Другие, кроме моего, тебе не потребуются — ты больше никого не познаешь.

Зачарованная, я обхватила его обеими руками, начав ласкать прямо перед зеркалом.

— О, Боже, Севастьян...

— Если хочешь получить его обратно, умоляй.

Сжав член в кулаке, я пролепетала:

— Пожалуйста, дай мне свой член.

— Зачем?

Зачем? *Честное слово...*

— Потому что мне кажется, что я без него умру.

— Тогда скажи, кто хозяин твоего маленького тела?

Хозяин. *Хозяин.* Но в тот момент всё *так и было* — он полностью его контролировал. Вновь меня приподняв, он просунул внутрь лишь головку. Я застонала, извиваясь, когда он опять вытащил то, что мне так было нужно. Ладно!

— Ты хозяин.

— Кто твой хозяин? — спросил он, повышая ставки. Он опять меня подталкивал, вынуждая полностью подчиниться.

Но спорить с ним... было невыносимо. Как противиться неизбежному. Так что я пробормотала:

— Ты мой хозяин.

— Хорошо. — В его глазах загорелся триумф. Удовлетворённый тем, что я сдалась, он упёрся пятками в пол и толкнул бёдра вверх, прямо в мою влажную киску.

— Севастьян! — вскричала я, но он и не думал останавливаться, растеряв, похоже, остатки своего железного самоконтроля.

Его бёдра бились о мою промежность. В зеркале мне было видно, что он не сводит взгляд с моей подпрыгивающей груди. Я видела, как его толстый блестящий член ныряет в меня, поглощаемый голодной киской. Он был готов наполнить меня новой порцией семени.

У меня подогнулись пальцы на ногах. Я всхлипывала, меня била дрожь. Больше, сильнее, больше, сильнее...

Разрядка.

Моя спина выгнулась; я беспомощно закричала, потеряв над телом контроль.

Отведя в сторону каскад волос, он сильно прикусил кожу на моей шее, прохрипев:

— *Tu svodish' menya s uma!*

Я почувствовала, как внутри меня дёрнулся член, затем жар... струя за струей, пока я выкрикивала его имя, полностью подчинённая.

Когда я, удовлетворённая, безвольно откинулась ему грудь, Севастьян не спешил разделять наши тела, воспользовавшись моментом, чтобы нежно зацеловать укус на шее.

Вскоре его член вновь начал набухать. Я была вымотана, но мысль о том, что я настолько его возбуждаю, опять меня завела, и я приготовилась к следующему раунду.

Но он снял меня с колен, переложив на постель.

— Не хочу причинить тебе боль. Я забыл, что до этого ты оставалась нетронутой.

Я уже чувствовала, как всё будет болеть. Наверное, действительно лучше передохнуть.

Он лёг на спину, притянув меня сбоку. Я покоилась в его надёжных объятьях, положив голову ему на грудь. Слушая биение сердца, я обводила пальцем татуировку, чувствуя притяжение этого мужчины — вместе с мучительной неловкостью.

Я подозревала, что, потеряв девственность, *чем-то* поступлюсь. С Александром Севастьяном мне придётся поступиться... *всем*.

Но верх одержала усталость.

Засыпая, я услышала его мрачный голос:

— У меня в голове сейчас тысячи мыслей.

Он и правда начал разговор? О том, что у него на уме?

— Расскажи. Хоть одну?

— Может, завтра, — неопределённо ответил он. — Спи.

— Всего одну, Севастьян.

Он выдохнул.

— Моя потребность в тебе... должна, наверное, тебя тревожить.

Я сглотнула. *Так и есть*. И всё-таки я спросила:

— Почему?

Прижав свою ладонь к моей, он изучал наши руки несколько нервирующих секунд.

— Потому что она тревожит даже *меня*.

Я резко села в кровати, проснувшись от собственных криков и топота ног на лестнице.

— *Натали?*

Я проснулась. На лодке. Просто страшный сон.

В котором я заново переживала стрельбу. Слышала, как бьются драгоценные часы Пахана, думала, что он безумно расстроится.

Потом мне приснилось, что в перестрелке у лодочного домика Севастьяна убили, приснилось, как упало его могучее тело. Капли дождя на его безжизненном лице, немигающих глазах...

Когда он влетел в каюту, я, стоя на коленях, всхлипывая, уже тянула к нему руки. Он крепко прижал меня к груди, сев на кровать и усадив к себе на колени.

— Ты со мной, — бормотал он. — *Шшиш, milaya toya.* Большой тёплой ладонью он начал растирать мою спину, успокаивая. Господи, он был нужен мне. Его сила, его тепло.

В его объятьях, слушая ритм его сердца, я удивлялась, как вообще могла плохо думать об этом человеке.

Когда он был таким, я не могла жалеть о прошедшей ночи. Когда он целовал мои волосы, я чувствовала, что ближе него у меня никого нет.

Как я могла сожалеть о том, что отдала ему всё...? Голоса снаружи заставили меня очнуться.

— Где мы? — спросила я.

— В доках под Санкт-Петербургом. — Он притянул меня ещё ближе.

— Расскажешь мне?

Не было нужды спрашивать, о чём был мой кошмар.

— Я... заново всё пережила, — мой голос надломился. — А потом мне приснилось, что ты умер.

— Я никуда не уйду, Натали. Но ты через многое прошла. Ты не была к этому готова.

— Я чувствовала, что с Филиппом что-то не так. Но игнорировала интуицию. Я должна была об этом рассказать.

Севастьян покачал головой.

— Пахану я рассказал о своих сомнениях, но он всегда верил друзьям. Он чувствовал себя в долгу перед Филиппом и не прислушался к моему совету. Я должен был настоять на своём, заставить его понять мотивы.

Я горько усмехнулась.

— Мы оба виним себя. Может, стоит винить Филиппа? Или Травкина?

Голос Севастьяна стал очень низким:

— Хотел бы я убить Травкина снова.

Вспомнив о произошедшем, я спросила:

— Зачем ты пошёл в логово зверя, чтобы убить? Разве нельзя было подождать?

— Он подписал себе смертный приговор в ту же минуту, как подписал его тебе. Никто не причинит тебе вред. Никто... — Рука Севастьяна замерла на моей спине, он весь напрягся.

— Что? Что случилось?

Я проследила за его взглядом, увидев собственное отражение в зеркале. На моих бёдрах

и ягодицах красовались синяки.

— Это я с тобой сделал? — прохрипел он.

Подняв взгляд, я увидела на его лице то, чего никогда не видела раньше. Страх.

Единственным человеком, способным напугать Севастьяна... был он сам.

Он усадил меня на кровать так, словно я была сделана из фарфора, затем, сгорбившись, повернулся, чтобы уйти.

— Я оставил синяки. — Он был просто раздавлен, и я не могла этого так оставить.

Так что попыталась разрядить обстановку.

— Бога ради, синяки у меня появляются даже от крепких выражений. Кроме того, ведь такова природа зверя, не так ли? — Он уже порол женщин, связывал их. — Ты ведь явно видел их раньше.

Он ни на йоту не расслабился, на лице явно читался конфликт.

— Нет. Не от моих рук.

Потому что Севастьян ни разу не был ни с кем дважды? Когда Пахан мне об этом рассказал, я, было, подумала, что он преувеличил. Но, похоже, Севастьян никогда не оставался рядом, чтобы увидеть последствия своего аппетита.

Я чувствовала, как он от меня ускользает.

— Я в полном порядке. И тебе нравилось, что моя задница горела, — напомнила я. — Так в чём же разница?

— Разница есть. Теперь. — Он протянул мне халат. Я закуталась в него, нахмурившись.

— Что теперь?

— Позже обсудим. У нас впереди длинный день.

На меня он не взглянул, закрываясь прямо на глазах. Теперь, когда мы занимались любовью, я думала, что мы вступили в новую стадию отношений. В которой, ну, знаете ли, *разговаривают*.

Но всё выглядело так, словно между нами всего лишь прошелестел ветерок.

— В бане ты просил меня не просыпаться. Кажется, я должна сказать тебе то же самое. Ты отстраняешься, и я не понимаю, почему.

— У меня есть кое-что для тебя. — Из кармана он извлёк и протянул мне конверт. — Это было в комнате Пахана, в сейфе.

Конверт был запечатан красной восковой печатью. На обороте я узнала причудливый каллиграфический почерк Пахана.

Моей дочери

Он сказал, что эта фраза никогда ему не надоест.

— Прочти, а потом упакуй вещи на пять ночей. — Севастьян коротко кивнул. — Мы скоро уезжаем. Я дам тебе время.

Оставшись одна, я вскрыла конверт.

Моя дорогая Натали,

если ты читаешь эти строки, значит я — как вы, американцы, так оригинально выражаетесь? — просрал удачу.

Даже за этими словами я слышала его ироничный голос, видела, как он со вздохом пишет это письмо.

Как бы то ни было, ты с Алексеем, и это моё утешение. Ради тебя он пойдёт под пули.

Уже.

Несмотря на преданность, в нём есть и тёмная сторона. С той самой зимы, когда я привёз его в Берёзку, он ни слова не проронил о своём детстве, но я знаю, что оно было кошмарным. Я никогда не давил на него, чтобы узнать подробности, чувствуя, что он хотел бы покончить с прошлым и начать всё с чистого листа.

Это была моя ошибка.

Dogogaya, он словно замысловатый часовой механизм, который где-то сломан. Он носит шрамы внутри и снаружи, и пока не найдёт кого-то, кому сможет открыть своё прошлое, не думаю, что он снова станет целым. Убеди его поделиться с тобой этой ношей.

Как? Если Севастьян до сих пор не открылся...

Правда, я не думала, что он вообще знает, как это делать. С тринадцати лет он рос среди мужчин, оружия и преступлений.

И кто знает, что с ним было до этого?

Теперь ты состоятельная женщина. Как только опасность минует, пожалуйста, посмотри мир и осуществи свои мечты.

Я от всего сердца надеюсь, что вы с Алексеем вместе построите будущее на крепком фундаменте. Но если этого не случится, храбрая моя доченька, то смотри вперёд. Жизнь коротка. Уж поверь тому, кто, очевидно, сам в этом убедился.

Глаза заволокли слёзы. В словах опять звучала его ирония. Но вместе мы больше не посмеёмся.

Ты — мой величайший подарок судьбы, ценность которого я не могу описать словами. Сколько бы не отвела нам судьба времени — его всё равно мне было бы мало.

С любовью,

рара.

Сквозь слёзы я перечитала письмо несколько раз, почти оцепенев, потом убрала его во внутренний кармашек чемодана. Собирая вещи, я думала о совете своего отца относительно Севастьяна.

Мне не слишком-то нравились женщины, которые пытались исправить или изменить своих мужчин. Я всегда считала, что вокруг достаточно парней, чтобы выбрать кого-то уже с полным комплектом для сборки а-ля Икея — или же вообще обойтись.

Однако заставить Севастьяна открыться необязательно означало его изменить, а всего лишь узнать немного лучше. Как научная работа.

Над нашими отношениями нужно поработать. А это я умею.

Хочу ли я Севастьяна достаточно сильно, чтобы за него побороться? О, да. Я возжелала его с первого взгляда.

Я должна попробовать.

Из каюты я вышла как раз в тот момент, когда он закончил телефонный разговор. С тем же таинственным собеседником?

— Ты в порядке? — Это такой способ спросить о письме.

— Да. Пахан оставил замечательное прощальное письмо.

Севастьян кивнул.

— Я только что узнал, что уровень опасности снизился. Распространился слух, что награда уже недействительна, Берёзка под надёжной защитой. Похороны твоего отца

состоится там через две недели.

— Понятно. — Я сглотнула комок. — Мы возвращаемся?

— Ещё нет. Я арендовал машину, и мы поедem на юг в сторону Парижа. Там в городе есть надёжная квартира.

— Но если опасность миновала...

— Новостям из Берёзки я верю, но недостаточно, чтобы рисковать твоей жизнью.

— Кто снабжает тебя информацией? Кто-то из бригадиров?

— Человек по имени Максим.

Это имя мне что-то напомнило.

— Откуда ты его знаешь? — когда Севастьян не ответил, я предположила, — Дай догадаюсь. Встретил его на севере. Случайно.

— Типа того, — он, как заведенный, крутил на пальце перстень. Мой подозрительный Сибиряк. — Я знаю его почти всю жизнь. Я... доверяю ему. До определённого предела, по крайней мере. — Перстень продолжал крутиться.

— А-ха. — Я не думала, что он намеренно лжёт, но было ясно, что правды избегает. Однако в тот момент я была слишком измотана, чтобы давить на него.

Поэтому, когда он проронил:

— Я принесу твой чемодан, — и ушёл в каюту, это было почти облегчением.

Когда мы сели в машину — седан мерседес, очень похожий на его собственный — Севастьян медлил, не включая зажигание. Не глядя в мою сторону, он сжимал рычаг передач, второй рукой потирая руль.

Наконец, он произнёс:

— Достойный человек бы понял, что прошлой ночью ты была не в себе, травмирована и не могла отвечать за свои действия. Достойный человек вернул бы тебя в прежнюю жизнь теперь, когда всё изменилось.

— Но ты не считаешь себя достойным человеком?

Он посмотрел на меня и отчётливо произнёс:

— Ни в малейшей степени, зверёк.

И в этом ответе сквозили и обещание, и угроза.

Что на это ответить? Вообще-то мне только что сообщили, что он — эгоистичный ублюдок, который никогда меня не отпустит. То же самое он сказал мне вчера, во время своих божественных ласк.

Я не стала сейчас вступать в спор — но это не значит, что не стану и в будущем. Письмо Пахана лишь подтвердило мои собственные сомнения. От Севастьяна мне нужно получить больше.

Готова ли я к этому?

Он завёл машину. Мы отъезжали от Санкт-Петербурга, я смотрела на сидящего рядом мужчину и понимала, что отправляюсь в неизведанное.

Я наблюдала за двумя процессами: ждала, когда же Севастьян переключит передачу или мигнёт поворотником, и когда он хоть немного приоткроется или продемонстрирует доверие.

Но всё это время лишь постоянно вспыхивала авария...

— Восхитительно, — выдохнула я, разглядывая Париж с крытого балкона городского дома Севастьяна. Его "надёжная квартира" оказалась четырёхэтажным особняком начала века с завораживающим видом на Эйфелеву башню — вершину моих туристических мечтаний. Она уходила ввысь, теряясь в низких дождевых облаках.

— Рад, что тебе нравится, — отозвался он из просторной гостиной. Если Берёзка была верхом богатства, то это место было почти таким же роскошным, но с более современным интерьером. Стоя у камина, он налил мне бокал красного вина.

Я не удержалась от восхищённого вздоха: на Севастьяне был превосходный чёрный костюм-тройка. И я обрадовалась, что сама сегодня приоделась. Утром он сообщил, что мы всего в нескольких часах езды от Парижа, так что я променяла свою удобную одежду на чулки, шпильки, узкую юбку и приталенную блузку тёмно-пурпурного цвета.

Последние пять дней мы ехали в направлении Парижа, и с пассажирского сидения я могла осматривать пейзажи юга России, Польши, Германии и северной Франции.

На ночь мы останавливались в дорогих отелях, занимаясь любовью половину отведённого на сон времени. Он брал меня снова и снова, по-прежнему обращаясь со мной, как с хрупким фарфором.

За эти дни я вновь убедилась, что он — человек контрастов. Он много знал о винах, заказывая для меня редкие винтажные сорта, но сам никогда не пил. Когда мы ужинали в дорогих ресторанах, он вёл себя как джентльмен с превосходными манерами, хотя я знала, что под пиджаком у него всегда находилась кобура с вовсе неджентльменским пистолетом.

Кроме русского, английского и итальянского он бегло говорил на французском и мог неплохо изъясняться на немецком — однако вовлечь его в хоть сколько-нибудь серьёзный разговор со мной я не могла.

Он отказывался открываться. С каждым новым километром между нами и Россией увеличивалось расстояние между Севастьяном и мной. Я стала понимать, что Пахан был прав: в Севастьяне было что-то сломано.

Наша общая потеря не сблизила нас, наоборот, мы избегали любых упоминаний о Пахане и Берёзке...

Он присоединился ко мне на балконе, и, взяв бокал с вином, я спросила:

— Это правда твой дом?

— Я купил его у принца из Саудовской Аравии. — Это объясняло высокий уровень безопасности и отдельный вход. В доме уже находился охранник и прислуга.

— Видимо, дорогая покупка.

Севастьян удивился.

— У меня есть деньги, *milaya*. — В первый день пути он объяснил, что когда всё уляжется, нам нужно будет обсудить моё наследство, но с этим я совершенно не торопилась. С того дня и до настоящего момента ни расходы, ни деньги мы не обсуждали.

Он встал рядом со мной, и это напомнило мне, как я впервые разглядывала окрестности с балкона в Берёзке. Правда, сегодня Севастьян не был так холоден, как тогда.

Он притянул меня спиной к себе, обвив талию горячими руками. Его подбородок покоился у меня на макушке, руки крепко прижимали моё тело к груди.

— Когда ты его купил? — спросила я

— Не так давно.

Очередной неопределённый ответ в его копилку. Я прикусила язык. Порой я прикусывала его до крови.

После той ночи на лодке в эмоциональном плане не было никакого прогресса — впрочем, как и в интимном.

Он брал меня вновь и вновь, превознося, даря ни с чем несравнимое удовольствие. И каждый раз он позволял мне исследовать его тело так же тщательно, как он исследовал моё. Ночи бесконечных открытий. Я проваливалась в сон, а руки по-прежнему его ласкали.

Но он никогда не обращался со мной так, как, очевидно, ему было нужно. Я ловила его взгляд на моих запястьях — потому что он хотел их связать. Он тыкался носом в мои соски, сосал их, но больше не касался их зубами и ни разу не ущипнул на грани боли.

Вчера на заправке в Германии он (опять) висел на телефоне, так что я забрела в местный магазинчик и кое-что прикупила: БДСМ-журнальчик (он спокойно стоял на полке с другими журналами сразу после моторных масел!)

Когда мы снова тронулись в путь, он рассеянно спросил:

— Что там у тебя?

И я раскрыла журнал на странице, которую заранее отметила, пока его ждала. Страница была с фотографиями, вызвавшими мой повышенный интерес: голая женщина была привязана за лодыжки и запястья к конструкции, напоминающей обтянутые тканью козлы для распилки дров.

На ней были эти крутые зажимы для сосков: будто сверху и снизу соски зажали между двух дирижёрских палочек, стянув по краям болтами. Вспомнив, как сильно Севастьян ущипнул мои соски в бане — и как мне это понравилось — я тут же захотела опробовать что-то подобное на себе. От одной мысли об этом мои соски напряглись.

Как только Севастьян понял, что я ему показываю, его ноздри раздулись, костяшки, сжимающие руль, побелели.

— Ты этого хочешь? — хрипло спросил он.

Я кивнула.

— В таких делах у тебя большой опыт, разве нет?

— Достаточный для нас обоих, поэтому больше мы до такого не опустимся.

Не опустимся?

— Тебе стоит знать — раз ты, *очевидно*, мой единственный мужчина — что я хочу попробовать всё сразу. Этого требует моё любопытство.

Он сильно сглотнул.

— Что, например?

Самым небрежным тоном, какой только смогла изобразить, я ответила:

— Мне понравилось, как ты высек меня веником. — Когда боль превратилась в жар, а жар — в блаженство. — Может, поднимем планку до паддлов или (я продемонстрировала ему рекламу флогеров) чего-то такого?

Над верхней губой моего холодного Сибиряка выступили капельки пота.

— Или такого. — На другой картинке голая женщина с кляпом во рту была прикована к позорному столбу. Сзади стоял полностью одетый мужчина и хлестал её между ног *плёткой*, напоминавшей кожаную закладку для книг, расширяющуюся с одного конца. — Наверное, от этого... просто током бьёт.

Выругавшись, Севастьян вырвал у меня журнал и бросил его на заднее сиденье.

Я не сомневалась, что он готов был остановить машину, чтобы овладеть мной прямо на обочине. Но ничего не произошло. Он даже не стал это обсуждать.

В общем, мои эмоциональные отношения с Севастьяном не развивались и явно приближались к сексуальному разочарованию. Два больших препятствия...

Теперь, когда в отдалении поблёскивали парижские огни, он развернул меня в своих объятьях.

— О чём ты думаешь?

— О дороге сюда. О журнале.

Разжав объятия, он отпустил меня, облокотившись о перила.

— Я не собираюсь это обсуждать.

Раздражённая и разочарованная, я прищурилась. Но вспомнив его побелевшие костяшки в ответ на мой выбор чтива, я поняла, что могу одержать верх.

Конечно, придётся за это заплатить. Готова ли я вступить с этим мужчиной в БДСМ-отношения? Часть меня этого желала хотя бы потому, что это будет означать хоть какую-то *определённость*.

Но сейчас всё повисло в воздухе, безо всякой стабильности. А я поняла, что люблю стабильность. Было здорово прожить всё детство на одной ферме с простыми и понятными родителями. Было здорово учиться в одной школе.

Конечно, у Севастьяна, учитывая его тяжёлое детство, мнение могло быть иным. Но мне хотелось большего...

— Выбери другую тему, Натали, или мы вообще прекратим разговор.

— Ладно. Поговорим о другом. Например, как ты заработал столько денег? — Я и не подозревала, насколько он богат, хотя это неудивительно, учитывая, что он сам был вором в законе. Я поняла, что в Берёзке он жил по собственному выбору, чтобы находиться рядом с Паханом. Эта мысль запала мне в сердце.

— Я... дрался. — Он замолчал. Наверное, понял, что должен ещё что-то добавить, поэтому заговорил вновь. — Начав подростком, и потом где-то до тридцати лет я принимал участие в подпольных боях. Это было очень прибыльно.

— Думаю, ты часто выигрывал.

— Не проиграл ни одного боя, — вместо гордости в его голосе звучало почти... сожаление. Он добавил чуть тише, — я идеально создан для боя, так было всегда.

— Каким образом? — Необычная прочность костей? Высокий болевой порог? Я вспомнила, Пахан говорил, что не видел никого, кто дрался бы так, как Севастьян, которому в тот момент было тринадцать лет.

Проигнорировав мой вопрос, Севастьян продолжал:

— Несколько лет назад я понял, что не смогу драться вечно. У меня возникла мысль, как зарабатывать деньги, и я пришёл с этим к Пахану. Он убедил меня построить всю схему на собственные сбережения.

— Какую схему?

— Контрабанда дешёвой водки.

— Разве Россия — не родина дешёвой водки?

— Гораздо дешевле покупать водку в Штатах, но наши пошлины делают импорт невыгодным. Так что я придумал, как обмануть таможду.

— Как? — зачарованно спросила я.

— Я подкрашивал её голубым пищевым красителем. Потом мы маркировали цистерны

"жидкость для стеклоомывателя". Когда товар прибывал в Россию, мы избавлялись от красителя.

Я улыбнулась.

— Это гениально.

Он пожал плечами, но было видно, что ему приятна моя похвала.

— Это принесло миллионы, и приносит до сих пор, — вновь без капли гордости констатировал он. Потом выдохнул, устремив взгляд в никуда. — Я поставлял в страну дешёвый алкоголь. Какая ирония.

— Почему ирония?

— Хватит вопросов, — он вновь посмотрел на меня.

Я склонила голову на бок. Маленькая победа — за один раз он рассказал о себе больше, чем за всё предыдущее время. Не пора ли снять его с крючка?

Я уже решила, что так и сделаю, когда в его глазах зажёгся этот страстный взгляд, взгляд, который я узнавала и принимала, затаив дыхание.

— Хочу тебе кое-что показать. — Он повёл меня вверх по лестнице, потом по коридору в богато обставленную спальню.

Внутри уже стояли наши сумки.

— Это наша комната? — Останавливаться в отелях с попугайчиком — это одно. Но сейчас меня вдруг осенило, что я буду *жить* с мужчиной.

В его доме.

— Тебе не нравится?

Комната была выполнена в приглушённых тонах — кремовых и тёмно-синих. Массивная кровать была покрыта роскошной, но очень изящной тканью, обои на стенах тоже были подобраны со вкусом.

Предметы мебели представляли собой взаимодополняющее сочетание мужественности и женственности. Изящный туалетный столик служил для хранения косметики и драгоценностей (которых у меня больше не было), рядом находилась антикварная кожаная кушетка, которая выглядела так, словно её украли из спальни какого-нибудь герцога. Но всё вместе прекрасно сочеталось.

— Разве что-нибудь здесь может не нравиться? Ты это мне хотел показать?

Он покачал головой, и повёл меня сквозь массивную дверь в примыкающий кабинет. Внутри располагались стол, раскладушка, шкаф и несколько мониторов, воспроизводящих потоковое видео.

— Это комната-убежище?

— Точно.

На мониторах отображались все помещения дома.

— Здесь всё просматривается?

— Ещё одна скрытая камера расположена снаружи. — Она показывала идущих по улице парижан, большинство из них смотрели прямо в скрытый объектив. — Информацию с любой камеры я могу просматривать на своём телефоне. — Севастьян достал мобильник, запустил приложение и показал мне. — Так что, даже отлучившись, я смогу за тобой наблюдать.

Всегда за мной наблюдает.

— А записи ведутся? — невинно спросила я, но он понял направление моих мыслей.

— Если пожелаем. Или ты можешь просматривать трансляцию. — Он вернулся в

спальню и взял дистанционный пульт. За сдвинувшейся в сторону панелью оказался огромный встроенный в стену телевизор.

Очередное нажатие кнопки, и на телевизоре появилось чёткое изображение всей спальни. Камера, наверное, была спрятана за лепниной на противоположной стене.

Он снял пиджак, затем сел на кровать, спиной к изголовью.

— Разденься для меня. — Щелчок кнопкой пульта, и экран разделился пополам, теперь он показывал одновременно и спальню, и улицу. Как будто незнакомые прохожие заглядывали прямо в комнату. Его взгляд потемнел, — Разденься для них.

О, игра началась. Это был первый отдалённый намёк на что-то необычное с тех пор, как мы занялись сексом.

Я расстегнула заколку, и волосы рассыпались по плечам; его взгляд, казалось, провожал каждый локон.

Я неторопливо расстегнула блузку; рукой он начал растирать выступающий из брюк огромный бугор.

Сняв топ, я повернулась к нему спиной, расстёгивая молнию юбки. Мне сопровождал звук его молнии. Я могла наблюдать за ним в телевизоре: зажав член в кулаке, он не сводил взгляд с моей попки.

Боже, этот человек возбуждал меня сверх всякой меры. Мелькнула мысль, что он может всё это записывать. И я лишь сильнее возбуждалась. Вся стеснительность, которая во мне ещё оставалась, сгорела во время наших ночей, когда мы занимались любовью, под его пылающим взглядом, под его благоговейными ласками.

Этот мужчина любил моё тело и не скрывал этого. Так чего стесняться?

— Ты бы хотела, чтобы они тебя такой увидели? — спросил он, когда я выскользнула из юбки.

— Возможно. — Я сняла лифчик.

— Моя маленькая эксгибиционистка. — Всего лишь его хриплый голос — а мои соски уже напряглись. — Может, ты ещё и вуайеристка?

Учитывая мою тягу к порно, пришлось ответить:

— Бывают и такие совпадения.

— Оставь каблуки и чулки — я трахну тебя прямо так.

Я вздрогнула, потянувшись к стрингам — последнему предмету одежды, который он позволил снять.

— Повернись, чтобы я мог посмотреть на то, что принадлежит мне, — приказал он.

Как обычно, любой намёк на доминирование с его стороны повергал меня в трепет. Я медленно повернулась. Хотя он был полностью одет, я качнула перед ним голыми прелестями.

Казалось, зрелище его полностью захватило, брови крепко сошлись на переносице, губы приоткрылись. Смакуя его очевидное удовольствие, я выпрямила плечи и выпятила бедро.

— Нравится вид, Сибиряк?

— И всё это лишь для меня. Подойди.

Нахально усмехнувшись, я продефилировала к постели, и, забравшись туда, на коленях поползла к нему.

— Оседлай меня.

Я встала на колени по обе стороны от его бёдер и упёрлась руками в спинку кровати — таким образом, моя промежность оказалась прямо на уровне его глаз. Наши взгляды

встретились. Выражение его лица, когда он наклонился, чтобы лизнуть, заставило меня отвести взгляд. Я ахнула от того, как сильно его язык коснулся клитора.

Он вновь это сделал, глубже зарывшись лицом, и не скрывая того, что вдыхает мой запах. Я запустила пальцы в его густые чёрные волосы, толкнув бёдра вперёд к его чувственному рту.

Он лизал меня, пока мой бугорок болезненно не распух. Его рычание объединилось с моими стонами: он вкушал меня — влажно, громко — скользя языком и посасывая, так что между ног у меня промокло абсолютно всё.

Я чувствовала, как капелька моей влаги стекла по внутренней стороне бедра прямо на кружевную резинку чулка. Севастьян, издав рык, слизнул её, отправив меня тем самым в водоворот возбуждения.

Потом он вновь откинулся назад, приказав:

— Поиграй с сосками. Покатай их между пальцев.

Я занялась ими, а он раскрыл меня шире, начав ласкать капюшон клитора так, что у меня ноги задрожали, а в туфлях подвернулись пальцы ног.

— О, Боже, Севастьян, я близко.

Когда я была уже на вершине, он резко отстранился, запечатлев сладкий поцелуй. Я растерянно смотрела вниз.

— Но... ты не можешь остановиться.

— Только что остановился, зверёк. — Он уложил меня на спину, и я начала было протестовать... но тут же замолчала, когда он начал раздеваться. С одеждой он быстро справился, не желая терять ни секунды.

Я смотрела на него, неотрывно следя за тем, как двигалось его тело — воплощение беспощадной твёрдости. Каждая впадинка и бугорок poznали прикосновения моих губ. Рана от пули на руки практически зажила, превратившись в новый храбро заслуженный шрам.

Новая отметинка для моих поцелуев.

Вернувшись на кровать, он расположился у меня между ног, направляя зажатый в кулаке член в самую серединку влажных завитков. Он брал меня уже столько раз, но всё равно в момент проникновения я широко распахивала глаза. Он всегда помнил о своих размерах, но мой опыт составлял всего-то несколько дней.

— Ещё протесты? — спросил он, погружаясь в меня.

Я выгнулась, вздохнув:

— Теперь всё отлично.

Он начал двигаться, а я схватилась за спинку кровати. Его взгляд метнулся к моим рукам, потом к глазам, потом вновь вернулся к рукам. Когда я вытянула руки за головой, скрестив запястья, его веки отяжелели, и я почувствовала, как запульсировал внутри член.

— Не сдерживайся, Севастьян.

— Не сдерживаюсь.

— Разве ты не хочешь меня придавить? Перестань дарить мне удовольствие, отказывая в нём себе.

Он посмотрел на меня так, словно я лишилась ума.

— Думаешь, мне это не приносит удовольствие? Я едва сдерживаюсь, чтобы не кончить.

— Так прижми меня как следует — потому что это то, что мне нужно.

— Ты не знаешь, чего просишь, — он наклонился, чтобы меня поцеловать, угощая

собственным вкусом. Он гладил и гладил мои соски, затем проведя пальцами ниже к лобку. Его большой палец занялся моим клитором, пока я не застонала ему в рот.

Когда он, наконец, оторвался, чтобы вдохнуть, моя голова откинулась, взгляд был устремлён на экран телевизора. Я смотрела на него сверху, любуясь видом сильного тела, которое трудилось, чтобы усладить моё. Его спина блестела от пота, мышцы ягодиц двигались, когда он погружался в меня. Мне было видно, как его член исчезает в моей киске, как туго натягивается кожа мошонки.

Его грудь скользнула по моим соскам, и вдоль промежности потекла новая порция влаги. Обеими руками он обхватил половинки моей попки, удерживая на месте.

Только я подумала, чувствует ли и он эту влагу, как он сказал:

— Такая влажная. Моя женщина хочет, чтобы её оттрахали?

Я заметила, что он был склонен к разговорам во время секса и любил, когда я их поддерживала.

— Я хотела этого с того самого утра в машине. Не могла перестать думать, что ты сделаешь, если я нагнусь и отсосу тебе.

Его пальцы впились глубже, средний оказался в опасной близости от моей задней дырочки. Но это было *приятно*. Можно с лёгкостью использовать собственную смазку и проникнуть внутрь. Он сжал ладони сильнее, раскрывая меня, подступая ближе.

Когда я представила, как он осторожно исследует мою задницу, в то время, как его член орудует в моей киске, я выгнулась, чтобы там оказались его пальцы.

— Не надо, зверёк. Ты наводишь меня на определённые мысли.

В порно, которое я смотрела, анальные игры всегда выглядели возбуждающе. Только представив, как он меня подготавливает....

— Я уже говорила, что собираюсь когда-нибудь попробовать всё.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя в задницу? — прошипел он.

Когда он так об этом говорит? С таким вожделением в голосе?

— Давай!

— Это не для тебя, красавица. Я сделаю тебе больно.

Раньше я была *грязной* девчонкой. Или *жадной* девчонкой. А теперь та нежность, с которой он со мной обращался, просто сводила меня с ума.

Мне это надоело! Разочарование уничтожило остатки границ, которых, вообще-то, никогда и не было.

— Тогда я просто помечтаю, как ты нагибаешь меня на краю кровати... разводишь мои ноги и заставляешь приподнять попку, чтобы нанести смазку.

— А! — Он вдавил в меня бёдра, дёрнувшись всем телом ещё сильнее.

Такой несдержанный отклик меня просто потряс. Боже, как же сильно ему хотелось проделать всё это со мной — как же сильно и я этого хотела! Я уже решила, что заставлю его уступить. Как далеко я смогу зайти?

Грудным голосом я произнесла:

— Руки будут связаны у меня за спиной, рот заткнут. Ты прикажешь мне не шевелиться и расслабиться. — Теперь слова сами лились из меня. — Ты проникнешь в мою попку одним пальцем, расширяя меня для второго.

— Чёрт побери, женщина! — Новый резкий толчок. Мои слова заставляли нас обоих терять голову. Неужели этот боец, наконец-то, попался?

— Потом ты нанесёшь смазку на свой пульсирующий член, на эту толстую головку, не

оставляя мне никакого выбора, кроме подчинения.

Он тяжело дышал, вращая бёдрами.

— Внутри ты будешь охуенно тугой и очень горячей.

Обрадовавшись его ответу, я продолжала:

— Я буду нервничать, даже попытаюсь увернуться...

— И тогда я стану пороть эти идеальные округлости, пока ты не сдашься. Потому что ничто не удержит меня от погружения между них по самые яйца.

Я застонала, оказавшись так близко к оргазму, но не желая ничего прекращать.

— Ты начнёшь внутри меня двигаться... Я буду вне себя... потому что ты овладеешь мною всецело.

— Твои прекрасные стоны будут заглушены кляпом.

— О, Боже, о, Боже. — Его мокрые от пота бёдра тёрлись о внутреннюю сторону моих бёдер, волосы на его ногах касались моих икр, добавляя новых ощущений.

Я задыхалась, балансируя на краю, когда он сказал:

— Я закачаю в тебя свою горячую сперму, наполню тебя до краёв... чтобы ты никогда не забывала, кому принадлежишь...

Я взорвалась, выгибаясь на кровати. Вдавливаясь в него грудью, я впала в экстаз, сотрясаясь в конвульсиях.

Я всё ещё кончала, когда он выгнул спину, грудью возвышаясь надо мной. Мышцы на выпрямленных руках натянулись.

Вены на шее вздулись, а он продолжал так же толкаться бёдрами. Мощь его тела поражала, но он продолжал её сдерживать ради меня.

Кончая, он закричал:

— *Наталья!*

Его толстый член пульсировал, извергая в меня потоки спермы, наполняя до краёв.

Чтобы я никогда не забывала, кому принадлежу.

Упав на меня сверху, его тело продолжало сотрясаться — а меня будто снова перезагрузили.

Я едва могла шевелиться, думать. Так что просто водила кончиками пальцев вдоль его спины, пока он целовал мою шею.

Не знаю, сколько мы так лежали. Когда я вновь обрела способность мыслить, осознав, что произошло, то задумалась, как долго потребности Севастьяна смогут оставаться в узде? И если он не реализует свои самые тёмные желания со мной, то не уйдёт ли, в конечном итоге, к другой?

А я?

Я никогда не подозревала, что, испытав оргазм такой силы, буду разочарована. В ту первую ночь в самолёте Севастьян сказал мне "Ты не должна была быть такой".

Но я была.

У меня тоже были "особенные интересы". И сейчас мне было очевидно, насколько хорошо мы подходили друг другу. Когда-то он был мужчиной моей мечты, который хотел открыть мне глаза.

Сейчас он больше был похож на мираж...

Некоторое время спустя мы с Севастьяном лежали на боку лицом к лицу в полумраке комнаты. Сквозь открытую балконную дверь до нас доносились звуки пробуждающегося ночного Парижа. Местный повар приготовил изысканный ужин, который мы съели, не

вылезая из постели — между занятиями любовью.

Я потянулась, чтобы обвести татуировку на его груди.

— Севастьян, почему ты так со мной нежен?

Он пожал плечами.

— Мне нужен *словесный* ответ.

Что-то в моём голосе сказало ему, что я не шучу.

— Женщинам нравится, когда мужчины их холят и лелеют, разве нет?

— Ты уходишь от ответа.

— Ну, ладно. Ты *не хочешь*, чтобы я тебя баловал?

— В определённой степени. Но не постоянно. — Я поджала губы. — Это сложно объяснить. Я хочу, чтобы ты вёл себя так, как в первые три раза, когда мы были вместе. Я хочу, чтобы ты был самим собой.

— Что если настоящий я — такой, как сейчас?

— Я в это не верю, особенно теперь.

— Любовники фантазируют и говорят о том, что никогда не произойдёт наяву.

Чёрт, он ускользал.

— Зачем фантазировать, когда мы можем это осуществить?

Он пристально на меня посмотрел.

— Я никогда не сделаю тебе больно. А теперь сменим тему.

Меня накрыло волной разочарования — но потом я поняла, что он только что предоставил мне доступ.

— Новой темой будешь ты.

Он вздохнул.

— Я уже говорил, что мне сложно говорить о себе.

— Может быть потому, что ты никогда этого не делал. Я хочу тебя *узнать*, Севастьян. Так же, как и ты хочешь узнать меня. Разве я многого прошу, учитывая обстоятельства?

Он сглотнул. Этот человек кинулся под пули ради спасения моей жизни. Он бросился на Глеба и обеспечил наш побег. И при всём при этом его пугала перспектива мне открыться?

Как заставить его понять, что я не стану его осуждать, не убегу прочь, роняя тапки?

— Я — девушка широких взглядов, если ты не заметил. И мне бы хотелось, чтобы ты со мной поговорил, доверился бы мне.

— Зачем?

— Потому что у нас отношения. Их фундамент будет лишь упрочняться с каждым общим секретом. Давай начнём с безобидных вопросов. Если не захочешь отвечать, всегда можешь сказать "пас".

— Спрашивай, — мрачно согласился он.

— Какой у тебя любимый цвет?

— Раньше был синий. — Он намотал на палец мой локон. — Теперь — рыжий.

— Что ты любишь читать?

Не сводя глаз с намотанного локона, он ответил:

— Исторические материалы. Про женщин и межполовые отношения.

Умно.

— Ты сидел в тюрьме?

— Дважды. Оба раза короткое время. Пахан достаточно быстро меня вытаскивал. — На

его лице мелькнула тень утраты.

Я заставила себя продолжать.

— Эти татуировки на коленях... ты сам вор в законе? — Он отпустил мой локон.

— Да. — Без объяснений.

— Теперь ты глава синдиката Пахана?

— Зависит от... У меня недостаточно информации, чтобы ответить на этот вопрос. —

Он вновь начал закрываться.

— У тебя есть братья или сёстры?

— Нет.

— Другие оставшиеся в живых члены семьи? — спросила я.

— Нет.

— Какими были твои родители?

— Пас.

— Хоть о *чём-то* из прошлого ты можешь мне рассказать? Слушай, меня не интересует то, что ты делал по работе, но мне хочется узнать о твоём детстве.

— Почему это для тебя так важно?

— Я историк, Севастьян — и хочу узнать твою историю. — Я перешла к другому вопросу. — Когда ты узнал о своих *особенных интересах*?

Он снова пожал плечами.

— К нам это не относится.

— Не говори так, — пробормотала я. — Ты открыл для меня новый мир... — при этих словах он, почему-то, поморщился, — ...и я жажду узнать много нового. Я не могу отменить произошедшее, Севастьян.

— Поскольку ты будешь только со мной, тебе придётся.

Его стены сдвигались.

— Не отгораживайся от меня.

С невыразимой нежностью он приподнял пальцем мой подбородок:

— Я не могу отгородиться, если ещё ни разу не открылся.

Когда он встал, чтобы одеться, я поняла горькую правду: для Севастьяна открыть душу другому было равносильно восхождению на эшафот.

А это значило, что я влюблялась в человека, который никогда не будет эмоционально мне близок.

Угол, познакомься с Натали.

Давление.

Начиная с Берёзки, я всё время чувствовала давление. За последнюю неделю это чувство трансформировалось в нечто иное: в давление двух людей, которые жаждут друг друга, но более друг другу не подходят.

Сексуально он изменился, но эмоционально остался таким, как прежде. Я ощущала, что внутри него эмоции накапливаются так же, как и во мне. Положение становилось опасным.

Этим утром я снова осталась в доме одна. Пару часов назад Севастьян получил смс и мгновенно отбыл в неизвестном направлении. *Очередная непонятная встреча.*

Они случались у него каждый день, иногда дважды в день. Я заключила, что он удалённо решает вопросы, связанные с синдикатом.

В конце концов, предприятие с многомиллионным оборотом только что лишилось лидера, так что на плечи Севастьяна свалилась огромная ответственность. Я могла справиться с его длительным отсутствием, но эта скрытность раздражала.

Может быть, он пытался меня защитить? Ложь во спасение? Если так, то я не знала ничего. Как и в Берёзке, сейчас я была лишь сторонним наблюдателем...

Пару раз мы с ним посещали достопримечательности, но всё время его мысли были где-то далеко, а взгляд рыскал в поисках малейшей опасности. И всё равно Париж был великолепен, а я смогла осмотреть все места, отмеченные в моём путеводителе.

Я побывала на Эйфелевой башне, увидела Триумфальную арку, купила сувениров на Елисейских полях.

Несмотря на его уверенность в том, что уровень грозящей мне опасности с каждым днём продолжал снижаться, выходить одной из дома он мне не разрешал. Так что я торчала там, пока он отлучался, чтобы заняться делами, о которых он мне не рассказывал.

Когда я сообщила Севастьяну, что мне нужен новый мобильник, он купил его для меня.

Когда я сказала, что хочу прогуляться и купить новую одежду, он просто продублировал заказ на то, что было у меня в Берёзке: платья, косметику, обувь и, разумеется, нижнее бельё.

Он даже начал покупать мне драгоценности.

— Разве я не должна их оплатить? — спросила я.

Его плечи напряглись:

— Ты думаешь, я не смогу обеспечить свою женщину?

Несмотря на наличие горничной, повара, водителя-дворецкого-охранника, который был способен достать всё от противозачаточного пластыря до мороженого «Ле Чанки Манки», этот роскошный особняк оставался золотой клеткой.

Как обычно, я просматривала трансляцию с видеокамер, наблюдая за повседневной жизнью парижан. Комната-убежище была моей любимой. Наверное, мне нравилось подглядывать. Я придумывала истории об увиденных людях, составляя для них целые диалоги.

А, может, я уже просто сходила с ума.

Застонав, я уронила голову на руки. Я связана с тем, кто позволил мне взглянуть на мою истинную сущность только лишь для того, чтобы теперь её отрицать. С тем, кто никогда мне не доверится.

С тем, кого я до сих пор не знаю.

Мы оба переживали утрату — по отдельности — и, похоже, вели отдельные жизни. Если он был дома, то часто разговаривал по телефону с таинственным Максимом. Я слышала странные обрывки фраз "Защищай ценой собственной жизни" и "Она со мной".

Я облегчила душу, рассказав Джесс, как сильно мне не хватает Пахана, но Севастьян оставался единственным человеком, который действительно мог меня понять. Я даже рассказала ей про Филиппа. Её вывод: "Если он отравлял людям жизнь живой, то не прекратит это делать и после смерти. Я *запрещаю* тебе о нём думать. Тебе повезло, что ты осталась в живых".

Не повезло. Это заслуга Севастьяна.

Узнав, что мы с Севастьяном спим вместе, Джесс пришла в восторг.

— Ты лишилась своей бородавки! Жизнь открылась тебе с самой забавной стороны.

— С забавной? — Сейчас — не особенно. Если мы с Севастьяном намерены построить жизнеспособные отношения, нам придётся над ними поработать. Но всякий раз, когда я пыталась поговорить о его прошлом, его мыслях или, прости господи, о его чувствах, он сразу замыкался.

Никакой настоящей близости. Никакого прогресса.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Секс всякий раз доставлял удовольствие, но всё меньше и меньше меня удовлетворял. Он дико боялся сделать мне больно или оставить синяк, и я чувствовала, что ему от этих самоустановленных границ было так же досадно, как и мне.

Рано или поздно он найдёт ту, с кем можно будет реализовать свои затаённые мечты, если только я не соблазню его проделать это со мной. Севастьян сказал, что станет у меня последним; однако про себя он такого не обещал.

Теперь мне казалось, что обратный отсчёт начался уже у меня. Соблазнить, пока он не свалил.

Эмоционально замкнута, сексуально не удовлетворена. Оба наших препятствия становились всё выше и выше...

Встав из-за командного пульта, я прошла к кровати. Вытянувшись вдоль изголовья, я гадала, наблюдает ли он за мной и сейчас.

От этой мысли я вздрогнула. Может, стоит продемонстрировать, что он упускает, когда уходит от меня.

Один раз он уже видел, как я мастурбирую, но тогда я не могла оценить момент. А сейчас? Даже если он не смотрел, я могла бы притвориться, что он наблюдает. Бинго!

Вздвораженная, я сбросила туфли, чулки, блузку и юбку, оставшись в нижнем белье — в лифчике и трусиках из прозрачного материала телесного цвета.

Снова улегшись на спину, я медленно провела руками вдоль тела до груди, сведя обе половинки вместе и сильно сжав — так, как я знала, хотел бы сделать он.

Вздыхнув, я сняла бюстгальтер, раскрутив его на пальце и бросив в сторону камеры. Одной рукой я сильно ущипнула соски обнажённой груди; другая опустилась вдоль живота, прямо в прозрачные шёлковые трусики. Я не стала их снимать — потому что Севастьян всё равно мог видеть, как двигаются мои пальцы.

Рядом с кроватью зазвенел телефон.

Ухмыльнувшись в объектив камеры, я произнесла в трубку:

— Я сейчас немного занята, детка, через минутку перезвоню.

По звуку было похоже, что он находился в машине.

— Перестань немедленно, маленькая ведьма, — прорычал он по-русски. Чтобы не понял водитель? — Я буду дома через пять минут — и ты меня *дождёшься*.

— А то *что*? — я упрямо гладила клитор, покачивая бёдрами. — Станешь мною кормить рыб?

— Не испытывай меня, зверёк.

Я нажала на громкую связь.

— Ты бросил меня одну дома. Чем ещё девушке заняться? — Я гладила себя. — Хочешь узнать, о чём я фантазировала? Как ты трахаешь меня до бесчувствия. — Очередное поглаживание. — Ооо. Стой-ка, больше ты так не делаешь.

— О чём ты?

— В самолёте ты сказал, что, едва на тебя взглянув, женщины понимают, что их жёстко оттрахают. Этого я не чувствую. — Гори!

Я продолжала себя гладить и слушала, как в трубке Севастьян скрежетал зубами.

— Натали, *не смей* кончать от своей руки.

— Это новый закон, что ли? Я пропустила в наших отношениях свод правил. Ладно тебе, подыграй, Севастьян. Спроси, потекла ли я? Нет? Придётся тебе показать.

Подняв колени к груди, я стянула трусики до лодыжек. Потом раскинула колени в стороны, давая Севастьяну полный обзор намокших завитков, которые я продолжала лениво поглаживать.

Он со свистом втянул воздух.

— Прекрати *немедленно*.

— А то накажешь меня? Если твоя доминирующая натура не может стерпеть такого неповиновения, то надо перестать за мной наблюдать.

— Я никогда не перестану за тобой наблюдать. С наблюдения всё и *началось*.

— Верно. Это уже второй раз, когда ты подсматриваешь за тем, как я мастурбирую, -

Поглаживание.

— Я не это имел в виду. Чёрт побери, женщина, ты ведь *не хочешь*, чтобы я потерял контроль.

— О, так ведь я хочу! — Похоже, пора начать игры на букву А. Хватит ли у меня смелости? Шутки кончились. — А если я сделаю... так? — Я встала перед камерой на четвереньки, открыв ему полный обзор. Трусики между разведённых лодыжек туго натянулись.

— Господи помилуй.

Его реакция и такая обнажённая уязвимость, выставленная *напоказ*, вскружила мне голову, тело бросило в жар, возбуждение будто выстрелило вперёд. Вероятно, я *была* эксгибиционисткой — от волнения кровь с новой скоростью хлынула по венам.

Игры кончились, мне отчаянно требовался оргазм.

Когда я стала насаживаться на собственные пальцы, он поперхнулся, затем на французском что-то резко приказал водителю. Наверное, ехать быстрее, потому что следом яростно зазвучал яростный клаксон.

— Ты и представить себе не можешь, что ты со мной делаешь.

Я совершенно отдалась наслаждению, не переставая скользить пальцами...

— Тогда погрузи для меня пальцы внутрь, — приказал он по-русски. — Будь моей умницей и трахни себя.

Вскрикнув, я передвинула указательный палец с клитора ко входу, изогнув его между

губок; комнату по громкой связи заполнило его тяжёлое дыхание, ещё больше меня возбуждая.

Когда я проникла внутрь и стала двигать пальцем, он прохрипел:

— Я тебя прочу.

Звонок оборвался.

Спустя пару секунд я услышала внизу его шаги, которые теперь звучали на лестнице. И впервые вдруг поняла...

Что должна бы испугаться.

— Восхитительно, — выдохнула я, разглядывая Париж с крытого балкона городского дома Севастьяна. Его "надёжная квартира" оказалась четырёхэтажным особняком начала века с завораживающим видом на Эйфелеву башню — вершину моих туристических мечтаний. Она уходила ввысь, теряясь в низких дождевых облаках.

— Рад, что тебе нравится, — отозвался он из просторной гостиной. Если Берёзка была верхом богатства, то это место было почти таким же роскошным, но с более современным интерьером. Стоя у камина, он налил мне бокал красного вина.

Я не удержалась от восхищённого вздоха: на Севастьяне был превосходный чёрный костюм-тройка. И я обрадовалась, что сама сегодня приоделась. Утром он сообщил, что мы всего в нескольких часах езды от Парижа, так что я променяла свою удобную одежду на чулки, шпильки, узкую юбку и приталенную блузку тёмно-пурпурного цвета.

Последние пять дней мы ехали в направлении Парижа, и с пассажирского сидения я могла осматривать пейзажи юга России, Польши, Германии и северной Франции.

На ночь мы останавливались в дорогих отелях, занимаясь любовью половину отведённого на сон времени. Он брал меня снова и снова, по-прежнему обращаясь со мной, как с хрупким фарфором.

За эти дни я вновь убедилась, что он — человек контрастов. Он много знал о винах, заказывая для меня редкие винтажные сорта, но сам никогда не пил. Когда мы ужинали в дорогих ресторанах, он вёл себя как джентльмен с превосходными манерами, хотя я знала, что под пиджаком у него всегда находилась кобура с вовсе неджентльменским пистолетом.

Кроме русского, английского и итальянского он бегло говорил на французском и мог неплохо изъясняться на немецком — однако вовлечь его в хоть сколько-нибудь серьёзный разговор со мной я не могла.

Он отказывался открываться. С каждым новым километром между нами и Россией увеличивалось расстояние между Севастьяном и мной. Я стала понимать, что Пахан был прав: в Севастьяне было что-то сломано.

Наша общая потеря не сблизила нас, наоборот, мы избегали любых упоминаний о Пахане и Берёзке...

Он присоединился ко мне на балконе, и, взяв бокал с вином, я спросила:

— Это правда твой дом?

— Я купил его у принца из Саудовской Аравии. — Это объясняло высокий уровень безопасности и отдельный вход. В доме уже находился охранник и прислуга.

— Видимо, дорогая покупка.

Севастьян удивился.

— У меня есть деньги, *milaya*. — В первый день пути он объяснил, что когда всё уляжется, нам нужно будет обсудить моё наследство, но с этим я совершенно не торопилась. С того дня и до настоящего момента ни расходы, ни деньги мы не обсуждали.

Он встал рядом со мной, и это напомнило мне, как я впервые разглядывала окрестности с балкона в Берёзке. Правда, сегодня Севастьян не был так холоден, как тогда.

Он притянул меня спиной к себе, обвив талию горячими руками. Его подбородок покоился у меня на макушке, руки крепко прижимали моё тело к груди.

— Когда ты его купил? — спросила я

— Не так давно.

Очередной неопределённый ответ в его копилку. Я прикусила язык. Порой я прикусывала его до крови.

После той ночи на лодке в эмоциональном плане не было никакого прогресса — впрочем, как и в интимном.

Он брал меня вновь и вновь, превознося, даря ни с чем несравнимое удовольствие. И каждый раз он позволял мне исследовать его тело так же тщательно, как он исследовал моё. Ночи бесконечных открытий. Я проваливалась в сон, а руки по-прежнему его ласкали.

Но он никогда не обращался со мной так, как, очевидно, ему было нужно. Я ловила его взгляд на моих запястьях — потому что он хотел их связать. Он тыкался носом в мои соски, сосал их, но больше не касался их зубами и ни разу не ущипнул на грани боли.

Вчера на заправке в Германии он (опять) висел на телефоне, так что я забрела в местный магазинчик и кое-что прикупила: БДСМ-журнальчик (он спокойно стоял на полке с другими журналами сразу после моторных масел!)

Когда мы снова тронулись в путь, он рассеянно спросил:

— Что там у тебя?

И я раскрыла журнал на странице, которую заранее отметила, пока его ждала. Страница была с фотографиями, вызвавшими мой повышенный интерес: голая женщина была привязана за лодыжки и запястья к конструкции, напоминающей обтянутые тканью козлы для распилки дров.

На ней были эти крутые зажимы для сосков: будто сверху и снизу соски зажали между двух дирижёрских палочек, стянув по краям болтами. Вспомнив, как сильно Севастьян ущипнул мои соски в бане — и как мне это понравилось — я тут же захотела опробовать что-то подобное на себе. От одной мысли об этом мои соски напряглись.

Как только Севастьян понял, что я ему показываю, его ноздри раздулись, костяшки, сжимающие руль, побелели.

— Ты этого хочешь? — хрипло спросил он.

Я кивнула.

— В таких делах у тебя большой опыт, разве нет?

— Достаточный для нас обоих, поэтому больше мы до такого не опустимся.

Не опустимся?

— Тебе стоит знать — раз ты, *очевидно*, мой единственный мужчина — что я хочу попробовать всё сразу. Этого требует моё любопытство.

Он сильно сглотнул.

— Что, например?

Самым небрежным тоном, какой только смогла изобразить, я ответила:

— Мне понравилось, как ты высек меня веником. — Когда боль превратилась в жар, а жар — в блаженство. — Может, поднимем планку до паддлов или (я продемонстрировала ему рекламу флогеров) чего-то такого?

Над верхней губой моего холодного Сибиряка выступили капельки пота.

— Или такого. — На другой картинке голая женщина с кляпом во рту была прикована к позорному столбу. Сзади стоял полностью одетый мужчина и хлестал её между ног *плёткой*, напоминавшей кожаную закладку для книг, расширяющуюся с одного конца. — Наверное, от этого... просто током бьёт.

Выругавшись, Севастьян вырвал у меня журнал и бросил его на заднее сиденье.

Я не сомневалась, что он готов был остановить машину, чтобы овладеть мной прямо на обочине. Но ничего не произошло. Он даже не стал это обсуждать.

В общем, мои эмоциональные отношения с Севастьяном не развивались и явно приближались к сексуальному разочарованию. Два больших препятствия...

Теперь, когда в отдалении поблёскивали парижские огни, он развернул меня в своих объятьях.

— О чём ты думаешь?

— О дороге сюда. О журнале.

Разжав объятия, он отпустил меня, облокотившись о перила.

— Я не собираюсь это обсуждать.

Раздражённая и разочарованная, я прищурилась. Но вспомнив его побелевшие костяшки в ответ на мой выбор чтива, я поняла, что могу одержать верх.

Конечно, придётся за это заплатить. Готова ли я вступить с этим мужчиной в БДСМ-отношения? Часть меня этого желала хотя бы потому, что это будет означать хоть какую-то *определённость*.

Но сейчас всё повисло в воздухе, безо всякой стабильности. А я поняла, что люблю стабильность. Было здорово прожить всё детство на одной ферме с простыми и понятными родителями. Было здорово учиться в одной школе.

Конечно, у Севастьяна, учитывая его тяжёлое детство, мнение могло быть иным. Но мне хотелось большего...

— Выбери другую тему, Натали, или мы вообще прекратим разговор.

— Ладно. Поговорим о другом. Например, как ты заработал столько денег? — Я и не подозревала, насколько он богат, хотя это неудивительно, учитывая, что он сам был вором в законе. Я поняла, что в Берёзке он жил по собственному выбору, чтобы находиться рядом с Паханом. Эта мысль запала мне в сердце.

— Я... дрался. — Он замолчал. Наверное, понял, что должен ещё что-то добавить, поэтому заговорил вновь. — Начав подростком, и потом где-то до тридцати лет я принимал участие в подпольных боях. Это было очень прибыльно.

— Думаю, ты часто выигрывал.

— Не проиграл ни одного боя, — вместо гордости в его голосе звучало почти... сожаление. Он добавил чуть тише, — я идеально создан для боя, так было всегда.

— Каким образом? — Необычная прочность костей? Высокий болевой порог? Я вспомнила, Пахан говорил, что не видел никого, кто дрался бы так, как Севастьян, которому в тот момент было тринадцать лет.

Проигнорировав мой вопрос, Севастьян продолжал:

— Несколько лет назад я понял, что не смогу драться вечно. У меня возникла мысль, как зарабатывать деньги, и я пришёл с этим к Пахану. Он убедил меня построить всю схему на собственные сбережения.

— Какую схему?

— Контрабанда дешёвой водки.

— Разве Россия — не родина дешёвой водки?

— Гораздо дешевле покупать водку в Штатах, но наши пошлины делают импорт невыгодным. Так что я придумал, как обмануть таможду.

— Как? — зачарованно спросила я.

— Я подкрашивал её голубым пищевым красителем. Потом мы маркировали цистерны

"жидкость для стеклоомывателя". Когда товар прибывал в Россию, мы избавлялись от красителя.

Я улыбнулась.

— Это гениально.

Он пожал плечами, но было видно, что ему приятна моя похвала.

— Это принесло миллионы, и приносит до сих пор, — вновь без капли гордости констатировал он. Потом выдохнул, устремив взгляд в никуда. — Я поставлял в страну дешёвый алкоголь. Какая ирония.

— Почему ирония?

— Хватит вопросов, — он вновь посмотрел на меня.

Я склонила голову на бок. Маленькая победа — за один раз он рассказал о себе больше, чем за всё предыдущее время. Не пора ли снять его с крючка?

Я уже решила, что так и сделаю, когда в его глазах зажёгся этот страстный взгляд, взгляд, который я узнавала и принимала, затаив дыхание.

— Хочу тебе кое-что показать. — Он повёл меня вверх по лестнице, потом по коридору в богато обставленную спальню.

Внутри уже стояли наши сумки.

— Это наша комната? — Останавливаться в отелях с попугайчиком — это одно. Но сейчас меня вдруг осенило, что я буду *жить* с мужчиной.

В его доме.

— Тебе не нравится?

Комната была выполнена в приглушённых тонах — кремовых и тёмно-синих. Массивная кровать была покрыта роскошной, но очень изящной тканью, обои на стенах тоже были подобраны со вкусом.

Предметы мебели представляли собой взаимодополняющее сочетание мужественности и женственности. Изящный туалетный столик служил для хранения косметики и драгоценностей (которых у меня больше не было), рядом находилась антикварная кожаная кушетка, которая выглядела так, словно её украли из спальни какого-нибудь герцога. Но всё вместе прекрасно сочеталось.

— Разве что-нибудь здесь может не нравиться? Ты это мне хотел показать?

Он покачал головой, и повёл меня сквозь массивную дверь в примыкающий кабинет. Внутри располагались стол, раскладушка, шкаф и несколько мониторов, воспроизводящих потоковое видео.

— Это комната-убежище?

— Точно.

На мониторах отображались все помещения дома.

— Здесь всё просматривается?

— Ещё одна скрытая камера расположена снаружи. — Она показывала идущих по улице парижан, большинство из них смотрели прямо в скрытый объектив. — Информацию с любой камеры я могу просматривать на своём телефоне. — Севастьян достал мобильник, запустил приложение и показал мне. — Так что, даже отлучившись, я смогу за тобой наблюдать.

Всегда за мной наблюдает.

— А записи ведутся? — невинно спросила я, но он понял направление моих мыслей.

— Если пожелаем. Или ты можешь просматривать трансляцию. — Он вернулся в

спальню и взял дистанционный пульт. За сдвинувшейся в сторону панелью оказался огромный встроенный в стену телевизор.

Очередное нажатие кнопки, и на телевизоре появилось чёткое изображение всей спальни. Камера, наверное, была спрятана за лепниной на противоположной стене.

Он снял пиджак, затем сел на кровать, спиной к изголовью.

— Разденься для меня. — Щелчок кнопкой пульта, и экран разделился пополам, теперь он показывал одновременно и спальню, и улицу. Как будто незнакомые прохожие заглядывали прямо в комнату. Его взгляд потемнел, — Разденься для них.

О, игра началась. Это был первый отдалённый намёк на что-то необычное с тех пор, как мы занялись сексом.

Я расстегнула заколку, и волосы рассыпались по плечам; его взгляд, казалось, провожал каждый локон.

Я неторопливо расстегнула блузку; рукой он начал растирать выступающий из брюк огромный бугор.

Сняв топ, я повернулась к нему спиной, расстёгивая молнию юбки. Мне сопровождал звук его молнии. Я могла наблюдать за ним в телевизоре: зажав член в кулаке, он не сводил взгляд с моей попки.

Боже, этот человек возбуждал меня сверх всякой меры. Мелькнула мысль, что он может всё это записывать. И я лишь сильнее возбуждалась. Вся стеснительность, которая во мне ещё оставалась, сгорела во время наших ночей, когда мы занимались любовью, под его пылающим взглядом, под его благоговейными ласками.

Этот мужчина любил моё тело и не скрывал этого. Так чего стесняться?

— Ты бы хотела, чтобы они тебя такой увидели? — спросил он, когда я выскользнула из юбки.

— Возможно. — Я сняла лифчик.

— Моя маленькая эксгибиционистка. — Всего лишь его хриплый голос — а мои соски уже напряглись. — Может, ты ещё и вуайеристка?

Учитывая мою тягу к порно, пришлось ответить:

— Бывают и такие совпадения.

— Оставь каблуки и чулки — я трахну тебя прямо так.

Я вздрогнула, потянувшись к стрингам — последнему предмету одежды, который он позволил снять.

— Повернись, чтобы я мог посмотреть на то, что принадлежит мне, — приказал он.

Как обычно, любой намёк на доминирование с его стороны повергал меня в трепет. Я медленно повернулась. Хотя он был полностью одет, я качнула перед ним голыми прелестями.

Казалось, зрелище его полностью захватило, брови крепко сошлись на переносице, губы приоткрылись. Смакуя его очевидное удовольствие, я выпрямила плечи и выпятила бедро.

— Нравится вид, Сибиряк?

— И всё это лишь для меня. Подойди.

Нахально усмехнувшись, я продефилировала к постели, и, забравшись туда, на коленях поползла к нему.

— Оседлай меня.

Я встала на колени по обе стороны от его бёдер и упёрлась руками в спинку кровати — таким образом, моя промежность оказалась прямо на уровне его глаз. Наши взгляды

встретились. Выражение его лица, когда он наклонился, чтобы лизнуть, заставило меня отвести взгляд. Я ахнула от того, как сильно его язык коснулся клитора.

Он вновь это сделал, глубже зарывшись лицом, и не скрывая того, что вдыхает мой запах. Я запустила пальцы в его густые чёрные волосы, толкнув бёдра вперёд к его чувственному рту.

Он лизал меня, пока мой бугорок болезненно не распух. Его рычание объединилось с моими стонами: он вкушал меня — влажно, громко — скользя языком и посасывая, так что между ног у меня промокло абсолютно всё.

Я чувствовала, как капелька моей влаги стекла по внутренней стороне бедра прямо на кружевную резинку чулка. Севастьян, издав рык, слизнул её, отправив меня тем самым в водоворот возбуждения.

Потом он вновь откинулся назад, приказав:

— Поиграй с сосками. Покатай их между пальцев.

Я занялась ими, а он раскрыл меня шире, начав ласкать капюшон клитора так, что у меня ноги задрожали, а в туфлях подвернулись пальцы ног.

— О, Боже, Севастьян, я близко.

Когда я была уже на вершине, он резко отстранился, запечатлев сладкий поцелуй. Я растерянно смотрела вниз.

— Но... ты не можешь остановиться.

— Только что остановился, зверёк. — Он уложил меня на спину, и я начала было протестовать... но тут же замолчала, когда он начал раздеваться. С одеждой он быстро расправился, не желая терять ни секунды.

Я смотрела на него, неотрывно следя за тем, как двигалось его тело — воплощение беспощадной твёрдости. Каждая впадинка и бугорок познали прикосновения моих губ. Рана от пули на руки практически зажила, превратившись в новый храбро заслуженный шрам.

Новая отметинка для моих поцелуев.

Вернувшись на кровать, он расположился у меня между ног, направляя зажатый в кулаке член в самую серединку влажных завитков. Он брал меня уже столько раз, но всё равно в момент проникновения я широко распахивала глаза. Он всегда помнил о своих размерах, но мой опыт составлял всего-то несколько дней.

— Ещё протесты? — спросил он, погружаясь в меня.

Я выгнулась, вздохнув:

— Теперь всё отлично.

Он начал двигаться, а я схватилась за спинку кровати. Его взгляд метнулся к моим рукам, потом к глазам, потом вновь вернулся к рукам. Когда я вытянула руки за головой, скрестив запястья, его веки отяжелели, и я почувствовала, как запульсировал внутри член.

— Не сдерживайся, Севастьян.

— Не сдерживаюсь.

— Разве ты не хочешь меня придавить? Перестань дарить мне удовольствие, отказывая в нём себе.

Он посмотрел на меня так, словно я лишилась ума.

— Думаешь, мне это не приносит удовольствие? Я едва сдерживаюсь, чтобы не кончить.

— Так прижми меня как следует — потому что это то, что мне нужно.

— Ты не знаешь, чего просишь, — он наклонился, чтобы меня поцеловать, угощая

собственным вкусом. Он гладил и гладил мои соски, затем проведя пальцами ниже к лобку. Его большой палец занялся моим клитором, пока я не застонала ему в рот.

Когда он, наконец, оторвался, чтобы вдохнуть, моя голова откинулась, взгляд был устремлён на экран телевизора. Я смотрела на него сверху, любуясь видом сильного тела, которое трудилось, чтобы усладить моё. Его спина блестела от пота, мышцы ягодиц двигались, когда он погружался в меня. Мне было видно, как его член исчезает в моей киске, как туго натягивается кожа мошонки.

Его грудь скользнула по моим соскам, и вдоль промежности потекла новая порция влаги. Обеими руками он обхватил половинки моей попки, удерживая на месте.

Только я подумала, чувствует ли и он эту влагу, как он сказал:

— Такая влажная. Моя женщина хочет, чтобы её оттрахали?

Я заметила, что он был склонен к разговорам во время секса и любил, когда я их поддерживала.

— Я хотела этого с того самого утра в машине. Не могла перестать думать, что ты сделаешь, если я нагнусь и отсосу тебе.

Его пальцы впились глубже, средний оказался в опасной близости от моей задней дырочки. Но это было *приятно*. Можно с лёгкостью использовать собственную смазку и проникнуть внутрь. Он сжал ладони сильнее, раскрывая меня, подступая ближе.

Когда я представила, как он осторожно исследует мою задницу, в то время, как его член орудует в моей киске, я выгнулась, чтобы там оказались его пальцы.

— Не надо, зверёк. Ты наводишь меня на определённые мысли.

В порно, которое я смотрела, анальные игры всегда выглядели возбуждающе. Только представив, как он меня подготавливает....

— Я уже говорила, что собираюсь когда-нибудь попробовать всё.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя в задницу? — прошипел он.

Когда он так об этом говорит? С таким вожделением в голосе?

— Давай!

— Это не для тебя, красавица. Я сделаю тебе больно.

Раньше я была *грязной* девчонкой. Или *жадной* девчонкой. А теперь та нежность, с которой он со мной обращался, просто сводила меня с ума.

Мне это надоело! Разочарование уничтожило остатки границ, которых, вообще-то, никогда и не было.

— Тогда я просто помечтаю, как ты нагибаешь меня на краю кровати... разводишь мои ноги и заставляешь приподнять попку, чтобы нанести смазку.

— А! — Он вдавил в меня бёдра, дёрнувшись всем телом ещё сильнее.

Такой несдержанный отклик меня просто потряс. Боже, как же сильно ему хотелось проделать всё это со мной — как же сильно и я этого хотела! Я уже решила, что заставлю его уступить. Как далеко я смогу зайти?

Грудным голосом я произнесла:

— Руки будут связаны у меня за спиной, рот заткнут. Ты прикажешь мне не шевелиться и расслабиться. — Теперь слова сами лились из меня. — Ты проникнешь в мою попку одним пальцем, расширяя меня для второго.

— Чёрт побери, женщина! — Новый резкий толчок. Мои слова заставляли нас обоих терять голову. Неужели этот боец, наконец-то, попался?

— Потом ты нанесёшь смазку на свой пульсирующий член, на эту толстую головку, не

оставляя мне никакого выбора, кроме подчинения.

Он тяжело дышал, вращая бёдрами.

— Внутри ты будешь охуенно тугой и очень горячей.

Обрадовавшись его ответу, я продолжала:

— Я буду нервничать, даже попытаюсь увернуться...

— И тогда я стану пороть эти идеальные округлости, пока ты не сдашься. Потому что ничто не удержит меня от погружения между них по самые яйца.

Я застонала, оказавшись так близко к оргазму, но не желая ничего прекращать.

— Ты начнёшь внутри меня двигаться... Я буду вне себя... потому что ты овладеешь мною всецело.

— Твои прекрасные стоны будут заглушены кляпом.

— О, Боже, о, Боже. — Его мокрые от пота бёдра тёрлись о внутреннюю сторону моих бёдер, волосы на его ногах касались моих икр, добавляя новых ощущений.

Я задыхалась, балансируя на краю, когда он сказал:

— Я закачаю в тебя свою горячую сперму, наполню тебя до краёв... чтобы ты никогда не забывала, кому принадлежишь...

Я взорвалась, выгибаясь на кровати. Вдавливаясь в него грудью, я впала в экстаз, сотрясаясь в конвульсиях.

Я всё ещё кончала, когда он выгнул спину, грудью возвышаясь надо мной. Мышцы на выпрямленных руках натянулись.

Вены на шее вздулись, а он продолжал так же толкаться бёдрами. Мощь его тела поражала, но он продолжал её сдерживать ради меня.

Кончая, он закричал:

— *Наталья!*

Его толстый член пульсировал, извергая в меня потоки спермы, наполняя до краёв.

Чтобы я никогда не забывала, кому принадлежу.

Упав на меня сверху, его тело продолжало сотрясаться — а меня будто снова перезагрузили.

Я едва могла шевелиться, думать. Так что просто водила кончиками пальцев вдоль его спины, пока он целовал мою шею.

Не знаю, сколько мы так лежали. Когда я вновь обрела способность мыслить, осознав, что произошло, то задумалась, как долго потребности Севастьяна смогут оставаться в узде? И если он не реализует свои самые тёмные желания со мной, то не уйдёт ли, в конечном итоге, к другой?

А я?

Я никогда не подозревала, что, испытав оргазм такой силы, буду разочарована. В ту первую ночь в самолёте Севастьян сказал мне "Ты не должна была быть такой".

Но я была.

У меня тоже были "особенные интересы". И сейчас мне было очевидно, насколько хорошо мы подходили друг другу. Когда-то он был мужчиной моей мечты, который хотел открыть мне глаза.

Сейчас он больше был похож на мираж...

Некоторое время спустя мы с Севастьяном лежали на боку лицом к лицу в полумраке комнаты. Сквозь открытую балконную дверь до нас доносились звуки пробуждающегося ночного Парижа. Местный повар приготовил изысканный ужин, который мы съели, не

вылезая из постели — между занятиями любовью.

Я потянулась, чтобы обвести татуировку на его груди.

— Севастьян, почему ты так со мной нежен?

Он пожал плечами.

— Мне нужен *словесный* ответ.

Что-то в моём голосе сказало ему, что я не шучу.

— Женщинам нравится, когда мужчины их холят и лелеют, разве нет?

— Ты уходишь от ответа.

— Ну, ладно. Ты *не хочешь*, чтобы я тебя баловал?

— В определённой степени. Но не постоянно. — Я поджала губы. — Это сложно объяснить. Я хочу, чтобы ты вёл себя так, как в первые три раза, когда мы были вместе. Я хочу, чтобы ты был самим собой.

— Что если настоящий я — такой, как сейчас?

— Я в это не верю, особенно теперь.

— Любовники фантазируют и говорят о том, что никогда не произойдёт наяву.

Чёрт, он ускользал.

— Зачем фантазировать, когда мы можем это осуществить?

Он пристально на меня посмотрел.

— Я никогда не сделаю тебе больно. А теперь сменим тему.

Меня накрыло волной разочарования — но потом я поняла, что он только что предоставил мне доступ.

— Новой темой будешь ты.

Он вздохнул.

— Я уже говорил, что мне сложно говорить о себе.

— Может быть потому, что ты никогда этого не делал. Я хочу тебя *узнать*, Севастьян. Так же, как и ты хочешь узнать меня. Разве я многого прошу, учитывая обстоятельства?

Он сглотнул. Этот человек кинулся под пули ради спасения моей жизни. Он бросился на Глеба и обеспечил наш побег. И при всём при этом его пугала перспектива мне открыться?

Как заставить его понять, что я не стану его осуждать, не убегу прочь, роняя тапки?

— Я — девушка широких взглядов, если ты не заметил. И мне бы хотелось, чтобы ты со мной поговорил, доверился бы мне.

— Зачем?

— Потому что у нас отношения. Их фундамент будет лишь упрочняться с каждым общим секретом. Давай начнём с безобидных вопросов. Если не захочешь отвечать, всегда можешь сказать "пас".

— Спрашивай, — мрачно согласился он.

— Какой у тебя любимый цвет?

— Раньше был синий. — Он намотал на палец мой локон. — Теперь — рыжий.

— Что ты любишь читать?

Не сводя глаз с намотанного локона, он ответил:

— Исторические материалы. Про женщин и межполовые отношения.

Умно.

— Ты сидел в тюрьме?

— Дважды. Оба раза короткое время. Пахан достаточно быстро меня вытаскивал. — На

его лице мелькнула тень утраты.

Я заставила себя продолжать.

— Эти татуировки на коленях... ты сам вор в законе? — Он отпустил мой локон.

— Да. — Без объяснений.

— Теперь ты глава синдиката Пахана?

— Зависит от... У меня недостаточно информации, чтобы ответить на этот вопрос. —

Он вновь начал закрываться.

— У тебя есть братья или сёстры?

— Нет.

— Другие оставшиеся в живых члены семьи? — спросила я.

— Нет.

— Какими были твои родители?

— Пас.

— Хотя о *чём-то* из прошлого ты можешь мне рассказать? Слушай, меня не интересует то, что ты делал по работе, но мне хочется узнать о твоём детстве.

— Почему это для тебя так важно?

— Я историк, Севастьян — и хочу узнать твою историю. — Я перешла к другому вопросу. — Когда ты узнал о своих *особенных интересах*?

Он снова пожал плечами.

— К нам это не относится.

— Не говори так, — пробормотала я. — Ты открыл для меня новый мир... — при этих словах он, почему-то, поморщился, — ...и я жажду узнать много нового. Я не могу отменить произошедшее, Севастьян.

— Поскольку ты будешь только со мной, тебе придётся.

Его стены сдвигались.

— Не отгораживайся от меня.

С невыразимой нежностью он приподнял пальцем мой подбородок:

— Я не могу отгородиться, если ещё ни разу не открылся.

Когда он встал, чтобы одеться, я поняла горькую правду: для Севастьяна открыть душу другому было равносильно восхождению на эшафот.

А это значило, что я влюблялась в человека, который никогда не будет эмоционально мне близок.

Угол, познакомься с Натали.

Давление.

Начиная с Берёзки, я всё время чувствовала давление. За последнюю неделю это чувство трансформировалось в нечто иное: в давление двух людей, которые жаждут друг друга, но более друг другу не подходят.

Сексуально он изменился, но эмоционально остался таким, как прежде. Я ощущала, что внутри него эмоции накапливаются так же, как и во мне. Положение становилось опасным.

Этим утром я снова осталась в доме одна. Пару часов назад Севастьян получил смс и мгновенно отбыл в неизвестном направлении. *Очередная непонятная встреча.*

Они случались у него каждый день, иногда дважды в день. Я заключила, что он удалённо решает вопросы, связанные с синдикатом.

В конце концов, предприятие с многомиллионным оборотом только что лишилось лидера, так что на плечи Севастьяна свалилась огромная ответственность. Я могла справиться с его длительным отсутствием, но эта скрытность раздражала.

Может быть, он пытался меня защитить? Ложь во спасение? Если так, то я не знала ничего. Как и в Берёзке, сейчас я была лишь сторонним наблюдателем...

Пару раз мы с ним посещали достопримечательности, но всё время его мысли были где-то далеко, а взгляд рыскал в поисках малейшей опасности. И всё равно Париж был великолепен, а я смогла осмотреть все места, отмеченные в моём путеводителе.

Я побывала на Эйфелевой башне, увидела Триумфальную арку, купила сувениров на Елисейских полях.

Несмотря на его уверенность в том, что уровень грозящей мне опасности с каждым днём продолжал снижаться, выходить одной из дома он мне не разрешал. Так что я торчала там, пока он отлучался, чтобы заняться делами, о которых он мне не рассказывал.

Когда я сообщила Севастьяну, что мне нужен новый мобильник, он купил его для меня.

Когда я сказала, что хочу прогуляться и купить новую одежду, он просто продублировал заказ на то, что было у меня в Берёзке: платья, косметику, обувь и, разумеется, нижнее бельё.

Он даже начал покупать мне драгоценности.

— Разве я не должна их оплатить? — спросила я.

Его плечи напряглись:

— Ты думаешь, я не смогу обеспечить свою женщину?

Несмотря на наличие горничной, повара, водителя-дворецкого-охранника, который был способен достать всё от противозачаточного пластыря до мороженого «Ле Чанки Манки», этот роскошный особняк оставался золотой клеткой.

Как обычно, я просматривала трансляцию с видеокамер, наблюдая за повседневной жизнью парижан. Комната-убежище была моей любимой. Наверное, мне нравилось подглядывать. Я придумывала истории об увиденных людях, составляя для них целые диалоги.

А, может, я уже просто сходила с ума.

Застонав, я уронила голову на руки. Я связана с тем, кто позволил мне взглянуть на мою истинную сущность только лишь для того, чтобы теперь её отрицать. С тем, кто никогда мне не доверится.

С тем, кого я до сих пор не знаю.

Мы оба переживали утрату — по отдельности — и, похоже, вели отдельные жизни. Если он был дома, то часто разговаривал по телефону с таинственным Максимом. Я слышала странные обрывки фраз "Защищай ценой собственной жизни" и "Она со мной".

Я облегчила душу, рассказав Джесс, как сильно мне не хватает Пахана, но Севастьян оставался единственным человеком, который действительно мог меня понять. Я даже рассказала ей про Филиппа. Её вывод: "Если он отравлял людям жизнь живой, то не прекратит это делать и после смерти. Я *запрещаю* тебе о нём думать. Тебе повезло, что ты осталась в живых".

Не повезло. Это заслуга Севастьяна.

Узнав, что мы с Севастьяном спим вместе, Джесс пришла в восторг.

— Ты лишилась своей бородавки! Жизнь открылась тебе с самой забавной стороны.

— С забавной? — Сейчас — не особенно. Если мы с Севастьяном намерены построить жизнеспособные отношения, нам придётся над ними поработать. Но всякий раз, когда я пыталась поговорить о его прошлом, его мыслях или, прости господи, о его чувствах, он сразу замыкался.

Никакой настоящей близости. Никакого прогресса.

Секс всякий раз доставлял удовольствие, но всё меньше и меньше меня удовлетворял. Он дико боялся сделать мне больно или оставить синяк, и я чувствовала, что ему от этих самоустановленных границ было так же досадно, как и мне.

Рано или поздно он найдёт ту, с кем можно будет реализовать свои затаённые мечты, если только я не соблазню его проделать это со мной. Севастьян сказал, что станет у меня последним; однако про себя он такого не обещал.

Теперь мне казалось, что обратный отсчёт начался уже у меня. Соблазнить, пока он не свалил.

Эмоционально замкнута, сексуально не удовлетворена. Оба наших препятствия становились всё выше и выше...

Встав из-за командного пульта, я прошла к кровати. Вытянувшись вдоль изголовья, я гадала, наблюдает ли он за мной и сейчас.

От этой мысли я вздрогнула. Может, стоит продемонстрировать, что он упускает, когда уходит от меня.

Один раз он уже видел, как я мастурбирую, но тогда я не могла оценить момент. А сейчас? Даже если он не смотрел, я могла бы притвориться, что он наблюдает. Бинго!

Взбудораженная, я сбросила туфли, чулки, блузку и юбку, оставшись в нижнем белье — в лифчике и трусиках из прозрачного материала телесного цвета.

Снова улегшись на спину, я медленно провела руками вдоль тела до груди, сведя обе половинки вместе и сильно сжав — так, как я знала, хотел бы сделать он.

Вздыхнув, я сняла бюстгальтер, раскрутив его на пальце и бросив в сторону камеры. Одной рукой я сильно ущипнула соски обнажённой груди; другая опустилась вдоль живота, прямо в прозрачные шёлковые трусики. Я не стала их снимать — потому что Севастьян всё равно мог видеть, как двигаются мои пальцы.

Рядом с кроватью зазвенел телефон.

Ухмыльнувшись в объектив камеры, я произнесла в трубку:

— Я сейчас немного занята, детка, через минутку перезвоню.

По звуку было похоже, что он находился в машине.

— Перестань немедленно, маленькая ведьма, — прорычал он по-русски. Чтобы не

понял водитель? — Я буду дома через пять минут — и ты меня *дождёшься*.

— А то *что*? — я упрямо гладила клитор, покачивая бёдрами. — Станешь мною кормить рыб?

— Не испытывай меня, зверёк.

Я нажала на громкую связь.

— Ты бросил меня одну дома. Чем ещё девушке заняться? — Я гладила себя. — Хочешь узнать, о чём я фантазировала? Как ты трахаешь меня до бесчувствия. — Очередное поглаживание. — Ооо. Стой-ка, больше ты так не делаешь.

— О чём ты?

— В самолёте ты сказал, что, едва на тебя взглянув, женщины понимают, что их жёстко оттрахают. Этого я не чувствую. — Гори!

Я продолжала себя гладить и слушала, как в трубке Севастьян скрежетал зубами.

— Натали, *не смей* кончать от своей руки.

— Это новый закон, что ли? Я пропустила в наших отношениях свод правил. Ладно тебе, подыграй, Севастьян. Спроси, потекла ли я? Нет? Придётся тебе показать.

Подняв колени к груди, я стянула трусики до лодыжек. Потом раскинула колени в стороны, давая Севастьяну полный обзор намокших завитков, которые я продолжала лениво поглаживать.

Он со свистом втянул воздух.

— Прекрати *немедленно*.

— А то накажешь меня? Если твоя доминирующая натура не может стерпеть такого неповиновения, то надо перестать за мной наблюдать.

— Я никогда не перестану за тобой наблюдать. С наблюдения всё и *началось*.

— Верно. Это уже второй раз, когда ты подсматриваешь за тем, как я мастурбирую, -

Поглаживание.

— Я не это имел в виду. Чёрт побери, женщина, ты ведь *не хочешь*, чтобы я потерял контроль.

— О, так ведь я хочу! — Похоже, пора начать игры на букву А. Хватит ли у меня смелости? Шутки кончились. — А если я сделаю... так? — Я встала перед камерой на четвереньки, открыв ему полный обзор. Трусики между разведённых лодыжек туго натянулись.

— Господи помилуй.

Его реакция и такая обнажённая уязвимость, выставленная *напоказ*, вскружила мне голову, тело бросило в жар, возбуждение будто выстрелило вперёд. Вероятно, я *была* эксгибиционисткой — от волнения кровь с новой скоростью хлынула по венам.

Игры кончились, мне отчаянно требовался оргазм.

Когда я стала насаживаться на собственные пальцы, он поперхнулся, затем на французском что-то резко приказал водителю. Наверное, ехать быстрее, потому что следом яростно зазвучал яростный клаксон.

— Ты и представить себе не можешь, что ты со мной делаешь.

Я совершенно отдалась наслаждению, не переставая скользить пальцами...

— Тогда погрузи для меня пальцы внутрь, — приказал он по-русски. — Будь моей умницей и трахни себя.

Вскрикнув, я передвинула указательный палец с клитора ко входу, изогнув его между губок; комнату по громкой связи заполнило его тяжёлое дыхание, ещё больше меня

возбуждая.

Когда я проникла внутрь и стала двигать пальцем, он прохрипел:

— Я тебя проучу.

Звонок оборвался.

Спустя пару секунд я услышала внизу его шаги, которые теперь звучали на лестнице. И впервые вдруг поняла...

Что должна бы испугаться.

Я убрала пальцы и обернулась. Приподнявшись на локтях, я смотрела, как он стоял на пороге, занимая собой весь дверной проём.

Выражение его лица заставило меня ахнуть. Неулыбчивые губы. Сексуальный голод в глазах.

Когда в брюках дёрнулась его выпирающая эрекция, капелькой смазки намочив ткань, я не смогла сдержать стон.

Он... словно был в смятении. Так же, как в тот раз, когда он наблюдал за мной в ванной. Он будто хотел съесть меня целиком, кусочек за кусочком.

С грацией хищника он направился к кровати, на ходу расстёгивая ремень — никогда ещё в его движениях я не видела такой угрозы.

Я замерла, когда он потянулся ко мне.

Обхватив мои бёдра, он уложил меня плашмя на живот, одновременно стянув свои брюки до колен. Он пронзил меня, словно зверь, одним резким грубым движением.

Я уже кончала, и его члену пришлось протискиваться сквозь мои сокращающиеся стенки, своим вторжением лишь усиливая разрядку.

— *О, Боже!*

— Тебе это было нужно? — Стиснув плечи, он дёрнул меня назад к себе, резко качнув бёдрами, загоняя член так глубоко, как никогда прежде.

Мой вскрик был заглушен его триумфальным рёвом, когда он начал меня трахать.

Его животная энергия пробуждала мою собственную, требуя нового оргазма, поддерживая и ещё больше разжигая внутренний огонь. Где-то глубоко во мне закипало какое-то новое, незнакомое чувство, пока мои когти вонзались в его бёдра, понукая к большему.

В этой позе все мои органы чувств были перегружены. Шлёпающий звук наших тел. Резкое подпрыгивание груди. То, как с каждым движением бёдер его мошонка билась о мой влажный клитор.

Он прорычал:

— Это... — толчок — ...для тебя... — мощный толчок — ...достаточно грубо? — *отчаянный* толчок.

В этот последний момент я клацнула зубами, не удержавшись на прямых руках. Я уткнулась лицом в кровать, задрвав попку, способная лишь принимать его беспощадный натиск.

Мысль о том, как он, словно игрушку, станет использовать моё безвольное тело, приблизила новый оргазм, вскипающий внутри.

Я непрерывно повторяла его имя, слегка страшась надвигающейся разрядки. Давление нарастало и нарастало... Я вновь удивилась, где же этому предел?

— Ты этого хотела? Жёсткой ебли? — проронил он, вгоняя в меня член. — Ну, покажи, как тебе это нравится! Снова кончи, зверёк... на моём разбухшем члене.

Он приказал — я подчинилась.

Моя киска сжалась вокруг его толщины, спазмы охватили каждую мышцу. Когда плотину прорвало, и мой разум осознал мощь прилива, я издала дикий крик.

Я кричала и кричала. До тех пор, пока к моим крикам не присоединилось его рычание.

Его жар затопил меня, его бёдра шлёпнули мою попку в финальном рывке.

Головокружение. Вспомнить, как дышать. Счастливо собрать себя по кусочкам.

Он рухнул сверху, бормоча моё имя, зарываясь носом в волосы. Его губы целовали мой затылок, сдувая выступившую там испарину.

Но потом он вдруг напрягся, словно пробудившись ото сна. С проклятием выйдя из меня, он слез с кровати. Мало-помалу я приподнялась, чтобы сесть.

— Я не этого хотел. — Он натянул штаны.

Севастьян вёл себя так, словно мы сделали что-то плохое — тогда как на самом деле это было восхитительно, идеально и бесподобно.

Он выставил в мою сторону палец в обвиняющем жесте.

— Ты давишь и давишь. И не знаешь, на что меня провоцируешь.

Я откинула волосы со лба:

— Но я *хочу* узнать!

Когда он ничего не ответил, я встала, чтобы набросить халат. Пора взять быка за рога. Затягивая пояс, я сказала:

— Севастьян, так дальше не может продолжаться.

— О чем ты говоришь?

— Меня не устраивают ни наши отношения, ни наш секс...

— Ты шутишь? Я заставляю тебя кричать от оргазма. Тебе этого мало?

— Мне надо изучить то, что ты показал мне тогда. В самолёте ты сказал, что я не должна быть такой, но я именно *такая*.

Он замер.

— Ты не знаешь, кто ты на самом деле. Тебе двадцать четыре, и раньше у тебя никогда не было любовников.

— Именно ты сказал, что мне это нравится, и я в этом нуждаюсь. Ты был прав! Я живая женщина с *горячей* кровью — а не фарфоровая кукла. Так почему ты со мной — другой?

— Ты под моей защитой. Ты — моя. — Просто ответил он.

— Пожалуйста, скажи, что это не ситуация типа "богиня или блядь", когда ты либо возводишь меня на пьедестал, либо считаешь шлюхой.

Он пожал плечами. Не отрицает. *Ох, блин.* Я сжала руками виски. *Нет-нет-нет, он не может так думать.* Потому что я знала, что такие убеждения — не лечатся. Не так, как сломанные часы. Ни с помощью моей милой любви. Ни со всей магией моей вагины. Ни надвигающимся океаном слёз.

— Слушай, никто из нас не получает того, ради чего пошли на сделку. Может, стоит подумать о том, не сделать ли нам перерыв друг от друга?

Он резко обернулся. Выражение его лица заставило меня сделать шаг назад.

— Ты принадлежишь мне. *Никаких перерывов.* — Одним движением он смахнул с туалетного столика всю косметику и безделушки.

Я уже была готова кинуться в комнату-убежище, но потом вспомнила, что, несмотря на все недостатки, этот мужчина никогда не сделает мне больно. Не обращая внимания на его стиснутые кулаки, я воскликнула:

— Тогда помоги мне!

Он, словно задыхаясь, схватился за горло.

— Эта жажда во мне — словно воющий зверь. Мне нужно делать это с тобой. Контролировать, приказывать, наказывать. *Чтобы свести тебя с ума.* — Пальцы вонзились

в волосы. — Раньше я баловался этим, но никогда не чувствовал, что не смогу без этого жить.

Но сейчас, с тобой...

— Что сейчас?

— Будто внутри меня сидит болезнь, с которой я борюсь и борюсь, но знаю, что никогда не смогу выздороветь. — С каждым словом его голос звенел всё громче. — А теперь и ты меня вынуждаешь? — заорал он. — Ты меня просто без ножа режешь!

Я проорала в ответ:

— Перестань сопротивляться! — Шагнув к нему, я обхватила его лицо. Встав на цыпочки, встретила с ним взглядом. — Я здесь, Севастьян. Я готова, я хочу этого. *Ты мне нужен.* — Я влюбляюсь.

Почему-то последнюю фразу вслух я не произнесла. Может, не ждала, что он ответит взаимностью. Он говорил об обладании, контроле и владении мной. Говорил об одержимости. Но ни разу — о любви.

— Зачем сопротивляться тому, что нужно нам обоим?

С пугающей нежностью он отстранил мои руки, потом подошёл к столу в убежище.

Из ящичка с двойным дном, о котором я раньше не подозревала, он достал конверт. Вернувшись ко мне, он сунул мне его в руки.

— Не ты одна получила письмо.

Сторая от любопытства, я открыла конверт. Мой отец и ему оставил прощальное письмо? Лист бумаги был измят. Сколько раз Севастьян его перечитывал? И захочет ли он прочесть и моё письмо, по-прежнему спрятанное в чемодане?

Я читала строчки, а мои глаза округлялись:

Она драгоценна, Алексей, обращайся с ней, как с сокровищем, а самое главное — уважай... Жизнь моей Натали теперь в твоих руках... Хрупкую девушку вырвали из привычной и спокойной жизни, насильно толкнув в наш опасный мир. Нет ничего важнее её счастья и защиты...

О, Господи Боже. Мне всё стало ясно, и я взглянула на Севастьяна.

— Поэтому ты нас отвергаешь?

Его спаситель, человек, которого, как ему казалось, он подвёл, наставник, годами указывающий ему правильный путь — оставил своему преданному солдату последние инструкции.

— Севастьян, я уважаю волю Пахана. Правда. Но к тому, что происходит между нами, это письмо не имеет никакого отношения. — Я протянула ему листок.

Он стиснул его дрожащей рукой.

— Как ты можешь так говорить.

— Мы должны сами выбрать свой путь.

— Это письмо напомнило мне о том, кто ты. А потом, сразу после того, как я впервые его прочёл, я увидел твои синяки. Я тогда ведь даже *не собирался* тебя наказывать, не так, как представлял в своих извращённых фантазиях.

— Севастьян, погоди...

— Он был твоим отцом. Он был... моим отцом. Он ждал, что с тобой я буду обращаться, как с сокровищем. Он не знал об этой части моей жизни. Скрывать это дорогого стоило. Узнай он об этом, он бы никогда меня к тебе не подпустил.

— Ты ведёшь себя так, словно такой стиль жизни — порочный и грязный. Словно этим

занимаются только больные. — Он приподнял брови: *Базара нет!*

— Необязательно быть больным, чтобы любить что-то погорячее. Посмотри на меня. Моё воспитание было самым что ни на есть идиллическим, но перестать думать об этом с тобой я не могу. — Я видела, что он непоколебим. — Тебе сказали сделать меня счастливой. Так вот сейчас я крайне далека от этого.

Казалось, он едва не поморщился.

— Видимо, это означает, что я должен преуспеть, по крайней мере, в вопросах твоей защиты. Не хочу, чтобы моё прошлое на тебя влияло.

— Влияло? Потому что я вся такая приличная? Жаль разочаровывать тебя, но в эту сторону я давно склонялась. Неужели ты думаешь, что заказывая по интернету свой "арсенал" я не рассматривала на этих сайтах и другие страницы — с плетёной чёрной кожей и блестящими серебряными цепями? Мне и тогда было любопытно.

Впервые на его лице мелькнуло сомнение. Надежда?

Я тут же этим воспользовалась.

— Вот именно. Может, подсознательно ты ощущал это во мне с самого начала.

Он сильно помотал головой.

— Этого не может быть. Я не собираюсь больше это обсуждать...

— Заткнись и слушай меня! Я стараюсь ради нас, а ты даже шаг навстречу не можешь сделать. Ты считаешь меня идиоткой?

— Нет! О чём ты?

— То, что ты назвал болезнью... ты не сможешь вечно её подавлять. В последний раз, когда ты не получил от меня того, чего хотел, ты уже угрожал уйти к другой женщине. Раз ты не воспринимаешь меня как партнёра, рано или поздно ты реализуешь свои потребности с другой.

Резко качнув головой, он схватил мои руки, пытаясь что-то сказать, но я его оборвала:

— А ты не думал, что я тоже могу уйти к другому мужчине?

Он быстро отпустил меня, растопырив пальцы, словно отбрасывая живую бомбу. Грязно выругавшись, он повернулся к двери.

На выходе мой боец пробил в стене дыру.

Оставшись в одиночестве, всё ещё злая, я оделась, затем поклевала кое-какой обнаруженной в холодильнике еды. После я позвонила Джесс — у которой было похмелье и отсутствие возможности вести разговор. Так что я уселась в убежище, чтобы тупо разглядывать пешеходов.

Но, откровенно говоря, всё это время я, как влюблённая дурочка, ждала возвращения Севастьяна. Что если он отправился к другой? Что если он порет её прямо сейчас, подчиняя своим властным голосом и неотразимым телом?

Глаза наполнились слезами. Я смогу простить всё, кроме измены, не теперь, когда я чуть ли не умоляла его не поступать так...

Увидев, что Севастьян вернулся, я подпрыгнула на стуле. Моргая сквозь слёзы, я смотрела, как он входит на кухню с большой коробкой в подарочной упаковке.

Он выбирал мне подарок? Мои эмоции вдруг завертелись в противоположном направлении. Вбалмошность. Восторг.

Будто зная, что я за ним наблюдаю, он, опуская коробку на стол, смотрел точно в камеру. Его взгляд был полон предостережения и отчасти... грусти. Потом он снова ушёл. Куда он отправился и зачем оставил коробку? Это оливковая ветвь или прощальный

подарок?

Подбежав к лестнице, я слетела по ступенькам к кухне. Сорвав упаковку, в коробке я обнаружила изумрудно-зелёное, расшитое камнями длинное вечернее платье. Бельё прилагалось: открытое чёрное сатиновое бюстье и соответствующие стринги. Ансамбль довершали чулки и туфли на шпильках.

Там же обнаружился и длинный бархатный футляр с изумрудными серёжками и подвеской.

Я сглотнула. К чему всё это? Поискала внутри карточку и быстро выхватила её. Пока я читала написанные им строчки, моё возбуждение поутихло, в животе что-то скрутило.

Сегодня в девять. Будь осторожна со своими желаниями.

С.

Высокую причёску я закончила сооружать почти в девять, затем окинула себя взглядом в большом зеркале. Платье было уникальным — не больше и не меньше. Асимметричная вышивка необычна, фасон заставлял ткань струиться вдоль тела, притягивая взгляд к высокому разрезу на правой ноге, к движению бедёр и, наконец, к груди, которая была практически выставлена напоказ.

Сначала мне даже показалось, что платье мало, но потом я поняла, что грудь именно так и должна выпирать наружу. Подаренная им подвеска покоилась точно посередине.

Образ требовал макияжа, так что я воспользовалась помадой, тушью и даже мерцающими тенями, чтобы подчеркнуть цвет глаз. Щёлкнув селфи, я отправила фото Джесс. Та объявила меня *горячей штучкой*. А себя — *сомневающейся гетеросексуалкой*, которая *крайне заинтересована* в весёлом времяпрепровождении с жизнерадостными рыженькими девчонками.

И всё же, впервые надев что-то подобное, я чувствовала неуверенность, размышляя о предстоящем выходе. Правда я и понятия не имела, куда Севастьян собрался меня отвести, и вообще, пойдём ли мы куда-то. Мой наряд мог быть частью его фантазий.

Нервничала ли я? Да, чёрт возьми. Записка в коробке меня смутила. Но потом я напомнила себе, чего именно я хотела: исследовать наши самые сокровенные желания — вместе.

Так, что — я в *игре*.

К тому же, его уступка свидетельствовала о том, что он *пытался* сделать меня счастливой. Я решила, что любой способ, который он выбрал в качестве совместной терапии, тимбилдинга для двоих...

В дверном проёме нашей комнаты показался Севастьян. Я резко втянула воздух при виде его сногшибательной внешности.

На нём был традиционный смокинг, сшитый, очевидно, на заказ. Костюм безупречно подчёркивал его широкие плечи и мускулистую грудь. Материал выглядел *дорогим*, но покррой оставался *консервативным*.

Скромные аксессуары: запонки без камней, кусочек тёмного шёлка с едва заметным орнаментом в кармане и классический галстук — завершали захватывающий ансамбль.

Чисто выбритые скулы заставили мои руки зачесаться от желания погладить эти точёные контуры.

В этот вечер он оставил лишь один перстень — на большом пальце. Вместе с татуировками он смело контрастировал с элегантностью остального образа.

Даже в смокинге он оставался моим уличным бойцом. Этот мужчина готовился стать моим, он делал шаги — порой странные и загадочные — чтобы укрепить наши отношения.

Может, со временем, и он почувствует ко мне что-то более глубокое.

Разглядывая меня так же жадно, как и я разглядывала его, он пробормотал:

— Предвкушение тебе идёт. — Он отступил, чтобы окинуть меня взглядом с ног до головы. — *Ya potryasyon*.

— Могу сказать то же самое.

— Идём. — Когда он положил руку мне на бедро, чтобы проводить меня вниз, я ощутила жар его ладони даже сквозь вышивку платья. Он нервничает? Или всего лишь

пребывает в нетерпении?

— Кстати, куда мы идём?

— Сначала поужинаем.

Значит, мы выйдем из дома, а я выгляжу, как Джессика Рэбит. Ну, ладно. Смотрите на меня, любуйтесь мной, придурки.

— Терпение, — пробормотал он, ущипнув моё бедро.

Он помог мне накинуть на плечи новый роскошный палантин — *опять мех, Сибиряк?* — затем усадил в ожидающий нас лимузин. Когда машина тронулась, между мной и Севастьяном разлилось напряжение. Я и понятия не имела, о чём он думает, что он чувствует. Но когда я чуть поправила платье, сверкнув в разрезе краешком чулка, он выдохнул сквозь приоткрытые губы.

Мы направлялись в дорогой ресторан под названием "Плезир". Но даже посетители подобного заведения, облаченные в самую дорогую одежду, при нашем появлении замерли, уставившись на Севастьяна, их вилки с едой остановились в воздухе. Они даже и меня разглядывали.

Девушка из Небраски неплохо отмылась. Чувствуя себя немножко увереннее, я расправила плечи и вздёрнула подбородок, что, кажется, порадовало Севастьяна.

Ужин — за самым лучшим столиком в ресторане — представлял собой лёгкий чувственный набор блюд. Лобстер, сочные фрукты, вкуснейшие трюфели, пти-фуры. Вино было настолько изысканным, что я не, переставая, облизывала губы.

Севастьян заказал водку со льдом, но к напитку не притронулся.

Я уже достаточно захмелела, чтобы спросить:

— Если не пьёшь, то зачем заказываешь?

Он выдохнул сдерживаемый воздух, словно знал, что рано или поздно этот вопрос всплывёт.

— Мой отец был алкоголиком. Я не хочу стать таким же, — сказал он, очевидно преуменьшая действительность. — Но в России...

— Очень много вещей связаны с выпивкой?

— Именно. Наверное, не хочу проверять свою выдержку.

Он хоть в чём-то мне признался! Я была тронута. Мы двигались в правильном направлении. Внезапно его комментарий об иронии относительно поставок дешёвой водки обрёл смысл.

— Твоё отец ещё жив?

— *Нет.* — Твёрдое нет. — Я бы не хотел это обсуждать. — Смягчившись, он добавил. — Только не этим вечером.

— Что ж, честно. Так... хоть намекни, куда мы дальше отправимся?

— Скоро увидишь.

— Ладно, Сибиряк. — Сдерживая любопытство, я вновь отпила вина/амброзии, улыбаясь поверх бокала.

— Ты... счастлива со мной. — В его словах сквозило удивление.

— Очень.

— Потому что ты думаешь, что переиграла меня, что я капитулировал.

Я поставила бокал.

— Не всё является игрой, Севастьян. Может, я хочу, чтобы мы *оба* выиграли.

— Тогда почему ты так мною довольна?

— Потому что ты прислушался ко мне. Ты принял то, что мне нужно нечто от наших отношений, и я верю, что ты собираешься каким-то образом сегодня дать мне это. Ты стараешься, и это даёт мне надежду относительно нашего будущего.

— Тогда как раньше у тебя были одни лишь сомнения? — В его глазах мелькнул опасный огонёк.

— Севастьян, мои сомнения контролируешь ты. Всё в твоих руках.

— Когда ты так об этом говоришь, всё звучит очень просто. Но будь уверена, что сегодняшний вечер для меня далеко не прост.

И всё равно он собирался это сделать.

— Я понимаю.

Он нахмурился.

— Ты многого ждёшь от меня. Во многих сферах наших жизней. Но, может быть, я не... понимаю всех нужд молодой девушки.

Что за странная фраза? Но потом я вспомнила, что, помимо секса, другого опыта с женщинами у него почти не было. Он никогда не был в отношениях, не имел сестёр и потерял мать в тринадцать — а то и раньше.

Знал ли он женское тело? Все судьи — десять баллов. А её душу? Не особенно.

— С этого момента я буду прямо говорить о своих желаниях — ну, знаешь, постараюсь не быть такой уж стеснительной и нежной фиалкой.

Выражение его лица сменилось восхищением, словно я опять была существом, не виденным им доселе.

Так мы и смотрели друг на друга, пока я пыталась представить, о чём он думает. Пытался ли он разгадать мои мысли?

Он отвёл взгляд, чтобы посмотреть на часы, затем махнул официанту. Севастьян что-то сказал ему по-французски, и тот быстро вернулся с моим палантином и маленькой коробочкой, которую я раньше не видела.

Я повернулась к выходу, но Севастьян взял меня за руку.

— Сюда. — С коробкой в руке он повёл меня вглубь ресторана, прямо мимо других столиков... потом сквозь заднюю дверь на мощёную аллею.

— Что-то не так? — прошептала я. — Ты заметил угрозу? Ну, держите меня, если какой-то бандит-головорез задумал испортить мне этот вечер...

— Нет. Мы идём в следующий пункт маршрута, — сказал он с оттенком таинственности в голосе.

— О. — Внутри вновь разгорелось приятное волнение. — Что в коробке?

Он оглянулся по сторонам.

— Думаю, теперь ты можешь посмотреть, — сказал он, вручая коробочку мне.

Улыбнувшись, я открыла её, обнаружив внутри самую изящную в мире маску. Ткань была глубокого зелёного оттенка и гармонировала с моим платьем, края были декорированы, похоже, настоящими изумрудами.

Боковые края были вырезаны в виде крыльев бабочки. Под отверстиями для глаз материал причудливо сворачивался в виде суживающегося крыла.

— Это великолепно, Севастьян! — я с готовностью повернулась к нему спиной, когда он собрался надеть маску на меня. — Это для маскарада? — В последней книжке из коллекции Джесс, которую я прочла (исторический роман от автора со странным именем) как раз описывался костюмированный бал куртизанок. Героиня-француженка и герой-

шотландец принимали в нём участие, со всеми вытекающими из этого шалостями. — Мы идём на маскарад?

— Типа того, — буркнул Севастьян.

Но прежде, чем я успела спросить его, к чему этот странный тон, он уже завязал на мне маску и развернул меня лицом к себе.

— Ты несравненна, — от торжественности в его голосе я покраснела.

Разве можно не влюбиться в такого мужчину? Я-то уж точно не устою.

Затем он достал из кармана пальто и надел шёлковое чёрное домино. Мой разум... на мгновенье... помутился.

А когда вновь обрёл способность соображать, в нём закрутился сразу клубок мыслей.

Сексуальный. Дикий. Обжигающий. Спонтанный оргазм.

Сексуальнее он выглядеть не мог.

— Пойдём.

Он увлёк меня вперёд, а я продолжала время от времени бросать взгляд на его лицо.

— Уже недалеко, зверёк.

Меня снедало любопытство, пока мы шли по туманной аллее в сопровождении эха моих каблучков.

— Здесь. — Он остановился перед металлическими воротами, словно явившимися из времён средневековья.

— А что там?

— Конечный пункт назначения. — Повернув рычаг и открыв ворота, он завёл меня в сырой туннель. Где-то в глубине горел факел.

— Э, мы туда пойдём?

— Передумала?

Я сама этого просила. С этим мужчиной я приготовилась к свободному падению.

— Так просто ты меня не смутишь, Сибиряк.

На его лице мелькнула тень удивления? Неужели он думал, что я отступлю? Или надеялся на это?

— *Намекни* хотя бы, куда мы идём.

— Я уже был здесь раньше.

Пока мы шли по туннелю, я поняла, что дорога спускается под город. Я читала о катакомбах под Парижем и мне ужасно хотелось как следует всё рассмотреть, но Севастьян увлекал меня вперёд.

Впереди оказалось полукруглое помещение, также освещённое факелами. В центре журчал фонтан, в воде отражались язычки пламени. Отблески огня скользили по стенам, освещая мозаику. Она изображала совокупляющихся дев и похотливых сатиров, дрожащее пламя создавало иллюзию движения, сатиры будто бы совершали *фрикции*.

Рядом со входом на блестящей медной табличке значилось четыре слова:

ЛЕ ЛИБЕРТИН ЧАСТНЫЙ КЛУБ

Я пробормотала:

— Это что, какой-то... секс-клуб? — Разве *секс-клуб* — это не синоним *свингер-клуба*?

Моё сердце упало. Мысль о том, что я буду его с кем-то делить — или будут делить меня — заставила меня замереть на месте.

— Нервы сдают? — спросил он, ощутив моё напряжение.

— Я не хочу, чтобы кто-либо из нас был с кем-то ещё.

Под одним из факелов он прислонил меня спиной к стене. Блики огня освещали его лицо, глаза за маской были цвета расплавленного золота.

— Ты — *моя* женщина. Моя. А я очень рано научился не делиться тем, что принадлежит мне. Неужели ты думаешь, я позволю хоть кому-то к тебе прикоснуться?

Я вздёрнула подбородок.

— Я тоже не собираюсь тебя делить.

Это его порадовало.

— Значит, договорились. Ещё условия?

По-моему, он развлекался, так что я закатила глаза, проворчав:

— Веди меня в этот чёртов клуб, пока я не сдохла от любопытства.

Внутри нас поприветствовала женщина за большой стойкой. Она также была в длинном вечернем платье. И хоть маска совы, которую она носила, скрывала некоторые её черты, но оливковая кожа, изящная фигурка и блестящие глаза поражали.

— Добро пожаловать, — произнесла она с сильным французским акцентом, помогая мне снять палантин. Убрав его, она обратилась к Севастьяну:

— Ваш отдельный номер вон там, мсьё Эс.

Сколько раз Севастьян здесь был?

Он сказал ей что-то по-французски, затем подтолкнул меня вперёд, собственническим жестом положив руку на бедро. Мы следовали за ней по галерее и всё отчётливее слышали звуки классической музыки. Мы достигли двойных дверей, по обеим сторонам от которых стояли одетые в ливрею лакеи, бесстрастно впустившие нас внутрь.

За дверями оказалась ослепительная бальная зала с уходящим ввысь потолком, полная нарядных людей.

Мы больше не в Корн Белт, друзья.

Воздух наполняли ароматы гигантских цветочных букетов. Стены были увешаны богатыми гобеленами с новыми чувственными сценами. Огромная лестница была уставлена статуями Венеры, которые выглядели так, будто их позаимствовали в музее. Дорогу освещали живые статуи с позолоченной кожей и канделябрами в руках.

Декадентский бархат, кипы шёлка и залитое светом свечей великолепие — всё это заставило чувствовать меня героиней фильма, действие которого происходило в конце девятнадцатого века. Я, наконец-то, обрела возможность говорить и пробормотала:

— Сколько лет этому месту?

— Несколько веков.

С таким же успехом вместо этих слов он мог впрыснуть в меня адреналин. Ах, *история* — я вдыхала её. Намереваясь рассмотреть каждую деталь, я завертела головой по сторонам.

Пока мы шли сквозь толпу очаровательных гостей, я поняла, что никто тут не делал ничего пошлого или непристойного. Они пили, смеялись, флиртовали, но ничем не отличались от завсегдатаев обычного клуба.

Мне казалось, или нас все разглядывали? Севастьяна это начало раздражать.

— В чём дело? — спросила я.

— Они думают, что ты свободна. Что ты не принадлежишь мне.

— Почему?

— Потому что на тебе нет ошейника.

Надеть ошейник и держать на привязи.

— Мм, это круто — в плохом смысле.

Но ладно, ведь это же всё понарошку, всего лишь фантазии и шёлковый декаданс, верно? Заметив, что многие женщины действительно щеголяли в ошейниках, я спросила притворно-дерзко:

— И почему же на мне нет ошейника?

Его ответ был серьёзен:

— Ты не заслужила его. — В тот момент, когда я собиралась вспыхнуть, он добавил: А я не заслужил права надеть его на тебя. — За его маской, казалось, происходила внутренняя борьба.

Перед нами вдруг возник подтянутый мужчина средних лет. На нём была маска слона с огромным хоботом. *Тонкий намёк, дружочек, ооочень тонкий.* Он начал что-то говорить, но Севастьян послал ему один из своих фирменных убийственных взглядов — от которых людей обычно трясло.

Больше мы его не видели.

Женщина-сова ждала нас около огромной лестницы. Мы поднялись за ней на второй этаж, затем прошли в холл, освещённый газовыми лампами.

— Куда мы идём, Сибиряк?

— Терпение, — ответил он мне в тон.

Не самая сильная моя черта. В конце концов, нетерпение — это сестра любопытства.

Мне в голову вдруг пришла одна мысль.

— Почему ты выбрал мне маску бабочки? — Среди всех живых существ.

— Думаешь, была причина?

— Я поняла, что без причины ты не делаешь ничего.

— Может, и была...

— Вот мы и пришли, — объявила женщина, остановившись перед никак не обозначенной дверью. Она открыла её, и мы вошли. Свечи в богато украшенной люстре создавали приглушённый свет. В центре комнаты располагалась широкая кушетка, обитая роскошной тканью. Старинные кресла и столики образовывали сбоку отдельную зону отдыха; с другой стороны была установлена медная ванна. Всю стену закрывал бархатный театральный занавес.

Воздух был тёплым и пах свечным воском и... новизной. Что было странно, учитывая винтажные предметы обстановки.

Ещё пахло кожей.

Женщина открыла приготовленную бутылку охлаждённого шампанского, наполнила два высоких бокала и удалилась. Напоследок в дверях она мне понимающе подмигнула. Что она знала такого, чего не знала я?

Что поезд сходит с рельс? Или как здесь на самом деле глубоко?

Спокойно, Натали. Я доверила этому мужчине свою защиту, удовольствие и возможность стать тем, кем мне нужно. Он кивнул в сторону кушетки:

— Садись.

Я села, заметив, что оказалась лицом к театральному занавесу. Мы будем смотреть фильм? Непростойную пьесу? Мы даже не насладились маскарадом, разочарованно

подумала я. В книжках на балу остаются хотя бы до полуночи, а не приезжают на какие-то десять минут.

Теперь, когда мои глаза привыкли к полумраку, я разглядела покрытые тканью предметы, расставленные по комнате — это могло быть всё, что угодно. Но у меня были идеи на этот счет. Мысли обратились ко всем поглощённым мною БДСМ-видео, изученным инструкциям, к тому журналу, который я ему показывала. Это был столб, или скамья для порки, или качели? Свяжет ли меня Севастьян, чтобы наказать?

Отчасти такая перспектива пугала. Но я была достаточно женщиной, чтобы признать, что от этой мысли я потекла. *Смирись с этим, смирись.*

Когда он подсел ко мне, я спросила:

— Что это за комната?

— Она наша. Одна из немногих доступных для покупки.

Наша?

— Как давно ты её купил?

— Примерно девять часов назад. Её отремонтировали и обставили по моему запросу.

После нашей утренней ссоры? Это объясняет, откуда здесь запах новизны. Я могла лишь догадываться, какие деньги были выброшены для того, чтобы всё подготовить в срок.

Со столика рядом с кушеткой он взял пульт дистанционного управления.

— Ты сказала, что хотела бы лучше узнать Париж. Вот его другая сторона.

Он нажал на кнопку. Занавес начал подниматься, открывая стеклянную стену.

За стеклом было... было...

Когда я поняла, что именно вижу, я выдохнула:

— О. Мой. Бог.

Рука Севастьяна подхватила мой бокал как раз перед тем, как он почти упал на пол.

Когда я чуть оправилась от шока, то смогла, наконец, осознать, что именно происходит в комнате за стеклянной стеной.

Севастьян привёл меня в этот частный клуб, чтобы показать... оргию.

Которая была *в самом разгаре*.

Там находилось около трех десятков участников, очень привлекательных. Они все располагались в центре круглой арены, как в цирке, окруженные различными приспособлениями.

Мужчины и женщины в масках были привязаны к крестообразным конструкциям, заперты в колодках или свешивались с потолка на цепях. Одна женщина была привязана к чему-то, что по форме напоминало анатомический массажный стол. Ещё несколько мужчин и женщин оказались перегнуты через алые винтажные кресла. Сильные руки сжимали разведённые лодыжки.

Как только я пришла в себя настолько, чтобы шевелиться, мои руки взметнулись к маске.

— Они видят, что мы за ними наблюдаем?

— Внутрь они заглянуть не смогут, — заверил меня Севастьян. — Они видят лишь зеркало, пока мы не нажмём на пульте кнопку. И, Натали, они полностью осознают, что за ними наблюдают.

Тогда я попала в настоящий рай вуайериста.

— О-фи-геть.

— Действительно.

Голая женщина была подвешена к трапеции, её попка лежала как раз на перекладине, стопы покоились по обеим сторонам. Трапеция находилась на уровне рта парня, зарывающегося лицом в её промежность, в то время как другой загорелый мужчина медленно обрабатывал его сзади.

Голыми были не все. Некоторые носили кожаные аксессуары. Некоторые — бельё тонкой работы: корсеты с блёстками, замысловатые подвязки и полосатые чулки, будто прямиком из *Мулен Руж*. Один парень весь был затянут в какое-то подобие вакуумного пакета, из которого только и торчали трубка для дыхания и его эрекция — последней сразу же занялась сексапильная красотка.

Мне хотелось рассмотреть каждую деталь, каждое действие на арене. Казалось, все сцены из моих эротических фантазий разворачиваются наяву. Лучше бы у меня было десять пар глаз! Или возможность всё заснять на видео.

Каждый удар по выставленным напоказ грудям отдавался у меня под бюстом. Когда женщина на трапеции закричала, приближаясь к экстазу, начав толкаться в лижущий её рот, мои трусики уже намокли.

Не отводя от сцены глаз, я спросила:

— Тут есть ещё такие же комнаты? — Я заметила, что все окружающие оргию стены были зеркальными.

— Всего таких шесть.

— Ты сказал, что был здесь уже раньше. То есть ты был там, внизу?

— Иногда.

Ещё одну женщину привязали к огромной бочке. Мужчины по очереди пользовались её ртом, в то время как другие её вылизывали. Казалось, ей всё было мало.

Бывал ли среди этих мужчин и Севастьян?

Как только во мне вспыхнула ревность, он усадил меня к себе на колени, приподняв пальцем подбородок, чтобы наши взгляды встретились.

— И я жаждал оказаться там, где нахожусь сейчас. Со своей собственной женщиной. Готов держать пари, что большинство из тех, что на арене, позавидовали бы нам.

— Всем этим красоткам ты предпочитаешь единственную женщину? — Ближайшая к нам с фигурой фотомодели стояла на четвереньках между двух мужчин — член одного из них занимал её рот, другой — двигался в промежности. Они просто дух из неё вышибали — к её вящему восторгу.

— Если речь идёт о тебе, то да, — ответил Севастьян.

Мило.

— Ты бы хотел, чтобы *мы* оказались внизу?

— Я уже говорил. Я очень рано научился не делиться. Никто не притронется к тому, что принадлежит мне. — Его взгляд скользнул по моему лицу. — Это всё приемлемо для тебя?

Он что, думал, я сбегу?

— Раз они нас не видят, это всё равно, что смотреть порно. А в этом у меня большой опыт. Так что всё в порядке.

Он притянул меня к груди. Как только я комфортно устроилась у него на коленях, он вновь протянул мне бокал.

Я потягивала шампанское и наблюдала за откровенным сексом, а мой разум оказался во власти его запаха.

Вообще-то, все мои органы чувств обострились. Звучала музыка, даже раздавался смех, но остальные звуки были эротичными. Стоны, рёв и неистовые крики. Хруст кожи, звон цепей и свист плетей.

Попкой я чувствовала член Севастьяна, словно раскалённое кайло. Оказалось, что я на нём ёрзаю, натирая собственными стрингами мокрые губки.

Даже искрящееся шампанское царапало мой язычок. Я представляла, как вылью напиток на его тело и медленно вылижу всё до капли...

И, тем не менее, помимо всего, что я видела и чувствовала, я не могла перестать думать о том, что Севастьян именно меня сюда привёл, именно для меня купил эту комнату. Меня тронуло, с какой заботой он отнёсся к каждой детали.

Он действительно старался ради нас.

Я допила шампанское, смутно осознавая, что он забрал у меня бокал.

Потом его рука переместилась к разрезу моего платья, который задрался достаточно высоко над резинкой чулок.

— Раздвинь ноги как можно шире.

Не отводя взгляд от разворачивающегося действия, я повиновалась, перекинув одну ногу за его колено. Я хотела развести ноги, хотела избавиться от этого тесного платья. Я должна была чувствовать его кожу своей, так же как должна была видеть всё, что происходит на арене — каждый новый узел, поцелуй, взмах плети и оргазм. Мой взгляд метался от одной сцены к другой.

— Ты даже не можешь решить, на что смотреть, — с мрачным удивлением заметил Севастьян, пока его указательный палец выписывал ленивые круги на внутренней

поверхности моего бедра. — И твой пульс участился.

От выпитого шампанского и вина вкупе с тесным лифом у меня немного кружилась голова. Дыхание участилось, выступающая над платьем грудь дрожала.

И, должно быть, обратила на себя его внимание — так как второй рукой он начал выписывать на ней такие же круги. А потом меня словно током ударило. Из выреза платья выглядывал краешек ареолы соска, и он слегка задел его ногтем.

Если он будет продолжать в том же духе, я, наверное, кончу.

— Севастьян, пока не забыла... что бы ни случилось, спасибо, что привёл меня сюда.

— Ты меня благодаришь? О чём говорит мой поступок, Наталья? Чтобы завоевать женщину, я собираюсь её опорочить?

— Опорочить? — недоверчиво повторила я, наблюдая за парой в дальнем правом секторе арены. Мужчина был привязан к скамье для порки, а стоящая сзади женщина в сапогах-ботфортах хлестала его тростью. На коже мужчины выступил пот, мускулы бугрились, лицо выражало экстаз. — Это самое великолепное зрелище, какое мне когда-либо доводилось увидеть.

Севастьян нахмурился, проследив за моим взглядом, словно сцена была ему не по нраву.

— Ты так считаешь?

— Без сомнения. — Великолепие царило повсюду. Участники соблюдали определённый ритуал.

Он дотронулся до моих стрингов и обнаружил, что они промокли — его грудь завибрировала в ответном рыке.

— На кого тебе больше нравится смотреть? — прохрипел он. — На мужчин? На женщин?

— И на тех, и на других. — Видео с однополыми парами в интернете всегда выглядело дико сексуально. Но сегодня?

Смилуйтесь.

Я любовалась парой у заднего края арены. Две обнажённые девушки находились в позиции шестьдесят девять настолько поглощённые друг другом, что практически не замечали ничего вокруг. Верхняя обладала соблазнительной эбонитовой кожей, а нижняя была даже бледнее меня. Выглядели они настолько сюрреалистично, что эту роскошную картину, подумала я, мне не забыть до конца моих дней.

Умудрившись, наконец, отвести от них взгляд, я обнаружила, что Севастьян изучает моё лицо. Гадал, что именно меня заводит?

— Ты не будешь смотреть? — спросила я.

— Я как раз и смотрю на то, что возбуждает меня больше всего. — Он так на меня посмотрел, что мне пришлось отвести взгляд.

Я обернулась на комнату позади нас. Накрытые тканью штуковины подсвечивались проникающим сквозь стекло светом. Тоже устройства для секса. Исключительно для нашего использования.

Лениво поглаживая мои промокшие трусики, он произнёс:

— Мы пришли сюда не только смотреть.

— Хорошо. — Я чувствовала, что нахожусь на пороге чего-то, что заставляет нервничать не только Севастьяна, но и меня, того, что раскроет наши самые сокровенные фантазии. Как минимум, я удовлетворю собственное любопытство, разросшееся внутри меня до невиданных пределов.

— Я сегодня буду провоцировать тебя, Натали. Чтобы понять, действительно ли тебе это нужно. Тебе будет предложено три теста, и если ты их пройдёшь, эта жизнь станет твоей, как ты того хочешь.

— Тесты? — Он полностью завладел моим вниманием.

— Первый — твоё абсолютное повиновение — с готовностью — любым приказам, даже тем, которые выведут тебя из привычной зоны комфорта. Второй — твоё согласие на использование любых игрушек по моему выбору. — *Игрушек?* — Третий — всё, что я с тобой сделаю, будет тебя возбуждать.

Меня возбуждал даже этот разговор.

— Как ты узнаешь, что я буду возбуждена тобой и игрушками, а не разворачивающейся перед моими глазами оргией?

Уголки его губ изогнулись.

— Узнаю. А теперь поднимайся.

Как только мы встали, он снял смокинг и развязал галстук, небрежно отбросив вещи в сторону.

— Передай мне драгоценности.

Я сняла и отдала ему серьги и подвеску.

Как типичный мужчина, он убрал их *в карман*.

— Сними туфли. — Когда я подчинилась, он развернул меня, чтобы расстегнуть платье. — Ты по-прежнему хочешь приобщиться к этому миру?

— Да. — Пришлось втянуть живот, чтобы он смог расстегнуть молнию.

— Уверена?

— На сто процентов. — Я приготовилась участвовать, наслаждаться — и достичь прогресса в наших отношениях. У нас было два препятствия: сексуальное разочарование и отсутствие эмоциональной близости. Сегодня мы устраним первое и проложим путь к исправлению второго.

Я вышла из упавшего платья, и он тут же, скомкав, отшвырнул его туда же, куда раньше кинул свой смокинг. *Мужчина*.

Я по-прежнему стояла спиной к нему, а он опустился на колени, чтобы валиком стянуть один мой чулок, затем — второй. На мне оставались лишь маска, трусики и лиф.

Прежде чем подняться, он слегка куснул меня за попку, отчего у меня прошла дрожь по всему телу.

— Повернись.

Когда я развернулась, он едва сдержал стон:

— Боже, как ты прекрасна.

Я повернула голову, услышав грудной стон со стороны арены, но Севастьян ущипнул меня за подбородок, возвращая моё внимание к себе.

— Смотри только на меня. Я скажу, когда будет можно снова к ним обернуться.

Значит, я смогу слышать — но не видеть?

Воображение станет необузданным.

Отпустив меня, он направился к одной из накрытых тканью конструкций. Под тканью оказался стол, уставленный разнообразными игрушками, плетками и инструментами для связывания. Там было много такого, чего мне никогда не доводилось видеть — и я не могла угадать назначение этих вещей.

Он вернулся с четырьмя парами кожаных наручников. Толстые, обитые тканью

браслеты соединялись между собой большим металлическим кольцом в центре.

Поцеловав моё правое запястье, он защёлкнул первый замок. Поцелуй в левое предшествовал щелчку второго.

Опустившись на одно колено, он приподнял мою ступню и установил на своём бедре. Он гладил мою щиколотку, застёгивая на ней кожаный браслет.

Это действие было прелюдией само по себе, усиливая моё возбуждение.

Он застегнул последний браслет, и я окинула взглядом своё тело, натянутые кожаные оковы. Это происходит на самом деле! Когда он поднялся, я привстала на цыпочки, чтобы запечатлеть на его губах благодарный поцелуй.

Отстранившись, я подняла взгляд, чтобы он увидел, что я чувствую.

Желание, влечение, волнение... и что-то ещё.

— Кажется, я вижу надежду, о которой ты говорила. — *Так и есть.* — Моя Наталья, придя в такое место, чувствует *надежду*? Интересно, что ещё? Что ты чувствуешь ко мне?

Это слишком! Я плотно сжала губы.

— Скоро я получу этот ответ. Теперь, подойди.

Он подвёл меня к платформе у стола с игрушками. Посмотрев наверх, я с лёгким беспокойством увидела свисающую с потолка цепь.

Он провёл ладонями вдоль моих рук, которые затем поднял над головой и пристегнул к звеньям цепи. Он не обездвигил меня, но, определённо, я была достаточным образом зафиксирована.

— Раздвинь ноги, — сказал он, опускаясь рядом на колени.

Доверься ему, Нат. Я нерешительно расставила ноги.

— Шире. — Он надавил на браслеты.

Как только я раздвинула ноги ещё немного, он прикрепил правый браслет к торчащему из пола болту, который я раньше не замечала. Левый браслет он прикрутил к другому скрытому болту, и каждый издаваемый щелчок лишь усиливал моё напряжённое ожидание, от которого по спине бежали мурашки.

Он поднялся, отступив на шаг, чтобы оценить дело своих рук. Золотые глаза за маской охватывали меня всю целиком.

Я была действительно и по-настоящему скована. Мне даже пришлось подавить вспышку паники. *Может, я слишком далеко зашла.*

Нет-нет-нет. Ничто лучше не подтвердит моё доверие, чем передача этому мужчине полного контроля над собой. А взамен он, в свою очередь, станет больше доверять мне.

Ведь так?

Его взгляд остановился на моей груди. И пока он отвлёкся, я могла тайком взглянуть на оргию. Стекло располагалось передо мной, как соблазнительный портал, но я отказывалась туда смотреть без его разрешения — несмотря на то, что с той стороны доносились звуки хлыста.

С огромным удовольствием Севастьян начал снизу вверх поочерёдно расстёгивать крючки корсета. Когда я надевала его сегодня, то заметила, что там было огромное множество крючков. Теперь я поняла, почему: разворачивать упаковку для него было уже частью ритуала, который, очевидно, доставлял ему наслаждение.

Как и мне. Скоро ткань сменится его грубоватой ладонью...

Когда он расстегнул последний тугий крючок, мои груди выскочили на свободу, заработав от него одобрительный стон. Отбросив корсет, он перешёл к стрингам, разорвав их

с одной стороны.

От неожиданности я ахнула, и под этот звук он разорвал их с другой стороны, позволил промокшей ткани приземлиться между моих ног.

Не считая маски, я была совершенно голой; он оставался одетым.

Окинув моё тело взглядом, он дёрнул воротник рубашки, от чего расстегнулись несколько верхних пуговиц.

— Я действительно выбрал твою маску неспроста.

— Почему бабочка?

Он посмотрел мне в глаза.

— Потому что ты для меня неуловима. Потому что я тебя ещё не поймал. Протянув руки, он начал прокатывать мои соски между пальцев, пока они не начали бесстыдно торчать, а я не изогнулась, требуя большего.

Отходя, он слегка шлёпнул каждую мою грудь — и я нашла это обнадеживающим. Вернулся он с двумя узкими металлическими прутами. Когда я поняла, что это, мой пульс участился: я показывала ему эти зажимы в журнале — две дирижёрские палочки, только эти по краям соединялись эротичной цепочкой, которая свешивалась почти до пупка.

— Ты готова к испытаниям, Наталья? — Он начал завинчивать эти прутья вокруг моих торчащих сосков, отступив от кончиков как можно дальше.

Укус зажимов был довольно чувствительным, но меня это не смутило. Разве не этого я просила?

Когда он закончил с зажимами, я опустила взгляд вниз, поразившись тому, насколько меня возбудил открывшийся вид. Картинка в журнале была провокационной. Но вид собственных сосков в этих зажимах был... потрясающим.

— Только посмотри на себя. В оковах и зажимах для моего удовольствия. Как же долго я об этом мечтал.

— Я оправдала твои ожидания?

— Даже больше. *Ideal'naia*.

Этот произнесённый с хрипотцой комплимент лишь сильнее завёл меня, так что пришлось высказать вслух свои опасения:

— Севастьян, что если я кончу без твоего разрешения?

— Будешь наказана. — Блеск предвкушения во взгляде заставил меня качнуть бёдрами.

Он приподнял тонкую цепочку, которая соединяла края зажимов.

— Зажми цепочку во рту зубами. Если тебе не понравится хоть что-то из происходящего — просто выпусти цепочку изо рта, и вечер окончится. Точка. А ты знаешь, что я всегда держу слово.

Я нахмурилась, подумав, что слишком уж он заботится об окончании этого вечера. Несмотря на мою признательность за эквивалент стоп-слова, я была уверена, *ничто* не сможет меня остановить. И меньше всего — я сама!

Он приподнял для меня цепочку, и я взяла её в рот, прикусив зубами — таким образом, мои соски потянулись вверх. И всё равно это было терпимо. Я всё смогу вытерпеть.

— Можешь посмотреть на арену, Натали. — Что-то в его голосе заставило меня насторожиться.

— Но если мы продолжим, ты станешь уязвима. — Он встал рядом со мной. — Раскрыта. Я сказал, что никто тебя не тронет; но не сказал, что никто не увидит.

О чём это он?

— Я собираюсь сделать стекло прозрачным, чтобы мой прекрасный приз узрели все...

Что?? У меня отвисла челюсть и чуть не выпала цепочка.

Чтобы десятки людей смотрели на меня скованную? На голую, с зажимами на сосках, и кто знает, что ещё со мной сотворят?

Смущать соседских мальчишек — это одно. Но здесь — совершенно другой мир.

Севастьян взял пульт, по лицу ничего нельзя было понять.

— Если не хочешь, чтобы я показал им комнату, просто отпусти цепочку.

До меня дошло. Он думал, я сдамся, думал, что дальше этого мы не зайдём! А потом бы он сказал, что пытался.

Так он *не старался* меня порадовать? Нет, он спланировал моё поражение.

Скотина! Да к чёрту всё. На мне маска, никто меня не знает, и я никогда больше не увижу этих людей. Это лишь одна ночь моей жизни, невесомая фантазия на пару часов.

— Отпусти цепочку или готовься ощутить на себе десятки глаз, жаждущих обладать каждым сантиметром твоей белой кожи.

Он пытался меня поколебать. И это срабатывало! Хватит ли у меня мужества?

— Ну, давай же, и мы поедem домой. — Он — словно чёртик на плече, отговаривал меня от мечты, от нашей общей мечты. — Это всё останется сном.

Для меня продолжить означало продвинуться в нашей совместной жизни. Мне этого так хотелось. А если мне чего-то хотелось, ничто не могло меня остановить.

Даже тридцать пар плотоядных глаз.

Я отказывалась отпустить цепочку. Я не могла стоять на месте и не попытаться взять высоту. Если я справлюсь, это будет стоить того.

Я поняла, что решения принято — и сразу начала дрожать, словно неоперившийся птенец. Словно на пороге пропасти перед прыжком.

Брови Севастьяна сошлись на переносице.

— Ты дрожишь? — Тыльной стороной ладони он прикоснулся к моей щеке, словно проверяя жар. — Отпусти цепочку, *sladkaya*. Это всё, что тебе нужно сделать.

Я сжала зубы, выпятила челюсть и отвернулась от него в сторону стекла. *Вперёд*.

Я слышала, как он обескуражено выдохнул. Он и не думал, что я на это способна. Он подстроил всё так, чтобы я провалилась. *Но порой я не против провалов, придурак*.

— Очень хорошо. Они увидят мою женщину. — Я догадалась, что мысль о демонстрации меня всем и каждому его не радовала. Попался в собственные сети?

Сначала я разглядывала людей на арене; вскоре они окажут мне ответную честь. Баш на баш. Я чуть не расхохоталась.

— Нечасто открываются верхние комнаты, — сказал Севастьян. — Для них это будет подарком, впрочем, как и для остальных комнат.

Я и забыла про другие комнаты с неизвестными обитателями, которые ответную честь не окажут. Но пути назад не было; он нажал на кнопку.

Я услышала жужжащий звук и приготовилась встретить их взгляды.

Как только на меня обратили внимание, люди внизу принялись расталкивать друг друга локтями, шеи вытягивались. Толпа превратилась в стаю голодных зверей, почуявших мясо.

Меня затрясло сильнее.

Чёртик на моём плече прошептал:

— Ты знаешь, что делать. И я снова тебя скрою.

Партнёры застывали на середине полового акта, перестраивая позиции для лучшего обзора. *Не отступай, Нам!*

— Я говорил, что на груди ты почувствуешь укус плети, её жало скользнёт у тебя между ног. — *Да, о, да.* — Ты позволишь им наблюдать за собственным падением?

Падением? Я отказывалась на него смотреть, по-прежнему уставившись на происходящее на арене.

— Наверное, тебе действительно этого очень хочется, — пробормотал он удивлённо, — и для Нижней ты иногда слишком агрессивна.

Он даже не подозревал, насколько. *Сегодня ты будешь властвовать надо мной, Сибиряк. К чему сопротивляться?*

— Ты сделала свой выбор. — Севастьян ушёл из поля зрения. Направился к столу с игрушками?

Он вернулся с большим металлическим дилдо. Такие штуки я видела на сайте, с которого заказывала весь свой арсенал, но там они были дороговаты.

— Ты хочешь его, Натали?

Оно было размером почти с его член. Будучи такой мокрой и пустой, как в этот момент, я действительно его желала. Но чтобы все вокруг видели, как эта штука проникнет в меня?

Его глаза за этой шаловливой маской бросали вызов.

— Отпусти цепочку, если не хочешь, чтобы я ввёл это в тебя — для их удовольствия.

Он принялся катать дилдо в ладонях, согревая. От вида его ловких рук, татуированных пальцев, обвивающих металлический фаллос, мои бёдра качнулись.

Когда головка дилдо коснулась моего живота и заскользила вниз, металл был уже так нагрет, что, казалось, обжигал мою кожу. Он опускал её всё ниже, мимо пупка, потом — вдоль коротких завитков в промежности.

Кончик на мгновение скользнул по напряженному клитору. Когда он остановил головку прямо у моей ждущей дырочки, я забыла, как дышать. Дилдо выглядело неподатливым, абсолютно твёрдым и тяжёлым.

И он думает, что я способна это принять?

Он вращал головку прямо мокрой дырочки, словно вкручивая туда эту огромную штуку.

— Прими её — я даю это тебе. — Он переместился так, чтобы все могли видеть, как он погружает в меня этот блестящий член. — Или выпусти цепочку.

Меня обжёг стыд, такой же горячий, как и эта штука.

Но, осматривая толпу, я видела открытые рты, зачарованные выражения лиц, нарастающий темп — так что мой стыд превратился в... поощрение. В очередную разновидность стимуляции.

Тогда, в спальне Севастьяна, я обнажилась перед камерой, и теперь, здесь, я точно так же завелась сильнее, чем могла представить. С помощью моей влаги он проталкивал дилдо внутрь, сантиметр за сантиметром, а я грелась под лучами чужих взоров.

Севастьян проследил за моим взглядом.

— Моя маленькая эксгибиционистка. Мою женщину они жаждут почти сильнее, чем я способен вынести. — Он наклонился так, что его лицо оказалось прямо за мной. — Я чувствую желание: уничтожить их всех за то, что они жаждут принадлежащую мне. Не забывай об этом.

От этой собственнической ревности я лишь сильнее потекла.

— Я хочу, чтобы это оказалось глубоко в тебе. Откройся и прими его.

Я попыталась расслабить мышцы, принимая глубже, глубже...

Когда фаллос оказался на месте, он подвигал им пару раз, пока я чуть не повисла на цепях. Затем он закрепил вокруг моей талии тонкие кожаные ремешки, фиксирующие тяжёлую штуку внутри. Покончив с этим, он чувствительно шлёпнул по основанию дилдо, что заставило меня — и всех остальных — застонать.

— Ты благодарна мне за это?

Я кивнула, удобнее устраивая в оковах лодыжки и запястья, готовясь ко всему, что бы он для меня не придумал.

Я заметила, что стройный мужчина рядом со стеклянным экраном не сводил взгляд с моей промежности, одновременно погружаясь в свою партнёршу — женщину с роскошными формами, привязанную к лежащей на полу шёлковой подушке.

Когда я несколько раз качнула бёдрами, чтобы привыкнуть к постороннему предмету внутри, мужчина затрясся, громко вскрикнул и вытащил член наружу. Его взгляд под тяжёлыми веками встретился с моим, когда он принялся изливаться на округлости партнёрши.

Он хотел, чтобы я видела, как он кончает?

Он ждал реакции? Взаимодействия?

— Ну, будет, Наталья, — осадил меня Севастьян. — Не стоит дразнить их тем, что они *никогда* не получают.

Я дразнила? Ну, блин. Наверное?

Севастьян отошёл. Секунду спустя я спиной ощутила прикосновение кожаных полосок. Флогер. Что я и предлагала по дороге в Париж.

— Ты готова, зверёк?

Я была готова. Я прикусила цепочку и кивнула...

Кожа щёлкнула по задней поверхности бёдер.

На глазах выступили слёзы. Но когда он встал передо мной, чтобы отследить реакцию, я одарила его взглядом, словно вопрошающим *"и это всё?"*

За маской его брови поползли вверх. Губы изогнулись.

Во второй раз флогер приземлился чувствительнее. И снова. Но, хотя я всхлипывала, цепляясь за цепь, я обнаружила, что подставляю попку для новых ударов — заработав тем самым стоны публики, особенно от тех, кто был подобным же образом связан.

Какая Нижняя откажется ощутить власть такого мужчины, как Севастьян?

Такого опасного и тёмного. Такого интригующего и сильного.

И он — мой.

Севастьян хлестал флогером по бёдрам, ягодицам, даже по спине, повторяя эту последовательность по кругу. С каждым ударом боль нарастала, нарастала, покуда совсем... не исчезла.

Вместо скручивающей агонии всё, что я чувствовала — это жар; мои рецепторы, отвечающие за боль, по-прежнему посылали сигналы, но, наверное, немного сбились. Я выгнулась, требуя продолжения, одновременно сдвинув тяжёлый член внутри.

Под усилившимся градом ударов вырос градус страсти и на арене. Сопrotивляясь силе хлыста, я с трудом удерживалась на месте. На коже выступила испарина.

— Моя милая Наталья выгибается навстречу своему наказанию. — В его голосе вибрировала гордость.

Каждый сантиметр моей кожи стал гиперчувствительным, почти таким же, как и ноющий клитор. Севастьян сёк меня, и это было сексуально. Сексуальная порка. Он совершенно точно знал, как далеко можно зайти, чтобы моё возбуждение достигло пика, не сбившись вниз.

Он хотел, чтобы я смирилась с его игрушками. Я не просто смирилась, даже не просто приняла — с их помощью я *возносилась*. Когда он приостановился, чтобы оценить мою реакцию, я смотрела на него широко раскрытыми глазами. *Что ты со мной делаешь?*

Он прищурился, потом, казалось, затаил дыхание, когда флогер скользнул по моей груди и зажимам на сосках. *Укус кожи на твоей груди...* Я извивалась, шокированная восторгом, безмолвно моля о продолжении.

Он что, хочет, чтобы я кончила вот так?

Когда его рука опустилась к моей промежности, грубо её ощупывая, я устремилась в его ладонь, проталкивая тем самым дилдо ещё глубже. Почти обезумев от желания кончить, я уже не волновалась, что кто-то увидит, как я распутно насаживаюсь на его пальцы, покрывая собственным соком.

Обнаружив, что я истекаю влагой вокруг основания дилдо, он издал удовлетворённый звук.

— Знаешь, как сильно я заставлю тебя кончить? — Севастьян был взбудоражен, как мальчишка с новой игрушкой. — Приготовься, красавица. — Он был полностью мной поглощён.

Я вспомнила, что он сказал сегодня во время нашей ссоры: *я должен тебя контролировать, приказывать, наказывать. Чтобы свести с ума.*

Всё, что он делал, подчинялось единственной цели — моему наслаждению, оставляя его собственное удовольствие на втором плане.

Моя реакция — вот что заводило его больше всего.

И он намеревался сделать так, чтобы моя реакция была не похожа ни на что прежде.

— Может, я не знаю всего, что нужно юной девушке, — выдавил он. — Но это мне известно. *Это* я могу тебе дать. Что же до остального...?

Что он хотел сказать? Вопрос позабылся, когда он встал передо мной, чтобы обхватить горячим ртом защемлённый сосок. Я чувствовала на кончике его горячее дыхание.

Когда он лизнул вершинку, я подумала, что от наслаждения потеряю сознание. Не отрываясь от плоти, он спросил:

— Добавить плетей, солнце? — Лизнув второй сосок, он оставил обе вершинки блестеть для нашей публики.

Я кивнула с готовностью, когда внутри меня, словно готовый вырваться наружу поток лавы, всколыхнулось двойное желание: сумасшедшая потребность кончить — и отчаянный голод по прикосновениям флогера.

Севастьян вернулся к своему занятию, отдельно уделяя внимание попке, от его ударов я даже привстала на цыпочки. Когда я дёрнулась назад навстречу флогеру, дилдо внутри шевельнулось, приближая меня к оргазму.

Удары наносились с различной частотой, но теперь скорость возросла и стала почти постоянной. Пот смочил мои волосы и покрыл кожу. На моих нервных окончаниях влажные хвосты флогера оставляли огненные всполохи, путая мысли.

То, что должно было быть болью — трансформировалось в исступление, а потом — в эйфорию, и Севастьян с каждым ударом лишь подливал масло в огонь.

Перед глазами всё расплылось. Я больше не видела оргии. Не слышала ничего, кроме его отрывистых стонов, сопровождающих каждый взмах плётки. Будто бы все мои органы чувств приостановили работу, чтобы я в полной мере ощутила каждый отдельный удар флогера — и предваряющее этот удар движение воздуха.

Чтобы лучше прочувствовала металлический член, который он предусмотрительно в меня засунул.

Чтобы поднималась всё выше и выше, покуда совсем не оторвалась от земли.

Полёт. Я... взлетела. Глаза закатились, губы изогнулись в довольной улыбке, зубы вонзились в цепочку, чтобы он не посмел лишить меня этого чувства.

Ни за что. Обмякшая, повисшая на цепях, я *воспарила* — и разрядка прорвалась сквозь меня дикими сотрясающими волнами. Я впитывала наслаждение сквозь сжатые зубы.

Мои внутренние стеночки вновь и вновь сжимались вокруг дилдо, а из глаз текли слёзы.

— Наталья? — я смутно различала голос Севастьяна. — Наталья!

Он зовёт меня? Куда меня унесло? Хочу туда снова.

Когда последняя шокирующая волна прошла, я поморгала, поворачиваясь к нему с сонной улыбкой на лице.

Почему-то от моей реакции его глаза заблестели.

Потом он прижался лбом к моему плечу, словно то, что ему сейчас открылось, было слишком невероятным и переполняло его.

— *Tu sozdana dlya menya.* — Он слизнул капельки пота с моей шеи, чуть прикусив кожу, одновременно вдавливаясь в меня своей эрекцией. Потом прошептал на ухо: — Ты была права — я никогда не видел ничего более великолепного.

Он отбросил флогер в сторону и принялся водить руками по всему моему телу. Жёсткость его рук на моей воспалённой коже заставила пальцы на ногах подогнуться.

Он расстегнул ремешки, чтобы вытащить дилдо, но мои внутренние стеночки, казалось, не хотели его выпускать, крепко сжавшись вокруг. Ему пришлось с усилием потянуть, прежде чем фаллос выскользнул. Игрушка также исчезла где-то за спиной.

— Тебе нравится себя демонстрировать, *moya plohayaya devchonka*. Хочешь показать им больше?

Я нахмурилась — что ещё я могу им показать? — но всё равно кивнула.

Я слышала, как он перебирал на столе игрушки. Вернувшись, он отстегнул мою левую лодыжку.

По-моему, наши зрители снизили темп собственных удовольствий. Чтобы посмотреть, что он ещё для меня подготовил.

Вокруг свободной ноги он обвязал кожаную ленту, приподняв этим кольцом моё колено до уровня талии. Другой конец он привязал всё к той же цепи, удерживающей мои запястья.

Я балансировала на одной ноге, оказавшись ещё более раскрытой и беззащитной перед ним и всей публикой.

Я слышала, как растёгивается молния. Теперь он трахнет меня? Своей горячей кожей я чувствовала пульсацию его члена.

— Хочешь, чтобы они тебя видели? — Влажной головкой он водил по основанию моей обработанной попки. — По-настоящему видели. Внутри?

Он протянул руку, чтобы развести мои губки. Даже после всего случившегося мои щёки окрасил румянец. Своей дырочкой я ощущала прохладный воздух — и сконцентрировавшиеся там жаждущие взгляды.

Но это не остановило новый прилив влаги, мои губки в его пальцах набухали.

Он обхватил меня полностью.

— Покажи это мне, — приказал он. — Предложи.

Настолько, насколько смогла, я выгнула спину, уперев в него попку.

— Очень хорошо. — В награду он ущипнул мои сосочки, отчего у меня закружилась голова. — Ты хочешь, чтобы они увидели, как ты снова кончишь? — Прежде чем я смогла ответить, он схватил меня: одной рукой под поднятое колено, другой — стиснул бедро.

Одним уверенным движением он вошёл в меня сзади.

Я стонала, не отрываясь от цепочки, уже находясь на пике. Мне казалось, что я вообще не кончала, казалось, что моё возбуждение копилось на протяжении многих дней, не получая разрядки.

Он погружался в меня медленными сильными толчками, от которых сотрясалось всё тело. Мои груди подпрыгивали, зажатые соски визжали всякий раз, когда цепочка натягивалась.

Входя в меня, он проскрежетал:

— Ты думала, что я отправился к другой в тот день, когда ты меня отвергла? — Он придвинулся ближе, языком пробуя на вкус капельку моего пота. — Но как тебя заменить? Даже тогда я знал, что это невозможно.

Не могу думать. Он уже тогда испытывал ко мне такие сильные чувства?

— А я для тебя незаменим? Выпусти цепочку, если это так.

Незаменим? Сейчас он был *всем*. Дарителем боли и экстаза с божественным телом, которым он меня ублажал.

С усилием я расслабила челюсть, выталкивая цепочку языком. Она упала с лёгким звоном.

Облизнув губы и подвигав челюстью, я гадала, что он сделает дальше, уже желая этого.

Накрыв половину моего лица своей большой рукой, он притянул меня назад, чтобы принять его поцелуй. Он вонзался между моих ног, но его губы оставались нежны. Сочетание жёстких толчков и благоговейной ласки его языка сносило крышу не меньше всего остального...

Я услышала неожиданный щелчок чего-то кожаного, почувствовала укус на своём бугорке. Я всхлипнула в его рот. Это был стек? Наподобие того, который я показывала ему в журнале?

Я не могла посмотреть вниз, потому что он по-прежнему удерживал мою голову. Он продолжал меня целовать — давая понять, что на этот раз его орудие не предназначено для моих глаз. Мне было дано чувствовать, принимать его поцелуй, кончать, в то время как он мучил меня и трахал сзади.

Новый шлепок опустился на область промежности и клитор, впечатавшись в промокшие завитки; укус, но без боли, только прикосновение и давление там, где я нуждалась в этом больше всего.

Может быть, моя чувствительность снизилась, потому что я вращала бёдрами, требуя большего, а его член погружался в меня без остановки.

Не отрываясь от губ, он приказал:

— Отдайся мне полностью, *sladkaya*. — Очередной шлепок стека.

И ещё один. Я уже так близко.

— Севастьян, — прошептала я. — *Ещё*.

Его толчок.

— Я хочу, чтобы ты закричала, что отдаёшься, — и шлепок.

Растворённая в нём, я действительно полностью отдалась. В такт ударам, я откинула голову и закричала. Беспомощно дёргаясь в оковах, я кончила, обильно изливая собственный сок. С каждой глубинной конвульсией мои стеночки сжимали его утолщающийся член.

— Я чувствую, как ты выдаиваешь меня, — проскрежетал он мне на ухо. — Я дам тебе то, что ты хочешь! — Он вонзился в меня изо всех сил...

В меня хлынула обжигающая сперма; Севастьян, мой обладатель стальной воли и железного самоконтроля, неконтролируемо зарычал... ещё и ещё... чтобы слышали все...

Опустошенный, вздрагивающий, он выплеснул в меня последние капли семени.

Издав измученный стон, он продолжал мягко толкаться, пока длился наш совместный оргазм, а я оказалась в полубессознательном состоянии.

Все мои эмоции были сосредоточены на нём, на нём одном: его грохочущее сердце, прохладное дыхание на моей коже, тепло его члена, который всё ещё соединял нас.

Когда моя голова откинулась на его плечо, он запечатлел на шее поцелуй.

Я чуть приподнялась, когда со всех сторон грянули овации, сопровождаемые свистом и завываниями. Ожидаемой волны стыда не случилось, я была слишком переполнена эмоциями, чтобы как-то реагировать. Быстрый взгляд на арену выхватил обессиленных партнёров, мокрый от разрядок шёлк и бархат, блестящие рты и подбородки.

Мы смотрели за стекло, и Севастьян одной рукой обвил мою шею, другой — талию, прижимая крепче к себе, чтобы продемонстрировать, кому я принадлежу.

Почувствовав его острую ярость, направленную на зрителей, я взглянула на него.

Нет, ему совсем не по нраву демонстрировать меня другим; и теперь, когда запал прошёл, он ошетинился.

— Слишком много тебя им досталось. — Потянувшись к столу, он нажал кнопку на пульте.

Мы снова оказались скрыты.

Оглушительные аплодисменты были слышны даже тогда, когда стекло вновь стало непрозрачным.

Но я ни о чем не жалела, слыша наполненный гордостью голос Севастьяна:

— Мои сны стали явью. Мне никогда не следует сомневаться, что ты знаешь свои желания. — Он осторожно высвободился, застёгивая ширинку и обходя меня, чтобы встать лицом к лицу.

Он убрал налипшую над моей бровью прядку волос, его лицо приобретало, попеременно, то властное, то восхищённое выражение.

Но когда я вздрогнула, он тут же по-деловому засуетился. Быстро отвязал поднятое колено и отстегнул оковы на лодыжках, затем протянул руку к груди и зажимам.

Он открутил болт, ослабив металл с одной стороны.

— Будет больно, любимая, — пробормотал он, освобождая левый сосок.

В сосок на место зажима хлынула кровь. Я едва сдержала вскрик.

Он обхватил губами пульсирующий сосок, лаская языком, чтобы сгладить боль. С правым было ещё хуже, потому что теперь я знала, чего ожидать. Как только правый сосок освободился, он сразу же занялся им.

— Шшш, любимая, — приговаривал он, не отрываясь, — ну вот, уже почти всё...

Когда меня снова бросило в дрожь, он отошёл и вернулся с белым махровым халатом, переброшенным через сгиб руки. Он держал его наготове, отстёгивая наручники от цепи на потолке. Я упала в его объятия, уткнувшись в халат, как в подушку.

Меня трясло, пока он снимал с запястий браслеты и целовал под ними влажную кожу.

— Теперь ты свободна.

Такие многозначительные слова; я уже была свободна. Он называл это «падением». Но всё оказалось наоборот. С этим мужчиной — я взлетела. *Воспарила*. В каком-то смысле подчиниться означало... подняться.

Может, я всё ещё летела? Всё казалось приглушённым и мягким, свет — более тусклым.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного кружится голова, — хрипло ответила я. — Что теперь?

Я ещё успею посомневаться в содеянном. Но сегодня я намеревалась с этим жить.

— Я увезу тебя домой. — Он помог продеть в рукава халата мои обмякшие руки. — Хочу, чтобы ты расслабилась и ни о чём не думала, пока я буду ухаживать за тобой.

Это я могу.

Он поднял меня на руки, прижав к груди, и вынес из комнаты.

Нам придётся увидеть этих людей? Придётся пройти сквозь бальную залу? Когда я напряглась, он сказал:

— Мы выйдем с другого выхода, любимая. Машина ждёт.

Даже когда мы устроились на заднем сидении лимузина и уже направлялись домой, Севастьян не выпустил меня из объятий, удерживая на коленях. Он снял наши маски, потом протянулся к холодильнику за бутылкой апельсинового сока.

— Пей. — Он поднёс её к моим губам.

Я изогнула бровь.

— А тёплого молока нет?

— Ты даже не представляешь, как сильно потрудилось сегодня твоё тело. Я хочу, чтобы ты мягко успокоилась.

Я отпила глоток сока — ничего вкуснее я в жизни не пробовала. Я изо всех сил пыталась не пить взахлёб, как студент-первокурсник кружку пива.

— Что значит "успокоилась"?

Он наклонился, чтобы слизнуть с моих губ каплю сока, отчего мои веки стали совсем тяжёлыми.

— Твоя кровь полна эндорфинов. Поэтому ты чувствуешь себя...

— Под кайфом?

— Именно. Но возбуждение должно пойти на убыль.

— Ты подхватишь меня, когда я упаду?

Он приподнял мой подбородок.

— *Vsegda.*

Сегодня мы выяснили одну вещь. Препятствия, определённо, устранены. Теперь мы пойдём рука об руку.

Я поцеловала горбинку его носа, затем спрятала лицо у него на груди. Пальцами зарылась в густые волосы, сжав пряди и притягивая этого огромного храброго мужчину ближе. Я ещё никогда не чувствовала себя настолько окружённой заботой. Настолько защищённой.

Он был моим ангелом-хранителем, моим другом, любовником.

Александр Севастьян был всем.

Всем.

Он отклонил меня назад, чтобы встретиться со мной взглядом, его глаза под отяжелевшими веками напоминали золотые монеты.

— Удивлена?

— Одержима. — Прошептала я в ответ.

В городском доме он не выпустил меня, поднявшись вверх по лестнице в ванную. Свет был приглушён, джакузи уже работала.

Когда он раздел меня и опустил в воду, мне захотелось вылезть обратно в его объятия. Но, казалось, расстояние между нами тоже его не радовало, поэтому он быстро разделся и присоединился ко мне. Усевшись на низкую скамеечку, он притянул меня к себе на колени, так что мои плечи оказались у него на груди.

— Я могу к этому привыкнуть, — вздохнула я. О ласках после всяких забав я читала и знала, насколько это важно, но даже не представляла, как я буду в этом нуждаться. Я чувствовала, будто меня разобрали по кусочкам до самого примитивного уровня, и теперь мне снова нужно заново ко всему привыкать.

Я словно оставалась где-то на границе наркотического кайфа, вызванного самым чистым наркотиком из всех возможных.

Он начал разминать мои плечи.

— Я рассчитываю, что ты к этому привыкнешь. Сегодня я о тебе позабочусь.

Я почувствовала, как там, внизу, его член напрягся, и улыбнулась самой себе — снова? А, этот массаж! Он продолжал разминать мои мышцы... *Как. Же. Прекрасно.*

Как только его большие руки превратили меня в блаженную массу, он принялся намыливать шампунем мои волосы, массируя кожу головы, пока я уже второй раз за вечер чуть не начала пускать слюни.

Ополоснув волосы под душем, он нанёс сверху кондиционер. Я повернула голову, чтобы через плечо понаблюдать за ним. Выражение его лица свидетельствовало о том, что он поглощён процессом и правда намерен сделать всё так, как надо: выкупать меня, позаботиться обо мне. Это растопило моё сердце.

Он заметил, что я, словно дурочка, пялюсь на него.

— Наслаждаешься процессом?

— Нет, *ненавижу*.

Он фыркнул. Я в самом деле его рассмешила? Его губы изгибались. Не настоящая улыбка, но близко.

Его беззаботность так много для меня значила, что будущее представилось ещё в более оптимистичном свете.

— Ты ведь не думал, что я пройду через это, правда?

— Признаю. — Покончив с волосами, он перекинул копну вперёд и нанёс масло для душа на мою ноющую спину.

— Ни о чём не жалеешь?

— Я решил, что если ты согласилась пройти через это — впервые по-настоящему — значит, действительно этого хочешь. — Под моей попкой снова запульсировал член — Севастьян вспоминал эти сцены? — Я привёл тебя в место, которое считал грязным. А ты увидела там красоту и почувствовала надежду. Может быть, клуб является таким, как ты его воспринимаешь? Тем, что ты туда *приносишь*.

— Верю, особенно сейчас.

— Я действительно имел в виду то, что сказал тебе раньше. Ты знаешь, чего хочешь. А я всё время об этом забываю.

— В смысле?

Приподняв мою руку, он намылил её от кончиков пальцев до плеча, прежде чем перейти к моим чувствительным к щекотке подмышкам.

— В Небраске я увидел твою целеустремлённость, если ты принимала какое-то решение. Я видел, как упорно ты работала; чего бы это не касалось, ты, чёрт побери, очень упорно трудилась. — Он занялся моей второй рукой. — Мне хотелось знать, как ты с этим справляешься, не имея никаких гарантий на результат.

— Но спросить ты не мог.

— Мог только издали за тобой наблюдать. — Протянув руку к моей груди, он провёл по соску подушечкой большого пальца. — Болит?

Когда он гладил меня, я едва умудрялась держать глаза открытыми.

— Немножко. Но мне, скорее, нравится. Напоминает о том, чем мы занимались.

Он издал одобрителный звук.

— Мы установили, что в тебе течёт горячая кровь — и ты знаешь, чего хочешь. Но всё равно ты оставалась девственницей?

Когда он занялся другой грудью, мои веки сомкнулись.

— У меня был плохой опыт.

Уронив руки, он вдруг напрягся, выдавив из себя одно слово:

— *Имя*.

Мои глаза распахнулись.

— Нет-нет, всё не так! Просто был один неловкий момент.

— Не понял.

В общем, я рассказала ему про парня, кончившего в презик.

— Потом он *сбежал*, и я больше о нём не слышала. А ведь потратила на него несколько недель.

— Зная теперь, к чему он был близок, я могу его лишь пожалеть.

Уххх.

— Я встречалась с другим парнем пару месяцев, но уверена, что он относился к Нижним. Ну, и было несколько других, о которых даже упоминать не стоит.

Оглядываясь назад, я понимала, что всегда ждала настоящего мужика — более опытного, властного и обладающего жёсткой и опасной стороной.

— Их потеря — моя удача.

Я провела ногтями вдоль его предплечья.

— *Я не хотела* оставаться девственницей. Знаешь, каково это — жить в студенческом городке, быть прогрессивной, хотеть секса — и оставаться девственницей? В моём возрасте? Типа, грязный маленький секрет.

Он мрачно прокомментировал:

— Рад, что смог решить твою проблему.

Улыбаясь, я развернулась к нему лицом, расположив ноги с внутренней стороны его бедра.

— А твоя история?

— История? — Казалось, такой поворот привёл его в замешательство.

— В этом месте мы рассказываем друг другу свои истории о свиданиях.

Он одарил меня взглядом "*мне нечего сказать*".

— Помимо секса ты немного времени с женщинами проводил, верно?

— Нисколько. — Он принялся массировать мои стопы, втирая масло в ноющие лодыжки.

— И как ты искал себе, ну, партнёрш на ночь? Не думаю, что в бандах у вас были сводницы.

Он приподнял брови.

— Я приходил в бар или клуб и ждал, когда ко мне подойдёт женщина, — сообщил он безо всякого бахвальства, просто констатируя факт. — По прошествии времени, равного употреблению нескольких напитков, ситуация либо разрешалась, либо нет.

Моё лицо вспыхнуло, когда я поняла, что была одной из них.

— Значит, когда я подошла к тебе тем вечером в баре, ты приравнял меня к тем женщинам?

Он пожал плечами.

— Ты не встречался с теми, с кем спал? Не ходил в кино или в кафе на чашку кофе? — Не могла себе представить его в такой ситуации.

— Никогда.

— Не считая наших ужинов в дороге, сегодня было твоё первое настоящее свидание?

— Да. — Я пыталась скрыть удивление, и он добавил, — как я справился?

Сердце у меня затрепетало.

— Все судьи десять баллов.

Он нахмурился.

— Не следовало мне в этом признаваться, наверное.

— Нет, следовало. Я люблю, — *всё, что узнаю о тебе*, — узнавать о тебе что-то новое.

— Моё первое свидание, твоя первая порка, — удивлённо произнёс он.

— Я в восторге от того, что ты со мной делал.

— Сегодня я понял, что могу и мучить тебя и боготворить. С тобой это означает одно и то же. — Его руки заскользили по моим ногам вниз. — И тебе ещё столько предстоит узнать.

Дыхание моё участилось.

— Хочу узнать обо всём.

— Завтра доставят всё необходимое. Мы не будем торопиться, но приготовься ко всему.

— Ты действительно умеешь обращаться с этими штуками. — Я приглашающе развела бёдра, но он лишь дразнил меня лёгкими прикосновениями. — Как долго ты этим занимаешься?

— Некоторое время.

Что-то скрывает?

— Ну, теперь-то ты мне расскажешь о своих особенных интересах? — Когда двигались его пальцы, я с трудом могла концентрироваться. — Когда ты их распознал?

Он открыл было рот для ответа, но потом снова его закрыл.

— Пожалуйста, расскажи. Мне хочется знать, раз уж от этих интересов я столько выиграла.

— Расскажу, когда-нибудь. Сейчас я не хочу возвращаться мыслями так далеко. — *Насколько далеко?* — Просто знай: до тебя я делал это, но сейчас воспринимаю эти случаи тем, чем они являются на самом деле.

— Чем?

Он в упор на меня посмотрел.

— Тренировкой.

— Для меня?

— Для тебя.

Против воли мои губы медленно растянулись в улыбке.

Его взгляд потемнел, остановившись на них.

— Будут правила, Натали. — Наконец-то его рука уверенным движением опустилась на мою промежность. — Это — принадлежит мне. Только я могу тебя там ласкать. И собираюсь держать тебя полностью удовлетворённой, но если тебе захочется кончить, придётся дождаться меня — или моего приказа.

— Значит, мне нельзя будет пошалить для тебя перед камерой? — Я поёрзала на его стояке, заставив резко вздохнуть.

— Я прикажу тебе проделать это снова — тогда, когда смогу по достоинству насладиться процессом. В тот день у меня была встреча, и я решил лишь на секунду взглянуть на тебя. — Он продолжал, уткнувшись в мою мокрую шею. — У меня просто колом встало, пришлось срочно покинуть здание. Всю обратную дорогу телефон дрожал в руке.

От этих слов по мне мурашки пробежали.

— Тогда я буду ждать приказаний.

— И моего разрешения. Ты не должна испытывать оргазм, пока не попросишь — и не получишь — моего разрешения.

— С этим я справлюсь. Ещё есть правила?

— Да, одно. — Он ущипнул меня за подбородок. — Никогда не смотри с вожделением на другого мужчину, если не хочешь его смерти.

Я знала, что он говорит буквально.

— Ты принадлежишь только мне. То чувство обладания, которое я испытываю к тебе, превзойти невозможно. — Его глаза меня завораживали, будто были способны проникнуть в душу. Сейчас я чувствовала себя куда более уязвимой, чем тогда, перед публикой. — Ты меня понимаешь?

Глядя на него снизу вверх, я кивнула.

— *Horosho*. Думаю, это заслуживает награды. — Он усадил меня на утопленную в воде скамеечку — и оставил.

Не успела я запротестовать, как он поднялся из воды.

Капли воды стекали по его великолепным мускулам, по завораживающим татуировкам.

От одного вида его тела мои ноющие соски напряглись, а киска сжалась.

Расстелив другой махровый халат на мраморном полу рядом с ванной, он поднял меня на ноги.

— Встань на халате на четвереньки. — Он помог мне выйти из джакузи.

Даже выбравшись из воды, я чувствовала себя расслабленной и размякшей, позволив усадить себя в желаемую позу, целиком открывшую меня его взору.

— Теперь ляг щекой на пол и вытяни руки вдоль тела. Вот так. Раздвинь ноги. — Больше обзора? — Хорошо. Оставайся так. — Он встал за мной. — Просто расслабься и принимай всё, что я буду с тобой делать.

А делать он будет вот что...

Он провёл головкой члена прямо между двух половинок попки.

Я ахнула. Он же не будет делать *это*?

— Такая чувственная. — Он повторил своё движение. — Хотя чему я удивляюсь?

Но когда я уже почти смирилась со всем, что для меня приготовлено, он наклонился вперёд, покрывая поцелуями одну половинку попки — лёгкие покусывания и касания языка там, где он меня высек.

— Здесь тоже будет болеть. — Другая половинка попки удостоилась такого же внимания. — Ты была так совершенна с этими ярко-розовыми следами от плетей на бледной коже. — Лицом он потёрся о бёдра. — Я представлял, как ты ощущаешь каждый удар, и едва не кончил от этой картины.

Его голова двинулась между моих ног, склоняясь к киске. Он будет целовать меня с этой стороны? Так эротично...

От первого же прикосновения его языка я не смогла сдержать стон.

— Ты удивлена? — Он подразнил мою дырочку кончиком языка, затем произнёс, — ты ведь не думаешь, что я закончу день, не попробовав тебя здесь? Поэтому я и называю тебя *sladkaya toya*. День без этого ритуала — и я буду несносен. — Он поцеловал меня французским поцелуем, словно перед ним был мой рот, его язык скользил и искал между моими губами.

Я застонала, чувствуя, что уже близко. Я хотела, чтобы он продолжал — но с ума сходила от желания ощутить его внутри.

— Севастьян, пожалуйста, трахни меня опять.

— Не могу. Ты, наверное, там очень чувствительна. Не хочу сделать тебе больно. — Раздвинув большими пальцами складочки, он продолжал своё занятие с возросшим аппетитом.

Я задыхалась:

— Я... я выдержу.

Он переместился чуть ниже, к моему клитору.

— Разве этого недостаточно?

— О, Боже! — Ладони у меня сжались в кулаки.

Своей плотью я ощутила его тёмный смешок.

— Расслабься и прими. — Он продолжал лизать и сосать, пока я не оказалась между двух огней: я не хотела кончать без разрешения, но уже находилась на пике.

— Севастьян, можно...

— Нет.

— Пожалуйста, дай мне кончить!

— Как? — рявкнул он.

— Ч-что?

— Как ты хочешь кончить? Когда умоляешь меня, будь точнее. И не двигайся, если тебе нужен мой рот.

Я заставила своё тело расслабиться.

— Пожалуйста, продолжай делать то, что делаешь. Сильнее. — От страсти мой голос сделался хриплым.

— Где? Точнее. — Он был таким властным, что уже в сотый раз за ночь мои мысли путались.

— Пожалуйста... лижи мой клитор... пока не заставишь меня кончить.

— Ммм. Уже лучше. — Он упивался своей властью в сексе надо мной, и я не знала, кому из нас это нравилось больше.

Склонившись ниже, чтобы удобнее дотягиваться языком до моего бугорка, он раздвинул половинки попки, и его пальцы оказались прямо рядом с анусом.

Я не могла поверить, что скажу такое...

— И... и одновременно трогай меня там.

Сама невинность, он произнёс:

— Где, милая? — и его напряжённый язык проскользнул в мою киску.

От досады я шлёпнула ступнями по полу.

— Ты знаешь, о чём я!

— А, да, об этом. — Он наградил меня очередным досадно-прекрасным движением языка.

Почти обезумев, я прошептала:

— Пожалуйста, лижи клитор, одновременно трогая мою попку.

— Тогда лучше замри, — насмешливо произнёс он.

Я смутно осознавала, что мой неутомимый боец, забавляясь, просто *играет* со мной, наслаждаясь сам! И мне это нравилось.

Он втянул мой клитор в рот.

— О, Боже, о, Боже...

Подушечкой большого пальца нашёл мою сердцевинку...

Я взорвалась, напугав саму себя пронзительным криком.

— *Севастьян!*

Давление вокруг пульсирующего клитора рождало во мне волну за волной, а он продолжал сосать и играть...

Заполучив от моей разрядки всё до последней капли, он встал за мной, прохрипев:

— Жадина. Кончила без разрешения? Завтра будешь наказана. Сегодня тебе повезло, потому что ты меня очень порадовала.

Я задыхалась:

— Ну а теперь-то ты меня трахнешь?

— Сегодня нельзя. — Он гладил себя? — Кроме того, ты выглядишь так, что... я долго не продержусь.

— Правда?

— Если бы я надел резинку, то точно бы в неё кончил.

Даже в таком положении я не смогла сдержать смех. Сводящий с ума, потрясающий мужчина!

Упёршись лбом в пол, я повернула голову, чтобы на него посмотреть. Татуировки будто двигались по его рукам, пока эти руки скользили по толстому члену.

— Если бы ты знала, о чём я сейчас думаю, красавица... — выдавил он.

От того, как он это произнёс, от его взгляда у меня подвернулись пальцы ног.

— Хочешь, чтобы я отметил тебя своей спермой? — Он ещё крепче сжал кулак, чтобы сдержать прилив крови.

В ответ я выгнула спину, полностью раскрывшись...

Он издал долго сдерживаемый крик. И мгновенье спустя на мою задницу опустилась горячая лента. Бёдра двигались, он трахал свой кулак, покрывая семенем мою плоть.

Каждая тяжёлая струя обжигала меня почти также, как и его кнут раньше. Вопль наслаждения длился и длился... пока мужчина окончательно не иссяк.

Тяжело дыша, он произнёс:

— Только посмотрите на мою женщину.

Я вспыхнула. Можно было лишь догадываться, какую картину я собой представляла: выставленная напоказ, незащищенная, с заляпанным красным задом.

— Эта зрелище навсегда останется в моей памяти.

Гулко стучало сердце; он не сводил с меня взгляд, пока я не поёжилась.

— Севастьян...

Потом мы вновь оказались в воде, и он снова вымыл меня с головы до ног, оставляя повсюду на мне поцелуи, которые я впитывала, словно уплетающий сметану котёнок.

Он поднялся, обтёрся полотенцем, затем поднял меня из воды, словно я ничего не весила.

По-прежнему находясь в оцепенении, я позволила ему вытереть себя и отнести в кровать. Он лёг на спину под одеяло, притянув меня к себе. Когда я свернулась у него под боком, он издал длинный выдох — подлинное мужское удовлетворение.

Прижавшись ухом к его груди там, где находилась сердце, я прислушивалась к убаюкивающему биению. Я не могла вспомнить, когда последний раз чувствовала себя такой расслабленной, такой... умиротворённой.

Я никогда не чувствовала себя настолько влюблённой.

Прижав меня к себе крепче, он прошептал в волосы:

— Ты очень порадовала меня сегодня. Не знал, что буду так горд.

Засыпая, я улыбалась. Сегодня мы разрушили возведённую между нами стену.

Завтра всё изменится.

Не изменилось ничего, думала я, меряя комнату шагами. Ничегошеньки...

Сегодня я спала до обеда — полных десять часов! — проснувшись с широкой улыбкой на лице и фразой "блин, попка просто горит" на языке. Но обнаружила, что снова осталась одна.

Севастьян не оставил ни записки, ни смс, даже не позвонил.

Я чувствовала себя совершенно не в своей тарелке, ощущая похмелье, озноб и тревожность после вчерашнего выброса эндорфинов. Следов на теле почти не осталось, но казалось, что я побывала в сушильной центрифуге.

И даже три часа спустя это ощущение не прошло. И меня по-прежнему расстраивало отсутствие Севастьяна. Да, я понимала, что он занимается тайными операциями, связанными с синдикатом, но разве нельзя взять отгул? Сегодня я вообще не должна была вылезать из кровати, мы должны были вместе тискаться!

Почему он ради меня не остался? Я зашагала быстрее, когда моё воображение пустилось вскачь. Вдруг он пожалел, что взял меня в клуб? Вдруг его одолели сомнения?

Почему я никак не могу согреться?

Вдруг я его чем-то разочаровала?

Обычно я редко впадаю в панику. Но после вчерашнего физического и эмоционального истощения мне казалось, что я превратилась в бешеный волчок.

Я потянулась за телефоном, твердя "не буду ему звонить". Не хотела выглядеть навязчивой тёлкой, которой требуются гарантии только потому, что прошлой ночью её выпороли, трахнули и заставили кончить перед толпой зрителей...

До этого я колебалась, глядя на телефон, пока не позвонила Джесс. После моего прохладного приветствия она потребовала подробностей:

— Куда вы вчера ходили? Я просто умираю, как хочу знать — так сильно, что даже выяснила, как звонить во Францию!

Когда я рассказала о пережитом опыте, она воскликнула:

— Ты действительно позволила себя привязать? Перед публикой? Ууу, Нэт, я, блин, так горжусь женщиной, в которую ты превратилась! — и добавила после паузы, — стой-ка, ты что, переплюнула меня в сексе? Я тоже хочу побывать в "Цирке дю Членее"! Ну давай, потаскушка, купи мне билетик, а, а?

Но я совсем не была настроена шутить.

— Когда я проснулась, его не было, он просто ушёл. Джесс, ну почему он вот так вот сбежал?

— Скорее всего, обдумывает очередной ход. Превзойти "Цирк дю Членей" будет непросто.

Закончив разговор, я попыталась отвлечься, пялясь в камеры наблюдения, но это не помогло. И вот я снова принялась мерить шагами комнату, расхаживая по пушистому ковру от стены к стене.

До встречи с Севастьяном я никогда так много не расхаживала.

Каждая минута его отсутствия ещё больше портила настроение. *Не буду звонить...*

Гордость — вкупе со злостью — придала мне решимости отбросить телефон на кровать.

Всё ещё ощущая озноб и ломоту в теле, я приняла обжигающий душ и направилась в гардеробную. Юбки и тончайшие блузки, шпильки и чулки. Если он повторно заказывал вещи из моего гардероба в Берёзке, то явно выбрал только самое лучшее.

Этот выбор заставил меня скривиться.

Порой мне просто хотелось натянуть треники и заляпанную кетчупом футболку. Я бы предпочла носить джинсы и тяжёлые ботинки, пока меня держали в этой золотой клетке.

Приходя в себя после экшена, я уж точно не потянусь за прозрачной сорочкой.

Солнце уже клонилось к закату, когда вернулся Севастьян. И первое, что я заметила — его непроницаемый взгляд.

— Где ты был? — мой тон был удивительно спокойным, учитывая тот факт, что мне хотелось кинуться на него с кулаками.

— На переговорах. — От мужчины, стоящего передо мной, не веяло холодом, но это был уже не тот фантастический любовник из прошлой ночи.

— Ну, как прошёл день? (*о, господи*)

— Нормально.

Я в замешательстве смотрела на него.

— Мой тоже. Замечательно, на самом деле. — Это он *так* будет ко мне относиться после всего пережитого? Какой же я была наивной; мы преодолели наши сексуальные барьеры, но это вовсе не означало, что мы преодолели и эмоциональные.

— Хорошо. — Он отвернулся, снимая пиджак и кобуру.

Мне казалось, что он пытался как-то от меня дистанцироваться. Будь у меня паранойя, я бы подумала, что он даже... чувствует себя рядом со мной неловко.

И это когда мы только-только сошлись во мнениях? Так дело не пойдёт. С усилием хохотнув, я спросила:

— Ты что, избегал сегодня меня?

— Нет, — был ответ, но он вращал кольцо на пальце.

— Ты сегодня молчалива, — заметил Севастьян.

— Просто думаю, — я смотрела в окно лимузина, пока мы ехали по парижским улицам мимо рядов мерцающих газовых фонарей и стройных каштанов. Он сказал, что у него есть для меня сюрприз.

После клуба прошло четыре дня, и продолжая делать успехи в постели, в других областях мы зашли в тупик. А конкретно: во всех остальных.

Та ночь казалось вершиной, с которой мы теперь скатывались вниз.

— Ты печальная. — Пальцами в татуировках он барабанил по подлокотнику. — Никогда тебя такой не видел.

— Просто я должна о многом поразмыслить. — Дурные предчувствия. Они меня просто с головой накрывали.

Отрицать больше не имело смысла — все эти дни Севастьян меня избегал.

И это так отличалось от наших ночей, когда он без устали доставлял мне удовольствие, отдавая приказы, направляя. Вновь и вновь он доказывал, что наши наклонности безупречно совпадают.

Как и было обещано, он заказал набор секс-игрушек и приспособлений. Всё это доставили во внушительных размерах ящике — проще говоря, в БДСМ-комоде. Хоть он ещё не распаковал ни одного хард-кор приспособления — верный своему слову не торопиться — несколько игрушек он уже на мне опробовал.

Мои оргазмы, казалось, его завораживали: то, как быстро он доводил меня до них, как долго он мог мне в этом отказывать, пока я не начинала его умолять.

По ночам он был идеален. Но днём, *если* оказывался поблизости, то был молчалив и замкнут. Что раздражало по многим причинам. Севастьян добивался от меня большей беспомощности во время секса, полной капитуляции, от чего на следующий день я чувствовала себя ранимой — лучшее время для того, чтобы вести себя как засранец.

Всё равно, что ловить мяч собственной физиономией.

Он вновь забарабанил пальцами. Это "*бум-бум-бум*" действовало мне на нервы. В клубе мы подходили друг к другу идеально. Сейчас между нами возникла трещина.

— Расскажи, о чём ты думаешь, — сказал он.

О, ну надо же.

— Хоть намекни, куда мы едем? — спросила я, уклоняясь от ответа, чтобы он сам прочувствовал, каково мне.

— Это будет сюрприз.

Ещё один секс-клуб? *Я как-то не в настроении, Севастьян.* Но приходилось признать, что он слегка подогрел моё любопытство.

— Для человека, ненавидящего сюрпризы, ты любишь их преподносить.

— Ты бы предпочла остаться? Уже поздно.

Я находилась в таком смятении чувств, что готова была отказаться от поездки, если бы не две вещи: мне отчаянно хотелось выбраться из дома. И перед этим он повёл себя со мной совсем иначе.

Вернувшись домой с переговоров, он заключил меня в объятия и держал так, словно я была его единственной надеждой на спасение. Словно он пересёк финишную черту, чтобы

до меня добраться.

И это сбивало с толку!

Он тяжело вздохнул.

— Иногда ты для меня — одна сплошная загадка.

Если он не перестанет барабанить пальцами, я сломаю их, как сухой хворост.

— Ты начал этот разговор. Кроме того, я тебе всегда обо всём рассказываю.

— Не сегодня.

— Возможно, — признала я.

— Я просил, чтобы ты говорила мне о своих потребностях. Ты согласилась.

С чего же начать?

— Ты правда этого хочешь?

— Да.

Ну, поехали...

— Когда ты сбежал наутро после клуба, я надеялась, что ты оставишь записку или смс.

Чтобы убедить меня.

— В чём? Не может быть никаких сомнений в том, что я чувствовал после той ночи.

— Было бы неплохо получить доказательства.

Бум-бум-бум.

— Хорошо. И...?

— Я хочу знать, где ты каждый день пропадаешь?

— Решаю деловые вопросы, насколько здесь это возможно.

— Дела синдиката с тем Максимом? — Когда он кивнул, я сказала, — Я знаю, что он держит тебя в курсе того, что происходит в Берёзке, и что с ним ты разговариваешь так же много, как я с Джесс. Кто он тебе?

— Не более чем временный союзник. Он помогает мне разбираться с возникшими препятствиями в работе.

Мне снова показалось, что Севастьян меня оберегает. Ложь во спасение?

— Что ещё тебя беспокоит. — *Бум-бум.*

— Я больше не могу находиться взаперти и в одиночестве в этом доме.

— В том числе и поэтому я сегодня пригласил тебя в эту поездку.

Я посмотрела на него.

— Сколько ещё мы здесь пробудем? Я привыкла, что вокруг меня всегда люди, смех и веселье. Я привыкла ставить цели и добиваться их. Мне нужна конкретная дата, эта неопределённая фигня со мной не работает.

— В Россию мы вернёмся в начале следующей недели. Там всё будет по-другому, Натали.

Мне всё больше казалось, что я уже этого достаточно наслушалась.

— Как именно?

— Ты найдёшь новых друзей. Твои дни вновь наполнятся событиями, когда я буду уверен в твоей безопасности. А сейчас мне нужно твоё терпение.

Я внутренне зарычала. Впрочем, думаю, пару дней я смогу продержаться...

Когда лимузин снизил скорость, я спросила:

— Мы на месте? — мой голос звучал по-дурацки нетерпеливо; *любопытной Варваре нос оторвали.*

Из кармана пиджака Севастьян вынул шёлковую ленту.

— Как я сказал, это сюрприз.

— Прекрасно. — Я позволила завязать себе глаза. Потом он помог мне выбраться в шумную ночь из припаркованного лимузина.

Он вёл меня по бетонным ступенькам, и я спросила:

— О, на этот раз мы будем *над* землёй? — Подколола.

— Я бы не стал к этому привыкать, — подколот он в ответ.

Мы переступили порог какого-то тёплого помещения. Если не считать эха моих каблучков, внутри было тихо.

Когда он снял повязку, я поморгала, привыкая к свету.

И вдруг всё поняла, и завертелась на месте.

Мы были в музее "Орсе"! Я читала о нём в путеводителе, видела иллюстрации. Это была отремонтированная железнодорожная станция, где можно было увидеть работы знаменитых французских импрессионистов и других художников того времени.

Моя самая любимая "*Звёздная ночь над Роной*" Ван Гога находилась... *здесь*. От осознания того, что я увижу её воочию, у меня закружилась голова.

Я посмотрела по сторонам, никого не обнаружив. Освещение было приглушенным.

Это только для нас? Моё недавнее раздражение превратилось в едва слышный шёпот, и мне стало стыдно за желание сломать ему пальцы.

— Подходит под "о-фи-геть"? — сухо просил Севастьян.

Я не сдержала смех.

— Ещё как! Ты превзошёл сам себя, Сибиряк! Как ты умудрился провести нас сюда после закрытия?

— Попросил об услуге. Этот музей меньше и обладает большей индивидуальностью, нежели Лувр, он куда лучше подходит для экскурсии на одну ночь. Пойдём.

Первой скульптурой оказалась прекрасная Сафо с лирой в руках и с задумчивым выражением на лице.

— Свои поэмы она сочиняла с расчётом на аккомпанемент лиры, — сказала я. — Можно сказать, она была первой поэтессой, сочинявшей тексты для песен.

Самоучка, казалось, был впечатлён.

— Ты разбираешься в древнегреческой поэзии?

— "Нельзя изучать историю сексуальности, не познакомившись с Сафо" — *Натали Портер, студентка исторического факультета*. По-прежнему ли мне соответствует это определение?

Возможно, стоит по совету Пахана поехать по миру, воплощая свои мечты. С мужчиной рядом...?

Пока мы с Севастьяном переходили от одной поразительной статуи к другой, я старалась незаметно за ним понаблюдать.

Я вспомнила его сосредоточенное выражение лица, когда он мыл мне голову, как сильно ему хотелось сделать всё правильно. Точно также он выглядел и сейчас, будто впечатлить меня являлось для него критически важной задачей.

На самом деле он следил за моей реакцией внимательнее, чем разглядывал саму экспозицию. Так же, как наблюдал за моим лицом — вместо оргии.

— Не интересуешься искусством? — спросила я.

— Я очарован твоей реакцией.

Неотразимый Сибиряк. Когда он говорил что-то подобное, разве я могла на него

злиться?

Одним из последних экспонатов первого этажа была *"Женщина, укушенная змеей"* — скульптура в натуральную величину женщины, раскинувшейся на цветочном ковре. Её роскошное тело, её округлости были навечно выставлены на всеобщее обозрение.

Но даже несмотря на эту чувственную картину, я чувствовала на себе обжигающий взгляд Севастьяна. Когда я подняла на него глаза, его взгляд потемнел, давая понять, чьи именно округлости он желает созерцать вечно.

Я уже привыкла к этому чувственному взгляду — в постели, в душе, в секс-клубе. Но в музее я ощутила некое волнение. Как тогда в баре, когда я пыталась с ним познакомиться.

Я кокетливо заправила прядь волос за ухо — ээ, *могу я тебя угостить?* — и пошла дальше. Мы поднялись по лестнице в молчании, задумавшись каждый о своём.

Но на втором этаже я не стала останавливаться у других экспонатов, чтобы воздать им должное, я пошла сразу к *"Звёздной ночи"*. А потом...

Это была она. Прямо передо мной.

— Не могу поверить, что смотрю на неё.

Он молча стоял рядом со мной, позволяя наслаждаться картиной.

Виденные мной копии никогда не передавали замысловатую текстуру оригинала. Отражение фонарей в воде было передано смелыми широкими мазками. Каждая звезда представляла собой слои искусно наложенной краски, создающей на картине ощущение высоты.

Я моргнула, посмотрев на него, совершенно не представляя, сколько прошло времени. Покраснев, я объяснила:

— Это моя любимая работа того времени.

— Почему эта?

— Лодки, свет над водой... эта картина так далека от домашних полей, от всего, что я знала. В Корн Белт я никогда не видела таких оттенков синего. Для меня эти цвета были экзотикой, они манили меня. — Это не говоря уж о том, что я тайно вздыхала над парочкой на переднем плане, которые воочию наблюдали ту ночь.

Севастьян подошёл ещё ближе.

— Когда ты взбудоражена, на твоих щеках появляется ярко-розовый румянец, а на фоне огненно-рыжих волос глаза становятся ещё ярче. — Протянув руку, он намотал на палец кончик локона. — Твои цвета манят меня.

У меня вырвался вздох. Когда этот мужчина был таким, я говорила себе, что сумасшедший секс, обожающие взгляды и искренние комплименты смогут помочь мне продержаться.

До какого момента?

Пока он не будет видеть во мне партнёра, которому можно доверять.

Он отступил.

— И вновь я слишком свободно с тобой говорю. — Теперь *его* скулы окрасил румянец. — Как только ты рядом, я говорю больше, чем следует.

— Значит, нам нужно проводить друг с другом больше времени. — Я позволила ему увлечь меня в другой зал.

— Или меньше, — сказал он, хоть и очевидно не обрадовавшись такой перспективе.

— Разве плохо, если я узнаю о тебе больше?

— Не думаю, что тебе понравится то, что я открою.

Так в этом причина его скрытности? Он боится меня отпугнуть? Ничем хорошим это не кончится.

Пока я осматривала очередную экспозицию, вспомнила свой первый семестр в Университете. Мы с Джесс только-только подружились, и она стала встречаться с "многообещающим" новым парнем. И как-то раз он ей загадочно сообщил "не думаю, что понравился бы тебе, знай ты меня лучше".

К его ужасу, она быстро его отшила. А мне объяснила:

— Когда мужик говорит тебе что-то подобное, дорогуша, лучше поверь ему на слово.

Мы с Джесс пообещали друг другу, что если мужчина станет говорить о себе в негативном ключе: "я не подхожу тебе", "мне сложно брать на себя обязательства", "я не планирую в ближайшем времени остепениться" — мы обязательно будем к этому прислушиваться.

Севастьян сказал, что он плохой парень. Я думала, он имел в виду свою работу в качестве боевика. Так что же он от меня скрывает?

— Может быть, я бы рассказал о себе ещё, — сказал он, — если бы был больше в тебе уверен.

И эта финишная черта по-прежнему оставалась между нами.

— Тогда мы снова возвращаемся к "Уловке-22". Мне сложно пожертвовать всем, когда о тебе мне почти ничего не известно. Ты выдаёшь информацию по крупице каждые несколько дней. Такими темпами пройдёт лет двадцать, прежде чем я дам своё согласие.

К слову о времени... Мы подошли к окну в огромных часах д'Орсе. В пространстве между римскими цифрами я могла выглянуть наружу и увидеть внизу затуманенную Сену, огни Лувра и сад Тюильри.

Вид этого раскинувшегося пейзажа заставил померкнуть мои разногласия с Севастьяном, уступив место воспоминаниям об отце, который был "Часовщиком". Когда сдвинулась минутная стрелка, я едва смогла сдержать слёзы.

— Как ты справляешься, Севастьян? — мне не нужно было ничего уточнять.

Его лицо превратилось в гранит под давлением.

— Я горюю, как и ты. Я много о нём думаю.

Я взяла Севастьяна за руку.

— Я всё время о нём вспоминаю по самым разным поводам. — Сегодня я думала о его письме, о тех надеждах, которые он на меня возлагал. А до этого я увидела на рекламном щите белых тигров и сразу вспомнила, как мы с ним вместе смеялись. — Расскажи мне о нём что-нибудь?

Севастьян открыл было рот — чтобы, несомненно, отказаться.

— Всего одну историю, — быстро сказала я. — *Pozhaluista*.

Словно собираясь выступить перед многотысячной толпой, он прочистил горло:

— Когда я был с ним всего несколько месяцев, он взял меня на общую встречу. Сын другого вора в законе сказал, на мой взгляд, что-то оскорбительное про Пахана. Я схлестнулся с парнем постарше — это означало, что мы оба должны были драться в центре заполненного людьми склада. "Ты слишком умён, чтобы принимать удары в голову", сказал мне Пахан, когда мы шли сквозь толпу. — Севастьян нахмурился. — Он всегда говорил, что я умный. Так что я ему сказал, что буду "драться с умом".

Я так чётко могла представить себе эту картину: Пахан, сопровождающий его сквозь толпу бандитов, Севастьян с задранной подбородком, напряженно впитывающий внимание

Пахана. Потому что никто раньше не давал ему советов.

— Пока я шёл к импровизированному месту боя, вокруг орала люди, выкрикивая свои ставки. Мне было всего четырнадцать, и... угроза была серьёзной. — Мягко говоря. — Пахан, казалось, очень беспокоился, что меня могут покалечить. Я попросил его не волноваться.

— И что он ответил?

— Он вздохнул и сказал "Лучше привыкай к этому, сынок". Впервые тогда он назвал меня сыном. И что-то щёлкнуло в моей голове, я понял, наконец, что с ним у меня будет постоянный дом.

Может быть, на протяжении нескольких месяцев он боялся, что ему придётся вернуться на улицу? Покинуть Берёзку? *Ох, Севастьян.*

— И после этого я был сосредоточен на победе, чтобы заставить его мной гордиться.

— Ты победил?

— От моего поверженного противника меня оттаскивали втроём.

В четырнадцать лет.

— Пахан позволил тебе продолжать драться?

— Я убедил его, что буду делать это безо всякой причины — или же ради денег и уважения. Ему оставалось только согласиться.

— Ты не учился в школе?

— Я учился у него, — ответил Севастьян само собой разумеющимся тоном. Пунктика по поводу образования у него не было; неудивительно, что Филипп солгал. Было совершенно ясно, что Севастьян был уверен в своих знаниях и способностях. Также было ясно, что Пахан эту уверенность всячески поддерживал.

— Еженедельно он покупал мне книги. По математике, экономической теории, философии, русской литературе. И истории, — продолжал Севастьян. — Он никогда не говорил, что я должен их читать, но наградой являлась возможность обсудить с ним эти книги, обычно, когда он возился с этими проклятыми часами.

Эта несомненная привязанность Севастьяна вновь увлажнила мои глаза.

— Спасибо, что рассказал мне об этом. — Он, наконец, хоть в чём-то приоткрылся! Всякий раз, видя эти проблески его настоящего, я чуть больше в него влюблялась.

Он приподнял брови.

— Думаю, это самая длинная история, какую я когда-либо рассказывал.

Я не могла понять, шутит ли он или говорит серьёзно.

В этот момент облака расступились, открыв луну. Её свет пролился над рекой, подсветив цифры на часах, отчего они засияли.

Полнолуние. Неужели с того дня, как Севастьян увёз меня в Россию, прошёл месяц? Месяц с нашего первого поцелуя?

Интересно, вспомнил ли он об этом? Казалось, всё, что он делал, было подчинено какой-то цели. Может ли он оказаться скрытым романтиком?

Я небрежно заметила:

— Это своего рода наша годовщина.

Он совсем не выглядел удивлённым.

— Да. Так и есть.

— Мы отпразднуем наш первый поцелуй? — Тогда я даже понятия не имела, кем станет для меня этот мужчина.

— Я бы хотел. — Он привлёк меня к себе. — Ты не представляешь, как сильно я хотел отметить тебя своим поцелуем.

— В самолёте ты отметил меня много чем ещё.

Его веки отяжелели, когда он, очевидно, вспомнил о том, чем мы занимались.

— Мне очень повезло той ночью.

— А сейчас?

— Я буду считать себя счастливым, моя неуловимая девочка, когда ты станешь считать себя занятой. У каждого мужчины есть слабость; ты — моя слабость. Я это принимаю. А ты должна принять меня.

Нет, у *каждого человека* есть слабости.

И Александр Севастьян был моей.

— Ты нужна мне вся целиком, Натали.

Он *открылся* мне сегодня, и на этом мы уже можем что-то построить. Я улыбнулась ему.

— Я пока ни от чего не отказываюсь, Сибиряк.

— Думаю, это уже хорошо — пока. — Подушечкой большого пальца он провёл по моей щеке. — Хочешь вновь посмотреть на свою картину? Мы можем вернуться.

Вернуться? Когда минутная стрелка вновь сдвинулась, я не чувствовала грусти. На этот раз я чувствовала крошечный проблеск оптимизма.

Может, мы, наконец-то, движемся *вперёд*.

— Если ты помолвлена — жизнь уже не кажется весёлой? — спросила Джесс пару дней спустя. — Я думала, вы, ребята, после музея только и делаете что воркуете.

— Он ещё сильнее отдалился, если это вообще возможно. — Этим утром он вновь без вести пропал. И (*внимание!*) не оставил записки, запоздало отправив смс "на переговорах".

О, спасибо. Я думала, воспоминания о Пахане сблизят нас. Но эта история о моём отце была последней, которую я вытянула из Севастьяна.

— Прямо какой-то депрессивный тип, — заключила Джесс.

— Предполагается, что через два дня мы вернёмся в Россию. Он обещал, что там всё будет по-другому.

— И?

— Я в сомнениях, Джесс, и не уверена, что хочу с ним возвращаться. — В худшие моменты я даже не знала, *смогу ли*, не пожертвовав огромной частью себя. — Разве может секс быть таким прекрасным, в то время как остальные стороны жизни — просто ни о чём? Нет никаких сомнений в том, что никто другой не подойдёт мне так идеально в постели. Его я нашла с первого же захода.

— Звучит так, как будто ты в него влюблена, Нэт.

— Так и есть, — признала я. — Но всё сложно. У этой любви могут быть острые края. И это выматывает. Не помню, чтобы когда-нибудь я так уставала.

Возможно, стоит выбраться из-под его влияния и спокойно обдумать всё произошедшее. Его индивидуальность была больше жизни, как и те вещи, которые он мне показал, так что я, наверное, перегружена всем этим.

Иногда мне казалось, что будет здорово выбраться из-под этого давления. В другие моменты мысль о расставании сводила меня с ума.

— Ты должна обострить проблему, — сказала Джесс. — Если хочешь добиться от него ответов, потребуй этого. Разговаривай с ним на понятном ему языке: единорогов. Или Глоков или кого там ещё. Тяни, пока не вытащишь эту занозу у льва из лапы.

— А если я *не смогу* её вытащить?

— Тогда пусть подыхает от гангрены — в одиночестве. Установи предел. Дай ещё один шанс, но потом — всё.

Может, она была права. Он хотел, чтобы только я подстраивалась — а сам упрямо оставался прежним. Может, уже хватит компромиссов и выдумывания оправданий.

— Знаешь, возможно, тебе потребуется обрубить все концы, Нэт. Думаю, ты надеешься, что я буду тебя убеждать разделить с ним все его беды и горести, все его детские психологические травмы. Так вот, это не так. Иногда самосохранение означает сохранение себя самой.

— Очень глубокомысленно, Джесс. — Но как раз к этому я и склонялась: сохранить Натали внутри Натали. — Откуда ты об этом узнала?

— Прочитала в каком-то дешёвом любовном романе.

Я ахнула:

— Ты *читать* умеешь?

— Вот это моя Натали! Мне тебя не хватало. Отделайся от этого депрессивного единорога и возвращайся домой.

Я вспомнила, как он отреагировал, когда я предложила взять паузу; он разнёс туалетный столик.

— С таким, как он, будет непросто взять перерыв.

— Тогда помни мой совет. *2Б, детка.* — Будь безумнее.

Когда мы попрощались, я оделась, приготовившись к битве. Чего бы я только не дала за пару джинсов и свободную обувь — или за любую вещь со дна моей бельевой корзины в Небраске.

Я остановилась на шёлковой блузке глубокого синего цвета и чёрной зауженной юбке. Волосы я собрала в пучок, обуваясь в остроносые туфли.

Наступил уже поздний вечер, когда он, вернувшись, стал подниматься в нашу комнату. От него просто волнами распространялась усталость.

Не просто усталость — отстранённость. Всё стало куда хуже, чем было. И я могла поклясться, что видела даже недовольство на его лице.

Недовольство... *мной?* Что, чёрт возьми, я сделала?

— Нам надо поговорить.

Он отстегнул кобуру, перекатывая голову по плечам.

— Не сейчас.

— Откладывать больше не получится. Мне надоело здесь торчать, пока ты ходишь на свои таинственные переговоры — и что у тебя вечно от меня секреты. Мне надоело, что я всё время вне твоей жизни.

Его взгляд был угрожающим.

— Ты должна набраться терпения.

Терпения? Он опять на меня всё перекладывает?

— Когда ты собираешься подпустить меня к себе? Когда мой рейтинг повысится до той отметки, после которой ты посвятишь меня в свои дела? Чтобы действительно их обсуждать? Когда мы переспим? Так мы уже! Когда мы будем жить вместе? Мы уже *живём*. — Я постучала пальцем по подбородку. — Хмм? Может тогда, когда ты выпорешь и трахнешь меня перед толпой зрителей? Что может быть интимнее этого? И всё равно ты не делишься со мной тем, что происходит в твоей жизни? В твоей голове?

— Возможно, этого *никогда* не случится, — сказал он, и от этого меня переполнило беспокойством. — Тебе когда-нибудь это приходило в голову? Как насчёт "*никогда*"?

— Если ты не воспринимаешь меня, как партнёра, тогда я ничем не лучше куклы, игрушки, которую ты достаёшь и убираешь тогда, когда тебе удобно. — Как и я поступала со своим арсеналом. — И как ты думаешь, я себя в таком случае чувствую?

Для него я была просто собственностью — о чём он мне и сообщил.

Надо было прислушаться к этому, дорогуша.

Ладонью он провёл по губам.

— Может, ты ждёшь от меня того, чего я не знаю, как дать.

— Ты знаешь. Просто не хочешь!

— Значит, я во всём виноват? Почему я должен тебе что-то говорить, если я чувствую, как ты от меня отдаляешься?

— О, нет-нет-нет, Сибиряк. Я не отдаляюсь, это ты выставляешь меня за грёбанную дверь! Если не перестанешь — я взорвусь. Ты понял?

Хоть я и чувствовала в нём странную разновидность паники, внешне он оставался совершенно спокоен.

— Назад дороги нет, сладкая. Ты пристрастилась ко мне так же, как и я к тебе.

Под влиянием. Этого я отрицать не могла. Не говоря уж о том, что я, как идиотка, в него влюбилась. Но если он мне не подходит...

— Это правда, я пристрастилась к тебе. Но, может, пора менять привычки...

Внизу раздался какой-то шум. Севастьян схватил кобуру и мгновенно вытащил пистолет.

— Стой здесь. Запри за мной дверь.

У меня сердце упало.

— Кто там? Кто-то чужой!

Он наклонил голову. Через секунду ответил:

— Нет, и в этом-то проблема.

— Как? Почему??

— Потому что чужих я могу убить.

Закрывая за ним дверь, я раздумывала, почему Севастьян не приказал мне укрыться в убежище.

Но разве я не знала ответ? Он не хотел, чтобы я видела их на мониторах. А значит, я *должна* была их увидеть.

Сидя за столом, я просматривала монитор за монитором, пока он спускался вниз по лестнице. Мои глаза округлились, когда я посмотрела на монитор, который показывал парковку. Наш охранник валялся на земле. Но, по крайней мере, было похоже, что он дышит.

На кухне я заметила темноволосого парня, такого же высокого, как Севастьян, разминающего пальцы на правой руке. Этот парень одним ударом вырубил того верзилу? Может, это — таинственный Максим? Одет он был так же хорошо, как и Севастьян, наверное, даже чуть более консервативно. Несмотря на недавнюю стычку, он умудрился сохранить свой костюм в безупречном виде.

На цветном экране я видела, что его глаза были пронзительного синего цвета. И почему-то незнакомец мне кого-то напоминал.

Он, не стесняясь, взял бутылку водки и вытащил рюмки, будто только и ждал Севастьяна. Хотя рюмок было три. А где же третий?

Севастьян вошёл в комнату. Несмотря на то, что выглядел он так, словно готов был броситься в бой, он опустил пистолет, засунув его за пояс сзади.

Удивительно, но второй мужчина не показывал никакого страха. Он ухмыльнулся и что-то агрессивно произнёс.

Разве он не видит, что Севастьян на грани насилия? Оно кипело внутри, готовое прорваться в любой момент.

Новый диалог — они говорили по-русски? — Севастьян вдохнул-выдохнул, словно пытаясь успокоиться.

Мне надо было знать, о чём они говорили! Я сняла туфли, взяв их с собой, и выскользнула из комнаты. Я прокралась вниз по лестнице, остановившись перед кухонной дверью. Теперь я буду подглядывать и подслушивать?

Если бы он со мной разговаривал, я бы до такого не опустилась!

— Отвечай! — вскричал по-русски Севастьян. — Какого дьявола ты здесь делаешь?

Мужчина отвечал тоже на русском:

— И это твой тёплый приём? После той работы, которую я проделал, чтобы помочь твоей невесте, ты даже не позволишь с ней познакомиться?

Невесте? Почему Севастьян сказал, что мы помолвлены? И что именно этот человек для меня делал?

— Ты это делал не из благородных побуждений, Максим. А чтобы просто чем-то занять свой больной мозг.

Я фыркнула.

Максим. Во плоти.

— Постановщик игры на отдыхе опасен, — подтвердил Максим. — Как нам всегда говорил старый ублюдок: "Без авантюр жизнь слишком затягивается". В любом случае, кто бы говорил — именно ты сейчас играешь в опасную игру.

В какую игру? Он говорит о делах синдиката?

— Когда я попросил о помощи, — сказал Севастьян, — я сказал, чтобы ты не рассматривал это, как что-то большее. Ты согласился.

— Полагаешь, нам нужно от тебя что-то большее, Роман? — *Роман??* — Не льсти себе. Я просто хочу познакомиться с женщиной, которая, наконец-то, поставила моего старшего брата на колени.

Я прислонилась к стене. Максим — это *брат* Севастьяна.

Это было заметно. Оба были черноволосыми, высокого роста и мускулистого телосложения. Помимо того, что глаза Максима были пронзительно-синими, а у Севастьяна — золотыми, и нос Севастьяна был сломан — в остальном их черты были схожи. Но не поэтому он казался мне знакомым. Наконец, я вспомнила. Я видела его фото в интернете, когда читала о другой семье Севастьян — о богатых и сплочённых Севастьян.

Это был Максимилиан Севастьян, политик.

Разве речь в статье шла не о *трёх* братьях? Я попыталась вспомнить. Кажется, младшего звали Дмитрий, и он возглавлял какую-то компанию. О старшем не было никакой информации, кроме имени — Роман Севастьян.

Это же имя значилось в его фальшивом паспорте. Только вот он не был фальшивым. Его настоящее имя было Роман. И он родился в обеспеченной и уважаемой семье.

Неудивительно, что он обладал утончёнными манерами. Неудивительно, что в седле он держался, как прирождённый наездник.

О чём ещё он мне не сказал? Я уставилась в потолок. Хотя, лучше спросить так: о чём он мне *вообще* сказал?

Даже те крупницы информации, которые я с таким трудом из него добывала, оказались ложью! Когда я спросила, остался ли кто-то из его семьи в живых — отдельно уточнив про братьев и сестёр — он ответил, что нет. Но у него был даже не один брат, а двое.

Каким-то образом из богатой и уважаемой семьи он попал в трущобы. Если он и жил на улицах, то недолгое время, пока Пахан его не нашёл.

Разве что и это тоже было ложью. Может, он и Пахана одурачил. Кто, чёрт возьми, знает?

Вспомнив о своих талантах, я почувствовала, как на щеках выступает краска. *Мои инстинкты с мужчинами неприкосновенны. Я могу с лёгкостью разгадывать мужчин...*

— Выметайся отсюда к чёрту, Макс. Я не буду просить дважды.

— На прошлой неделе ты водил её в клуб, а запланировать ужин со мной ты не можешь? Я зажала ладонью рот.

Брат Севастьяна знал про "Ле Либертин"? Видел меня?

И какого чёрта Севастьян повёл меня в секс-клуб, который посещал его брат? Как... *мерзко!*

— Не удивляйся, — продолжал Максим. — Я в курсе всего, что ты делаешь. Ты забыл, информация — это мой бизнес. А теперь позови мою невестку, чтобы мы познакомимся, иначе я силой поднимусь наверх.

Невестку! Этому безумию пора положить конец. Я обулась, пригладила волосы и вошла в кухню.

Севастьян ринулся вперёд, встав между Максимом и мной.

— Натали, поднимайся наверх. *Немедленно.*

Мои ноги словно приросли к полу.

— Ты сказал, что никого из семьи у тебя не осталось. *Ни* братьев, *ни* сестёр.

Максим поцокал языком, бочком огибая Севастьяна.

— У Романа двое братьев. Я Максим — самый симпатичный. А ты, Натали Портер, даже прекраснее, чем я думал. Определённо мне стоит запланировать поездку в Небраску. — Он протянул руку, так что я ответила на рукопожатие. Максим развернул мою ладонь, чтобы запечатлеть поцелуй на запястье, одновременно сверля меня своим пронизывающим синим взглядом. — Рад познакомиться.

Севастьяну это совсем не понравилось. Значит, посмеётся. Я улыбнулась Максиму в ответ.

— Очень рада встрече.

Стиснув мою руку, Севастьян потянул меня назад.

— Жди меня в нашей комнате.

Избавляется от меня? Он даже не собирался изображать, что ему стыдно за своё враньё.

— Нет, Натали останется, чтобы выпить, — сказал Максим, наполняя рюмки. Видимо, у него не было таких проблем с алкоголем, как у брата. — Мы закажем доставку еды.

Он был таким же властным, как и Севастьян!

— Отказываюсь уходить, не узнав поближе свою невестку.

— Замуж за Севастьяна я *не выходила*.

— Это мелочи. Скоро выйдешь. Роман считает, что вы помолвлены.

— Ты имеешь в виду, мы будем связаны обязательствами?

— О, нет, я имею в виду настоящую официальную свадьбу.

И Севастьян был уверен, что я вот так соглашусь? Этот козёл даже не сделал мне предложения! Я чувствовала, как ладони у меня сворачиваются в кулаки.

Я спрашивала, когда он расскажет мне о делах. Он считал нас помолвленными, но не удостоил меня доверия?

Могут ли наши "отношения" стать ещё абсурднее?

— На свадьбу я бы держать пари не стала.

Севастьян так стиснул зубы, что мышцы челюсти дрогнули.

Я повернулась к Максиму.

— Я слышала, что ты мне оказывал помощь. Какую?

— В России я политик. Один из самых влиятельных. — Он улыбнулся, обаятельно полируя свои ногти. И всё равно я чувствовала внутри него боль. Может, очарование он использовал для камуфляжа, как маску? — В настоящее время некоторые из политиков пользуются теми же ресурсами, что и бандиты и воровские авторитеты — это же касается и тактики. Роман знал, что у меня есть люди, способные обеспечить тебе безопасность в Берёзке.

— Ну, тогда *spasibo*.

Низким голосом он пробормотал:

— *Vsegda pozhaluista*. — Харизма этого мужчины была все мыслимые пределы. Он одарил меня новой улыбкой, открывшей ряд белых зубов. Я вспомнила, что однажды увидела у Севастьяна настоящую улыбку, и поняла, что эти двое похожи куда сильнее, чем мне казалось. — Ты всё ещё зовёшь моего брата по фамилии?

— Так он сказал его называть.

Максим к нему повернулся.

— Ты больше не рядовой боевик. Твоя невеста должна называть тебя как-то более интимно.

— Я не его... — *О, забудем.*

Ни один из них меня не слушал.

Эти двое сверлили друг друга взглядом, причём *Роман* находился уже на грани насилия. И пока в вентилятор не попало дерьмо, я должна была у одного из *Севастьянов* получить ответы.

— Зачем вы всю неделю встречались? — спросила я *Максима*.

— С моей помощью он отделял тебя от *мафии* — продавая активы синдиката, чтобы купить легальные равной стоимости. Как игра в "Монополию" на миллионы долларов. У него были все доверенности, а у меня — причины, чтобы повернуть всё тихо и быстро. Что я и проделал — должен заметить, не услышав ни единого "спасибо". — *Максим* многозначительно посмотрел на брата, однако во взгляде, казалось, сквозило веселье, словно бы вся эта ситуация его забавляла.

Я развернулась к *Севастьяну*.

— Ты бы мог и меня брать на эти переговоры или, по крайней мере, *рассказать* мне о них. Речь шла о моём наследстве!

— Ты не проявляла к деньгам никакого интереса...

— Уж кто бы говорил, братишка, — встрял *Максим*. Он объяснил мне, — *Роман* на этой неделе мог бы сделаться миллиардером. Но по непонятным мне причинам он не стал тебя обирать, как и отказался нарушить слово, данное твоему отцу. От твоего имени он работал, чтобы разорвать связи наследства *Ковалева* с организованной преступностью. И как только процесс завершится, *Роман* станет местным авторитетом.

Я посмотрела на *Севастьяна*, сузив глаза. — Я спрашивала тебя об этом! Это одно из тех решений, которые мы должны были принимать вместе! Он подписался на новое положение, ни слова мне не сказав.

Потому что я не его партнёр. Я — собственность.

Никто не советуется с любимой игрушкой, чтобы обсудить карьеру. *Тьфу!*

Нахмурившись, он буквально выплюнул:

— Натали, наверх — быстро.

— Не смей мне вот так приказывать! — В присутствии его брата? Кровь прилила к щекам. Неужели он думает, что может командовать мной просто потому, что он делает так в постели?

Но почему бы ему так не считать? Господи Боже, я ничего не исправила, доверившись ему в сексе — я лишь всё испортила.

Какое-то время назад я спрашивала себя, на что я готова пойти, чтобы получить от *Севастьяна* нечто большее.

Мой окончательный ответ: не на это.

Придётся признать: что бы я ни делала, ничто не сможет поколебать этого человека. Он будет всегда для меня закрыт. А я заслужила нечто большее, чем просто положение спутника на орбите и тонну лжи.

Я заслужила сохранение себя. В противном случае лучше мне быть одной.

В моём мозгу словно бы медленно, постепенно, потрескивая, вспыхнула неоновая надпись. "*Эти отношения обречены, тупица!*"

Я обладала стержнем в спине и жаром в груди. Мое время дорого стоило; я не могла поощрять дерьмовое поведение. *Я не могу его починить, Пахан.*

Максим сказал мне:

— Не слушай его, *dorogaya moyu*. — Ты должна его научить, что такие приказы — за пределами некоторых... ситуаций — не приветствуются.

Сколько этот человек знает о моей сексуальной жизни? Если они оба посещали один и тот же клуб, значит ли это, что два брата разделяли схожие интересы?

И знаете, что? Это не моё дело.

— Роман тот ещё фрукт, правда? — продолжал Максим. — Молчаливый, задумчивый. Если тебя это утешит, он всегда говорил мало, ничего о себе не рассказывал. Когда мы были детьми, тишина вознаграждалась. Всё остальное... нет.

Я не успела обдумать его слова, потому что Севастьян прорычал:

— *Zatknis' na hui!* Очевидно, готовый взорваться, он сказал мне:

— Иди уже! Иначе я отнесу тебя в комнату.

Когда я сказала Максиму:

— Было приятно познакомиться, — он кинул на меня разочарованный взгляд, словно думал, что я буду и дальше бороться. — Я буду наверху, — сказала я. Ложь, в дополнение к Севастьяновой.

Я не сдамся. Я собираюсь двигаться дальше.

В нашей комнате я сложила в сумку для документов свой новый паспорт, заветное письмо Пахана и немного денег. Я схватила пальто, мобильник и больше ничего.

Выходя из комнаты, я выключила камеру в спальне. 2Б, крошка.

Do svidaniya, Сибиряк.

— Посадка на ваш рейс сейчас начнётся, — сообщил мне французский сотрудник службы безопасности, проверяя мой билет и поддельный паспорт.

С фальшивым акцентом в тон ему я ответила:

— Я удивительно расторопна. — Особенно если меня правильно мотивировать.

Час назад я выскользнула из дома через чёрный ход, прокралась мимо стонущего охранника, потом поймала такси. По дороге в аэропорт я через телефон купила билет эконоом класса до Небраски.

Рейс я выбирала по единственному критерию. Он вылетал, вроде как, прямо *сейчас*. Оставалось только надеяться, что паспорт сработает.

Я подавила вздох облегчения, когда мужчина вернул мне паспорт.

— *Мадемуазель*, вам придётся бежать, чтобы успеть на самолёт.

— Спасибо! — отозвалась я через плечо. Бежать? На каблуках и в открытом бюстгальтере? Замечательно. Мои каблуки цокали, сиськи подпрыгивали — на радость двум мужчинам, мимо которых я пробежала. Вот почему я предпочитала носить лифчики-минимайзеры!

Пока я бежала по коридору, набрала номер Джесс.

Она ответила после первого же гудка.

— Как протекает занозэктомия?

— Я оставила его умирать на столе. — Мой взгляд метался по сторонам, интересно, сколько у меня времени, прежде чем Севастьян заметит моё отсутствие. — Сейчас я в аэропорту. — Уйти от него — это к лучшему. Мне нужно домой, повидаться с друзьями, с мамой. Чтобы разобраться во всем, что со мной произошло. Чтобы вернуться к своей старой себе.

— Он будет тебя преследовать?

— Ты даже не представляешь как...

На телефоне пиликнула смс. Я прочитала текст, скривившись.

«Тащи свою задницу назад или я её выдеру».

— Чёрт, Джесс! Он знает, что я уехала. Он поймёт, что я здесь, и поедет следом. -

Чтобы поймать меня и привести обратно.

Как же я ввязалась в этот невообразимый бардак? Всё началось с того, что я хотела разыскать своих биологических родителей. Они оба мертвы, а я до сих пор нахожусь в каком-то водовороте, не говоря уж о преследующем меня лжеце — бывшем бойфренде, который, к тому же, является ещё и убийцей.

Твою мать!

— У тебя ведь фора, верно? — сказала Джесс. — И там повсюду сотрудники службы безопасности.

— Если у меня получится сейчас улететь, как думаешь, мы сможем пересидеть в домике твоих родителей на озере пару недель? — Или месяцев? Или лет?

— Пересидеть? Нэт, что он с тобой сделал?! — Её голос звучал на грани ярости.

— Не то, что ты думаешь. Но он не тот, кто я думала.

— Скелеты в шкафу?

— Целый могильник. Я до сих пор не знаю и половины. Он сказал мне, что у него нет

семьи, а сейчас я узнаю, что у него есть брат! Он сказал, что никого из его родных не осталось, но я только что с его братом познакомилась! Он высокопоставленный политик. Их семья очень богата.

— Я думала, ты говорила, что Севастьян был беспризорником.

— Он хотел, чтобы я в это верила. Ты и не представляешь, как я шокирована. Джесс, я даже не знала его настоящего имени.

— Долбануться, это уже серьёзно. Значит, отправимся в дом на озере. Возьму мармеладок, встречу тебя в аэропорту, и мы отчалим. Короткий вопрос безо всякого подтекста: его братец секси?

— Джесс! — Я замедлила бег, проводя ладонью по затылку. В тот день, когда я встретила Севастьяна, у меня было чувство, что за мной наблюдали; это же чувство появилось у меня и сейчас.

Насторожившись, я осмотрела терминал...

Севастьян! Он был здесь, по ту сторону контрольно-пропускного пункта он проталкивался через сгрудившихся пассажиров.

Боже, даже сейчас у меня захватывало дух от его мощного тела и решительного поведения.

Внимательный взгляд его золотых глаз прочёсывал окружающее пространство.

Потому что он охотился.

На меня.

— Мне пора. Этот мудака уже здесь. — *Щёлк.*

Как он нашёл меня так быстро?

Наши взгляды встретились. На его лице мелькнуло замешательство. Как будто он действительно понятия не имел, почему я убежала.

Жаль, Севастьян, но с меня хватит.

Приходилось надеяться, что он не сможет пройти сквозь длинную очередь входного контроля. Каковы шансы, что у него есть билет — и он избавился от своего постоянного пистолета?

Его замешательство превращалось в ярость. Язык тела обещал убить любого, кто окажется между нами. Для меня его глаза были полны предупреждения. *Не смей бежать.*

Мое выражение лица сказало ему "*этот тупица наконец-то может читать неоновые вывески*". Отсалютовав ему двумя пальцами, я направилась к своему выходу.

Шла посадка! Мне бы только попасть в самолёт...

Я уже совсем запыхалась, когда влилась в медленно ползущую очередь пассажиров.

— Извините, — обратилась я к группе стоящих впереди милых старушек, — не возражаете, если я пройду вперёд?

Они наградили меня взглядами "*иди, сучка*".

Краем зрения я увидела, как толпа расступалась перед высоким тёмноволосым мужчиной. Чёрт, он прошёл сквозь охрану! Моя очередь еле ползла...

В панике я побежала по коридору подальше от выхода, понимая, чем всё это кончится. Он поймаёт меня, а я буду кричать и брыкаться.

А он всё равно меня не отпустит.

Когда я оказалась в тупике, то развернулась к нему, распрямив плечи.

Он приближался ко мне, и в его глазах было безумие.

— Пойдём. — Он схватил меня за плечо.

— Пусты меня. — Я попытался вырваться из его мёртвой хватки. — Я не пойду с тобой.

— Натали, *живо*.

Люди смотрели на нас и перешёптывались, прикрываясь ладонями.

— Почему ты не можешь оставить меня в покое? — шёпотом отрезала я. — Всю неделю ты только этим и занимался! — Днём, по крайней мере.

— Если будешь сопротивляться, я отправлюсь в тюрьму. Ничто другое меня не остановит.

Чёрт! Его поведение обещало боль любому, кто посмеет встать между нами. В бане он сказал, что может убить ради того, чтобы обладать мною.

Я не хотела, чтобы кто-нибудь пострадал. Как не хотела, чтобы он отправился в тюрьму. Снова.

— Интерпол будет счастлив взять под стражу такого, как я.

Посмотрев в сторону, я увидела сотрудника терминала, который тянулся к красному телефону. Чтобы вызвать службу безопасности?

Кстати, о принятии важных решений под давлением: моя свобода или его?

Я вспомнила, каким вчера вечером был Севастьян в нашей постели. Мужчина моей мечты.

Чёрт, чёрт, чёрт! Похоже, уйти от него я способна, но отправить в тюрьму — не могу. Не после всего, что он для меня сделал.

Этот человек спас мне жизнь.

Он усилил хватку, удерживая своим бешеным взглядом мой. Его ноздри раздувались, глаза казались почти чёрными.

— Меня не оторвут от тебя. Ты меня понимаешь?

Я сглотнула, надеясь, что *не* понимаю. Я вспомнила, что он сделал с Глебом, и пожалела любого охранника, который захочет встать на пути у этого разъярённого громилы. Другого выбора, кроме как пойти с ним, у меня не было. Пока.

— Отпусти мою руку, и я пойду с тобой.

Вместо этого он потащил меня за собой, мою просьбу снова проигнорировали.

— Ты не можешь так!

— Могу.

Ладно, то, что он силой меня вернёт, не означает, что я там останусь. Он не может следить за мной каждую секунду. Ему я пообещала:

— Если только не запрёшь меня в клетке, я *всё равно* вернусь в Небраску.

— Клеткой я не погнушаюсь.

— Ты скотина! — Как только мы покинули аэропорт, я вдавила свой острый каблук в его икру так же, как тогда ударила его машину в Берёзке.

Он, казалось, вообще ничего не почувствовал.

Так что я пнула его по лодыжке.

Ничего. А потом он бросил меня на заднее сиденье в лимузине, просигнализовав водителю ехать.

Дурное предчувствие пересилило мой гнев. Перегородка между нами и водителем была поднята; я была во власти Севастьяна.

Что он собирался со мной сделать?

Он дёрнул меня, усадив к себе на колени, как будто даже этих двадцати сантиметров между нами было для него слишком много. Он прижал меня к груди, обхватив огромными

мускулистыми ручищами.

На обратном пути из клуба он держал меня именно так. Такой желанной и защищённой я себя никогда ещё не чувствовала.

А сейчас? Я никогда не чувствовала себя более противоречиво. Ведь какая-то же предательская часть меня взывала к нему, когда он сканировал толпу в поисках своей женщины? Какая-то часть меня была просто в восторге от того, что он назвал меня невестой?

Что со мной не так??

Пока я продолжала протестовать, он снял с меня сумку и пальто — мы по-прежнему находились недостаточно близко? — потом прижал сильнее к себе, вдыхая аромат моих волос, словно мы очень давно не виделись.

— Почему ты ушла? — отстранённо спросил он.

— Ты знаешь, почему! Я не подписывалась на односторонние отношения, не подписывалась на то, что со мной будут обращаться, как с вещью. Ты не доверяешь мне, приказываешь и врешь!

Словно не слыша меня, он рявкнул по-русски:

— Ты не бросишь меня, Наталья! Я не отпущу тебя.

— Боже, ты меня вообще слышишь? Ты говоришь, как больной! Ты не сможешь меня удержать, если я этого не хочу! — Мне удалось на пару сантиметров отстраниться, чтобы посмотреть ему в лицо — о чём я сразу же пожалела.

Профессиональный киллер был зациклен на мне, и теперь, казалось, переживал своего рода психический срыв из-за моего побега. Было похоже, что он не понимал моих слов, потому что в его голове постоянно рвались снаряды.

Осознав, что говорить с ним бесполезно, я замолчала. Но он не успокоился.

— А сейчас я тебя накажу.

Я сглотнула.

— В БДСМ вернулась буква Д?

Он произнёс в мои волосы:

— Я же говорил, если побежишь — я тебя поймаю. Я говорил, что перегну тебя через колено и отшлёпаю, пока не поумнеешь.

Его смс гласила, что он меня выдерет. От этой мысли я лишь сильнее напряглась.

— А разве я не всегда выполняю свои обещания?

Севастьян не отпускал меня, пока мы поднимались в нашу комнату. И отпустил только затем, чтобы захлопнуть за собой дверь.

Проигрывая в голове его угрозы, я решала, не пора ли броситься в комнату-убежище? Тем не менее, даже сейчас я не могла заставить себя бояться этого человека.

— Никогда больше не беги от меня! — Казалось, он никак не мог отдышаться. — Мысль о том, что тебя у меня не будет... — Он ударил в стену рядом с отверстием от его последней вспышки ярости. Когда его кулак впечатался в стену, он издал короткий дикий вопль. Словно зверь в агонии.

— Севастьян, подожди.

Разминая руку, он обернулся лицом ко мне.

— Раздевайся.

— Нет, я не хочу.

— РАЗДЕВАЙСЯ!

— Ну, конечно! — буркнула я и, разувшись, взяла туфли в руки. — Пожалуйста! Я бросила один туфель, словно кинжал. Промахнулась.

Второй он отбил.

— Почему бы тебе не вооружиться своей блузкой, сладкая?

— Отъебись!

— Отъебаться? — ноздри у него по-прежнему раздувались, но его чувственные губы изогнулись. — Мы как раз к этому переходим. — Под всей этой яростью и иступлением Севастьян оставался Севастьяном.

Соблазнительным. Неотразимым.

Он подбирался ближе, поглаживая основанием ладони торчащий в штанах бугор. Он выдрессировал меня: от вида его эрекции я сразу текла, готовясь принять его внутрь.

Когда он оказался прямо передо мной, жар его тела и соблазнительный запах привели мои чувства в хаос.

— Ты не снимаешь одежду по моему приказу? Наверное, не хочешь, чтобы я обнаружил то, что ты скрываешь.

Скрываю?

Одной рукой он сжал моё бедро. Второй залез под юбку. — Я почувствую твою влагу? Если да, то я тебя выпорю. Если нет, я к тебе не прикаснусь.

Нечестно — я не могу контролировать свою реакцию! Я крепко сжала бёдра вместе. но он развёл их в стороны.

Когда он почувствовал мои влажные трусики, то удовлетворённо хмыкнул. — Думаю, ты очень-очень жаждешь быть наказанной.

Неужели мой разум от вожделения так помутился, что я действительно этого хотела? Он потер меня медленными, горячими пальцами, отчего у меня спутались все мысли.

Может, стоит использовать его для получения удовольствия, которое он всегда доставлял, а потом решить, что делать дальше? Он собирается меня отшлёпать? Так он ведь делал это раньше — флоггером. Это я вынести смогу.

Или, может, я придумываю для него оправдания — опять! Я отпихнула его запястье и вывернулась.

Он дал мне возможность отступить лишь на шаг, прежде чем опустил руки на плечи и снова дёрнул к себе. Он наклонился, приблизив свой рот к моим губам.

Мой крик дал ему доступ.

Его язык скользнул... чувственно, неторопливо. Сминая моё сопротивление... Даже сейчас, хоть он и разорвал мою блузку, будто лист папиросной бумаги, его поцелуй был таким нежным, что у меня затуманивался рассудок и подворачивались пальцы на ногах — казалось, он ничего не мог с собой поделать.

Как будто его разум твердил *"накажи её"*, в то время как его сердце шептало: *"поцелуй"*. Мой разум вопил *"сопротивляйся"*, а сердце убеждало *"сдавайся"*.

Издав побеждённый стон, я ответила на поцелуй, сплетая наши языки. Он оказался в плену — и я теперь тоже. Позже я, скорее всего, себя возненавижу, но сейчас положить этому конец я не могла.

Всё, что произойдёт сегодня вечером — будет моей выходной пощиной, ценой, за которую я смогу от него освободиться.

Он прервал поцелуй, чтобы дёрнуть застёжку на юбке, разорвав и её. Он бросил то, что осталось от юбки, вниз, одновременно буквально сцарапывая чулки с моих ног. Его явная агрессия заводила меня, его прикосновения доводили до безумия...

Сдёрнув лифчик, он поцеловал мою шею — он лизал и сосал кожу прямо над пульсирующей веной, зная, что это сводит меня с ума.

— Скажи, чтобы я наказал тебя так, как ты того жаждешь, — произнёс он, не отрываясь от моей кожи. — Или скажи, что больше никогда не хочешь чувствовать на себе мои руки.

Никогда не чувствовать, как эти татуированные пальцы играют на мне, словно на музыкальном инструменте?

Не могу.

— Скажи нет, — он царапал зубами это место на шее, — или скажи, что хочешь этого.

Я выдавила:

— Я хочу этого.

Одним жёстким рывком он сорвал с меня стринги. Как только я оказалась полностью голой, он меня отпустил, усевшись на кожаный пуфик.

— Иди сюда.

Он говорил так, словно вот-вот потеряет над собой контроль, но я всё равно подошла.

— Повернись, — приказал он мне, — потом встань на колени и обопрись на локти.

Как тогда, в ванной? Для меня это была очень уязвимая позиция. Он снова будет меня там целовать?

— Быстро, Натали, — его лицо было непроницаемым.

Что он будет со мной делать? Меня захлестнуло любопытство, когда я, следуя его приказу, опустилась на колени на пушистый ковёр...

Он схватил меня за лодыжки, потянув назад, так что я оказалась наполовину у него на коленях, балансируя при этом на полу на руках.

— Севастьян!

— Ляг на руки.

Задыхаясь, я подчинилась, перенесла вес на локти и лоб, задрал, таким образом, задницу в воздух.

— Обхвати мою талию ногами.

Другого выбора у меня не было.

Обхватив Севастьяна ногами, я чувствовала, как его член упирается в мой лобок и живот. Он сказал, что перегнёт меня через колено, но не уточнил, как именно.

В таком положении я была совершенно выставлена напоказ, мои киска и попка находились в его полном обозрении. Просто идеально для того, чтобы отшлёпать, осмотреть и измучить. Эта открытость лишь подогревала моё возбуждение...

Его ладони с треском опустились на обе ягодицы. Я со свистом втянула воздух, но боль после клуба уже давно прошла. Я смогу вытерпеть это... наказание.

И вскоре я, без сомнения, буду его об этом молить.

Как только жалаящая боль превратилась в покалывающий жар, я едва смогла сдержать стон.

— Моя сладкая Натали хочет этого.

Видно ли ему, какой я стала влажной?

Я вскрикнула от нового неожиданного шлепка. Он наказывал меня, но это было так приятно. Когда моя попка задралась в ожидании большего, я чувствовала, что мои дрожащие губки открылись его взгляду, а клитор упёрся в молнию его брюк.

— Ты хочешь что-нибудь мне показать, любимая? — издав низкий стон, он раскрыл меня ещё шире. — Ты безумно красива. — Вращая пальцем, он погрузил его в мою скользкую сердцевинку.

Я чуть было не кончила — без разрешения.

Он добавил второй палец, увеличивая давление. Потом... ещё один? Он безжалостно вкручивал третий. Я не была уверена, что хочу этого, пока он не прогрохотал:

— Прими это для меня.

Всхлипнув, я подчинилась.

— О, Боже, да.

Я тяжело дышала, а он трахал меня пальцами, рыча от открывающейся картины. И всё это время он шлёпал меня, впиваясь торчащим членом в лобок и клитор.

Я была так близка к оргазму...

Он вновь и вновь двигал пальцами и шлёпал — пока я не поняла, что больше выдержать не смогу.

— Мне... нужно кончить.

— С чего бы мне разрешить? Ты хотела меня бросить. — *Удар.*

— Прошу тебя!

Удар.

— Если ты так сильно хочешь кончить..., - он толкнулся в меня выпирающим членом, — используй меня, моя жадина.

Потеряв от желания всякий стыд, я так и сделала, прижимаясь к его твёрдости, принимая его скользкие пальцы и кусачее наказание.

И прежде, чем он простонал:

— Боже, женщина, только посмотри на себя, — я уже знала, какую картину представляю собой. Знала, что его потемневший взгляд был неотрывно прикован к моей самой интимной части, заполненной его пальцами.

От этого я ещё больше заводилась, стремясь к своему оргазму.

— Я могу смотреть на это всю ночь. — *Шлепок.*

Уже на грани, я простонала:

— О, Боже, Боже...

Он вдруг резко убрал пальцы.

— Твоё наказание не закончено.

Я возмутилась:

— Севастьян, нет! — Никогда ещё он не подводил меня *так* близко, чтобы потом отвергнуть. От желания меня трясло.

Он схватил меня за бёдра, поднимая на ноги, удержав, когда я покачнулась.

— Ты правда думаешь, что я так просто дам тебе кончить? Поощрю твой побег? — Казалось, его гнев ничуть не убавился, а лишь... сдерживался. — Отныне удовольствие тебе придётся *зарабатывать*. И сейчас ты это сделаешь. — Он повёл меня к шкафу с аксессуарами, развернув к нему спиной.

Я слышала шорох кожи и звон металла внутри, лишь догадываясь, что он там искал. Я пыталась испытывать страх, но ощущала лишь разгорающееся любопытство. Что этот мужчина сделает дальше?

— Согни за спиной руки и перекрести запястья, — сказал он. — Держи так, пока я их не свяжу.

После клуба он ни разу меня не связывал.

— Я не знаю...

— Ты всё время думаешь, что я *прошу*, зверёк. — Он опять меня шлёпнул. — Подчиняйся.

Быть связанной и беспомощной рядом с этим мужчиной? Почему я так этого хочу?

Скрестив руки за спиной, я держала их там, пока он сковывал их кожаными браслетами. Они были соединены друг с другом, удерживая мои запястья.

Мгновением позже мою шею обернула прохладная кожа; я вздрогнула, но он уже затянул на мне ошейник.

Надеть ошейник и держать на привязи. Кожа спереди изгибалась буквой V, опускаясь до впадинки на моей груди. Изнутри ошейник был выстлан чем-то напоминающим мягкий шёлк. Когда он застегнул его, я вздрогнула.

К наручникам он прикрепил другую полоску кожи, потянув их вверх. Что он собирается...

Щёлк.

Он соединил браслеты с задней частью ошейника. Пытаясь пошевелить руками, я чувствовала натяжение вокруг горла, что — должна признать — лишь усиливало мой трепет.

Не говоря ни слова, он поднял меня на кровать. Я передвинулась на бок, чтобы посмотреть, как он возвращается к шкафу.

Он вернулся с чёрным мешочком, затянутым шнурком, с кляпом и бутылкой масла.

— Лицом вниз, Наталья. Я собираюсь заткнуть тебе рот, а затем распечатать. Прямо как ты мне описывала, когда мы только приехали.

Он хотел анального секса? Сейчас?

— Севастьян, ты не можешь. — Я перекатилась на колени. Будучи такой заведённой и такой любопытной... — Ты слишком рассержен. Ты причинишь мне боль.

С нежной угрозой в голосе он произнёс:

— Я не причиню тебе боль — в отличие от той, что причинила мне ты своим побегом.

— Ты можешь выслушать меня?

Он бросил аксессуары на кровать, и стиснул мой локоть.

— Подчинись мне!

Он сильно прижал меня к телу, мои соски впивались в ткань его рубашки. Он вновь целовал мою шею, а его руки спустились вниз, чтобы сжать ягодицы. Он вдавливал меня в свой пульсирующий член — пока мысль о том, что он завладеет моей попкой, не перестала внушать беспокойство.

Теперь я в этом нуждалась.

Он отпустил меня, приказав:

— Открой рот. Перед моими округлившимися глазами он продемонстрировал кляп в форме шарика.

Я могла бы сжать челюсть; могла бы закричать на него. Вместо этого я обнаружила, что открываю рот.

— Вот так, *sladkaya*. Теперь, пока будешь его лизать, смотри на меня.

Лизать? Когда я, глядя на него, скользнула по кляпу языком, его веки от удовлетворения отяжелели. Так что я сделала это снова.

Он растёр влагу по моим губам, обводя контур рта, затем поместил кляп между зубов. Пока я пыталась привыкнуть к незнакомым ощущениям, он застегнул ремешок на затылке.

Хотя на мне уже были наручники, ошейник и кляп, с аксессуарами он ещё не закончил. Заставив меня лечь на живот, он начал что-то натягивать на мои ноги. То, что было в мешочке на шнурке?

По-моему, добавились новые ремешки. Но не кожаные, а более... эластичные. Он поднимал их от лодыжек к коленям, потом выше, пока они не опутали мои бёдра.

Что это? Что же это такое? Боже, как хочется узнать... Может быть, ещё одно дилдо, наподобие того, которое он использовал в клубе?

Когда третий ремешок он застегнул вокруг талии, между ног я ощутила нечто губчатое. Что это было, я поняла после первой же вибрации — один из тех одеваемых и управляемых удалённо вибраторов.

Уютно устроив его на моём клиторе, он включил устройство на удручающе низкой скорости.

— Тебе это понравится, — ощущения заставили меня застонать прямо в кляп. — Но не слишком. На короткий промежуток времени он установил пульсацию, затем выключил на более длительное время, затем вновь включил на очень медленной скорости.

— На колени, — приказал он.

Это действительно должно произойти?

Способна ли я на это? Откровенно говоря, надо признать, что я могу довериться ему в том, что он не причинит мне боли. Со связанными за спиной руками, я опустилась на колени.

— Хочу, чтобы ты опустила голову вниз.

Я слышала, как за спиной он раздевался. Он мог бы заставить меня его принять, но, похоже, он хотел моего участия, чтобы при любой возможности чувствовать моё подчинение. Может, он считал, что моя зудящая сексуальная озабоченность заставит меня беспрекословно ему подчиняться?

Если так, то он был прав.

С быстро забившимся сердцем я наклонилась вперёд и упёрлась лбом в кровать, задрав попку. Вновь включился вибратор, заставив меня качнуть бёдрами.

— Ты всегда получаешь то, что хочешь, правда? Но я не буду это делать по-твоему.

Он нажал ладонями на внутреннюю поверхность бёдер.

— Раздвинь ноги.

Мой разум шептал "*переступи порог*", одновременно с его приказом:

— Подчинись мне, *sladkaya*.

Я не могла сопротивляться одновременно себе и ему.

Предвкушение того, что он собирался со мной сделать, сводило меня с ума. От одной мысли об этом... с ним...

Когда я развела колени, то почувствовала, как по бедру скользнула головка его члена, оставляя лёгкий влажный след. Как дико он должен был этого хотеть!

— Ты веришь, что я не причиню тебе боль? — Пришлось кивнуть.

— Хорошо. Он вновь меня шлёпнул, но на этот раз его ладонь была мокрой. Масло? Он брызнул струйку на мою щель.

Когда я ощутила, как капельки стекают прямо по его цели, мой кляп заглушил новый стон. Указательным пальцем он водил вверх и вниз, едва касаясь этой ноющей части тела.

С каждым проходом пальца он чуть сильнее надавливал. Когда вибратор вновь включился, продолжая медленно мучить мой клитор, он надавил как раз так, чтобы проникнуть внутрь, но лишь самую малость.

От моего разочарованного стога он со свистом втянул воздух.

— Моя жадина хочет ещё?

Я кивнула, не поднимая голову от кровати, и выгнула спину. Вибратор выключился, а мне захотелось кричать. К этому моменту я готова была умолять, лишь бы он меня туда трахнул. Удерживая мои бёдра одной рукой, подушечкой пальца другой руки он начал медленно обводить мою дырочку, заставляя меня сквозь кляп пускать слюни.

Томительное ожидание... В тот момент, когда вибратор снова включился, он проник внутрь на глубину фаланги.

Наконец-то! От острого ощущения я застонала. Под жужжание вибратора он двигал пальцем.

Прямо в кляп я простонала:

— Ещё!

— Как пожелаешь. — Больше масла. Глубже проникновение. — Думаешь, я бы сделал тебе больно? Что я бы тебя не подготовил? — К первому пальцу присоединился и второй, усиливая растяжение.

Мне казалось, что только несколько мучительных часов спустя он вновь начал слегка двигать пальцами. Больше масла. *Глубже*. Больше масла. *Шире*. Вибратор то включался, то выключался.

Я даже была рада кляпу, когда начала мямлить и стонать. *Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста*. Более готовой я быть не могла. К тому времени, как он убрал пальцы, я уже почти ничего не чувствовала.

Я слышала, как он снова брызгает масло. Чтобы размазать по всей длине? Я практически видела, как он смазывает себя, скользя большими руками по тугой головке, толстому основанию и этим выступающим венам.

Мне так хотелось погладить его, полизать, *всё*, что угодно, но я была беспомощна. Не будь кляпа, мой рот всё равно бы открылся в желании что-нибудь пососать. Каждый сантиметр моего тела был пуст и открыт в ожидании того, что он способен мне дать...

Когда головка поцеловала мою дырочку, я дёрнулась от острого ощущения.

— Не сопротивляйся мне, — прорычал он. — Впусти. — Он надавил, входя внутрь —

как раз когда вибратор снова включился.

Как только смазанная головка оказалась внутри, я застонала, потому что мне было так хорошо.

Даже лучше, чем хорошо.

Он проникал дальше, но с его толщиной было трудно справиться. Но всё равно, чем глубже он входил, тем сильнее охватывало меня удовольствие.

Сквозь сжатые зубы он произнёс:

— *Teper' ti prenodlizhish mne vsetsele.*

Его голос звучал так же безумно, каким до этого был его взгляд.

Я повернула голову, и мне удалось на него взглянуть. Он неотрывно смотрел туда, где соединялись наши тела. *Если бы глаза могли воспаменять...*

Был ли он поражён так же, как я? Как странно; я была связана, уязвима, пронизана — но именно *он*, казалось, был ошеломлён происходящим между нами.

Он на пару сантиметров вышел. Я поёрзала, пытаясь к нему приспособиться, чувствуя, как он добавляет ещё масла.

— Расслабься, любимая. Отдайся мне.

Я расслабилась так, как только могла.

— Умница. — Потом он впервые толкнулся в мою попку, взыв от удовлетворения. Его сила потрясла моё тело, натянув ошейник.

Я ничего не могла делать, кроме как кричать в кляп его имя — учитывая, что вокруг шеи была обвязана кожа, руки были неподвижны, и я была привязана к устройству, сводящему меня с ума.

Этот человек, которого я любила, полностью возобладал надо мной, а я под ним таяла.

Он отвёл бёдра назад, потом направил их вперёд, вгоняя член ещё глубже. После очередного рассчитанного движения он вонзился жёстче, рыча от удовольствия. Его потное тело шлёпало по моей покрытой маслом заднице — другая разновидность наказания для моей уже выпоротой плоти. Я была покорена.

Но звуками шлёпающей кожи я упивалась, зная, что он доведёт меня до оргазма. И последует за мной сам. Он сказал, что наполнит меня спермой до краёв...

Затем он замер.

— Привстань на колени.

Он приподнял, прижав мою спину к своей груди. Одной рукой он обхватил меня спереди, по-хозяйски стиснув левую грудь, зажав нашими телами мои связанные руки.

Свободная рука скользнула вниз по животу. Основанием ладони он придавил жужжащий вибратор плотнее к клитору, а потом просунул два пальца дальше между ног. Он погрузил их в мою голодную киску, одновременно толкнувшись сзади — и это было похоже... на Катаклизм.

Из моей сердцевинки он вырвал оргазм, а из моих лёгких — крик. Пока наслаждение накатывало волнами, нижняя часть моего тела оказалась во власти мощных схваток.

— *Я чувствую тебя!*

Он присоединился ко мне с диким рёвом, начав извергаться. Кончиками пальцев он впивался в мои ягодицы, его бёдра дёргались с каждой ощутимой струёй горячей спермы — раз за разом, и в это время он проскрежетал:

— Никогда не забывай... кому ты принадлежишь!

Ещё долго после того, как он полностью себя опустошил, он продолжал в меня

толкаться, словно не желая отказываться от своего нового приза.

Наконец, он рухнул на меня и хрипло сказал мне по-русски:

— От меня ничего не осталось...

Севастьян освободил меня.

Он не уткнулся носом мне в шею, как обычно, не уделил привычного внимания. Он просто вышел из меня, оставив безвольно лежать на кровати, потом занялся расстёгиванием ремешков.

Как только он всё с меня снял, я почувствовала боль в челюсти и в руках. Я не знала, что мне сделать или сказать.

Ни слова не говоря, он поднял меня на руки и отнёс в ванную, включив душ. В спутанном клубке моих мыслей выделялась лишь одна. *Ничего не изменилось.* Я по-прежнему находилась в этих безнадежных отношениях, лишённых взаимного доверия.

Кроме того, что сейчас он отдалился ещё сильнее.

От меня ничего не осталось. Что он имел в виду? Что он выкончал весь свой мозг и остался пуст?

Или что это всё, что я когда-либо могу от него получить? Кроме секса — больше ничего нет?

Я осознала свои чувства и поняла, что ощущаю... отчаяние.

Он отнес меня в душ, поставив на ноги рядом с собой под струями горячей воды. Взяв масло для ванны, он начал мыть меня голыми руками. — Дай мне поухаживать за тобой, — пробормотал он, обращаясь со мной с такой фамильярностью, будто мы жили вместе уже много лет.

Как муж с женой. Как два человека, которые доверяют друг другу.

Степень его отчуждённости уменьшалась — будто он не мог удержаться — и вскоре с его губ полились успокаивающие русские слова. Ничуть не колеблясь, он вымыл каждый сантиметр моего тела внутри и снаружи, даже ягодицы.

Завтра всё моё тело будет ныть, но он не сделал мне больно. *Не физически,* по крайней мере. Слезы укололи глаза.

После того, как он закончил со мной, он отвернулся, чтобы быстро вымыться самому.

Слёзы продолжали собираться. Плакала я нечасто, видит Бог, из меня выходила уродливая плакса. Я зажмурилась, досадуя на каждую упавшую каплю, проклиная дрожащую нижнюю губу.

— Натали? — в его голосе сквозил ужас, — что случилось? — Обхватив щёки, он приподнял моё лицо, — Почему ты плачешь?

Я открыла глаза, но ничего не сказала.

Пусть поймёт, каково это.

— Я... сделал тебе больно? — он был зол на самого себя, и отпустил меня, сжимая кулаки. — Это было чересчур.

Слёзы продолжали бежать.

— О, Боже, *sladkaya*, — он притянул меня к груди, положив ладонь на затылок. Прижав меня к себе, кулак второй руки он впечатал в мраморную стену. Затем ещё и ещё.

Пойманная в ловушку, я не могла ничего делать, кроме как ждать. Кроме как *чувствовать...*

Его двигающиеся мышцы. Дрожащую от каждого вдоха грудь.

Я чувствовала его потребность наказать, причинить боль. И впервые поняла, что тем

невидимым врагом, которого он хотел поразить... был он сам.

— Севастьян, остановись, — прошептала я.

К моему удивлению, он остановился.

— Я скорее умру, чем сделаю тебе больно.

Я верила ему.

— Мне не больно, — слёзы продолжали капать, отрицая мои слова. — Ты не сделал больно моему телу.

— Значит, я тебя напугал. Я довёл тебя до слёз. Скажи, как это исправить, и я всё сделаю. Всё, что угодно, только не проси тебя отпустить. Этого я никогда не смогу сделать.

— Нет, это ты не исправишь. У тебя была возможность, но ничего не изменилось, — я оттолкнула его. — Оставь меня в покое.

Конечно, он не оставил. Он взял меня за руку, выводя из душа. Взяв полотенце, он начал вытирать мои плечи и руки, мой живот. Он опустился на колени, вытирая ноги, словно я была величайшей драгоценностью в мире. Поцеловав моё бедро, он сказал:

— Уже много лет я не чувствовал такого стыда.

Стыд сильнее ударов.

Это лишь заставило меня сильнее расплакаться.

Он упёрся лбом мне в живот.

— Ты меня без ножа режешь, любимая. Ты хочешь уйти — и у тебя есть на это причины — но я не могу тебя отпустить, не раньше, чем перестану дышать.

И что мне теперь делать?

Ничего не изменилось.

Я увернулась от него, потом схватила и натянула на себя халат, выходя из ванной. Я направлялась к шкафу, когда он взял меня за руки и нежно подвёл к кровати. Когда он откинул для меня покрывало, мои плечи от усталости опустились.

Может, стоит минутку или две передохнуть.

Я не помнила, ела ли сегодня хоть что-то, а все перенесённые за последние несколько часов эмоции меня просто истожили.

Меня истожило и то, что он со мной сделал.

Но когда, уступив, я залезла в постель, то почувствовала себя неудачницей, зарыдав ещё сильнее.

Он натянул штаны — чтобы не пугать меня? — затем принялся расхаживать перед кроватью из стороны в сторону.

— Я не знаю, что с этим делать, — Вперёд-назад, вперёд-назад. — Я понятия не имею, что делать, Натали. Мне нужно, чтобы ты помогла мне разобраться.

Он присел было рядом, но заметив мой затуманенный слезами взгляд, отодвинулся в дальний конец кровати.

— Поговори со мной.

— Это всё, что мы делаем. Я с тобой говорю. Я полностью обнажена. Тебе же всё нипочём, ты ничего о себе не рассказываешь. Ты представляешь, как это дико, что я не знала о твоих родственниках?

— Я должен был сказать тебе. Теперь я это понимаю.

— Немного поздновато. Ты хочешь, чтобы у нас были отношения, но это не так...

— Нет, *это так*.

— Тогда ты не понимаешь значения этого слова. Начни мы как нормальная пара —

обычная девушка встречает обычного парня — может, всё получилось бы иначе. Мы бы для начала узнали друг друга получше, постепенно открывая подробности своей жизни на общей территории. Но всё было не так. Ты обо мне знал всё, я о тебе — ничего. Ничего, кроме лжи. Наш прогресс был обречён с самого начала.

Его дыхание стало прерывистым.

— Ты говоришь так, будто всё кончено и исправить уже ничего нельзя.

Я зарыдала:

— Потому что так оно и есть!

Он хлестнул ладонью по своему измождённому лицу. Я никогда не видела его в таком потрясении. Даже когда на наших глазах умирал Пахан.

— Я... с этим не согласен.

— Я думала, что если откроюсь тебе, ты откроешься мне в ответ. Но этого не случится. Никогда.

— Что, если случится? Я смогу всё исправить?

— Нет. Потому что если это то, через что я должна проходить всякий раз, чтобы получить хоть крупицу информации, я пас. Это слишком выматывает! Кроме того, ты меня предупреждал. Ты мне прямо сказал, что я ожидала от тебя слишком многого. Сегодня ты сказал, что доверие между нами может не установиться никогда, и что ты не способен дать мне то, что мне нужно. Я такая идиотка. Надо было дважды подумать. Когда мужчина говорит, что он тебе не подходит — его надо слушать!

Глупая, Нэт, влюбилась в эмоционально мёртвого мужчину.

Мои слёзы закапали быстрее, а Севастьян выглядел так, будто я его ударила. Что лишь сильнее меня разозлило. Внутри него были эмоции — он не был мёртвым — просто решил скрывать их от меня любой ценой.

— Если преследовать тебя — моя судьба, то так тому и быть. Я пойду на всё, лишь бы тебя удержать.

Он уронил голову на руки и начал раскачиваться взад-вперёд.

— Когда ты сбежала... представив своё существование без тебя... Я понял...

— Что?

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Всё, что не касается тебя, значения больше не имеет. Ты — центр моей жизни..., - он нахмурился, — ...нет, ты — *моя жизнь*.

— Тогда почему ты так со мной поступаешь? Я даже не знала твоего настоящего имени! Разве это не относится к той информации, которую должна знать невеста? — отрезала я.

— Александром звали моего деда. Я отказался от своего имени ещё в молодости. Максим называет меня Романом, чтобы зацепить.

— Зачем ты ему сказал, что мы помолвлены?

— К тебе, как к наследнице, уже существует нездоровый интерес. Будет лучше, если пойдут слухи, что ты выходишь замуж за человека, способного тебя защитить.

Значит, Севастьян просто меня оберегал, чтобы сдержать данное Пахану обещание...

— И... Я собирался на тебе жениться, — признал он, — *Я хочу* этого.

Ответное желание всколыхнулось и у меня внутри! Потом я вспомнила, почему именно это никогда не сработает.

— Сегодня ты при брате приказал мне, как собаке, убираться из комнаты.

— Ты не должна находиться с ним рядом, Натали. Он опасен.

Интересно, каким должен был быть человек, чтобы Севастьян счёл его *опасным*.

— Почему?

— Потому что я не могу предугадать его действия.

— Неужели было трудно сказать, что вы с братом для меня делали?

— План довольно рискованный. В любой момент мы могли потерпеть неудачу. Если я говорю, что что-то сделаю, то это потому, что я абсолютно в этом уверен. В этом случае было не так. Плюс, чем меньше ты знаешь, тем безопаснее для тебя.

Ложь во спасение. И, честно говоря, я не могла представить, как он мне говорит "Есть у меня идея, которая может не сработать — но я в любом случае рискну".

Он добавил:

— Кроме того, расскажи я об этом, ты бы обязательно начала спрашивать о Максиме, и мне пришлось бы продолжать лгать. А я не хочу больше лгать.

— А как насчёт того, что ты станешь вором в законе? Тебе не кажется, что такое решение мы должны были принять вместе?

— Ты могла бы начать меня отговаривать, хотя я не вижу, как можно этого избежать.

— Ты даже не дал мне шанса прийти к такому же выводу? Раньше я тебя удивляла. Я вполне могу мыслить логично ну, за исключением того, что живу с тобой.

В его глазах вспыхнула боль.

— Я не говорю, что твоё мнение для меня не важно. Но если я с тобой о чём-то говорю, то в следующий раз ты ждёшь, что я буду говорить ещё больше.

— Ты прав. Я бы хотела узнать хотя бы самые основные факты из твоего прошлого!

— Может, я не хотел об этом рассказывать, так как знал, что это тебя оттолкнёт! Чем больше я тебя хочу, тем сильнее меня это пугает. Ты видела мой страх.

— О чем ты?

— Каждую ночь я испытывал соблазн с тобой поговорить. Пару раз я был так близок. А наутро я проклинал собственную глупость и слабость. — Он отвернулся. — Я никогда ни с кем не был так слаб. И может быть... может быть, я винил тебя за то, что я так себя чувствовал.

— Как так?

Он обернулся ко мне.

— Как будто я умру без тебя! И если тебя оттолкнёт моё прошлое, то к чему это меня приведёт? К *ёбанной смерти*! Тогда почему мне так хотелось всё тебе рассказать? Это бессмысленно!

— Так ты оправдываешь свою холодность? — После каждой умопомрачительной ночи он просыпался с ещё большей решимостью отгородиться, обвиняя меня в том, что он чуть не открылся? — Давай я повторю всё ещё раз. Ты вёл себя, как кретин, потому что хотел меня больше прежнего?

Он не отрицал.

— Боже! И снова ты не даёшь мне шанса. Ты отталкиваешь меня тем, что *не* общаешься со мной. Знаешь, что? Я сдаюсь. Если тебе страшно всякий раз, когда я спрашиваю о твоём прошлом, то больше я этого делать не буду.

— Что это значит?

— Это значит, оставь свои секреты при себе, — по лицу снова заструились слёзы. — Они мне больше не нужны!

— Ты хочешь, чтобы я тебе доверился, потому что надеешься, что это меня изменит,

исцелит. Но это не так!

Повышая голос с каждым словом, он сказал:

— Внутри меня всегда будет тень!

В ответ я проорала:

— Черт побери, Севастьян, я не хочу, чтобы тень исчезла — я хотела, чтобы она стала *нашей* тенью!

Его рот открылся, глаза были полны недоумения.

— Я хотела тебя *узнать*, а не изменить.

Он оправился достаточно, чтобы произнести:

— А если эта тень даст тебе понять, что ты никогда не получишь от меня того, чего хочешь? Что моё прошлое не даст мне возможности подарить тебе то будущее, которого ты заслуживаешь?

Тыльной стороной ладони я смахнула слёзы.

— Какого будущего, по-твоему, я заслуживаю?

— Жизни с хорошим человеком.

С этим я спорить не могла.

— Но человек определяется его прошлым, — сказал он. — Это означает, что я — убийца. И останусь им навсегда. Я никак не смогу изменить этого ради тебя. Как бы сильно я ни старался, чем бы я не пожертвовал, это прошлое следует за мной и будет следовать всегда. Разве я смогу не запятнать этим тебя?

— Я ведь знала, чем ты занимался. И приняла это. Я видела дважды, как ты убивал. Что же ещё?

Он вскочил на ноги, вновь принявшись расхаживать. Зачем он это рассказывает? Если бы он решил, что его откровения положат нашим отношениям конец, он бы *не стал* ничего рассказывать. Значит, он признал, что дальнейшее молчание равнозначно концу.

— Ты не понимаешь, о чём ты меня просишь! Пахану я этого не рассказывал, но он всё равно мне доверял. Любил меня. Почему и ты так не можешь? — Севастьян искал любые возможности для самосохранения. — Почему ты не можешь сделать вид, что моего прошлого не существует? — С горечью он тихо произнёс, — я так и делаю.

— Я не могу притворяться. Мне нужно знать.

Он запустил пальцы в волосы, дёрнув концы.

— Натали, мне нужно... мне нужно, чтобы ты *ничего* не знала. Но осталась всё равно.

— Я клянусь тебе, этого не будет.

Он опустил руки.

— Черт побери, ты должна!

Я покачала головой, слёзы высохли.

— Севастьян... — Он повернулся ко мне и стоял неподвижно, будто ожидая падения гильотины. — ... я уже ушла, — я встала, чтобы одеться.

Он схватился за горло, будто задыхаясь.

— Не говори так! — Он рванулся вперед и схватил меня за плечи. — Посмотри на меня. Посмотри на меня!

Его глаза казались совершенно чёрными.

— Я скажу тебе, что убил много сыновей и отцов. Я начал убивать в двенадцать лет.

Я затаила дыхание.

— Первым отцом, которого я убил, был мой собственный.

Признание Севастьяна меня потрясло. Не только из-за его слов, но из-за стыда, исходящего от него.

Он ослабил хватку на моих плечах.

— Скажи что-нибудь, Натали. — Он ждал моего отвращения, ни секунды не сомневаясь, что так и будет.

Как бы мало я не знала Севастьяна, хотя бы в одном я была совершенно уверена — в его непоколебимой преданности тем, кого он любил. Учитывая, что когда это произошло, ему было всего двенадцать, и он случайно проговорился об отце-алкоголике, видимо, это была самозащита.

— Твой отец, должно быть, не оставил тебе выбора.

Севастьян не поверил своим ушам, очевидно пребывая в шоке от того, что я не выскочила из комнаты.

— Как ты можешь так говорить? Ты слышала, что я сказал? Я признался... в отцеубийстве.

— Я видела, каким ты был с Паханом. Ты был бы предан любому отцу, который был бы этого достоин.

Севастьян сел в ногах кровати, затем резко встал, но потом снова сел. Внутри этого мужчины жила боль! *Какой-то механизм внутри был сломан.*

— Как это случилось?

Прищурившись, он резко ответил:

— Я сделал так, чтобы отец оказался на лестничной площадке, посмотрел ему в глаза, а потом столкнул вниз, зная, что он, скорее всего, умрёт.

— Что произошло перед этим?

— Этих фактов недостаточно, чтобы я был проклят? Ещё мальчиком я принял решение убивать. И с тех пор я этим занимаюсь.

Я напирала.

— Что случилось перед тем, как умер твой отец?

Брови Севастьяна туго сошлись на переносице, словно он был поражён:

— Я... Я никогда не загадывал так далеко, когда представлял этот наш разговор. Я всегда ожидал, что ты попятышься от меня со страхом в глазах.

Вместо этого я села в кровати, привалившись к спинке.

— Расскажи мне.

Избегая на меня смотреть, он начал:

— Когда напивался, мой отец был очень жесток. Самые первые мои воспоминания — это как отражать удары. Он был крупным мужчиной, с этими кулаками... безжалостными. Как оружие.

Его самые первые воспоминания? Меня обожгла мысль о том, что Севастьяна маленьким мальчиком обижал тот, кто должен был его защищать.

Я вспомнила его слова: *я был словно создан для драки, так было всегда.* Пахан, увидев, как его били, был удивлён, как такой юный мальчишка был способен подниматься снова и снова. Севастьян принимал удар за ударом, потому что *так привык.*

О, Господи. Я пыталась сохранить ровный тон:

— Пожалуйста, продолжай.

— Он считал себя дисциплинированным человеком и хвастался, что пил только тогда, когда стемнеет. Таким образом, во время сибирских зим он никогда не трезвел. Зимой я ненавижу даже сейчас. И осень почти так же.

— Почему?

— Для меня это всегда будет напряжённым периодом — сезоном ожидания боли. С каждым днём солнце садится всё раньше и раньше. Ждать почти так же сложно, как и выносить.

Значит, это продолжалось в течение тех осенних недель, что я была с ним рядом? Я и не подозревала, с какой глубокой травмой ему приходилось бороться.

— С тобой была твоя мать?

— Какое-то время — да, но защитить нас от него она не могла. Она умерла за две зимы до него. Предположительно упала с той же лестницы. Сказали, что это был трагический несчастный случай. Но я не сомневаюсь, что это он толкнул её. Он просто оставил там её тело, пёстрое от синяков, брошенное, словно мусор. На следующее утро её нашёл Дмитрий. Он был слишком молод, чтобы вынести это зрелище, он был безутешен.

Разве с этим можно справиться в любом возрасте?

— И хотя я очень любил свою маму, я помню, что больше разозлился от того, как сильно страдал мой брат, чем от её смерти.

— Мне так жаль. — Севастьян лишился матери в десять лет. Сколько же издевательств над ней успели увидеть он и его братья? — Пожалуйста, расскажи про вечер смерти твоего отца.

Я чётко заметила момент, когда Севастьян решился нырнуть в этот омут.

— Отец знал все убежища сыновей в поместье. Как бы тихо мы себя не вели, он всегда нас находил, получая, казалось, особенное удовольствие от нашего страха. Так что, когда он напивался, мы с братьями часто прятались снаружи.

Теперь я поняла, почему Севастьян ненавидел сюрпризы. Теперь я поняла, почему он чуть не взорвался, когда Максим проговорился про тишину, которая всегда вознаграждалась.

— Последний раз, когда я видел братьев детьми, мне едва стукнуло двенадцать. Максиму было одиннадцать, Дмитрию — семь. За эти годы мы перенесли сотрясения мозга, сломанные руки, ноги и рёбра.

Как спокойно Севастьян всё это рассказывал — издевательства, угрожающие жизни и здоровью, преподносились просто как сопутствующая информация.

— Но в ту ночь отец, казалось, был злее обычного. Несмотря на глухую сибирскую зиму, нам пришлось убежать на улицу.

Взгляд Севастьяна стал отрешенным, словно он вновь переживал те события.

— Я быстро и как смог тепло закутал Дмитрия, а потом мы бросились сквозь метель к ближайшему строению — продуваемому со всех сторон сараю. Мы мёрзли там на протяжении нескольких часов, уставившись на наш дом. Усадьба светилась огнями, от тепла окна запотели изнутри. Наша семья была очень богата, но мы рисковали умереть от обморожения.

Я могла ясно представить себе эту картину: три замученных ребёнка с тоской глядели на ярко освещённую усадьбу, страшась монстра, живущего внутри.

— Когда губы Дмитрия стали синеть, я понял, что должен пойти в дом и проверить, не отрубился ли убудок. — Глаза Севастьяна вспыхнули. — Я не хочу всё это помнить!

Никогда не хотел! Я никогда никому не рассказывал о той ночи.

— Пожалуйста, доверься мне.

Пытаясь успокоиться, он начал снова, пересиливая себя ради меня:

— Не успел я пройти мимо кухни, как он меня заметил. Я побежал, но от холода мои ноги не слушались, я словно увяз в зыбучих песках. Он поймал меня и принялся бить по лицу. Один глаз у меня заплыл, и я едва мог видеть другим.

Севастьян начал покрываться потом, от которого заблестела его грудь. Осознавал ли он, что сжимал кулаки с такой силой, что побелели костяшки? Мне хотелось до него дотронуться, как-то успокоить, но я боялась, что он замолчит.

— Он хотел знать, где скрываются братья, поклявшись, что избьёт меня до смерти, если я ему не скажу. Как-то вырвавшись, я побежал вверх по лестнице. На верхней площадке он вновь меня поймал.

Со слезами на глазах я прошептала:

— Дальше.

— Впервые в жизни я не просто терпел побои. Я... *дал сдачи*. — Даже после стольких лет голос Севастьяна звучал удивлённо. — Он оторопел, но почувствовал боль. Я был достаточно крупным для своего возраста — и неожиданно *мой* удар оказался тяжёлым. Раньше я никого не бил — даже играя с Максимом. Когда отец оправился от шока, его взгляд сулил только смерть. Я понял, что он меня убьёт.

— Что произошло потом? — Моё сердце выпрыгивало из груди.

— Из меня вырвался годами накапливаемый гнев, и я... принялся его избивать. Снова и снова. Он отступил к началу лестницы, неуверенно там покачиваясь. Наши взгляды встретились. Никогда не забуду странное чувство в тот момент: я точно знал, что с моей матерью именно так всё и было. Он избил её так, что она скатилась с лестницы. Но что более странно, он... он *заметил*, что я всё понял. И он... ухмыльнувшись окровавленной ухмылкой, произнёс:

— Когда вырастешь — станешь таким же, как я. Будешь смотреть в зеркало — и видеть моё лицо.

Эта мысль была настолько кошмарна, что я занёс свой кулак, понимая, что он упадёт, и надеясь, что разобьётся насмерть. На первом этаже он об стену сломал себе шею.

Севастьян снова скользнул по мне взглядом.

— Я здесь. Что ты сделал потом?

— Я знал, что сяду в тюрьму за убийство. Так что накрыл его тело и сходил за братьями. Потом собрал все деньги, что смог найти, и убежал. Средств хватило, чтобы добраться до Санкт-Петербурга и затеряться среди других беспризорников.

— И как скоро тебя обнаружил Пахан?

— Через полтора года. Достаточно для того, чтобы принять Пахана за извращенца, когда он пригласил меня к себе. Достаточно для того, чтобы оказаться сбитым с толку, поняв, что он хороший человек.

— Как же ты выживал там?

Севастьян потер татуировку на пальце. Я вспомнила, что она означала воровство.

— Я воровал. Но со временем это становилось всё сложнее — я подрос и уже не мог с такой лёгкостью затеряться в толпе. Порой меня ловили, — его голос надломился, — если связаться не с той крышей и не сумеешь вырваться... то всё будет кончено.

На него нападали другие банды?

— Твой отец тебе рассказал, как впервые меня увидел. Но я никогда ему не признавался, что победа в тех поединках не всегда была на моей стороне. Если я проигрывал... — он взглянул на свои кулаки — ...то проигрывал по-крупному.

О, Боже, нет-нет-нет. Я читала, как в Штатах преследовали беглецов, от этих описаний волосы дыбом вставали; что же те люди творили с Севастьяном в детстве?

Он поднял глаза.

— Ты понимаешь, что я имею в виду?

Стыд больше...?

Но стыдиться ему *ничего!* Разве он этого не понимает? Может, за один вечер я и не исправлю двадцать лет его заблуждений, но, в конечном итоге, я смогу его убедить.

Его глаза снова затуманились. Он опять переживал те мучения? Я этого не желала, я лишь хотела его утешить.

Он глухо повторил:

— Проигрывал по-крупному.

— Расскажешь?

Он закрыл глаза.

— Непременно. Но не сегодня. Не спрашивай меня об этом сейчас. — Его глаза распахнулись. — Ты ведь не уйдёшь?

Моё сердце дрожало, рассыпаясь на кусочки.

— Не уйду, — заверила я его. Легко же мне было требовать равной открытости нашего прошлого, когда в моём не было ничего шокирующего или даже просто примечательного. Я хотела, чтобы мы были равны, но о нашем прошлом такого сказать было нельзя. — Расскажи, что стало с твоими братьями?

С явным облегчением уйдя от предыдущей темы, Севастьян сказал:

— Родственников у нас не было, так что они оставались в усадьбе, пока не явились соцработники, чтобы организовать их дальнейшее воспитание. Я оставался в стороне, опасаясь уголовного преследования, а также потому, что с каждым годом становился всё больше похож на своего отца. Я хотел избавить их от своего вида. И только много лет спустя я узнал, как Максим убедил власти, что они вдвоём с Дмитрием видели, как отец, напившись, упал с лестницы, и что их старший брат пропал без вести, потому что обезумел от горя. Даже тогда никто не мог превзойти Максима в изобретательности.

В голосе Севастьяна сквозила братская любовь, что было странно, если вспомнить, как холодно он с ним обращался.

— Я думал, что избавил братьев от тирана, что они стали свободными. По крайней мере, это было моей заслугой. — Он схватился за лоб — Но всего несколько дней назад Максим признался, что опекуны, воспитывавшие их с Дмитрием, были... даже хуже отца.

— Что произошло? — спросила я, но уже догадалась. Над братьями издевались так же, как и над Севастьяном — словно это была их судьба, несмотря ни на что.

— Об этом я говорить не буду, это не мои тайны.

Я вспомнила день, когда мы ездили в музей, тот момент, когда он вернулся домой. Ничего не сказав, он обнял меня, словно я была его единственным спасательным кругом. Неужели именно тогда он узнал обо всём от Максима?

— Я понимаю, Севастьян. Но ты не можешь себя за это винить. Тебе было только двенадцать — ты не мог знать об этом.

— Я их бросил. Для них всё обстоит именно так, и за это они меня ненавидят. Максим

поменьше, чем Дмитрий, потому что лучше помнит меня. Но в глубине души они оба хотят, чтобы я страдал за то, что с ними случилось. Зачем мне знакомить тебя с семьёй, зная, что они меня презирают?

— Меня не волнует, что думают о тебе другие.

— Разве? Я не хочу, чтобы хоть кто-то влиял на твоё мнение обо мне. Иногда ты смотришь на меня, как будто я какой-то герой. Я не могу объяснить... ничто не объяснит, как это на меня влияет.

Тоска в его взгляде навела меня на одну мысль:

— Что, если ты узнаешь, что большая часть моей жизни была совсем *не* героической? Что, если узнаешь, что я ненавидела — и ненавижу себя за всё потерянное время? — Он придвинулся ближе, сокращая расстояние между нами, этого я и желала. — И потом, сумев, наконец, выиграть — в работе и в жизни — я вдруг теряю тебя.

Не доверяя собственному голосу, я протянула ему руку.

Он посмотрел на неё с недоверием, а потом буквально бросился к ней. Рассеянно взяв и вторую, он принялся греть их в своих ладонях. Потому что они были ледяными.

Наконец, я сказала:

— Спасибо, что доверился мне.

— Разве я тебе не противен?

— Нет, конечно. — Мне хотелось его обнять, но это был чересчур шаткий момент. — В случае с отцом это была самооборона. Думаю, для тебя всё смешалось, потому что ты был ещё слишком мал. — Со временем в его голове всё спуталось, и чувство вины затмило реальность: не защити он себя, он бы погиб. — У тебя не было выбора.

— Каждый день из зеркала на меня смотрит мой отец.

— Ты совсем на него не похож, — горячо заметила я.

Он хмуро на меня посмотрел.

— Как ты можешь так говорить, если сама сказала, что совсем меня не знаешь?

— Разве твой отец тащил бы на себе эту вину на протяжении почти двух десятилетий?

Разве ненавидел бы себя за то, над чем не имел совершенно никакой власти? Севастьян сглотнул.

— А что насчёт остального...?

— Я просто рада, что ты выжил. И что рассказал мне об этом.

Казалось, его переполняли эмоции.

— Ты ведь не думаешь, что я поверю, будто ты добровольно останешься со мной после всего того, что я сделал — и что со мной сделали? И в меньшей мере *потому*, что я сам в этом признался!

— Придётся поверить, потому что это правда. То, что я узнала, лишь сильнее привязывает меня к тебе.

Он молчал, казалось, целую вечность.

— Скажи, о чём ты думаешь, Севастьян? Что чувствуешь?

— Чувствую? — Он фыркнул. — Ты меня только что сразила. Нет, *убила*. Мне никогда не будет нужен никто другой, но вот ты собиралась от меня отказаться. — Он опустил руки, внутри него начал закипать гнев. — Ты не можешь думать, что всё это просто случайность! Много лет назад меня нашёл Пахан. Каким-то образом, находясь на другом конце мира, его отыскала ты, и он послал к тебе меня. В любой момент я мог тебя потерять.

В бане Севастьян сказал мне, что это было неизбежно. Теперь я поняла, почему он так

думал.

И я сама пришла к такому выводу.

Протянув руку, он схватил меня за локоть.

— Всю свою жизнь я не подозревал, что мне так нужна эта прекрасная великолепная рыжеволосая девушка. Потом я её увидел. Следил за ней. Всё это время она даже не знала, что проводила свои дни, непрерывно мучая меня.

Я ахнула:

— Севастьян...

— Впервые увидев тебя, я чуть было не упал на колени. Мне хотелось полностью захватить твои мысли, как это сделала со мной ты. Когда мне удавалось уснуть, мне снилась ты, и просыпался я, трахая простыни. — Он усилил хватку, будто кто-то пытался меня у него отобрать. — Я хотел, чтобы ты на меня посмотрела. А потом, в том баре, ты взглянула. Ты проявила ко мне интерес, и, что самое удивительное, Пахан это одобрил. Он лишь просил дать тебе время. — Он отпустил меня и вновь принялся ходить взад-вперёд. — Время — когда этот чёртов Филипп начал подкатывать к *моей* женщине!

— Я не выбрала Филиппа.

— Ты не выбрала и меня! Пока не оказалась наедине со мной, напуганная, потрясённая смертью Пахана. Я воспользовался тобой в ту ночь, и в каждую следующую тоже.

— Нет, — твёрдо сказала я, — я тебя тоже хотела.

— Потому что не знала, какой я на самом деле. Теперь ты понимаешь, почему я не хотел втягивать тебя в свои извращения, чтобы причинить тебе боль? Я боялся, что стану похож на своего отца. Я так этому сопротивлялся, но когда ты сказала, что можешь уйти к другому — это переполнило мою чашу.

Надавив на него, я причинила *ему* боль? Заставляя заниматься сексом, который его не устраивал? Учитывая, то, что я узнала — и то, о чём он ещё умолчал — мне оставалось только гадать.

Он мог получать удовольствие со мной, но потом себя презирать.

Сейчас он говорил со мной, и мне необходимо было узнать больше.

— Расскажи, когда ты впервые понял о своих особенных наклонностях?

— Я должен ещё в чём-то признаться? — мрачно спросил он.

— Да, Севастьян, — ответила я. — У нас нет ограничения на количество слов.

Его брови сошлись.

— Всё началось не с секса.

— Не понимаю.

Он выдохнул.

— Раньше у меня всегда были братья, но в Санкт-Петербурге никого рядом не было. Хоть я и познакомился с другими ребятами, близости с ними я не ощущал. Не с моим прошлым. И всё равно я не хотел быть один. Даже в том возрасте, я решил, что мне нужна жена — та, кто будет мне принадлежать.

Я попыталась представить юного Севастьяна, обдумывающего вопросы брака. Даже спустя столько лет он так и не женился. *Он хочет жениться на тебе, Нэт...*

— Мой возраст позволял мне строить глупые планы, но я понимал, что у меня нет ни денег, ни дома. Я знал, что мне нечего предложить. Но год спустя... — Он умолк.

— Расскажи.

Несмотря он продолжил:

— Там была одна проститутка, за которой подглядывали все мальчишки. Я видел, что она симулировала страсть для своих клиентов, притворно вскрикивая — лишь бы заработать хоть что-то за ночь.

Я съезжилась при мысли обо всех вещах, которые он узрел во время жизни на улице.

— Как-то раз к ней пришёл один мужчина, он трогал её так, как я никогда раньше не видел — властно, даже жестоко. Он высек её, заставив опереться ладонями о стену. Я не мог поверить в то, что он её бил. Я почти готов был его убить за то, что он поднял руку на кого — то гораздо слабее его. Я направился было к нему, но потом всмотрелся в её лицо — по-настоящему всмотрелся. Её глаза остекленели, она никак не могла перевести дух. — Взгляд Севастьян метнулся ко мне — чтобы убедиться, что я по-прежнему с ним? — потом он вновь посмотрел в сторону. — Она была... словно в раю.

— Продолжай.

— После того, как этот мужчина, наконец, её трахнул, эта обессиленная женщина перед ним просто растаяла. В тот момент она бы что угодно сделала, лишь бы получить ещё. Она принадлежала ему абсолютно, — Севастьян повернулся ко мне, удерживая мой взгляд, словно нуждаясь в моём абсолютном понимании. — Он давал ей что-то *такое*, что не мог дать никто другой. И я понял, что если научусь, как делать то, что делал он, то смогу также управлять женщиной. Она передо мной растает. Меня волновал не сам акт, а, скорее, следующий за ним результат.

Я и раньше подозревала, что отклонения в этом мужчине были больше связаны с женским удовольствием, нежели с его собственным. Теперь же я поняла, что в его памяти навсегда остался тот день, когда он впервые увидел, как высоко может вознестись женщина.

— А потом?

— Как я уже говорил, это всегда было похоже на практику. Встретив тебя, я понял, почему. Но с тобой мои желания усилились, я испугался, что боль меня привлекает в каком-то другом смысле. Может быть, потому, что я сам вытерпел так много боли. Может быть, потому, что я хотел контролировать её, как и спиртное, ограничивая каждую дозу. Я приходил в ужас от мысли, что могу тебя отпугнуть — или потерять контроль и как-то тебе навредить.

Но я давила на него всё время. Я сильно об этом пожалела.

— Значит, я подталкивала тебя к тому, что тебя тяготило.

Он решительно покачал головой.

— Когда эти желания возникают у такой, как *ты*... то, что я с тобой делал, я не воспринимал, как нечто грязное. Ты делала это... чистым. Оказавшись в том клубе, я тоже почувствовал надежду.

Наверное, ему показалось, что он меня не убедил, поэтому он добавил:

— Я оказался прав. В ту ночь в клубе *ты* выглядела так, словно оказалась в раю, и я знал, что ты — моя.

Я вспомнила, как блестели его глаза, когда он прижимался лбом к моему плечу. Он сказал, что я создана для него.

— По дороге домой ты вцепилась в мои волосы своими маленькими пальчиками и дрожала, прижавшись ко мне. Ты вздохнула так, словно любила меня. — Он впился в меня взглядом. — Ради этого я пойду на *всё*.

Увидев, что может сделать с женщиной страсть к боли, он запомнил это чувство. Этот мужчина лишь желал свести меня с ума, поднимая к новым высотам.

А значит, я не сделала ему больно!

И он действительно со мной общался.

Правда, когда я почти уверилась, что мы с этим справимся, его взгляд вдруг помрачнел.

— Но ты ведь была не моей, да?

— Была. И есть! — я раздражённо фыркнула. — Ты представляешь, каково это — любить каждую твою грань, которую ты позволяешь мне видеть — даже понимая, что больше ты не покажешь мне ничего?

— Любить? — Его кадык дёрнулся.

— Да, Севастьян. Я готова работать над нашими отношениями, если ты тоже готов. Если ты и дальше будешь со мной говорить, то, полагаю, мы справимся с чем угодно.

Он подозрительно на меня посмотрел, словно не в силах понять такой поворот событий.

— Ты даёшь мне ещё один шанс?

— Если и ты дашь мне ещё один. Как ты и сказал, я должна научиться терпению.

Он придвинулся ближе.

— Я знаю, что не такой, как надо. Но если поможешь мне, я смогу стать лучше. Я хочу этого. Натали, пойми: я... *прошу*.

Я уже тянулась к нему. Когда он усадил меня верхом на колени, я обняла его за шею.

Его тело, прижатое к моему, содрогнулось, будто сбросив с себя тяжёлый груз — словно какой-то перетруженный мускул наконец-то расслабился.

Я прошептала:

— Ты меня впустил. — Он смог только кивнуть.

— Пожалуйста, не закрывайся от меня снова. Пока ты будешь со мной говорить, я никогда от тебя не уйду.

— Я сделаю все, что нужно.

Казалось, он держал меня так несколько часов.

— Севастьян, что будет дальше?

Голосом хриплым от волнения, он сказал:

— Дальше мы вернёмся домой.

Москва-река уже почти замёрзла.

Из павильона я наблюдала за выдрами, которые резвились на островках льда. Я увидела горностаю, несколько зайцев и полярную сову. Все они прекрасно существовали при такой вот температуре воздуха — промозглая сырость здесь кусалась даже сильнее, чем в Небраске.

Павильон был одним из моих любимых мест в усадьбе. Я приходила сюда всегда, когда Севастьян работал.

Вся Берёзка уже была покрыта девственно чистым снегом. И это помогало мне забыть смертельную схватку у лодочного домика и войну за власть, разразившуюся на этой земле.

Преждевременную смерть Пахана.

Эта белизна напомнила мне, что раны всё равно заживают.

Хотя у Пахана была красивая могила — расчищенное место на вершине холма в окружении стройных берёз — близость к нему я ощущала именно здесь.

На его похоронах присутствовало много любивших его людей.

Севастьян не позволил себе при всех как-то проявить своё горе. Но вечером того же дня наедине со мной по его щеке скользнули две слезинки, что для такого, как он, означали тысячи пролитых слёз.

С каждым прошедшим днём нам было уже не так тяжело вспоминать Пахана. Я была рада, что смогла провести с ним, пусть даже так мало, времени. В течение нескольких недель он изменил мою судьбу навсегда.

Его предсмертное желание исполнилось: моя жизнь, благодаря ему, стала лучше.

Я оглянулась и увидела, что ко мне шёл Севастьян, вокруг его ног обвивалось длинное чёрное пальто; от одного его вида моё сердце забило быстрее. Я знала, что так будет всегда.

Когда он приблизился, его лицо поймало луч зимнего солнца. Наблюдая сейчас за ним, я могла сказать, что он в какой-то мере обрёл внутренний покой. Он казался моложе, и та усталость, которую я сначала почувствовала в нём, рассеивалась. Он чаще улыбался, и я могла даже заставить его иногда рассмеяться.

— Готова вернуться? — Он предложил свою руку, и мы отправились в большой дом. Мы переделали моё крыло для нас двоих, перевезя его вещи из отдельного здания.

— Да, — я положила на его руку, затянутую в перчатку, ладонь, взглянув на его горящие щёки и ясные глаза, не удержала вздох.

За месяц, прошедший с нашего возвращения, Севастьян смог полностью вывести активы Пахана из под влияния мафии, а потом вступил в права воровского авторитета, хотя и не в полном объёме. Теперь он сосредоточился на защите территории Пахана и его людей.

И, *чёрт возьми*, работа защитника Севастьяну очень шла.

— Из Бучеллатти сегодня прибыли подарки для Джессики и твоей мамы.

Коробочки с экстравагантными ювелирными изделиями.

Ладно-ладно, я быстро переменяла отношение к деньгам.

На Рождество мы с Севастьяном планировали отправиться в Небраску. Можно было только догадываться, как моя семья и друзья отнесутся к моему экс-боевику.

— Спасибо, что сказал мне о подарках, — с улыбкой ответила ему я. Я была уверена,

что иногда он говорил только для того, чтобы мысленно выполнить определённую "словесную норму". Я всё время его этим подкалывала. — Ты уже подумал о своих братьях? — Я предложила Севастьяну пригласить их на Рождество, чтобы это послужило началом чего-то большего.

— Я... ещё ничего не решил. Ведь Максим может подумать, что я склоняюсь к его предложению.

— Тоже верно. Пока я вела речь о простом праздничном телефонном звонке, Максим уже планировал объединиться с Севастьяном и завоевать, типа, всю Россию. Севастьян пока ни на что не согласился, но его противники уловили ветер потенциального альянса и значительно отступили. Что значительно сократило объём работы.

Может, весной он сможет покинуть свой пост и отправится со мной в путешествие?

Или, может, я поступлю в местный университет.

Неудивительно: я ещё ничего не решила.

Но в чём я была уверена? Я твёрдо решила, что эта зима станет для него другой, чтобы у него она ассоциировалась с теплом нашей постели, безумными занятиями любовью и надеждами на будущее.

— О, пока не забыла, Джес уже имеет виды на твой старый дом. Хочет после праздников вернуться сюда с нами. — И, возможно, пообещает никогда не уезжать. Как она выразилась: "Если я получу собственный мини-дворец, то точно превращусь в стерву-борщепоедательницу."

— Пусть приезжает, — сказал Севастьян, удивив меня. — До тех пор, пока ночи ты будешь проводить со мной.

— Ты сам это предложил, Сибиряк, — впервые в жизни он наслаждался длинными ночами. Мы плавали вместе, читали вместе, играли у камина в шахматы. Ну, или пытались. Вчера вечером все фигурки разлетелись по комнате, когда он опрокинул меня прямо на стол.

Никогда ещё королева не была так счастлива уступить.

Часто мы допоздна разговаривали, когда он был готов поделиться ещё какой-то частью своей ноши. И всякий раз я поражалась, каким любящим и благородным он стал человеком. Он также рассказывал мне о Пахане, и я чувствовала в нём направляющую руку часовщика.

В Севастьяне по-прежнему жила тень, но теперь это была *наша* тень.

Что касается меня, я училась быть более терпеливой. Для этого я начала ремонтировать папины часы. Это искусство требовало терпения.

Под порывами ветра Севастьян сказал:

— Иди сюда. — Притянув ближе, он закрыл меня своим большим телом. Он всегда так делал, также как и грел мои руки, когда они замерзали.

Я прижалась к нему, мне было тепло в роскошном кашемировом пальто и свитере, к которым я подобрала джинсы и грубые ботинки.

Я пыталась сохранить *саму себя*; Натали вернулась — надеюсь, немного более терпеливой и понимающей. И может быть, только может быть, чуть более мудрой...?

Когда наперерез нам выскочил белый зайчик, я пробормотала:

— Здесь так красиво.

— Подожди, пока не увидишь всё это летом. — Он начал говорить о будущем, обретая уверенность, что я никуда не уйду.

Наверное, потому, что мы так быстро сблизились.

— Да, может, к тому времени мы как раз избавимся от Джесс.

Он весело на меня посмотрел.

Чего же нам не хватало? Он так и не сказал, что любит меня. Хотя доказательства этого я видела каждый день, и он, конечно, убедил меня в этом в Париже, мне все равно нужно было услышать слова. Однако прямо спросить об этом я не могла, он должен был постепенно сам к этому прийти...

— Завтра стоит отправиться в баню, — когда он взглянул на меня, солнце упало на его глаза, отчего они вспыхнули.

Расплавленное золото: мой новый любимый цвет.

— Согласна. Это важно. Для здоровья.

Думала ли я, что буду скучать по острым ощущениям Ле Либертина? Ответ неверный. С момента возвращения домой Севастьян уже свозил меня туда несколько раз.

В другие дни он, занимаясь со мной любовью, так благоговейно меня целовал и ласкал, что я не могла решить, какая из его сторон меня привлекает сильнее.

— А пока до бани дело не дошло, — хрипло произнёс он, — чем мы займёмся для нашего здоровья?

— Реванш в шахматы? Или, может, совместный горячий душ? — воду мы сэкономили как могли, потому что были очень ответственными горожанами.

Которым нравился секс в душе.

— У меня есть идея. Но лучше я тебе покажу... — Он замолчал, но на лице было написано чувственное обещание.

От этого взгляда я выдохнула облачко пара.

— Давай пойдём быстрее, Севастьян!

Вместо этого он остановился, прижимая меня еще ближе.

— Как бы ни больно было мне об этом говорить, мой брат был прав. Ты должна звать меня как-то ещё, а не по фамилии.

— Например?

— Как угодно. Выбери что-нибудь на твой вкус.

— Ничего себе, так много вариантов. — Много лет назад он выбрал имя Александр. Может, стоит его лишь немного изменить? — Возможно, я уже придумала тебе имя. Просто жду подходящего момента.

— Зачем ждать?

— Ты проявляешь... нетерпение? — Я дерзко продолжала, — ладно, тогда почему ты ждёшь и не делаешь мне предложения?

Сексуальная улыбка.

— Долго откладывать я не смогу, знаю, что ты захочешь выйти замуж, когда мы отправимся в Небраску.

Разоренный. В нашу первую ночь он упомянул, что я буду носить "его золото". Кто бы мог подумать, что это золото будет в форме обручального кольца? Я приподняла бровь.

— Я смотрю, ты уверен, что я соглашусь стать твоей женой.

Сняв перчатку, он провёл тыльной стороной пальцев по моей щеке.

— *Eto dlya nas neizbezhno, sladkaya.*

Той ночью мы лежали в кровати, приходя в себя после сумасшедшего секса. Севастьян всё ещё мягко двигал бёдрами, покрывая моё лицо поцелуями.

Удовлетворённая полностью, я плыла на волнах блаженства под треск огня в камине рядом с нашей кроватью.

Снаружи завывал ветер, и окна залепил снег, но внутри было тепло и уютно.

Этим вечером я решила, что нет ничего прекраснее зрелища его гибкого тела, освещённого светом огня — кроме того, этот мужчина обладал бесконечным багажом всяких трюков.

Когда он губами опустил вниз по моей шее, я погрузила пальцы в его густые волосы, выгибаясь под его ртом.

Между поцелуями он прохрипел, не отрываясь от моей влажной кожи:

— *Ya lyublyu tebya.*

В камине треснуло полено; я улыбалась, как идиотка.

Он напрягся, когда я не ответила, с тревогой приподняв голову.

— Что такое?

Я по-прежнему улыбалась:

— Приятно слышать эти слова. — Я наклонилась и поцеловала кончик его носа.

Его губы изогнулись.

— Могу только догадываться.

От всей души я сказала:

— *Ya lyublyu tebya, Aleks.*

— Алекс? — Он обхватил моё лицо грубыми ладонями, в глазах плясали озорные искорки, — из всех имён ты выбрала именно это?

— Тебе не нравится? — спросила я, хотя видела, что нравится.

Расплавленное золото.

— Нравится, — он наклонился, чтобы поцеловать меня не похожим ни на что нежным поцелуем...

Когда я впервые встретила Алекса Севастьяна, я мечтала, чтобы нашёлся тот, кто будет согревать меня зимой.

Я даже не представляла, что зимние ночи могут быть так холодны, и что согревающие меня руки будут так сильны.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Примечания автора

Для этой книги я представляла часовую ремонтную мастерскую, принадлежавшую бабушке и дедушке Натали, как одно из многих подпольных предприятий, существовавших в России вне государственного контроля с 60х по 80е годы.

Изучая российскую организованную преступность — которая быстро росла одновременно с теневой экономикой в тот период — я читала истории многих криминальных авторитетов. Их интересы чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них имели учёные степени, другие занимались политикой. Один из них даже стал телевизионным продюсером. При таком разнообразии реальных жизней я чувствовала себя вправе изобразить джентльмена — часовщика (с тёмным и жестоким прошлым, о котором он специально умолчал для своей вновь обретённой дочери).

Наконец, не могу не упомянуть об идее Севастьяна: для импорта водки под видом жидкости для стеклоомывателя. Эта схема была основана на реальных событиях.

Надеюсь, "*Профессионал*" вам понравился.

Спасибо большое, что читаете мои книги! Продолжайте в том же духе...

notes

только сама Коул сможет ответить на вопрос, почему Александр Ковалёв вдруг стал Алексеем

Inya

86 — в американских ресторанах термин "86" применительно к какому-либо блюду означает, что нужно убрать его из меню